

Акад. А. А. Шахматовъ.

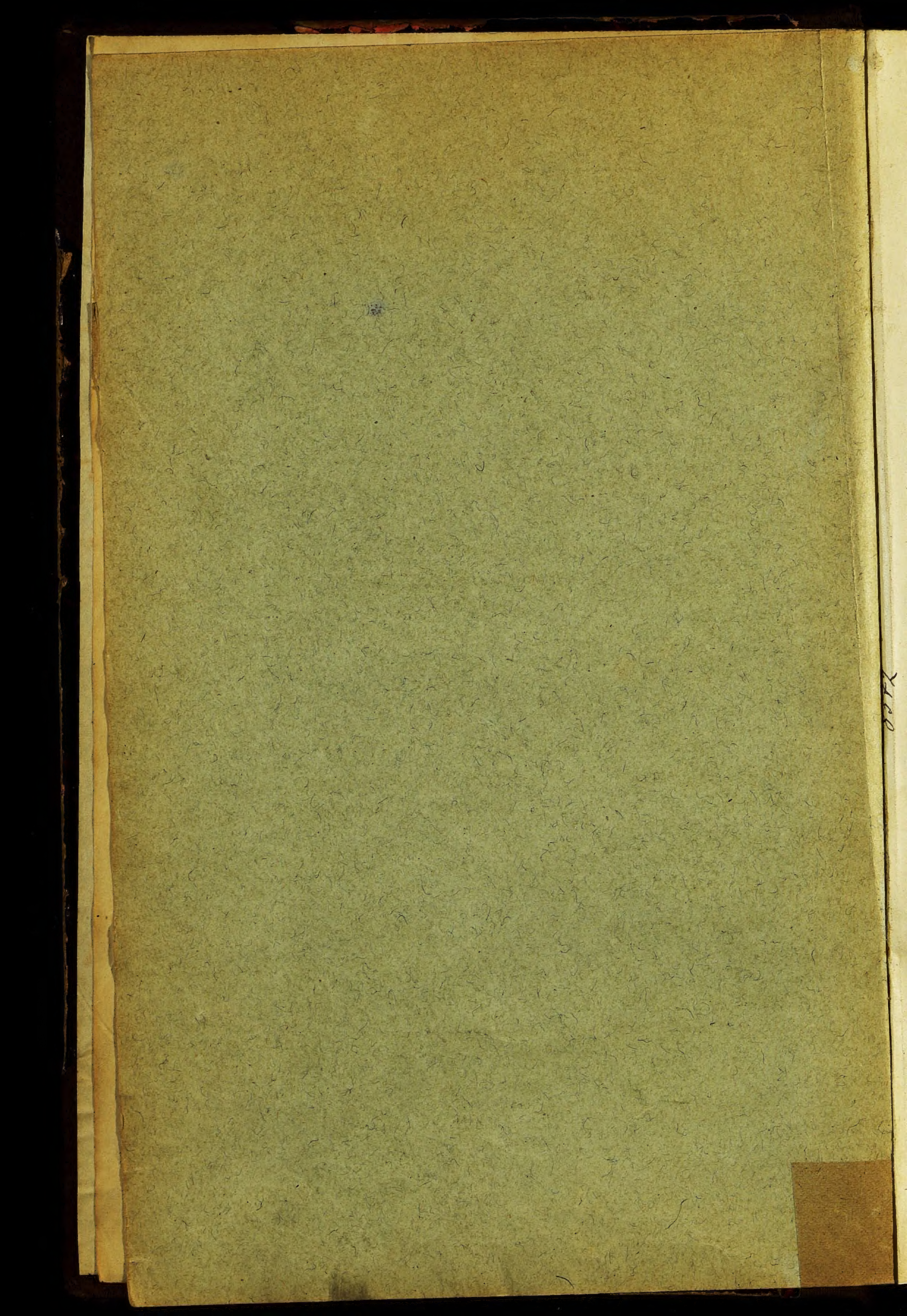
ОЧЕРКЪ

СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

(Курсъ, читанный въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1911—12 уч. году).

(Изданіе студенческаго Издательскаго Комитета при Историко-Филологическомъ факультетѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913.

Академикъ А. А. Ш А Х М А Т О В Ъ.

О Ч Е Р К Ъ

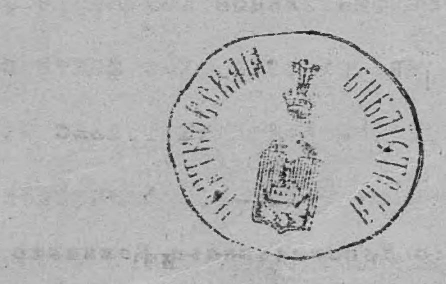
современнаго русскаго литературнаго языка.

(Курсъ, читанный въ СПбургскомъ Университетѣ въ 1911-12 уч. году).

Изданіе Студенческаго Издательскаго Комитета при Историко-филологическомъ факультетѣ СПБ. Университета.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 7.

ИЗДАНІЕ
Студенческаго Издательскаго Комитета
при Историко-Филологическомъ Факультетѣ
С.-Петербургскаго Университета

Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка.

Предметомъ нашихъ занятій будетъ обозрѣніе звуковъ и формъ современнаго намъ русскаго языка, т.е. того самаго языка, который образованные русскіе люди употребляютъ и въ разговорной и въ письменной своей рѣчи. Для удобства изложенія, а также во избѣжаніе обширныхъ подготовительныхъ работъ, я сосредоточу свое вниманіе на фактахъ, извѣстныхъ мнѣ изъ непосредственнаго наблюденія, т.е. прежде всего изъ собственнаго моего словоупотребленія. Такое самоограниченіе можетъ представить и извѣстный интересъ съ точки зрѣнія методологическихъ требованій; реальное бытье имѣетъ языкъ каждаго индивидуума; языкъ села, города, области, народа оказывается извѣстною научною фикціей, ибо онъ слагается изъ фактовъ языка, входящихъ въ составъ тѣхъ или иныхъ территоріальныхъ или племенныхъ единицъ индивидуумовъ; между тѣмъ число этихъ индивидуумовъ представляется неопредѣленнымъ, исчерпывающее изученіе ихъ языка невозможнымъ. Впрочемъ, я не считаю себя обязаннымъ ограничивать себя фактами индивидуальнаго моего языка; буду приводить и другія извѣстныя мнѣ изъ наблюденія данныя, но всякій разъ отмѣчу, чужды ли эти данныя моему произношенію или словоупотребленію или нѣтъ. Изложеніе сообщаемыхъ мною фактовъ будетъ почти исключительно описательнымъ. Описательному изложенію противополагается объяснительное, а всякое объяснительное изложеніе фактовъ языка равносильно историческому ихъ изображенію, ибо факты современнаго языка въ ихъ взаимоотношеніи могутъ быть поняты только въ историческомъ освѣщеніи, ведущемъ при этомъ не только въ ближайшее прошлое, но углубляющемся и въ самыя отдаленныя эпохи жизни языка; историческое объясненіе большей части явленій современнаго русскаго языка не можетъ ограничиваться данными, представляемыми письменными памятниками

съ XI вѣка, оно должно пользоваться фактами старшихъ эпохъ, возстановляемыми путемъ сравнительнаго изученія русскихъ нарѣчій, и даже еще болѣе отдаленными данными, извлекаемыми какъ изъ сравненія между собою славянскихъ нарѣчій, такъ и изъ сопоставленія фактовъ славянскихъ языковъ съ фактами другихъ индоевропейскихъ языковъ. Такъ, напримѣръ, современное русское удареніе, его колебанія въ предѣлахъ тѣхъ или иныхъ грамматическихъ категорій, а также въ говорѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, можетъ быть объяснено только путемъ сравнительно-историческаго изученія удареній славянскихъ и прочихъ индоевропейскихъ языковъ. Описательное изложеніе фактовъ языка даетъ полезный и необходимый матеріалъ для объяснительнаго, историческаго ихъ изложенія; оно по самой задачѣ своей охватываетъ факты языка шире и полнѣе, чѣмъ то изложеніе, которое съ самаго начала ставитъ себѣ цѣлью выяснить обобщающіе моменты въ изслѣдуемыхъ явленіяхъ и потому оставляетъ въ тѣни единичные, не поддающіеся обобщенію и объясненію факты. Но для того, чтобы быть научнымъ, описательное изложеніе всякаго языка должно опираться и на данныя, добытыя исторіей языка; безъ этого описаніе будетъ одностороннимъ и случайнымъ; оно можетъ не замѣтить тѣсной связи между тѣми или другими явленіями современнаго языка и не обобщить того, что должно быть обобщаемо въ виду указаній исторіи; поэтому считаю необходимымъ внести и въ свое описаніе нѣкоторый историческій элементъ, а именно хотя бы простое сопоставленіе фактовъ современнаго языка съ фактами старшихъ эпохъ, которые оказываются иногда засвидѣтельствованными даже находящимися во вседневномъ распоряженіи нашемъ фактами нашего правописанія, до сихъ поръ сохранившаго свой историческій характеръ.

Равнымъ образомъ мнѣ необходимо предпослать моему изложенію нѣ -

сколько общихъ указаній на происхожденіе и исторію нашего литературнаго языка; не выяснивъ входящихъ въ составъ его элементовъ, я рисковалъ бы запутать свое описаніе, затемнить его, между тѣмъ какъ прямая цѣль моя освѣтить явленія современнаго литературнаго языка въ ихъ цѣломъ путемъ подробнаго ихъ описанія.

Русскій литературный языкъ представляетъ явленіе глубокаго культурно-историческаго интереса. Едва ли какой другой языкъ въ мірѣ можетъ быть сопоставленъ съ русскимъ въ томъ сложномъ историческомъ процессѣ, который онъ пережилъ. Какъ увидимъ ниже, по своему происхожденію русскій литературный языкъ - это перенесенный на русскую почву церковнославянскій (по происхожденію своему древне-болгарскій) языкъ, въ теченіе вѣковъ сближавшійся съ живымъ народнымъ языкомъ и постепенно утратившій и утрачивающій свое иноземное обличіе. Употребленіе въ качествѣ письменнаго языка - чуждаго, не народнаго языка, видимъ въ разныхъ мѣстахъ и въ различныхъ эпохахъ жизни человѣчества; укажемъ хотя бы на средневѣковую Европу, письменнымъ языкомъ которой какъ въ романскихъ, такъ и во всѣхъ германскихъ странахъ была латынь; но эта латынь, бывшая и разговорнымъ языкомъ въ извѣстныхъ слояхъ образованнаго общества и въ духовенствѣ, хотя и обогащалась, искажаясь вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ называемыми варваризмами, не могла преобразиться въ чуждый языкъ воспринявшей ее страны; вслѣдствіе этого, въ результатѣ процесса индивидуализаціи общеевропейской культуры въ различныхъ мѣстностяхъ средневѣковой Европы на мѣсто латыни выступаютъ постепенно и притомъ въ сравнительно недавнее время мѣстные, туземные языки; принимая функціи дѣлового или литературнаго языка, эти языки пропитываются вліяніемъ своего предшественника - латыни, накладываю-

щей свою печать не только на словоупотребленіи, но и на словообразованіи и даже словоизмѣненіи, по въ основаніи своемъ эти языки народные. Другой процессъ лежитъ въ основаніи образованія романскихъ языковъ: вульгарная латынь усваивалась народными массами (преимущественно кельтами) и вытѣсняла ихъ, исконно имъ свойственный, языкъ. Съ церковно-славянскимъ языкомъ въ Россіи дѣло обстояло иначе. По своей близости къ русскому онъ никогда не былъ такъ чуждъ народу, какъ была чужда особенно германцамъ латынь; вслѣдствіе этого съ первыхъ же лѣтъ своего существованія на русской почвѣ онъ сталъ неудержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившіе на немъ русскіе люди не могли разграничить въ своей рѣчи ни свое произношеніе, ни свое словоупотребленіе и словоизмѣненіе отъ усвоеннаго ими церковнаго языка. Такъ, напримѣръ, съ большою увѣренностью можно утверждать, что носовые звуки древнеболгарскіе систематически произносились на Руси какъ неносовые (у, а, ѣ), ибо нѣтъ почти церковнославянскихъ текстовъ, переписанныхъ русскими людьми, гдѣ было бы хоть сколько нибудь выдержано употребленіе юсовъ.*) Равнымъ образомъ чуждые русскому языку слоговые р и л (изображавшіеся въ древнеболгарскихъ памятникахъ какъ ръ, рь, лъ, ль, гдѣ-говорю о древнѣйшихъ-ъ и ь могли обозначать неслоговые звуки, слѣдовавшіе за слоговыми плавными) передавались въ русскомъ произношеніи или соотвѣтствующими русскими звуками ър, ьр, ъл, или искусственными сочетаніями, содержащими однако русскіе элементы ъръ, ьрь, ълъ (церковносл. млъва, плънъ, грьдъ, върба, передавались или соотвѣтствующими русскими словами мълъва, пълнъ, гърдъ, вьрба, или искусственнымъ произношеніемъ: мълъва, пълънъ, гъръдъ, вьрьба). Тоже скажемъ о передачѣ церковнославянскаго ѣ, звучавшаго въ древнеболгарскомъ какъ ӓ: русскіе люди замѣняли его или своимъ звукомъ, дифтон-

---

*) Такъ уже въ Остром. Ев. 1055-1056 г. пишется: глаголюще вм. глаголѫще, чины вм. ..., вм. ..., и т. д.

гомъ ie (изобразившимся поэтому на письмѣ буквой ѣ) или другимъ своимъ звукомъ, звукомъ е, болѣе близкимъ къ древнеболгарскому ä (церковнослав. колѣбати, срѣда передавалось или черезъ колѣбати, срѣда, или, что наступало почти необходимо при отсутствіи тождественнаго по звуку своего слова, черезъ колебати, среда). Памятники XI вѣка, т.е. перваго столѣтія по принятіи Русью христіанства, доказываютъ, что уже тогда произношеніе церковнославянскаго языка обрусѣло, утратило чуждый русскому слуху характеръ; русскіе люди обращались, слѣдовательно, уже тогда съ церковнославянскимъ языкомъ, какъ со своимъ достояніемъ, не считаясь съ его болгарскимъ происхожденіемъ, не прибѣгая къ иноземному учительству для его усвоенія и пониманія. Можно было бы думать, что церковнославянскій языкъ дошелъ до русскихъ только путемъ книжнымъ и усваивался ими только изъ книгъ; но нѣкоторыя данныя свидѣтельствуютъ, что первыми нашими учителями были живые носители болгарскаго языка, сами болгары (ср. сдѣланныя выше замѣчанія относительно передачи древнеболгарскихъ ä, а также слоговыхъ р, л); однако, это первоначальное учительство не возобновлялось въ первые вѣка русской письменности: Болгарія не переставала снабжать насъ книгами, но учителей мы оттуда не выписывали, довольствуясь тою школою русскихъ поповъ и дьяконовъ, которая по свидѣтельству лѣтописи была создана еще при Владимірѣ Святомъ.*) Впослѣдствіи, но уже гораздо позже, наступили иныя условія, при которыхъ Русь и не только югозападная, но также и сѣверовосточная стала принимать къ себѣ и выходцевъ изъ болгарскихъ земель, которые становились ея просвѣтителями и духовными руководителями; имъ удалось въ сильной степени обновить южнославянскіе элементы въ книжномъ русскомъ языкѣ, уже зна-

---

*) *Ср. подъ 988 годомъ: (Владиміръ) "пославъ нача поимати у нарочитое чади дѣти, и дѣяти нача на ученье книжное."*

чительно приблизившемся къ народному; обновленіе шло черезъ посредство церковнаго языка, на которомъ прежде всего отразилась новая южнославянская струя. Видоизмѣненный такимъ образомъ книжный языкъ долженъ былъ вновь продѣлать то, что въ старшій періодъ уже было въ значительной степени достигнуто въ смыслѣ приближенія къ живому языку народному. Обновленіе церковно-славянскаго языка на Руси и новый фазисъ въ развитіи русскаго книжнаго языка наступили однако не раньше конца XIV вѣка, когда главные центры просвѣщенія, какъ и самая митрополичья каѳедра, оказались уже перенесенными изъ югозападной Руси въ сѣверовосточную. Не могу прослѣдить здѣсь ту сложную борьбу, которую повели народные элементы для овладѣнія книжнымъ языкомъ, для вторженія въ ставшую запретною область духовнаго просвѣщенія и церковнаго учительства; созданіе дѣлового, приказнаго языка, наиболѣе доступнаго вліянію языка окружающей среды, въ сильной степени облегчило побѣду идеѣ о сліяніи книжнаго языка съ народнымъ. Но окончательное торжество этой идеи увидѣлъ только XVIII вѣкъ; осуществилась же она только въ XIX; нашъ книжный языкъ приблизился къ народному весьма значительно, сохранивъ однако и до сихъ поръ свой инославянскій остовъ. Церковно-славянскіе элементы, которыми пропитанъ этотъ языкъ, не могутъ быть разсматриваемы какъ элементы наносные, какъ заимствованія; напротивъ, это остатки того общаго церковнославянскаго основанія, въ которое постепенно пробивали себѣ путь, вытѣсняя исконные элементы, русскія слова, русскія формы и звуки.

Если искать сравненія исторіи образованія русскаго книжнаго языка съ исторіей образованія другихъ книжныхъ языковъ, то ближайшую аналогію найдемъ, какъ кажется, въ исторіи англійскаго языка; она представляетъ постепенное проникновеніе французскаго, франко-романскаго осно-

ванія, перенесеннаго съ континента норманскими завоевателями Англіи, элементами народными - англо-саксонскими.

Такимъ образомъ, первой и существенной задачей при анализѣ современнаго русскаго литературнаго языка, изъ языка книжнаго превратившійся въ разговорный языкъ какъ образованныхъ классовъ, такъ и пріобщающихся къ образованію народныхъ массъ, - является опредѣлить церковно-славянскіе элементы, сохранившіеся въ этомъ языкѣ. Эти элементы въ настоящее время окружены русскою стихіей. Но какъ указано, русская стихія пробивалась въ книжный языкъ постепенно и неравномѣрно: прежде всего въ книжный языкъ, уже въ XI вѣкѣ бывшій разговорнымъ языкомъ духовенства и книжно-образованныхъ классовъ (вспомнимъ, напримѣръ, языкъ, на которомъ Владимиръ Мономахъ написалъ свое поученіе и свою лѣтопись, приложенную къ поученію), вторглись элементы южнорусскіе, малорусскіе, ибо Кіевъ - центръ тогдашней образованности находился въ южнорусской, малорусской этнографической средѣ. Эти древнѣйшіе русскіе элементы съ теченіемъ времени стерлись, уступивъ мѣсто другимъ въ Руси сѣверовосточной, но нѣкоторые изъ нихъ устояли и до нашего времени; мы увидимъ ниже, что произношеніе Бох-Боүа (съ фрикативнымъ ү, чуждымъ и древнеболгарскому и сѣвернорусскому языку, отъ котораго московское нарѣчіе заимствовало свой консонантизмъ) ведетъ насъ къ той южнорусской средѣ, гдѣ впервые укрѣпилъ свое существованіе нашъ церковно-славянскій языкъ, причемъ представляется вѣроятнымъ, что звукъ ү замѣнилъ мгновенное г вообще во всѣхъ словахъ въ русскомъ произношеніи церковно-славянскихъ словъ. Такимъ образомъ, второй задачей, намъ предстоящей, будетъ опредѣленіе тѣхъ южнорусскихъ (малорусскихъ) элементовъ, которые сохранились въ нашемъ книжномъ языкѣ при переходѣ его изъ Кіева въ новые центры Руси сѣверово-

сточной.

Переносъ церковнаго управленія, переходъ руководительства въ области духовной отъ Кіева сначала въ Владиміръ, а потомъ въ Москву - почти совпали по времени съ великимъ и сложнымъ процессомъ, совершавшимся въ бассейнѣ Оки и верхняго теченія Волги. Здѣсь столкнулись два большихъ русскихъ племени: одно изъ нихъ сѣверно-русское проникло сюда въ результатѣ колонизаціоннаго движенія съ запада и сѣверо-запада; повидимому, оно застало здѣсь не однихъ финновъ (Мерю), но также и славянскія поселенія, болѣе или менѣе прочно осѣвшія по лѣвому побережью верхняго и средняго теченія Оки и по верхнему теченію Волги; поселенія эти принадлежали ляшскому племени, направлявшему сильную колонизаціонную струю въ сѣверное Поднѣпровье еще въ то время, когда все русское племя сидѣло южнѣе въ среднемъ, частью южномъ Поднѣпровьѣ и въ Поднѣстровьѣ; превосходившіе ляховъ своей культурой, питавшеюся великимъ путемъ изъ Варягъ въ Греки, сѣвернорусы покорили ихъ себѣ и утвердились по крайней мѣрѣ въ верхнемъ Поволжьѣ, проникая однако и въ пріокскія области; вѣроятно, поволжскіе и пріокскіе ляхи были бы съ теченіемъ времени всѣ вообще ассимилированы сѣвернорусамъ, еслибы съ юга, изъ Рязани, не пошло встрѣчное движеніе другого русскаго племени - восточнорусскаго. Восточнорусы, какъ можно предполагать главнымъ образомъ въ виду наличности многочисленныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о значительныхъ русскихъ поселеніяхъ на берегу Дона и Азовскаго моря въ періодъ IX-XI в., попали на Оку въ результатѣ движенія своего къ сѣверу, къ которому ихъ вынудили событія, разыгравшіяся въ X-XI вѣкѣ въ южной Россіи: здѣсь въ особенности въ восточной ея части произошла смѣна властителей, хозяевъ; вмѣсто культурныхъ, мирно настроенныхъ къ покореннымъ племе-

намъ Хазаръ заняли сначала Печенѣги, воспользовавшіеся тѣми тяжкими ударами, которые нанесъ Хазарамъ кіевскій князь Святославъ, а потомъ могущественные Половцы. Земледѣльческое и культурное населеніе изъ донскихъ и приазовскихъ степей потянулось въ болѣе безопасныя мѣстности къ сѣверу по Дону и его притокамъ. Широкой волной нахлынули Восточнорусы, которыхъ въ Кіевѣ называли Вятичами, и на сѣверозападъ и на сѣверовостокъ, въ мѣстности, уже захваченныя другими русскими племенами (Южнорусами и Сѣвернорусами). На сѣверовостокѣ произошла встрѣча Восточнорусовъ съ Сѣвернорусами. Рядъ культурно - историческихъ причинъ, среди которыхъ видное значеніе принадлежитъ и государственному началу, заложенному еще въ южной Руси, но проникшему отсюда и во всѣ земли, занятыя русскимъ племенемъ, рядъ причинъ служитъ объясненіемъ, почему встрѣтившіеся въ Поволжьѣ и Поочьѣ сѣвернорусы и восточнорусы были вынуждены къ мирному сожительству. Татарское нашествіе, отодвинувшее на задній планъ племенные интересы, мѣстные раздоры, и укрѣпившее какъ въ населеніи, такъ и въ правящихъ классахъ національное, въ особенности же религіозное самосознаніе, послужило однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ факторовъ при организаціи и развитіи того сожительства, въ которое вступили Сѣвернорусы и Восточнорусы. Слѣдуя инстинктивнымъ стремленіямъ народныхъ массъ, князья сѣверо-восточной Руси начинаютъ собираніе земель. Благопріятное географическое положеніе Москвы на самой границѣ сѣвернорусскаго и восточнорусскаго племени, на пути изъ югозападной Руси во Владиміръ выдвигаютъ ея значеніе среди другихъ удѣловъ семейства Всеволода Юрьевича, перваго собирателя русскихъ земель сѣверовостока (вспомнимъ его походы на Рязань и удачную политику въ отношеніи къ Новгороду). Москва съ XIV в. становится не только наиболѣе виднымъ

политическимъ центромъ, но также и средоточіемъ церковной жизни, слѣдовательно, и духовно-просвѣтительныхъ интересовъ. Здѣсь вокругъ великаго князя, съ одной стороны, митрополита, съ другой, группируются книжные и образованные люди; церковно-славянскій языкъ находитъ себѣ въ Москвѣ новый базисъ и новое поприще для своего развитія; новая среда благопріятствуетъ и тому обновленію, которое внесли въ концѣ XIVв. въ языкъ церкви прибывшіе въ сѣверовосточную Русь болгарскіе и сербскіе выходцы; рѣдкій слой образованнаго общества не можетъ оказаться помѣхой новой южнославянской струѣ, задержать ея успѣхъ и развитіе. Но уберечься отъ вліянія все наростающей этнографической среды церковно-славянскому языку въ его новомъ обличіи можно было только не надолго; въ самомъ непродолжительномъ времени онъ наводняется народными элементами, нашедшаго себѣ надежнаго союзника въ дѣловомъ, приказномъ языкѣ, облекающемся естественно въ письменную форму и выростающемъ именно въ ней и благодаря ей. Спрашивается, какой же именно этнографической средѣ принадлежали тѣ элементы, которые легли въ основаніе приказнаго языка и пробились въ книжный, церковно-славянскій языкъ? Несомнѣнно, что мы имѣемъ передъ собой прежде всего и главнымъ образомъ вліяніе языка самого города Москвы. Дѣйствительно, и между современнымъ языкомъ образованныхъ классовъ и языкомъ московскаго простонародья, въ особенности въ области произношенія, различіе незначительно. Но совершенно ясно, что жители большихъ центровъ, въ особенности при ихъ возникновеніи, при началѣ ихъ роста не могутъ представляться устойчивой и вполнѣ опредѣленной этнографической единицей; большіе центры возникаютъ именно вслѣдствіе сосредоточенія разномѣстныхъ по происхожденію, разнообразныхъ по составу этнографическихъ элементовъ, объединяющихся новыми возникшими въ этихъ цент-

рахъ торговыми, культурными, политическими интересами. Всѣ эти элементы приносятъ въ привлекшій ихъ къ себѣ центръ свой языкъ, свое нарѣчіе; только продолжительное сожительство можетъ повести за собой сближеніе жителей на почвѣ общаго языка, создавшагося въ результатѣ смѣшенія, продолжительнаго и послѣдовательнаго, различныхъ говоровъ и нарѣчій. Создается такъ называемая κοινή, языкъ обнимающій сначала ограниченную территорію большого города, но распространяющійся съ теченіемъ времени на широкое пространство области и даже государства по мѣрѣ роста культурнаго и политическаго вліянія этого центра. Распространеніе κοινή происходитъ при этомъ черезъ единицы, однородныя съ тѣми, въ которыхъ она сама возникла, т.е. не черезъ села и деревни, а черезъ города и значительныя мѣстечки; мѣстные говоры сельскаго населенія могутъ сохранять свое древнее обличье въ ближайшемъ сосѣдствѣ города, создавшаго κοινή а между тѣмъ κοινή проникаетъ въ отдаленные города и торговые центры, связанные между собою единствомъ культурныхъ или политическихъ интересовъ. Жители Москвы при началѣ ея роста принадлежали къ разнымъ русскимъ племенамъ; возможно, что кромѣ сѣвернорусовъ и восточнорусовъ здѣсь были даже южнорусы, въ лицѣ дружинниковъ князей, боярской челяди, торговцевъ и духовенства; но южнорусы потонули въ массѣ сѣвернорусскаго и восточнорусскаго населенія, постоянно и неудержимо приливавшаго изъ ближайшихъ къ Москвѣ, сосѣднихъ съ нею мѣстностей; на югѣ и западѣ отъ нея въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ городомъ начинались восточнорусскія поселенія, на сѣверѣ и востокѣ - сѣвернорусскія. Ни въ XIV и въ XV вѣкѣ Москва не могла еще выработать своего языка, создать κοινή; въ Москвѣ одни говорили по сѣвернорусски, другіе по восточнорусски, одни окали, другіе акали, при чемъ высшіе классы

употребляли, какъ кажется, сѣвернорусское нарѣчіе: это видно изъ московскихъ памятниковъ, большинство ихъ въ XIV столѣтіи не обнаруживаетъ восточнорусскихъ чертъ; объясняется такое явленіе тѣмъ, что московская культурная жизнь преемственно была связана съ сѣвернорусскими центрами; боярство, духовенство, дьяки потянулись въ Москву изъ Владиміра, Ростова, Суздаля, Переяславля и другихъ старшихъ городовъ сѣверовосточной Руси. Между тѣмъ чернь въ значительнѣйшей части была восточнорусская, что можно заключить изъ того, что восточнорусы по сравненію съ сѣвернорусами были менѣе устойчивымъ, менѣе осѣдлымъ населеніемъ; восточнорусы въ великомъ смятеніи доставали себѣ земли и мѣста жительства въ то время, когда сѣвернорусы въ постепенномъ колонизаціонномъ своемъ движеніи прочно осѣли въ Поволжьѣ и Поочьѣ. Возможно, что вліяніе восточнорусской среды на сѣвернорусское населеніе Москвы сказалось очень рано; между прочимъ именно этому вліянію естественно приписать отсутствіе смѣшенія ч и ц въ древнѣйшихъ московскихъ памятникахъ; смѣшеніе ч и ц, мнѣ кажется, было чертой общей всему сѣвернорусскому нарѣчью; но она легче, чѣмъ всякія другія діалектическія особенности, устраняется при встрѣчѣ сѣвернорусскихъ говоровъ съ другими; этимъ объясняется то значительное число мѣстностей въ сѣвернорусской территоріи, гдѣ смѣшеніе ч и ц неизвѣстно; по большей части - это торговыя селенія или селенія, лежащія на трактахъ, иногда уже въ настоящее время оставленныхъ, запущенныхъ; общеніе съ пришлымъ населеніемъ, шедшимъ съ низу, съ южнорусами, восточнорусами, москвичами имѣло слѣдствіемъ утрату діалектической черты, самой по себѣ неустойчивой, ибо рядомъ со смѣшеніемъ ч и ц сѣвернорусскіе говоры представляли замѣну ч и ц однимъ общимъ звукомъ (шепелявымъ ц) или допускали полное вытѣсненіе ч черезъ ц, а также обратное. Любопытнымъ примѣромъ утраты смѣшенія ч и ц въ сѣвер-

норусскихъ говорахъ могутъ служить архангельскіе и холмогорскіе говоры; памятники XV и XVI в. свидѣтельствуютъ о томъ, что въ то время смѣшеніе ихъ было имъ не чуждо; отсутствіе смѣшенія въ настоящее время легче всего объяснить вліяніемъ московскаго говора, распространявшагося въ теченіе вѣковъ по тракту, соединявшему Архангельскъ съ великорусской столицей. Позже этого частичнаго вліянія одного изъ говоровъ, принадлежавшихъ московскимъ жителямъ на другой, произошло сліяніе обоихъ говоровъ въ одно стройное цѣлое. Изслѣдователь московской κοινή лишенъ возможности, анализируя это цѣльное въ звуковомъ отношеніи нарѣчіе, опредѣлить, который изъ двухъ встрѣтившихся въ Москвѣ русскихъ говоровъ лежитъ въ основаніи его и который внесъ въ это основаніе свои наносныя особенности; такъ тѣсно срослись оба говора, такъ прочна создавшаяся амальгама. Выясняется однако, что въ московскомъ нарѣчіи вокализмъ, система гласныхъ, по преимуществу восточнорусскій, между тѣмъ какъ консонантизмъ, система согласныхъ, по преимуществу сѣвернорусскій. Дѣйствительно, въ московскомъ нарѣчіи находимъ звукъ г мгновенный, свойственный сѣвернорусамъ, между тѣмъ какъ восточнорусы замѣнили его черезъ γ фрикативное; въ окончаніи род. ед. по сѣвернорусски является -во (-ово), между тѣмъ какъ въ восточнорусскомъ -γо, (-оγо); т въ окончаніи 3л. ед. и мн. твердо, между тѣмъ въ восточнорусскомъ оно мягко; в въ концѣ слога, въ противоположность большинству восточнорусскихъ говоровъ (за исключеніемъ однако рязанскихъ), не произносится какъ ў и подвергается переходу въ ф въ концѣ слова и передъ глухими согласными, что также обычно большинству сѣвернорусскихъ говоровъ. Зато гласныя а, о, е въ неударяемыхъ слогахъ подвержены тѣмъ же измѣненіямъ, что въ восточнорусскомъ: онѣ обращаются въ гласныя неполнаго образованія, заднія или переднія (вмѣсто а, о послѣ твердыхъ со-

гласныхъ, звукъ задняго ряда, который условно передадимъ буквою α, вмѣсто а, о послѣ мягкихъ согласныхъ, а также вмѣсто е звукъ передняго ряда, который условно передадимъ буквою ε), при чемъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію α переходитъ въ а полнаго образованія, какъ въ рязанскихъ и прочихъ восточнорусскихъ говорахъ: гαлáва, гóлαву, стαрикí, старýха, сарóкα, а ε измѣняется въ ė (звукъ средняго ряда полнаго образованія) или въ і: вėснá, сėлó, рėкá, плėсáт', вėсėлá или виснá, силó, рикá, плисáт', вεсилá; на мѣстѣ конечнаго неуд. ѣ, какъ въ большинствѣ восточнорусскихъ говоровъ, является і, подъ вліяніемъ грамматической аналогіи (со стороны ударяемыхъ окончаній) замѣняемое черезъ ε: въ городи, ф поли и в городε, ф полε. Приведенныя данныя, противоположеніе вокализма консонантизму, наводятъ на мысль, что остовъ и основаніе московскаго нарѣчія могутъ быть признаны сѣвернорусскими; московскій вокализмъ стоитъ въ прямой связи съ удареніемъ и опредѣляемымъ послѣдними складомъ рѣчи; можно думать, что удареніе и распредѣленіе экспираторной (выдыхательной) силы въ произношеніи заимствованы московскимъ нарѣчіемъ отъ восточнорусовъ; подобное вліяніе ударенія одного говора на другой - явленіе часто повторяющееся; не выходя изъ предѣловъ сѣвернорусскаго нарѣчія, можно указать рядъ говоровъ Владимірской и Ярославской губерніи, заимствовавшихъ удареніе и распредѣленіе экспираторной силы въ рѣчи изъ московскаго нарѣчія. Результатами такого заимствованія является и замѣтное измѣненіе въ вокализмѣ, приближающемся къ вокализму акающихъ говоровъ; такъ вмѣсто о, а, е въ слогахъ не предударныхъ оказываются гласныя неполнаго образованія α, ε, при чемъ α и ε въ конечномъ открытомъ (неударяемомъ) слогѣ склонны къ переходу въ а полнаго

образованія ср. произношеніе старика́, старона́, сторону́, добрва́, слипо́ва въ подобныхъ говорахъ). Возможно поэтому, что и московскій вокализмъ, ослабленіе гласныхъ а, о, е въ слогахъ неударяемыхъ, замѣна гласной о через а въ слогѣ предударномъ было последствіемъ проникшей въ сѣвернорусскій говоръ восточнорусской системы ударенія и распредѣленія экспираторной силы. Короче, находимъ основаніе утверждать, что въ основаніи московскаго нарѣчія лежитъ сѣвернорусскій говоръ и что онъ подвергся вліянію восточнорусскаго говора, встрѣтившагося съ нимъ въ Москвѣ. Думаю, что такое предположеніе подтверждается и характерными для Москвы особенностями аканія: ни въ одномъ восточнорусскомъ говорѣ не выдерживается такъ стройно противоположеніе въ слогѣ предударномъ гласныхъ а, о послѣ твердыхъ согласныхъ (на мѣстѣ ихъ въ Москвѣ гласная а полнаго образованія) и тѣхъ же гласныхъ послѣ мягкихъ согласныхъ (на мѣстѣ ихъ гласныя е или і полнаго образованія); не доказываетъ ли это, что сѣвернорусскій говоръ, лежащій въ основаніи московскаго, превратилъ а и о послѣ мягкихъ согласныхъ въ е, подобно многимъ другимъ сѣвернорусскимъ говорамъ, гдѣ слова село, сестра, плясат', запятая произносятся какъ село́, сестра́, плеса́т', запета́я въ противоположность господствующему въ сѣвернорусскомъ произношенію: сёло́, сёстра́, плясат, запята́я. Переходъ о, а въ е послѣ мягкихъ согласныхъ явился въ результатѣ не экспираторнаго ослабленія неударяемой гласной, а въ результатѣ вліянія на нее палатальной согласной, вліянія, которому въ сѣвернорусскихъ говорахъ подвергается и ударяемая гласная, въ особенности стоящая между двумя палатальными согласными: ср. распростра-

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 7

женное на сѣверѣ произношеніе какъ зеть, мечик, валеть, кричеть. Наше предположеніе согласуется и съ тѣмъ, какъ мы представляемъ себѣ зарожденіе κοινή въ Москвѣ. Въ этомъ новомъ центрѣ верховодили сначала сѣверноруссы, выходцы изъ культурныхъ центровъ, городовъ сѣверовосточной Руси, заселенныхъ Сѣвернорусами; но эти болѣе культурные элементы должны были неминуемо подвергнуться вліянію народныхъ массъ, говорившихъ по восточнорусски. Бывши по происхожденію своему сѣвернорусскимъ говоромъ и оставаясь таковымъ, московское нарѣчіе съ теченіемъ времени восприняло существенныя черты восточнорусскаго вокализма. Высказанное предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе еще въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ явленіяхъ въ исторіи московскаго нарѣчія. Языкъ Москвы XVIII вѣка, насколько онъ намъ извѣстенъ изъ литературныхъ произведеній и изъ грамматическихъ указаній, въ сравн. степени прилагательныхъ употреблялъ окончанія - яе, яя, свойственное сѣвернорусскимъ говорамъ: скоряе, бѣляе, умняе (ср. такое произношеніе наприм. въ современныхъ ярославскихъ говорахъ); но въ XIX вѣкѣ это окончаніе вытѣснено окончаніемъ - ей (-ѣй); это объясняется тѣмъ, что восточнорусскіе говоры совсѣмъ не знаютъ окончанія -яе; ихъ растущее вліяніе устранило изъ московскаго нарѣчія чуждую имъ черту.

Въ заключеніе сдѣланнаго мною отступленія относительно московскаго нарѣчія, его состава и происхожденія, отмѣчу, что оно оказывается однимъ изъ наиболѣе видныхъ и опредѣленныхъ результатовъ того этнографическаго явленія, которое характеризуется понятіемъ великорусскій (великорусское племя, великорусская культура, великорусское государство); сложное явленіе это было результатомъ сов-

мѣстнаго дѣйствія двухъ этнографическихъ факторовъ и двухъ культуръ - сѣвернорусской и восточнорусской. Оба соотвѣтствующія племени, продолжая различаться на окраинахъ, въ центрѣ сблизились между собой и составили одно цѣлое; изъ этого центра распространились ассимилирующія вліянія, приведшія между прочимъ къ тому, что сѣвернорусская и восточнорусск.языковыя территоріи составили части одной общей языковой территоріи - великорусской; въ области грамматическихъ формъ въ особенности, но также и въ области звуковъ оказываются на пространствѣ всей этой территоріи общія явленія,доказывающія общность діалектической жизни. Такимъ образомъ въ наше время представленіе о старыхъ исконныхъ діалектическихъ группахъ сѣвернорусской и восточнорусской противополагается представленіе о группахъ южновеликорусской и сѣверновеликорусской.

Московское нарѣчіе - это нарѣчіе великорусское par excellence, его нельзя причислить ни къ южновеликорусскимъ, ни къ сѣверновеликорусскимъ говорамъ; это нарѣчіе великорусское par excellence между прочимъ и потому, что въ сущности оно и послужило если не началомъ и не причиной, то главнымъ выраженіемъ того вліянія въ одно великорусское цѣлое, которое стало удѣломъ восточнорусовъ и сѣвернорусовъ въ ихъ языкѣ. Московское нарѣчіе не единственное великорусское нарѣчіе; такихъ нарѣчій много въ той широкой полосѣ переходныхъ говоровъ, которая образовалась между сѣверновеликорусскимъ и южновеликорусскимъ нарѣчіемъ; ихъ много и въ тѣхъ мѣстахъ куда направлялась московскимъ государствомъ колонизація (наприм.въ среднемъ Поволжьѣ); но ни одно изъ нихъ не получило того выдающагося общевеликорусскаго, а затѣмъ и общерусскаго значенія, какое выпало на долю нарѣчія города Москвы.

Значеніе это зависѣло прежде всего отъ значенія самой Москвы; образовавшимся въ немъ нарѣчіемъ стали говорить правящіе классы, мелкое служебное сословіе, ратные люди, получавшіе вслѣдствіе политическаго положенія Москвы вліяніе во всей вообще великорусской землѣ. Но значеніе московскаго нарѣчія увеличилось еще и отъ того, что въ Москвѣ нашелъ себѣ почву и тотъ книжный церковнослав. по своему происхожденію языкъ, о судьбахъ котораго мы говорили выше. Имъ говорило духовенство и книжные люди, на немъ писалось все, что сколько-нибудь возвышалось надъ уровнемъ повседневной жизни, съ ея практическими потребностями. Развитіе просвѣщенія въ такомъ центрѣ, какъ Москва, стало насущно необходимымъ; а между тѣмъ каждый шагъ въ направленіи къ такому развитію велъ неизминуемо за собой пріобщеніе къ книжному языку все болѣе широкихъ круговъ; а это имѣло послѣдствіемъ демократизацію книжнаго языка, проникновеніе въ него живыхъ народныхъ элементовъ. Московское нарѣчіе стало источникомъ жизни для книжнаго языка и съ теченіемъ времени всосалось въ весь чужеземный его организмъ, подчинивъ его звуки и формы своимъ законамъ, обогативъ его непрерывнымъ притокомъ новыхъ образованій, словъ, синтаксическихъ оборотовъ, почерпаемыхъ изъ самой гущи народной жизни. Московское нарѣчіе превратило книжный языкъ церковнославянскій въ близкое къ себѣ, въ существѣ тождественное нарѣчіе; но нарѣчіе это, въ силу своего историческаго прошлаго, на которое наложило неизгладимые слѣды греко-византійская культура черезъ посредство производной культуры - древнеболгарской, было богаче самого московскаго нарѣчія, ибо заключало въ себѣ, кромѣ элементовъ этого самаго нарѣчія, и крѣпкій остовъ языка церковнославянскаго. Богатство книжнаго язы-

ка, въ соединеніи съ жизненностью, сообщенною ему московскимъ нарѣчіемъ, обезпечило ему перевѣсъ не только въ книжномъ употребленіи, гдѣ онъ сохранилъ безраздѣльное владычество, но и въ живомъ употребленіи въ качествѣ разговорной рѣчи образованныхъ классовъ. Сначала образованные классы говорили московскимъ нарѣчіемъ, уснащеннымъ тѣми или другими заимствованіями изъ книжнаго языка, но когда книжный языкъ проникся самъ живыми народными элементами, образованнымъ классамъ не трудно было перейти къ употребленію въ живой рѣчи самого книжнаго языка, который такимъ путемъ демократизировался и обрусѣвалъ еще болѣе. Впрочемъ, различіе между книжнымъ языкомъ и разговорнымъ устранено было окончательно еще не скоро: усвоивъ себѣ книжный языкъ какъ разговорный, образованные классы этимъ самымъ не внесли еще единства между обоими языками: до тѣхъ поръ пока въ образованные классы не проникло сознаніе, что писать можно на томъ самомъ языкѣ, которымъ говорятъ, книжный языкъ продолжалъ свою отдѣльную жизнь, питаясь въ своей искусственности и архаичности или подражаніемъ старымъ образцамъ или слѣдованіемъ авторитету учебниковъ, построенныхъ на произвольныхъ обобщеніяхъ и случайномъ матеріалѣ. Въ XVII вѣкѣ книжный языкъ уклоняется въ сторону подъ вліяніемъ нахлынувшихъ въ Москву представителей юго-западной образованности; возможно, что и на разговорномъ языкѣ образованныхъ классовъ отразились въ свое время тѣ или другія новшества, проникшія въ книжный языкъ. Только въ XVIII вѣкѣ благодаря Ломоносову книжному языку узаконивается единственный путь развитія и совершенствованія - это слѣдованіе за языкомъ разговорнымъ, сліяніе съ нимъ; такое сліяніе укрѣпляло авторитетность и устойчивость самому разговорному языку, который, пріобрѣтя права

книжнаго языка, облекаясь въ письменную форму для выраженія высокихъ мыслей и чувствъ, этимъ самымъ ограждался отъ подражанія языку просторѣчія и отмежовывался отъ него. Старый книжный языкъ замеръ въ отвергнутыхъ и устарѣлыхъ формахъ; его признаютъ одно время подходящимъ для употребленія въ "высокомъ штилѣ"; но просвѣщеніе, все болѣе демократизируясь, съ одной стороны, все болѣе отходя, съ другой стороны, отъ церкви и церковнаго руководительства, приведетъ скоро къ пренебреженію этимъ высокимъ штилемъ, а это будетъ равносильно угасанію и смерти того книжнаго языка, который отдѣлился отъ другого менѣе искусственнаго, болѣе жизненнаго языка, усвоеннаго образованными классами въ качествѣ разговорнаго.

Изъ предыдущаго видно, что нашъ современный литературный языкъ, разговорный языкъ образованныхъ классовъ по происхожденію своему древне-болгарскій языкъ, пересаженный въ Россію въ качествѣ церковнаго языка. На Руси, сначала на югѣ, въ Кіевѣ, потомъ на сѣверовостокѣ, въ Москвѣ, онъ подвергся обрусѣнію, проникся живыми народными элементами и въ сильной степени приблизился, благодаря этому, къ нарѣчіямъ города Москвы; это обстоятельство сдѣлало возможнымъ и необходимымъ усвоеніе образованными классами книжнаго языка въ качествѣ разговорнаго, что въ свою очередь повело, во первыхъ, къ еще большему приближенію книжнаго языка къ московскому нарѣчію, во вторыхъ, къ полному вытѣсненію разговорнымъ языкомъ тѣхъ остатковъ книжной рѣчи, которые держались благодаря искусственному отдѣленію литературнаго стиля отъ стиля разговорной рѣчи. Такимъ образомъ въ настоящее время нашъ литературный языкъ должно признать однимъ изъ великорус-

скихъ нарѣчій (московскимъ нарѣчіемъ), обнаруживающимъ въ своемъ составѣ, во первыхъ, свою первоначальную природу (церковно-славянизмы), во вторыхъ, свои древнѣйшія судьбы на Руси (южноруссизмы, малоруссизмы). Слѣдовательно, опредѣливъ и выдѣливъ изъ нашего литературнаго языка тѣ и другіе элементы, основные (церковнославянизмы) и наносные (малоруссизмы), мы можемъ сосредоточить свое изслѣдованіе на томъ современномъ его обликѣ, который опредѣляемъ какъ великорусскій.

Глава I. *Церковно-славянскіе элементы.*

Заманчивой представлялась бы возможность опредѣлить въ церковно-славянскихъ элементахъ, сохранившихся въ нашемъ литературномъ языкѣ, тѣ разные слои, которые, казалось бы, они должны обнаруживать. Изъ предыдущаго видно, что южнославянское вліяніе возобновилось на Руси въ концѣ XIV вѣка, захватывая и XV вѣкъ; оно шло не только посредствомъ выходцевъ изъ Болгаріи и Сербіи, занявшихъ на Руси видное положеніе въ качествѣ церковныхъ и литературныхъ дѣятелей, но и путемъ вліянія Аѳона, гдѣ русскіе люди встрѣчались съ южными славянами, гдѣ переписывались русскими монахами и богомольцами сербскіе и болгарскіе церковнославянскіе памятники. Такимъ образомъ въ церковнослав. элементахъ нашего литературнаго языка надо различать по крайней мѣрѣ два слоя: древнѣйшій, основной, восходящій къ XI вѣку, и позднѣйшій, проникавшій къ намъ не раньше конца XIV вѣка. Разумѣется, болѣе детальное изслѣдованіе могло бы обнаружить еще нѣсколько промежуточныхъ и послѣдующихъ наслоеній, ибо болгарскія рукописи притекали къ намъ и въ XII и въ XIII в., отражая на себѣ различныя школы письма и языка, возникавшія и въ восточной и въ западной Болгаріи, а

связь русской письменности съ южнославянской не прекращалась и въ XVI и въ XVII столѣтія, но пока мы имѣемъ слишкомъ мало подготовительныхъ работъ для того, чтобы разобраться во всѣхъ этихъ наслоеніяхъ. Скажу больше: я не сумѣлъ бы даже разграничить оба указанные выше слоя и не нахожу подъ руками данныхъ для опредѣленія того, какіе церковнославянизмы надо признать древнѣйшими, какіе новѣйшими. Впрочемъ, нѣкоторыя соображенія могутъ быть высказаны на основаніи наблюденій надъ памятниками.

Мы знаемъ, напримѣръ, что церковнославянское жд очень рано уступило мѣсто русскому произношенію съ ж, и это въ противоположность устойчивому сохраненію церковнославянскаго щ, сравнительно рѣдко уступавшаго свое мѣсто русскому ч. Имѣемъ возможность указать на нѣсколько памятниковъ XII в., гдѣ жд систематически замѣняется черезъ ж. Напр. въ Стихираряхъ XII в., писанныхъ въ Новгородѣ, можно указать такія, которыя почти систематически замѣняютъ жд черезъ ж, и лишь рѣдко имѣютъ ч вм. церковнаго щ. Очевидно, ж проникло въ церковнославянскій языкъ на Руси такъ же, какъ въ него проникло произношеніе у и а вмѣсто юсовъ; юсы были чужды русскому произношенію,и такъ же чуждо было сочетаніе жд этого избѣгли, произнося вмѣсто него ж; гораздо рѣже и единичнѣе оно произносилось какъ русское сочетаніе ждж съ діалектическими его измѣненіями.*) Между тѣмъ въ современномъ литературномъ языкѣ жд въ качествѣ церковнославянизма держится чрезвычайно устойчиво, захватывая обширныя категоріи грамматическихъ образованій и господствуя во многихъ словахъ (см. ниже). Въ виду этого позволительно отнести произношеніе съ жд насчетъ позднѣйшаго церковнославянска-

*) *На это указываютъ написанія какъ прежде въ южнорусск. памятникахъ.*

го слоя. Сходныя соображенія, но съ меньшей опредѣленностью могутъ быть высказаны и по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ категоріямъ церковнославянскихъ элементовъ (напр. къ категоріи, обнаруживающей звукъ о на мѣстѣ подлежавшаго выпаденію ъ). Тѣмъ не менѣе я не рѣшаюсь разграничить въ дальнѣйшемъ изложенія древнѣйшій и новѣйшій слои церковнославянскихъ элементовъ.

Опредѣлить всѣ эти элементы дѣло сложное и едва ли достижимое иначе, какъ путемъ тщательнаго изслѣдованія исторіи церковнославянскаго языка въ русскихъ памятникахъ. Но нѣкоторые элементы выдѣляются безъ труда, какъ противорѣчащіе звуковымъ особенностямъ русскаго языка; выдѣленіе ихъ весьма поучительно, ибо оно обнаруживаетъ на неопровержимыхъ данныхъ тотъ густой слой церковнославянскихъ элементовъ, который сохранился въ нашемъ литерат. языкѣ до сихъ поръ, несмотря на всю его демократизацію и многовѣковое вліяніе на него языка русскаго. Установлю теперь нѣсколько категорій безспорныхъ церковнославянскихъ элементовъ.

I. Сочетанія ор, ер, ол, ел общеславянскаго праязыка измѣнились въ общерусскомъ праязыкѣ въ сочетанія оро, ере, оло, еле (но послѣ ж, ш, ч на мѣстѣ ел не оло, а ело, точнѣе ѣло); въ древнеболгарскомъ тѣ же сочетанія измѣнялись въ ра, рѣ, ла, лѣ (но послѣ ж, ш, ч на мѣстѣ ел діалектически при лѣ также ла). Если поэтому мы вмѣсто ожидаемыхъ русскихъ сочетаній оро, ере, оло (ело) или рядомъ съ ними найдемъ въ тѣхъ или иныхъ словахъ сочетанія ра, рѣ, (ре), ла, лѣ (ле), то съ увѣренностью признаемъ такія слова остатками церковнослав. основанія нашего литер. языка, церковнославянизмами. Нетрудно привести десятки подобныхъ словъ: ихъ много среди существительныхъ и среди глаголовъ и даже среди неизмѣ-

няемыхъ частей рѣчи; съ представленіями объ этихъ словахъ большею частью связываются понятія чуждыя житейской обыденности; это или книжныя понятія или церковныя или отвлеченныя; ясно, что отсутствіе соотвѣтствующаго русскаго народнаго слова было причиной сохраненія въ нашемъ языкѣ всѣхъ этихъ словъ; иногда соотвѣтствующее русское слово налицо, но значеніе его иное (большею частью оно болѣе реально, чѣмъ книжное, церковнославянское слово), и это служило основаніемъ къ сохраненію чужеземнаго собрата. Въ нижеслѣдующемъ спискѣ приведена значительнѣйшая часть словъ, церковнославянское происхожденіе которыхъ доказывается отмѣченнымъ фонетическимъ признакомъ. Располагаю эти слова по извлекаемымъ изъ нихъ корнямъ и указываю соотвѣтствующія русскія образованія.

благ - (русск. болог -: ср. назв. мѣстности Бологое): благóй, блаженство, блажить, поблажка, ублажать и др. (Діалект. благо въ значеніи плохо, вѣроятно, также церковнаго происхожденія; для переноса значенія ср. блáжить, блажнóй).

бран - (русск. борон -: оборона, оборонять): брань, бранить, возбранять.

бразд (русск. борозд-: борозда): бразды правленія.

брег - (русск. берег-: берегъ, бережистый): безбрежный

брег - (русск. берег-: берегу, бережливый): пренебрегать, небрежный

брем - (русск. берем-: беремя, беременный): бремя, обременять

влад - (русск. волод-: древне володѣть, волость): владыка, владѣть, владать, совладать, власть, властный, область, властвовать

влак - (русск. волок-: оболочка, обл. óболоко): облако, влачить

влаг - (русск. волог): влага, влажный

влас (русск. волос-: волосъ, волосянной): власяница

влек - (русск. волок-: волоку, проволочка): облекать, развлекать, увлекать.

враг - (русск. ворог-: ворожить, ворождоу Ипат. 1336): врагъ, вражескій, вражда

врат - (русск. ворот-: ворота): врата царскія (въ церкви), привратникъ

врат - (русск. ворот-: приворотъ, переворотъ, ворочать): превратний, совратить, отвратить, возвратъ, развратъ и т.д.

врачъ (церковнослав. врачь)

вред - (русск. веред-: вередъ): вредъ, вредний, повреждать

врем - (русск. верем-: древнерусск. веремя): время, временний, повременить

глав - (русск. голов-: голова, заголовокъ, головной): глава въ книгѣ, глава предпріятія; главенство, заглавіе, главный

град - (русск. город-: городъ, городской, горожане): градоначальникъ, градоправитель, гражданинъ, ограда, ограждать, преграда, награда

глас - (русск. голос-: голосъ, голосистый, голосовй, безголосный): возгласъ, гласный, согласіе, огласить, приглашать

дрог - (русск. дорог-: дорогой): драгоцѣнный

древ - (русск. дерев-: дерево, деревянний, по деревню): древесний, древонасажденіе

жреб - (русск. жереб-: жеребей, жеребьёвка): жребій

драв - (русск. доров-: здоровъ изъ съдоровъ): здравый (изъ съдравый), здравіе, здравствовать, здравствуй

злат - (русск. золот-: золото): златоструй, златокованный, зла-

толюбіе

зрак - (русск. зорок-: близорукій вмѣсто близозоркій, древнее прозорочьныи): зрачекъ, призракъ, прозрачный, невзрачный

крат - многократно, кратный

крат - (русск. корот-: короткій, коротать, укоротить): краткій, сокращать, кратчайшій, прекратить

мраз - (русск. мороз-: изморозь, морозъ): мразь

млад - (русск. молод-: молодой, молодецъ): младенецъ

мрак - (русск. морок-: обморокъ, морочить): мракъ, омрачать

млек - (русск. молок-: молоко, молочный): млечный путь, млекопитающія

нрав - (русск. норов-: норовъ, норовить, приноровляться): нравъ, нравственный, нравиться

пращ - (русск. пороч-: пороки): праща

плѣн - (русск. полон-: полонъ, заполонить): плѣнъ, плѣнить

празд- (русск. порозд-: порожній изъ *порозьдьний): праздный, праздникъ, празднество, упражнять

плам - (русск. полом-: поломя, полымя): пламя, пламенный, воспламенить

прах - (русск. порох-: порохъ, порошинка): въ пухъ и прахъ, прахъ родителей, идетъ прахомъ

пре - (русск. пере-: перестать, перенять, пересилить): предать, преемникъ, преступить, преступникъ, превращать, опредѣлять, преображаться, пренебрегать, превозносить, престолъ, претерпѣть, преграда. Сюда же пре - какъ частица усиленія: прекрасный, прелестный, пренепріятный, превыше. (Въ русскомъ языкѣ церковное пре- замѣнялось черезъ при-, какъ видно изъ нѣкоторыхъ памятниковъ XI -

XIIв. позднѣе діалектически на сѣверо-западѣ и въ Псковѣ черезъ про-: про-: прольстиша; ср. Карскій, Языкъ Пскова).

пред - (русск. перед-: передъ, передокъ, передній, древнее переже): предъ, предокъ, прежде, діалект. и простонар. преже, допрежъ; предводитель, предсѣдатель, предназначать, преддверіе, предвкушать, предзнаменованіе, предопредѣленіе, представленіе, предотвратить, предупреждать

прек - (русск. перек-: поперекъ, перечить): прекословіе, прекосердіе, вопреки

прет - запретъ, запрещать

смрад- (русск. сморож-: др. смородъ): смрадъ

срам - (русск. сором-: др. соромъ, соромязливый): срамъ, срамить

сред - (русск. серед-: середа, середина, середка): среда, среда, средній, средостѣніе.

слад - (русск. солод-: солодкій корень, солодъ): сладкій, сладость, сласть

стран- (русск. сторон-: сторона́, сторонній): страна́, странный, зтраница

страж- (русск. сторож-: сторожъ, сторожить): стража, стражникъ

треб - (русск. тереб-: др. перетеребують): треба, потреба, непотребный, требовать, употребить

трезв- (русск. терезв, тверез; ср. терезви Вопр. Кирика): трезвый

хлад - (русск. холод-: холодъ, холодный): охладить, прохлада

храбр- (русск. хоробр-: діалект. и др. хоробрый): храбрый

хран - (русск. хорон-: хоронить, похороны): охрана, сохранный, сохранять

член - (русск.*челон-: др.челонъ): членъ, расчленить, членный

чред - (русск. черед-: чередъ, очередь): учреждать, учрежденіе

чрев - (русск. черев-: черёва): чревоугодникъ, чревовѣщатель

чрез - (русск. через-: черезъ): чрезъ, чрезмѣрно, чрезвычайно

шлем - (русск. шелом-: др. шеломъ): шлемъ

Въ этотъ списокъ не включены слова, не употребительныя теперь въ разговорной рѣчи, но едва ли чуждыя ей въ XVIII вѣкѣ, какъ напр. хладъ, брегъ, чрево, стражъ, градъ, гласъ, злато, зракъ, младъ, мразъ, древо и т.п.

Значительное число приведенныхъ выше словъ потеряло книжный характеръ и охотно употребляется въ просторѣчіи, напр. здравствуй, нравъ и здравъ, мразь, время, вредъ, брань, врагъ, срамъ и страмъ, сладкій; не говорю уже о тѣхъ словахъ, которыя выражаютъ понятія, ставшія достояніемъ просторѣчія въ силу культурныхъ условій, какъ страница, глава, треба, членъ, праздникъ, среда, здравіе, гласный, владыка и т.п.

Отмѣчу употребленіе церковнослав. словъ въ сложеніяхъ, какъ млекопитающія, древонасажденіе, чревоугодникъ, драгоцѣнный, средостѣніе, златолюбіе; такія сложенія возникали въ книжномъ языкѣ по образцу древняго церковнаго языка, сковавшаго рядъ сложеній подъ вліяніемъ греческаго.

Сочетаніямъ съ е въ приведенныхъ словахъ соотвѣтствуютъ въ древнеболгарскомъ сочетанія съ ѣ: врѣмя, врѣдъ, прѣжде, прѣдъ, чрѣзъ, срѣда, шлѣмъ, члѣнъ и т.д. Какъ указано выше, болгарское ѣ (=ä) въ южнорусскомъ церковносл. произношеніи передавалось не черезъ ѣ (ибо ѣ въ русскихъ словахъ произносилось какъ іе), а черезъ е. Замѣчательно, что наше правописаніе сохранило е, кос-

ходящее въ этихъ словахъ какъ памятникамъ XI-XIIв. (ср. въ нихъ напримѣръ, написанія среда, время, млеко, влекоу, пленъ и т.п.).

Исключеніе составляетъ слово плѣнъ. Не указываетъ ли это на то, что плѣнъ не принадлежитъ къ древнимъ заимствованіямъ, что оно вошло въ русскій языкъ въ позднѣйшую эпоху (XIV-XVв.)?

II. Сочетанія общесл. праязыка ер, ол въ началѣ слова при однихъ условіяхъ перешли въ ро, ло въ общерусскомъ праязыкѣ, въ го, ło въ западнославянскихъ языкахъ, въ ra, ła въ южнославянскихъ, слѣдовательно, и въ древнеболгарскомъ языкѣ (при другихъ условіяхъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ находимъ ra, ła, получившіяся, очевидно, еще въ общеславянскую эпоху). Итакъ, въ рядѣ словъ русскимъ сочетаніямъ ро, ло, въ началѣ слова соотвѣтствуютъ церковнославянскія ра, ла. Слова нашего литературнаго языка имѣющія ра, ла въ началѣ вмѣсто ожидаемыхъ и извѣстныхъ въ русскомъ, частью только діалектически, ро, ло, должны быть признаны остатками церковносл. языка.

рабъ, раба, работать (ср. древнерусск. роба, сѣвернорусск. робота, роботать, малор. робити).

расту, возрастъ, растеніе, растительность (ср. русск. ростъ, росъ, выросъ, поросль)

раз-, рас-, напр. въ разумъ, распятіе, расчищать, разубѣждать, распредѣлять, развлекать, развратъ, разбранить, расчленить, разглашать, расторгать, растерзать и т.п. (ср.русск.роз-, рос-: розвязь, роспись, розвальни, росчеркъ, малор. розривати, розум, розсохи, розчиняти, розщот, сѣверно р. розбить, рознять)

разный, разница, разноречіе, разномыслие (ср. русск. розно, розница, рознь, порознь)

ладія (въ книжномъ выраженіи: утлая ладія, также фигура въ шахматной игрѣ (ладья)) (ср. древнерусск. лодья, совр. лодка). Конечно, а въ письменномъ расту можно объяснить и слѣдствіемъ аканья, ср. при этомъ росъ, но вѣроятнѣе, что здѣсь сохранилось старое правописаніе, свидѣтельствующее о старомъ (церковносл.) произношенія.

III. Общеславянское сочетаніе dj еще въ общесл. языкѣ подверглось измѣненію, благодаря ассимиляціи d слѣдующему j: изъ dj получилось ǯǯ (ǯ означаетъ мягкій звукъ дж); отсюда въ общерусскомъ праязыкѣ ž (ж мягкое), въ западнославянскихъ языкахъ z и dz, въ древнеболгарскомъ жд. Общерусскому праязыку сочетаніе жд не было совсѣмъ извѣстно; въ позднѣйшемъ языкѣ жд является въ результатѣ измѣненія группы жьд вслѣдствіе выпаденія въ ней ь, ср. совр. ждать изъ жьдати, древнер. кождо изъ къжьдо. Почти всѣ слова, гдѣ въ совр. литературномъ языкѣ является сочетаніе жд, могутъ быть признаны остатками церковнослав. языка; при многихъ изъ нихъ имѣются исконно русскія слова съ звукомъ ж. Эти церковносл. слова и образованія распадаются на двѣ группы: а) группа отдѣльныхъ словъ, б) образованія многокр. вида глаголовъ на -ать и причастія страдат. залога на -енъ, при нихъ существ. отглагольныя на -еніе.

Изъ отдѣльныхъ словъ отмѣтимъ:

вождь (кор. вод-: водить, древнерусск. вожь), жажда, жажду, (кор. жад-: жадный, древнерусск. жажа), невѣжда (кор. вѣд-, ср. совр. невѣжа), между предл. (кор. мед-, древнерусск. межю, межи, ср. межа, межеумокъ, смежный), междометіе (т.е. inter-jectio) одежда, (кор: дед-, древнее и совр: одежа, одёжа); надежда (кор.

дед-, ср. надёжный, имя Надёжка, обнадёжить), рождество (кор. род-, ср. др. и совр. рожество, рожественскій), тождество (ср. древнеболг. тожде: тоже, ср. совр. едва ли, впрочемъ, не искусственное тожество), нужда (кор. нуд-, ср. нудить и др. и современ. нужа, нужный), гражданинъ (кор. град-, р. город ср. совр. горожанинъ), прежде (кор. пред-; русск. перед-, ср. древн. и совр. преже и переже), стражду (кор. страд-, страдать), чуждый (кор. чуд-, ср. чужой, чужестранный).

Глагольныя формы и отглагольн. существительныя. Формы на - ать, 1л. ед. - аю: убѣждать, побѣждать, угождать, награждать, повреждать, учреждать, охлаждать, услаждать, порождать, утруждать, понуждать, прохлаждаться, ограждать, предупреждать, побуждать, рождать, препровождать, сопровождать и разсуждать.

Формы прич. на - енъ: принужденъ, побужденъ, награжденъ, поврежденъ и т.д.

Отглагольныя существительныя на -еніе: рожденіе, охлажденіе, учрежденіе, понужденіе, предупрежденіе, и т.д.

Какъ указано было выше, можно съ вѣроятностью отнести церковнославян. слова съ *жд* и слѣдовательно въ числѣ ихъ и глагольныя образованія, нами разсмотрѣнныя, къ заимствованіямъ позднѣйшей эпохи, ибо уже въ древнѣйшихъ памятникахъ видимъ указанія на то, что церковное *жд* произносилось какъ *ж* (въ нѣкоторыхъ памятникахъ, какъ сказано, замѣна *жд* черезъ *ж* проведена систематически). Въ виду этого слова какъ надежа, рожество, невѣжа можно признать за церковнославянизмы, въ которыхъ чуждое *жд* замѣнено было въ древнѣйшія эпохи черезъ *ж*; быть можетъ, тоже можно сказать о словѣ тожество при

позднѣе заимствованномъ тождество, а также и объ образованiяхъ на -ать, какъ провожать, располажаться, простужать, соужать, если признать и ихъ или часть ихъ за церковнославянизмы.- Замѣчательно, что въ 1л. наст. неизвѣстно - жду (ср. ниже -шу); очевидно, оно замѣнено русскимъ жу: предупрежу, твержу, услажусь; исключенiе составляютъ отмѣченныя выше: стражду, жажду.

IV. Общеславянское сочетанiе tj еще въ общеславянскомъ праязыкѣ измѣнилось въ c̆c̆ (c̆ означаетъ звукъ ч); въ ту же группу измѣнилось сочетанiе kt передъ гласными передняго ряда (ь, i, е); въ общерусскомъ праязыкѣ c̆c̆ измѣнилось въ c̆, въ западнославянскихъ языкахъ въ c, въ древнеболгарскомъ въ шт. Въ древнер. произнош. ц.слав. языка шт передавалось какъ s̆c̆, т.е. ближайшимъ звуковымъ сочетанiемъ, восходящимъ къ общеславянскому s̆c̆ изъ sk передъ гласными передняго ряда и изъ stj; общеслав. s̆c̆ въ древнеболгарскомъ перешло въ шт, напр. тръжиште, *иштя*, воштина, поуштъ. Слова совр. литер. языка, въ которыхъ находимъ щ (произносятся въ московск. нарѣчiи и большинствомъ говорящихъ литер. языкомъ какъ s̆s̆) вмѣсто ожидаемаго по этимологiи (по происхожденiю изъ tj или изъ kt) ч, должны быть признаны остатками церковнославянскаго языка. Такое щ находимъ въ трехъ категорiяхъ случаевъ: а) въ отдѣльныхъ словахъ, б) въ нѣкоторыхъ глагольныхъ образованiяхъ: многокр. глаголы на -ать, 1л. ед. и прич. страд. отъ глаголовъ на -ать и -ить, в) въ причастiяхъ настоящаго времени, частью получившихъ значенiе прилагательныхъ.

Отдѣльныя слова: мощь (изъ **могть*, русск. мочь), помощь (русск. помочь), вещь (ср. чешск. *věc*), пещера (др. русск. печера, Печерскiй монастырь, праща (русск.), общество (изъ обьщьство, русск *обьчьство, откуда обчество, опщество, опчесьво, ср. оптомъ изъ

*обътъмъ), овощь, овощной (русск. обочь, овочь), денно и нощно, нэящный. Церковнославянизмомъ признаенъ и слово товарищъ.

Глагольныя формы. Многократныя на-ать: возвращать, укрощать, запрещать, сокращать, освѣщать, освящать, сообщать, поглощать.

1л. наст. и прич. страд. отъ глаголовъ на -тить: клевещу, возвращу, запрещу, сокращу, укрощу, сообщу, освящу, освѣщу; возвращенъ, освященъ и т.д.

Причастія наст. вр.: сущій, несущій, носящій, крадущій, кидающій, бросающій, свѣтящійся, горящій, ноющій, старѣющій и т. д. Прилагательныя: завидущій, блестящій, палящій, настоящій. Ср. еще слова какъ существо, могущество.

Относительно причастій можно съ увѣренностью сказать, что они продержались въ книжномъ языкѣ съ самаго водворенія его на Руси; въ русскомъ языкѣ причастія были утрачены еще въ очень отдаленную эпоху, какъ склоняемыя слова, замѣняясь формами дѣепричастія на -уче, -чи, -а (чьто въдадуче, идучи, неса, како мога). Причастія же склоняемыя получили значеніе прилагательныхъ: горячій, могучій, падучій, сыпучій, летучій, горючій, ходячій, сидячій, лежачій, пѣвучій, висячій. Церковнослав. причастія на -ущій проникли и въ народную рѣчь, гдѣ опять получили значеніе прилагательныхъ: ср. формы на ѣющій для обозначенія превосходной степени прилагательныхъ: богатѣющій, большущій (также въ литер. языкѣ), умѣющій. Любопытно народное -ащій, -ущій вм. -ащійся, -ущійся, напр. не бьющая кукла, вертящая игрушка.

V. Еще въ общерусскомъ праязыкѣ общеслав. звукъ е въ положеніи передъ твердой согласной измѣнился въ ё, откуда далѣе въ сѣвернорусскомъ и восточнорусскомъ о. Въ восточнорусскомъ о такого

происхожденія, какъ вообще всякое е, сохраняло свой звукъ только подъ удареніемъ (см. объ этомъ выше). Поэтому и въ московскомъ нарѣчіи и въ совр. литературн. языкѣ найдемъ на мѣстѣ этимологическаго (общеславянскаго) е подъ удареніемъ передъ твердой согласной ö: ср. нёс, вёсла, сёстры, плётка, стерёк (стерегъ), рёв (ревъ), подерёвно и т. д. Равнымъ образомъ перешелъ не въ е, а въ ö, откуда далѣе о, звукъ ь передъ твердой согласной, ср. моск. и литер. мёртвый, вёрху, дёрн, пёс, пёстрый, назём (род. назьму), опёнки (изъ опьнъкъ отъ слова пень), попённо, подённо, тёмный и т. д.

Тотъ же звукъ о находимъ послѣ исконно мягкихъ согласныхъ ш, ж, ч, ц, щ подъ удареніемъ передъ твердой согласной на мѣстѣ первоначальныхъ е и ь: шоку, пчолка, шорохъ, самъ-шостъ, облицовка, концовъ, чортъ, чорный, жорновъ, жолтый, чолнъ. Древнеболгарскому языку было извѣстно измѣненіе е въ ö послѣ согласныхъ неисконно мягкихъ, а возникшее еще въ общеславянскую эпоху ö изъ е послѣ согласныхъ исконно мягкихъ измѣнилось повидимому въ е. Поэтому въ цѣломъ рядѣ словъ, гдѣ по русски являлось ö, откуда и о въ церковнославянскомъ держалось е. Значительное число словъ литературнаго нашего языка, имѣющихъ подъ удареніемъ передъ твердой согласной е, должно быть возведено къ церковнослав. языку. Изъ числа словъ съ е передъ твердой согласной не относятся сюда слова съ е передъ отвердѣвшей согласной (напр. передъ твердымъ ц: купецъ, твердымъ р: серп), а также съ е, восходящимъ къ общерусскому ѣ (мелкій изъ мѣлъкъ). Остальныя слова съ большей или меньшею увѣренностью могутъ быть признаны остатками церковнослав. языка.

Слова съ удар. е передъ твердой согласной, восходящія въ церковнослав. языку, могутъ быть разсмотрѣны въ двухъ категоріяхъ. Къ первой относятся слова съ е передъ исконно твердой согласной; ко второй слова съ е передъ отвердѣвшею согласною.

Слова съ е передъ исконно твердою согласною по самому значенію своему обнаруживаютъ свое церковное происхожденіе: небо (ср. діалект. нёбо въ значеніи неба, а также нёбо во рту), недръ, пещера (русской формой была *печера), предметъ (корънет-: метать), отмѣстка (съ е изъ ь, мьсть), жезлъ, пекло, крестъ (съ е изъ ь, ср. діалект. крёст, хрёст, литература. крестный отецъ, при крестный ходъ), хребет (съ е изъ ъ: хрьбьт, ср. діалект. хребёт), перстъ (съ е изъ ь: пьрстъ, замѣнившее церковнослав. прьстъ, ср. діалект. пёрст, литер. напёрсток), скверна (изъ скверна на мѣстѣ церковнослав. скврьно), жертва (изъ жьртва на мѣстѣ церковнослав. крьтва), мерзкій, мерзость, дерзкій, дерзость, разверстый. Изъ послѣднихъ словъ видно, что церковнослав. (правильнѣе русско-церковнослав.) ъ замѣнилось съ теченіемъ времени русскимъ е, причемъ это русское е уже не подлежало измѣненію въ ё потому именно, что звукъ ё былъ чуждъ церковнослав. языку; объяснять е изъ южнорусскаго языка (гдѣ е послѣ исконно мягкихъ согласныхъ звучитъ какъ э) нельзя потому, что послѣ исконно мягкихъ и здѣсь находимъ о, между тѣмъ жертва не жортва.

Повидимому, сюда же относится исчезъ; по русски это звучало бы исчозъ; старослав. ишезнѫти при ишазати (съ а на мѣстѣ е). Какъ долго держалось церковное е въ нѣкоторыхъ словахъ, не чуждыхъ и живому языку, видно изъ случаевъ, какъ: былъ какъ бѣсъ, потекъ какъ песъ Посл. XVII в. (Симони, 82)

Слова съ *е* передъ отвердѣвшею согласною. Различаемъ двѣ категорiи. Въ первой отвердѣнiе произошло въ результатѣ влiянiя на мягкую согласную (смягчившуюся передъ ь, впослѣдствiи выпавшимъ) слѣдующей твердой; такъ отвердѣли напр. губныя и зубныя передъ твердымъ *н* послѣ выпаденiя между ними и *н* звука ь; что ь смягчало въ общерусскомъ праязыкѣ предшествующiя согласныя въ подобномъ положенiи, видно изъ того, что напр. слова бездьна, душевьныи стали звучать въ древнемъ малорусскомъ бѣздна, душѣвьныи съ ѣ дифтонгомъ iе) изъ удлинившагося передъ слогомъ съ выпавшимъ изъ него ь. Ср. написанiя бѣзна, доушѣвныи и т.п. въ малор. памятникахъ, начиная съ XIIв. Въ сѣверно-русскомъ и восточнорусскомъ, гдѣ не было удлиненiя *о* и *е* при тѣхъ условiяхъ, которыя вызывали ихъ удлиненiе въ малорусскомъ, получилось без'на, душев'ный съ мягкими *з*, *в* и съ напряженнымъ *е* передъ ними. Но вскорѣ во всѣхъ русскихъ нарѣчiяхъ зубныя и губныя въ положенiи передъ твердыми зубными отвердѣли; въ малорусскомъ бѣз'на, душѣв'ный продолжали звучать съ ѣ и послѣ отвердѣнiя *з* и *в*; но въ сѣвернор. и восточнор., гдѣ звукъ *е* напряженное сохранялся только передъ небными, смягченными согласными, онъ переходилъ въ *е* ненапряжен. передъ отвердѣвшею согласною, а ненапряженное *е* измѣнялось затѣмъ въ ӧ и далѣе въ о, въ силу того, что вообще звукъ *е* не былъ извѣстенъ передъ твердыми согласными. Такимъ образомъ мы ожидали бы въ сѣвернор. и восточнор., а слѣдовательно и въ московскомъ нарѣчiи *бёзна, *душевный; ср. душовнои въ московскихъ договорныхъ 1428 №43, 1440г. №60 и др., а также наши литер. тёмный, нёбный, крёстный, поёмный, слёзный, подъёмный, колёсный, почётный, счётный, дiалект. стар. въ лешобныхъ лесахъ Дв. гр. XVв. Н (вм. лѣшобныхъ), служобныхъ въ моск. догов. ок. 1465 №92,

1433 №50, царовна Боковск. 2-я лѣт. XVв. (вм. царевна), совр. заонегорск. царёвна, петрозав. королёвна. Объяснять о въ подобныхъ производныхъ словахъ вліяніемъ звука о въ словахъ коренныхъ (какъ подъёмъ, нёбо, полётъ) невѣроятно, въ виду того, что въ тёмный, душовный, служобны, возможно только фонетическое объясненіе о изъ е. Если же мы въ совр. литер. языкѣ находимъ въ рядѣ словъ въ такомъ именно положеніи е, а не о, то всѣ или почти всѣ подобныя слова должны быть признаны церковнославянскими. Въ церковномъ произношеніи, какъ указано о, откуда о,было вообще неизвѣстно; поэтому въ подобныхъ словахъ передъ отвердѣвшею согласною произносилось е ненапряженное, ср. этотъ звукъ и на мѣстѣ исконнаго е передъ твердою согласною (небо) и на мѣстѣ исконнаго ѣ въ такомъ же положеніи (вредъ). Поэтому признаю церковнославянскими словами слѣдующія: душевный, учебный, лѣчебный, служебный, ежедневный, вседневный, царевна (ср. церковнослав. происхожденіе слова царь), подзéмный, бéздна, полéзный (ниже укажу на церковнослав. происхожденіе слова польза), любéзный, тѣлéсный, небéсный, древéсный, лестный, прелéстный (ср. церковнослав. приставку пре), честный (ср. діалект. чорной, безчóсно), крéстный, тщéтный. Равнымъ образомъ вліяніемъ книжнаго, церковнославянскаго произношенія объясняется е въ тéремный королéвна (ср. царевна). Равнымъ образомъ отвердѣло н передъ слѣдующимъ твердымъ н, превративъ предшествующее е въ о въ сѣвернорусскихъ и восточнорусскихъ говорахъ: ср. подённый, двухсажонный (отъ сажнь), казённый. Поэтому церковнославянскими словами признаемъ: современный (при обрусѣвшемъ совремённый), обыкновéнный, равнымъ образомъ причастія страд., какъ согбéнный, благословéнный, вдохновенный, надмéнный (только послѣ губныхъ); сюда

же слова вселе́нная, бре́нный.

Во второй категоріи, гдѣ е находимъ передъ отвердѣвшею согласною, отвердѣніе произошло въ болѣе позднюю эпоху вслѣдствіе общаго отвердѣнія той или иной согласной. Передъ согласными, отвердѣвшими сравнительно поздно, находимъ е (ненапряженное вм. напряженнаго) не измѣнившимся въ о (ср. е въ купец, діалект. литер. сем, перваӣ); но передъ согласными, отвердѣвшими раньше, е напряженное черезъ посредство е ненапряженнаго переходитъ въ о; такой случай имѣлъ мѣсто напр. передъ отвердѣвшими ж и ш, ср. совр. произношеніе литер. ...жа, Серёжа, серёжка, грабёжъ, кутёжъ, падёжъ, свербёжъ, застёжка, головёшка, кормёжка, одёжка (по одёжкѣ протягивай ножки), діалект. и простонародн. одёжа, берёжный. Поэтому слова, гдѣ въ лит. нарѣчіи передъ ж является е, а не о (ё), должны быть признаны церковнославянскими: паде́жъ, мяте́жъ, также сме́жный. Неясно, какъ понять въ переме́жку; не сказалось ли здѣсь вліяніе корня мѣш-ать (въ перемѣшку). Въ словѣ приле́жный е можетъ восходить къ церковнослав.ѣ, ср. прилѣжьнъ въ Остр. ев.; во всякомъ случаѣ - это слово церковнославянское. Извѣстное и въ литературномъ произношеніи голове́шка, равнымъ образомъ мере́жка (родъ кружевного вязанія) едва ли не заимствованы изъ такихъ говоровъ, гдѣ ж и ш отвердѣли позже и потому не перешли въ о.

VI. Въ общерусскомъ праязыкѣ начальное сочетаніе ју, і̯у превратилось въ у; общеслав. і̯унъ, і̯уноша, і̯уха, і̯угъ (ср. старослав. юнъ, юноша, юха, югъ) измѣнились въ унъ, уноша, уха, угъ, ср. въ памятникахъ XIв.: оунъ, оугъ, оуноша; также современное уха; что касается малор. юха, то ю здѣсь новое, вызванное общимъ стремленіемъ малор. языка къ придыхательному приступу въ началѣ слова. Въ виду

этого современное литературное юный, юноша, югъ, южный, должно признать церковнослав. словами. Равнымъ образомъ на мѣстѣ общеславянскаго jǫ (старослав. ѭ) въ началѣ слова ожидаемъ въ русскомъ языкѣ не *ю*, а *у*; поэтому признаемъ церковнослав. словомъ союзъ, конечно, и юдоль.

VII. Въ общеслав. праязыкѣ звуки *к*, *г*, *х* при извѣстныхъ условіяхъ, а именно, какъ предположено проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ передъ ударяемымъ слогомъ, переходили въ *ц*, *з*, *с* если имъ предшествовали гласныя передняго ряда (ь, і, е носовое); эти согласныя восходятъ непосредственно къ средненёбнымъ смягченнымъ *к*, *г*, *х*, замѣнившимъ заднenебныя *к*, *г*, *х* подъ ассимилирующимъ дѣйствіемъ предшествующей гласной. Разумѣется, эти *ц*, *з*, *с* были въ общеслав. языкѣ мягкими: они сохранили свою мягкость и въ общерусскомъ праязыкѣ; позже діалектически отвердѣло *ц*: овца вм. овця (а это изъ овьца, восходящаго къ овька); но *з* и *с* сохраняютъ свою мягкость, какъ и мягкія *с*, *з* другого происхожденія, напр. великор. сила, сёла, зёрна, зимній, зябну. Ср. *с* мягкое изъ первоначальнаго *х* въ совр. весь, всего (восходитъ къ вьсь изъ вьхъ), *з* мягкое изъ первоначальнаго *г* въ совр. князь (восходитъ къ кънѧзь изъ кънѧгъ). Между тѣмъ въ древнеболгарскомъ діалектически ц, з, с отвердѣли очень рано, ср. написанія какъ вьсакъ, вьса, кънѧꙃоу, польꙃа, насинсатнѧ въ древнеболг. памятникахъ. Поэтому, если въ совр. литер. языкѣ найдемъ твердое *з*, а не мягкое на мѣстѣ общеславянскаго мягкаго *з* изъ *г*, то такое твердое *з* свидѣтельствуетъ о церковнослав. происхожденіи соотвѣтствующаго слова. Итакъ церковнославянскими признаемъ слова: польза (мы ожидали пользя, ср. подобное произношеніе въ русскихъ говорахъ. Ср. пользѣ, ср. также нельзя), непритязательный (по русски было бы непритязательный), состязательный (ср. корень тяг -: тягаться, тяжба), осязать (корень сяг-: по-

сягать, посягнуть).

VIII. Въ общеславянскомъ языкѣ ъ и ь были сильными въ положеніи передъ слогомъ съ слабымъ ъ или ь, а также, быть можетъ, подъ удареніемъ въ начальномъ слогѣ слова; въ остальныхъ положеніяхъ они были слабыми, а передъ слоговыми р и л, а также за ними неслоговыми. Напр., обозначая слабыя ъ и ь буквами ъ и ь подчеркнутыми, находимъ для общеслав.: тьмьный, льстьный, пьсъ, пьса, стькло, дъва, жьньць, жьньца и т.д.; вьрхъ, вьлкъ, блъха, дръва, пльвати со слоговыми р и л. Тоже имѣло мѣсто въ общерусскомъ праязыкѣ, но неслоговыя ъ и ь передъ слоговыми р и л и послѣ нихъ стали слоговыми и притомъ сильными вслѣдствіе потери звуками р и л ихъ слогового характера; вмѣсто вьрхъ, вьлкъ, гърдый, мълва явились вьрхъ, вълкъ, гърдый, мълва съ неслоговыми р, л и сильными ъ, ь; вмѣсто блъха, дръва, пльвати, трьвога съ слоговыми р, л явились блъха, дръва, пльвати, трьвога съ неслоговыми р и л и сильными ъ, ь. Наконецъ, сочетаніе согласная + ўь (неслоговое у и слабое ь) перешло въ общерусскомъ въ сочетаніе согласная + вь (согласная в и сильное ь), причемъ измѣненіе слабаго ь въ сильное стоитъ въ связи съ переходомъ неслоговой гласной ў въ фрикативную согласную: зўьно, дўьри, перешли въ звьно, двьри съ сильными ь. Уже послѣ распаденія общерусскаго праязыка, не раньше второй половины XII вѣка исчезли изъ произношенія (во всѣхъ вообще русскихъ нарѣчіяхъ) звуки ъ и ь слабыя, перешли въ звуки полнаго образованія, о и е, всѣ сильныя ъ и ь; ср. въ древнерусскомъ и современномъ опущеніе слабыхъ ъ и ь напр. въ тёмный, пёс, пса, скло, два, жнец, женца, напротивъ, замѣну сильныхъ ъ и ь звуками о и е въ тёмный, пёс, жнец, женца, верх, волк, гордый,

молва, блоха, дрова, плеват, тревога, звено, дверей и т.д.

Законъ объ опущеніи слабыхъ ь и ъ не знаетъ, конечно, исключеній. Правда, находимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣну слабыхъ ъ и ь звуками о и е, но всѣ относящіеся сюда въ русскихъ словахъ случаи объясняются вліяніемъ аналогіи. Случаи эти распредѣляются по двумъ категоріямъ: къ первой принадлежатъ такія слова, которыя перенесли о или е изъ однихъ падежныхъ формъ въ другія, причемъ въ этихъ другихъ они заняли мѣсто выпавшихъ ъ и ь (между тѣмъ какъ въ первыхъ они правильно замѣнили старыя ъ и ь сильныя). Сюда относятся такія образованія какъ древнерусское Смоленск(ъ) вмѣсто Смол'неск (изъ Смольньскъ) подъ вліяніемъ Смоленска, Смоленску; или совр. пришелец вмѣсто и при пришлец (изъ пришьльць) подъ вліяніемъ пришел'ца (изъ пришьльца); или напротивъ, соврем. жреца, жнеца, швеца, кузнеца вмѣсто жерца, женца, шевца, кузнца подъ вліяніемъ формъ им. падежа жрец, жнец, швец, кузнец; доска вм. дска, цка является подъ вліяніемъ доску, доски съ о изъ сильнаго ъ (сильнаго вслѣдствіе своего положенія въ начальномъ слогѣ подъ удареніемъ); стекло вм. скло подъ вліяніемъ им. мн. стёкла; пестра вм. пстра подъ вліяніемъ пёстр, пёстрый; праведен вмѣсто правден (ср. подъ вліяніемъ праведный), и т.д. Равнымъ образомъ купеческій, молодеческій, греческій явились на мѣсто купецкій, молодецкій, грецкій подъ вліяніемъ краткихъ формъ купческ, молодческ, греческ; старческій вм. старецкій подъ вліяніемъ старческ; человѣческій вм. *человѣцкій подъ вліяніемъ человѣческ. Онѣмечить вмѣсто *онѣмчить новообразованіе подъ вліяніемъ нѣмец, нѣмецкій. Ко второй категоріи относятся случаи появленія о въ предлогѣ со передъ слѣдующимъ с (со вм. с подъ вліяніемъ со въ другихъ слу-

чаяхъ) со своего, состряпать, составъ, состариться, сослѣпа, со свѣта, со степи, со стѣны подъ вліяніемъ сослать, созвать, со сна, со зла.

Но въ литер. языкѣ оказывается рядъ словъ, которыя не могутъ быть подведены ни подъ ту, ни подъ другую категорію, представляя звуки о, е на мѣстѣ подлежавшихъ выпаденію слабыхъ ъ и ь. Сюда относятся: а) слова, содержащія предлоги *со, во, воз* вмѣсто ожидаемаго послѣ выпаденія ъ въ *съ, въ, въз* звуковъ *с, в, вз*; б) слова, представляющіе *о, е* на мѣстѣ слабыхъ ъ, ь въ нѣкоторыхъ суффиксахъ, в) слова, представляющіе о, *е* на мѣстѣ слабыхъ ъ, ь въ корняхъ. Является вопросъ, какъ понять такія о, *е*? Значеніе многихъ относящихся сюда словъ ясно указываетъ на ихъ церковнославянское происхожденіе. Но почему же *о, е* замѣнили ъ, ь слабыя, подлежавшія выпаденію въ живомъ русскомъ произношеніи, въ церковнославянскомъ языкѣ на Руси? Памятники старослав. языка указываютъ, что въ немъ еще въ XI вѣкѣ произошло въ нѣкоторыхъ его діалектахъ измѣненіе сильныхъ ъ и ь въ *о* и *е*, такъ въ Зогр. Такимъ образомъ переходъ сильныхъ ъ и ь въ о и е въ діалектахъ старосл. языка произошелъ раньше, чѣмъ въ русскомъ. Вѣроятно, онъ имѣлъ мѣсто и въ томъ діалектѣ, который былъ впервые перенесенъ на Русь при Владимірѣ въ X в. и при Ярославѣ въ XI в. Прямымъ результатомъ этого явилось то, что при чтеніи церковныхъ книгъ русскіе люди стали произносить букву ъ какъ о, букву ь какъ *е*, не справляясь, конечно, съ тѣмъ, сильные ли эти ъ, ь въ живомъ русскомъ произношеніи, или слабые. Многіе писцы при перепискѣ старослав. оригиналовъ передавали ъ и ь черезъ ъ и ь, придерживаясь и написанія оригинала, руководясь и собственнымъ русскимъ

произношеніемъ (вліяніе русскаго произношенія очевидно между прочимъ изъ того, что окончаніе -тъ 3л. ед. и мн. старосл. оригиналовъ передается черезъ -ть). Но другіе писцы замѣняли ъ и ь буквами о и е, основываясь именно на церковномъ произношеніи. Вотъ почему въ памятникахъ XI в., переписанныхъ на Руси, найдемъ нерѣдко о и е и при томъ не только на мѣстѣ сильныхъ ъ и ь, но также и на мѣстѣ слабыхъ ъ и ь; мало вѣроятности представляется въ особенности случаи, гдѣ о и е замѣнили слабыя ъ и ь, возводить къ старосл. оригиналамъ (гдѣ вообще находимъ замѣну черезъ о и е только сильныхъ ъ и ь); но еще менѣе возможно объяснить ихъ изъ русскаго живого произношенія, ибо, во-первыхъ, сильныя ъ и ь перешли въ о и е не раньше второй половины XII вѣка, во-вторыхъ, слабыя ъ и ь вообще не замѣнялись черезъ о и е. Приведу примѣры замѣны ъ и ь сильныхъ и слабыхъ черезъ о и е въ церковнослав. памятникахъ русской редакціи XI вѣка. Стихир. 1157: всѧ, въ цьркови, веселеноую, добродѣтелеми, вьседе, владычеци, неплодове, Юр. ев. въземеть, вьсьде, отѧгочалѣ, Минеи 1095: источьника, бговидече, ковечегъ, весемирьна , Ж.Ѳ. золодѣи, Сб. 1073 золобѣ 172 об. Особенно интересно написаніе оуповати въ русскихъ памятникахъ Юр. ев. оупованіе 106а, Мин. №175 (18) оупованию 116 об. 1, Ж.Ѳ. оуповаю, оупованиемь; можно было бы ждать на основаніи общаго закона о выпаденіи слабыхъ ъ и ь оупвати; но это слово было, очевидно, церковнослав.; какъ таковое оно произносилось въ нашемъ церковнослав., а потому и писалось, съ о; это о дошло и до нашего времени (уповать). Искусственнымъ книжнымъ произношеніемъ всякаго ъ какъ о и всякаго ь какъ е объясняется смѣшеніе буквъ ъ, ь и о, е, замѣчаемое во многихъ памятникахъ русскихъ XII-XIV в. въ XI и первой

половинѣ XIIв. отъ такого полнаго смѣшенія удерживало то обстоя-
тельство, что въ живомъ языкѣ ъ и ь сильные и слабые произноси-
лись отлично отъ *о* и *е*; но когда со второй половины XIIв.сильныя
ъ и ь стали произноситься какъ о и *е*, а слабыя исчезли изъ про-
изношенія, въ распоряженіи писцовъ, приверженныхъ къ древнему
правописанію, не желавшихъ ограничить употребленіе буквъ ъ и ъ
сообразно съ вновь наступившими въ языкѣ условіями, не оказыва-
лось средствъ различать этимологическое и звуковое значеніе буквъ
о, *е* и ъ, ь. Отсюда происходятъ чудовищныя написанія, какъ горъ-
да, вѣрьмьнемь, дѣтели, съ посадникомо и т.п. Начало всѣмъ та-
кимъ начинаніямъ дано церковнославянскимъ произношеніемъ, произ-
ношеніемъ, господствовавшимъ въ церкви, звуковъ ъ, ь какъ *о*, *е*.

Перехожу къ обзору отмѣченныхъ выше категорій словъ совр.лит.
языка, гдѣ такое произношеніе выступаетъ наружу.

Предлоги *со*, *во*, *воз* въ русскомъ языкѣ должны являться въ та-
комъ видѣ (а не въ видѣ *с*, *в*, *вз*) только въ положеніи передъ сло-
гомъ, содержащимъ выпавшее ъ или ь (возможность *со* въ другихъ по-
ложеніяхъ, а именно передъ согласн. отмѣчена выше). Поэтому при-
знаемъ церковнославянскими слѣдующія слова, сложенныя съ предло-
гомъ *со*: собирать (ср. діалект. сбирать), соборъ, древнерусск.
сбор архангела Михаила, соборная церковь, совр. сборъ въ другомъ
значеніи), соблазнъ, соблаговолить, собесѣдованіе, соблюдать,со-
братъ, соболѣзновать, совѣтъ (древнерусск. на свѣтъ), совѣщаться
(древнер. свѣщатися), совокупить, совершить (ср. свершить), со-
вратить, совѣсть (древнер.), совладать, согрѣть,согребать
(ср. сгребать, сгребъ), согласить, согражданинъ, согрѣшать, со-
глядатай, содержать (ср. сдержать), содѣйствовать, содрогаться,

соединять, сожалѣть, сознавать (ср. сзнавать), созвучіе, созидать, сокровище (древнер. скровище), сокровенный (древнер. скровеный), сократить, сокрушить (древнер. скрушити), сообразоваться, соорудить, соправитель, сопредѣльный, сопровождать, сопротивленіе, соприкасаться, сопричислить, сопряженный, соревнованіе, сосредоточить, сотрясеніе, сотрудникъ, сотрапезникъ, сотворить, соучастіе, сохранить (русск. схоронить), сочетать, сочинить (древнер. счинити), сочленъ, союзъ. Предлогъ *со* съ особеннымъ значеніемъ соучастія изъ словъ какъ собратъ, сотрапезникъ, соправитель, сочленъ перенесенъ и въ русскія слова сотоварищъ, собутыльникъ.

Слова, сложенныя съ *во*: вовлекать, водворить (хотя м. б. это и русское слово, ср. во двор вм. в двор), совокупить, вооружить, вообразить, воплощеніе, вопросъ, вопреки, вочеловѣченіе.

Слова, сложенныя съ *воз*: возбранять, возбудить (ср. взбудоражить, взбунтовать), возвеличить, возвѣстить, возводить (ср. взвести, взводить), возвратъ, возвышать, возгласить, возгорѣться, воздержаться (ср. вздёржка), воздвигать, воздавать, воздѣлывать, возлежать, возлюбить, возложить, воскурить, воскресить, восклицать, возмечтать, вознаграждать, вознамѣриться, возносить, возненавидѣть, вознегодовать, возомнить, возобновлять, воспитать, воспѣть, воспаленіе, воспоминаніе (ср. вспоминать), воспламенить, воспретить, воспротивиться, возстать, возстановить, востребованіе, вострубить, восторгъ, востокъ (обл. втокъ, стокъ), возразить, возрастъ (ср. древнер. вьрастъ), великовозрастный, восходъ (ср. всходи), восчувствовать.

Суффиксы, содержащіе *е*, *о* на мѣстѣ слабыхъ, подлежавшихъ выпаденію ъ, ъ. Повидимому, рядъ словъ съ суффиксомъ -ство (изъ

-ьство) долженъ быть признанъ признанъ церковнославянскимъ. Сюда относятся: рождество и рожество (мы ожидали бы рожтво, ср. древнер.), множество, убожество, существо, могущество, человѣчество, качество, количество, купечество, молодечество, художество, вещество, отчество, старчество; также послѣ другихъ согласныхъ, не только послѣ ж, ч, щ; естество (древнер. /ество). Ср. перенесеніе -ество вмѣсто -ство въ областномъ богатество. Такимъ образомъ -ество узаконилось въ положеніи послѣ согласныхъ ж, ч, щ, очевидно, по удобству произношенія, являясь въ другомъ положеніи вообще въ видѣ -ство: братство, звѣрство, духовенство. - Отмѣчу далѣе скрежетать.

Слова, представляющія о, е на мѣстѣ слабыхъ ъ, ь: вопить (ср. древнер. впити), уповать, быть можетъ, сотня.

IX. Необходимо коснуться здѣсь еще нѣсколькихъ заимствованій, частью въ настоящее время исчезнувшихъ, но оставившихъ слѣдъ на письмѣ. Сюда относятся: *окончаніе им. ед. прилагательныхъ на -ый, -ій.* Въ общеслав. праязыкѣ соотвѣтствующія окончанія звучали ъ̂i̯, ь̂i̯ съ напряженными ъ и ь и звукомъ i̯ непольн. образованія: starъ̂i̯, sin'ь̂i̯; въ памятникахъ древнеболгарскихъ, а потомъ и въ древнерусскихъ напряженныя ъ и ь изображались буквами ы (и) и и: старъıи, синии. Въ сѣвернорусскихъ и восточнорусск. говорахъ, слѣдовательно, въ великорусскую эпоху напряженныя ъ и ь перешли въ о и е, какъ въ ударяемыхъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ, хотя возможно, что въ восточнорусскихъ, гдѣ о и е въ неударяем. слогахъ редуцировались, они не возникали на мѣстѣ напряженныхъ ъ и ь неударяемыхъ. Въ московскомъ нарѣчіи, по происхожденію сѣвернорусскомъ, мы должны ожидать подъ удареніемъ -ой, -ей, а въ не-

ударяемыхъ слогахъ -ай, -ей (или -ій), при чемъ -ай, -ей являются результатомъ редукціи неударяемыхъ окончаній -ой, -ей: ср. седой, маладой, прастой, сам третей, милай, добрай, третій. Въ церковнослав. языкѣ окончанія ъі, ьі перешли въ -ый, -ий; тѣ же сочетанія явились въ малорусскомъ нарѣчіи. Оба эти обстоятельства узаконили произношеніе окончаній прилагательныхъ какъ -ый, -ий въ церковномъ и книжномъ языкѣ. Трудно сомнѣваться въ томъ, что въ книжной рѣчи Москвы говорили нѣкогда простый, седый, младый, послѣ г, к, х; глухій, строгій, великій, долгій. На письмѣ -ый, -ій держатся до сихъ поръ, причемъ оказываютъ вліяніе и на произношеніе. Несомнѣнно, что многіе говорящіе литер. языкомъ произносятъ въ неударяемыхъ слогахъ -ый, -ій, т.е. говорятъ старый, добрый, а не старай, добрай. Въ этомъ не трудно убѣдиться, наблюдая произношеніе тѣхъ, кто послѣ к, г, х употребляетъ окончаніе -ій, а не -ай; въ средѣ книжно образованныхъ людей нерѣдко можно услышать произношеніе крѣпкій, великій, убогій, строгій, безухій. Такое произношеніе возникаетъ подъ вліяніемъ письма, но возможно, что оно держалось въ литер. рѣчи непрерывно.

Въ общеслав. праязыкѣ ъ и ь напряженныя были сильными только въ положеніи передъ слогомъ съ ı неполнаго образованія изъ jь или ii, а также подъ удареніемъ въ началѣ слова; вообще же, т.е. въ положеніи передъ слогомъ съ гласной полнаго образованія они были слабыми. Въ старославянскихъ, а затѣмъ и въ древнерусск. памятникахъ слабыя ъ и ь напряженныя изображались буквами ы и и: думъıєть, пролиємъ, пѣниє, листиє. Съ теченіемъ времени и притомъ въ ту же эпоху, что слабыя ъ и ь ненапряженныя, исчезли

ЛИТ БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П 7.

каз произношенія ъ̂ и ь̂ слабыя напряженныя во всѣхъ нарѣчіяхъ рус-
окаго языка (слѣдовательно, начиная со второй половины XIIв.).Та-
кимъ образомъ явилось сочетанія; согласная + і̑ + гласная въ живомъ
произношеніи: листі̑е, кості̑у, лоді̑а, белі̑о и т.п. Въ малорусскомъ
і̑ въ такомъ положеніи перешло въ ј и затѣмъ ассимилировалось пред-
шествующей согласной (ср. малор. життя изъ жит'ја, жит'і̑а). Но въ
великорусскомъ і̑ держится до сихъ поръ. Въ церковнославянскомъ
произношеніи, гдѣ, какъ мы видѣли, слабыя ъ и ь послѣ выпаденія
ихъ въ живомъ языкѣ, продолжали произноситься какъ о и е, *слабое*
ъ̑ (изображавшееся на письмѣ какъ и) продолжало произноситься какъ
и, слѣдовательно, пение, воскресение, отдание, нощию, печатию, бра-
тия; поэтому въ церковнослав. братия въ три слога, а въ живомъ на-
родномъ произношеніи брат̓і̑а (писалось братья) въ два слога. Такое
церковное произношеніе объясняетъ намъ, почему до сихъ поръ дер-
жатся у насъ написанія съ ія, ію, іе, пѣніе, изображеніе, воскликва-
ніе, келія, чтеніе и т.п.*) Возможно, что и въ произношеніи нѣкото-
рыхъ образованныхъ людей держатся двусложныя окончанія *ія, іе, ію*;
эти окончанія привились и къ словамъ, заимствованнымъ изъ ино-
странныхъ языковъ: партія, провинція, компанія; ср. окончаніе -ия
послѣ ц, напр. въ лекция, порция, конституция. Произношеніе съ *і*
слоговымъ вызываетъ въ нѣкоторыхъ производныхъ сочетаніе -ій, а не
-ей, которое явилось бы при коренномъ словѣ съ неслоговымъ *і* (ср.
скамья - скамейка, ружьё - ружейный, армейскій, компанейскій); такъ
находимъ прилагательныя: орудійный (указываетъ на четырехсложное
орудіе), партійный. Возможно, что церковнослав. произношеніемъ яв-
ляется: сію, сіять, піявка, ліяло, віять (пріятель?); также со-
храненіе ій: убійца, убійственный, прилаг. англійскій, италійскій,

*) *Ломоносовъ рзличалъ слова на іе и ье: зданіе, но копье (копьіо),*
ср. §155 и 156 Гр.

австрійскій; Россія, Марія.

Окончаніемъ род. ед. м. и ср. рода прилагательныхъ въ церковнослав. языкѣ было -аго, между тѣмъ какъ еще въ общерусскомъ праязыкѣ утвердилось окончаніе -ого. Что -аго проникло и въ разговорную рѣчь образованныхъ классовъ можно заключить между прочимъ изъ того, какъ упорно держится -аго на письмѣ до сихъ поръ; теперь мы его пишемъ только въ неудар. слогахъ, но еще очень недавно писали: другаго, втораго, большаго (но произносили, конечно, другово, второво, большово). Быть можетъ, указаніемъ на -аго въ живомъ произношеніи могутъ служить и нѣкоторыя фамиліи, повидимому, свойственныя первоначально духовной средѣ: Живаго, Мертваго, Бѣлаго.

Общеславянское носовое ѣ (ѩ носовое), являвшееся въ нѣкоторыхъ грамм. окончаніяхъ въ основахъ на мягкую согласную въ соотвѣтствіи съ окончаніемъ -ы въ основахъ на твердую согласную, въ общерусскомъ праязыкѣ перешло въ ѣ, ср. общую утрату гласными ихъ носового свойства въ этомъ языкѣ: род. еѣ, моеѣ, доброѣ, душѣ, волѣ и т.д. Написанія съ ѣ находимъ въ русскихъ памятникахъ, начиная съ XIв.; ѣ держится до сихъ поръ въ малорусскомъ, гдѣ замѣстившая ѣ звукъ і находимъ въ формахъ род. душі, єї и т.д. Въ древнеболгарскомъ языкѣ носовыя гласныя сохранялись, сохранилось и носовое ѣ, совпавъ съ носовымъ е въ одномъ звукѣ (ѧ): ср. древнеболг. доушѧ, ѥѩ, добрыѩ. Въ русскомъ произношеніи церковнослав. языка всякое носовое е передавалось звукомъ а: свѧтъ произносилось святъ, тѧбо-тябе. *Поэтому какъ а произносилось и то носовое е, которому въ живомъ языкѣ русскомъ соотвѣтствовалъ звукъ ѣ:* род. ед. душа моеѩ, ѥѩ, отъ дѣвицѩ и т.д., ср. подобныя написанія въ памятникахъ. Конечно, это произношеніе перешло и въ рѣчь образованныхъ классовъ, но съ те-

ченіемъ времени оно было вытѣснено русскими (великорусскими) окончаніями на -и, -й: отъ души, моей, доброй. Вмѣсто еѣ, самоѣ, моеѣ, въ результатѣ извѣстнаго сложнаго процесса явилось её, моё, самоё; это живое произношеніе вытѣснило искусственное, книжное произношеніе ея, моея, самоя. Дальше всего держалось а въ ея; на письмѣ оно сохраняется до сихъ поръ, проникая и въ произношеніе книжно образованныхъ людей, усвазвающихъ себѣ письменное изображеніе и не считающихся съ живымъ господствующимъ произношеніемъ. Несомнѣнно, что таково же происхожденіе ореографическаго я въ окончаніи им. - вин. мн.; теперь по произволу теоретиковъ окончанія -ыя, -ія употребляются въ женскомъ и среднемъ родѣ, но на самомъ дѣлѣ -ыя, -ія въ церковнослав. языкѣ на Руси замѣнило и окончаніе им. вин. мн. м.р. (древнеболг. ви им., ЗЛЫ, ИЖ вин:), и окончаніе им. - вин. ж.р. (древнеболг. ЗЛЫ, ИЖ) и окончаніе им. вин. ср.р. (зыя, юя), подъ вліяніемъ русской замѣны формы им. мн. (м.р.) формой вин. мн., а также утраты самост. окончаній во мн. ч. прилагательныхъ средняго рода; теперь ореографическое добрыя им. - вин. ж. и ср. рода мы произносимъ также какъ добрые им. - вин. м.р. (добрыје, добрыи).

Общеславянское сочетаніе іь въ сильномъ положеніи (передъ слогомъ съ выпавшими впослѣдствіи ъ, ь) перешло, повидимому, еще въ общеслав. эпоху въ і, между тѣмъ какъ въ слабомъ положеніи оно измѣнялось въ і неполнаго образованія: общеслав. jaicь, jaice, dostoinъ, moi. Въ русскихъ нарѣчіяхъ такое і полнаго образованія подъ вліяніемъ аналогіи (напр. вліянія окончаній -еп, -ес изъ ьнъ, ьсъ на окончанія -іп, -іс) замѣнялось звукомъ е, ср. діалект. великорусское, а также малорусское и бѣлорусское яец, яешница, так-

же троек, троечка, спокоен, р. мн. воен, боен, сосц, им. боек, р. мн. коек, прид. коечный, перешеек, раёк, наёк, хвоек и т.д. Древнее і находимъ напр. въ изба (истьба изъ іьстьба). Тамъ, гдѣ въ совр. литер. языкѣ является въ указанныхъ суффиксахъ и (-ин, иц), *это и можетъ быть объяснено какъ церковнославянизмъ:* им.ед. воинъ (ср. также въ род. воина (трехсложное вмѣсто ожидаемаго извѣстнаго война), достоинъ, троичная ипостась, таинство, таинственный, воинство, воинственный, воинскій, взаимный.

X. Къ словообразовательнымъ суффиксамъ церковнославянскаго происхожденія относится, какъ кажется, -тель; повидимому, онъ вообще чуждъ русскому языку (ср. тоже въ другихъ слав. языкахъ: словенскомъ, болг., сербско-хорв.), хотя, впрочемъ, житель и древнее волостель слова русскія. Съ увѣренностью признаемъ за церковнослав. слова: предатель, хранитель, властитель, учредитель, потребитель, распространитель, упразднитель, плѣнительница, съ вѣроятностью: учитель, мучитель, знаменатель, утѣшитель, почитатель, покровитель, носитель, повелитель, гонитель, расточитель, сѣятель, исцѣлитель, цѣнитель, правитель, попечитель, проситель и т.д. Въ морфологіи доказываю, что слова учитель, смотритель (ср. мн. учителя, смотрителя) заимствованы; быть можетъ, также и пріятель; -тельница: учительница. Равнымъ образомъ церковнославянскими признаемъ образованія на -тельный (ительный, ательный): страдательный, восхитительный, мучительный, растительный, поразительный, увлекательный, омерзительный, огласительный, оздравительный; простонар.: пользительный; существительныя на -тельность: расточительность, признательность, растительность, на -тельство: учительство, правительство, предательство. - Далѣе церковнославянскимъ является суффиксъ -ствие

бѣдствіе, царствіе, содѣйствіе, лицедѣйствіе, странствіе, путешествіе, безчувствіе, сочувствіе.- Русскія слова съ суффиксами -ство имѣютъ, повидимому, удареніе на немъ: родство, свойство, скотство, озорство, баловство, плутовство, хвастовство; слова съ удареніемъ на корнѣ можно частью признать церковнославянскими: царство, свойство, уродство, богатство (слово богатъ церковное, какъ видно изъ господствующаго произношенія съ γ), господство, братство, непотребство, средство; во всякомъ случаѣ церковносл. должны быть признаны слова на -ество: качество, множество, убожество, человѣчество, рождество, естество (о чемъ сказано было выше). Церковнославянскими являются образованія на -енство (по русски было бы -ёнство): главенство (изъ главьньство), духовенство, степенство (изъ степеньство), отщепенство. -Образованія съ -ес церковнослав.: тѣлесный, небесный, словесный, древесный, тѣлеса (въ значенія полнаго тѣла), чудеса, чудесный. -Вѣроятно, церковнославянскими надо признать и слова на -еніе, -ѣніе, -аніе: ученіе, лѣченіе, страданіе, пѣніе, горѣніе, сожалѣніе, повелѣніе, устроеніе, упоеніе, воспитаніе, растеніе, воспаленіе, загражденіе, освѣщеніе, запрещеніе, учрежденіе; въ русскомъ языкѣ вмѣсто еніе, аніе находимъ енье, анье: опанье, діалект. пѣнье, ввезянье, или еще анье, енье съ удареніемъ на предшествующемъ слогѣ: катанье, глаженье, спатанье, братанье; слова какъ варенье, печенье, прощанье, катанье, гулянье, конечно, русскія, но они не имѣютъ уже значенія отглагольныхъ существительныхъ, а если получаютъ, то подъ вліяніемъ книжнымъ. - Мы говорили выше, что прилагательныя наст. времени вообще представляются сплошь церковнославянскими образованіями, ср. форму ихъ окончаній: -ящій,

-ущій. Но также признаемъ церковнославянскими прич. страд. на -нный; по самой формѣ эти причастія отличаютъ свое церковносл. происхожденіе; древнѣйшіе примѣры причастій на -анный, -енный находимъ въ церковнослав. памятникахъ. Русскія причастныя формы на-ный не имѣютъ значенія причастія, это прилагательныя; ср. мощоный, тканый, печеный, топлёный, мазаный, учоный, точоный, верченый, сѣяный, вѣяный, холеный, воженый, замеженый, замараный, стираный, писаный. Причастія страд. производятся отъ глаголовъ совершеннаго вида и по церковнослав. образцу оканчиваются на -нный: расписанный, размазанный, вымощенный, натопленной, отвязанный, запаханный, размозжённый, утверждённый, запрещённый, учреждённый, загрязнённый, расположенный и т.д. Разумѣется, въ разговорной рѣчи, какъ видно изъ примѣровъ, такія причастія производятся и отъ чисто русскихъ словъ, но напр. запаханный остается такимъ же церковнославянизмомъ, какъ пашущіе, замороженный, какъ хоронящій. И отъ глаголовъ несовершеннаго вида могутъ быть произведены причастныя формы на -нный: видѣнный, слышанный.-Причастія на-вшій,-вшійся также признаемъ ц.слав. образованіями, ибо русск.яз. утратилъ склоняемое причастіе нестрад. залога и замѣнилъ его дѣепричастіемъ; поэтому церковнославянизмы видѣвшій, игравшая, пахавшіе, вернувшійся, взволновавшееся, простившая и т.д.-Русскій яз. утратилъ также склоняемыя формы степеней сравненія; въ совр.разгов.языкѣ ихъ нѣтъ, но здѣсь сохранились склон.формы превосходной степени: умнѣйшій, добрѣйшій, милѣйшіе, любезнѣйшая, кратчайшій, высочайшій, широчайшій, мельчайшія подробности, сильнѣйшія боли-это все церковнославянизмы; меньшой, большой безъ оттѣнка сравненія-русск.слова, но меньшій, большій ц.славянскія; также лучшій.*)

*) *Ломоносовъ §25 Гр. признаетъ разсудительн. и превосх. степени на -шій словенскими: дальчайшій, свѣтлѣйшій, высочайшій.*

Русскими признаемъ только краткія формы со значеніемъ нарѣчія или прилаг. - сказуемаго: сильнѣй, короче, тяжеле, веселѣй, глубже, шире. То обстоятельство, что умнѣйшій является въ народной рѣчи формою чуждою, книжною, такъ же какъ причастія напрм. богатѣющій, старѣющій, объясняетъ, почему вмѣсто умнѣйшій и т.п. употребляется въ народной рѣчи умнѣющій, богатѣющій, сильнѣющій въ значеніи однако очень умный, богатый, сильный безъ оттѣнка сравненія. - Слова съ вы - русскія: выдать, а издать церковнославянское, выходъ, но исходъ, вытекать, но истекать, вымѣрить, но измѣрить, но конечно, среди нихъ есть и русскія: избить, исполосовать, испачкать; вынуть, но изъять, вылить, но излить, вычислить, но исчислить.

XI. Къ числу остатковъ церковнослав. языка въ нашемъ разговорномъ и литературномъ языкѣ относятся многія глагольныя образованія съ многократнымъ значеніемъ. Они обнаруживаются уже извѣстными намъ признаками, напр. наличностью жд въ соотвѣтствія съ кореннымъ *д*, или щ въ соотвѣтствія съ *т*: присуждать, убѣждать, побѣждать, награждать, запрещать, защищать, посѣщать и т.д. (см. болѣе подробные перечни выше). Съ увѣренностью относимъ сюда и тѣ формы, гдѣ въ соотвѣтствія съ коренными *к*, *г* глаголовъ немногократныхъ является ц, з: восклицать при воскликнуть, проницать при проникнуть (русск. литер. проникать), бряцать (при брякнуть), отрицать, попирать, также созерцать (ср. к въ зеркало при церковнослав. зерцало), осязать. Возможно, что русскій языкъ имѣлъ нѣкогда подобныя образованія, но онъ устранилъ въ нихъ *ц*, *з* звуками *к*, *г*, подобно какъ въ великорусскомъ *ц*, *з* въ повел.наклоненія, а также въ формахъ склоненія замѣнены

бели по аналогіи звуками *к*, *г* (пеки, не моги, на порогѣ, въ кускѣ и т.п.). Въ этой замѣнѣ сказалось бы стремленіе сблизить коренную часть глагола несовершеннаго или многокр. вида съ коренною частью соотвѣтствующаго глагола совершеннаго или немногократнаго вида. Ср. съ этимъ вытѣсненіе въ русскомъ языкѣ звуковъ *а* и *ѣ* звуками о и *е* въ случаяхъ какъ прилетать вм. прилѣтати ср. прилетѣть, притекать ср. притеку, отворять при отворить. Впрочемъ, неясно, можно ли русскія отворять, провожать, рожать, прощать, опережать, передѣлять, угощать, наклонять, загонять и т.п. возводить къ отворяти, провожати, рожати и т.д. Повидимому, глаголы на -ати въ древнемъ языкѣ перенесли удареніе на коренную гласную подъ вліяніемъ ударенія формъ настоящаго времени, которыя, какъ показываетъ сербскій языкъ еще въ общеслав. праязыкѣ имѣли удареніе на корнѣ, по крайней мѣрѣ въ формахъ со стяженными окончаніями (-аѩь, -ать, -амъ, -ате); поэтому древнерусск. упра́шаѩь, упра́шамъ и отсюда упра́шати; на это указываетъ удареніе въ упра́шивать, прохáживаться, ухáживать, зана́шивать, забра́сывать, уснáивать, прикра́шивать, закýсывать, высýшивать. Поэтому глаголы по-лага́ть, каса́ться съ сохраненнымъ въ нихъ *а* признаемъ церковнославянизмами; въ русскомъ они неминуемо перешли бы въ* пола́гивать, *ка́сываться. Различіе между родить - рожать и упросить - упра́шивать, слѣдовательно, между родити - рожа́ти, просити - пра́шати сводятся къ тому, что въ древнемъ языкѣ ро́жати въ настоящемъ вр. спрягалось ро́жаю, ́ешь, ́етъ, а прашати спрягалось (пра́шаѩь), пра́шаѩь, прашать, что является стяженіемъ изъ прашааѩь, прашаатъ, ср. старослав. имаамь, имаашн (любопытно удареніе има́мь въ церковнославянскомъ). Церковнославянскому языку и въ древнѣйшія эпохи

его существованія были чужды образованія пращаль, пращании, пращать; они замѣнились черезъ пращаю, пращаеши, пращаеть. Отсюда различіе русскихъ образованій, какъ отвратить - отворачивать, прикрасить - прикрашивать (согласно предыдущему изъ *прикрашать) и церковнославянскихъ, какъ украсить - украшать, отвратить - отвращать. Въ виду этого наше провожать едва ли не церковнослав. образованіе (надо было бы ожидать провождать, ср. сопровождать), ср. проваживать, выпроваживать; также угрожать ср. русск. угрýживать, уснащать ср. уснащивать, вытравлять ср. вытравливать, соужать ср. осуживать, разъяснять ср. проясниваться, нарушать, ср. обрушиваться.

XII. Кромѣ указанныхъ словъ и формъ, обличающихъ свое внѣшнею формою свое церковнослав. происхожденіе, можно указать еще рядъ словъ, самое значеніе кот. и культ. исторія доказываютъ тоже ихъ церковнослав. происхожденіе. Таковы напр. слова кадить, внезапно, стезя, образъ, церковь (склоненіе церквамъ, церквахъ сохранило церк. окончанія, ср. русск. церквямъ, древнерусск. дат. мн. свекровемъ), хоругвь, буква. Послѣднія слова заимствованы изъ германскаго. Отнесемъ сюда же рядъ греческихъ словъ, проникшихъ въ нашъ языкъ черезъ посредство церковнославянскаго: пономарь (изъ парамонарь), пресвитеръ, монахъ, монастырь, келія, архіерей, іерей, епископъ, епитрахиль, епитимья, ересь, еретикъ, кровать, грамота, попъ, діаконъ, дьякъ, подьячій.

Изъ предложеннаго обзора церковнославянизмовъ въ современномъ литерат. языкѣ видно, что въ словарномъ своемъ составѣ онъ по крайней мѣрѣ на половину, если не больше, остался церковнославянскимъ. Какъ мы видѣли, онъ пользуется церковнославянскими элемен-

тами и при граммат. образованіяхъ отъ русскихъ корней: ср. причастія на -ущій, -ащій, напр. стерегущій, ворочающій, молотящій, причастія на -вшій: моловшій, стеревшій, говорившій, причастія на -нный: переоланный, укороченный, убереженный, превосх. степень прилагательныхъ прямѣйшій, холоднѣйшій, прехорошенькій. Въ подобныхъ образованіяхъ видимъ наличность въ одной формѣ и русскаго и церковнослав. элемента. Еще обычнѣе вторженіе русскаго элемента въ исконно церковнослав. слово: ср. перебраниваться (подчеркиваю русскіе элементы), обезвреживать, сотоварищъ, вытрезвлять, человѣчество, вочеловѣченіе, преграду, повреду, здравіе (не сдравіе).

Впрочемъ, въ области морфологіи церковные элементы могутъ быть обнаружены еще въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ: а вм. у въ род. Наши вкуса, предмета, разговора, со страха, изъ гроба и т.д. едва ли не подъ церковнослав. вліяніемъ.

Малорусское вліяніе.

Церковнославянскій языкъ былъ перенесенъ въ Россіи прежде всего малорусскую почву, въ Кіевъ. Правда, Новгородъ крестился одновременно съ Кіевомъ, но онъ въ умственномъ, литературномъ отношеніи находился въ прямой зависимости отъ Кіева и долгое время не имѣлъ въ этомъ отношеніи самостоятельнаго значенія. Конечно, въ Новгородѣ, какъ и въ Смоленскѣ и въ Ростовѣ, переписчики церковнослав. текстовъ вносили въ нихъ вмѣстѣ съ русизмами и свои мѣстныя діалектическія особенности, но не эти вольности переписчиковъ определяли жизненныя явленія въ церковносл. языкѣ на Руси. Явленія эти опредѣлялись въ Кіевѣ. Если діаконъ Григорій, работавшій въ Новгородѣ надъ перепиской евангелія для посадника Остромира, по-

звоняла себѣ въ видѣ общаго пріема смѣшивать юсы съ буквами я, а, оу, ю, систематически замѣнялъ ѣ черезъ я въ словахъ какъ камѣнъ, прѣмо, писалъ ьр, ър, ъл вмѣсто рь, ръ, лъ оригинала и т.п. -Это зависѣло отъ того, что подобные пріемы выработались уже въ Кіевѣ, въ школѣ кіевскихъ грамотеевъ. Усваивая себѣ церковнослав. произношеніе, новгородское духовенство подражало при этомъ кіевскому, въ общемъ не имѣя возможности учиться непосредственно отъ болгаръ. Если предположимъ, что уже въ XI вѣкѣ ѣ звучалъ въ Смоленскѣ какъ монофтонгъ, то возможно, что болгарское ѣ (=ä) смольняне передали бы своимъ звукомъ ѣ; но они передаютъ его, какъ и кіевляне (у которыхъ ѣ былъ дифтонгомъ іе, далекимъ по звуку отъ ä), черезъ е; такъ же передаютъ его новгородцы, отъ чего зависитъ смѣшеніе буквъ е и ѣ въ древнѣйшихъ новгородскихъ памятникахъ (между тѣмъ звуки е и ѣ продолжали различаться еще долгое время). Произношеніе церковнослав. языка въ устахъ кіевлянъ приняло рядъ типическихъ (не общерусскихъ) особенностей малорусскаго нарѣчія. Такъ звукъ г, въ древнеболгарскомъ звучавшій какъ звонкая мгновенная согласная, систематически замѣнялся въ кіевскомъ произношеніи черезъ γ (h). Доказательства, что г на всей Руси въ церковномъ языкѣ произносилось какъ γ(h), у насъ на лицо: до сихъ поръ, нѣкоторые священники, читая Евангеліе и произнося церковныя молитвы, систематически произносятъ г какъ γ (h): ноγа, γрад, γробѣ, γлас, γолубь и т.д.; еще распространеннѣе произношеніе г какъ γ (h) въ окончаніи род. пад. мѣстоименій и прилагательныхъ: тоγо, святаγо, моеγо, добраγо, слѣпаγо, живаγо. Считаю вѣроятнымъ, что церковнославянскій, ставши разговорнымъ, сохранялъ такое γ и въ сѣверновеликорусской области, народнымъ говорамъ которой въ большинствѣ

чуждо γ вообще, а въ частности и въ род. падежѣ (гдѣ оно замѣнено черезъ в). Слѣдовательно, и въ Москвѣ говорили въ книжной рѣчи: ноγа, γрубый, друγа, γонитель, и т.п. Это видно, во первыхъ, изъ того, что въ книжной рѣчи (независимо отъ позднѣйшаго вліянія южновеликор. элементовъ) долгое время держалось произношеніе друх, врах, свлох, нох. Ср. свидѣтельство Ломоносова. Востокова. Въ отвѣтѣ на программу для собиранія особенностей великор. говоровъ N изъ уѣзда сообщается, что въ средѣ духовенства до сихъ поръ держится такое произношеніе.

Во вторыхъ, нѣсколько словъ совр. литературнаго языка сохранили γ до сихъ поръ: это слова по преимуществу церковныя, вошедшія съ церковнымъ произношеніемъ и въ народный языкъ, между прочимъ и въ московское нарѣчіе: Бох, род. Боγа, γосподь, а также еще слова боγатый (очевидно неизвѣстное въ народномъ языкѣ), γосподинъ, блаγо, блаγородный, блаγоразумный и т.д. Въ древности также произносилось γосударь, что видно изъ параллельнаго произношенія осударь, ср. осподь при γосподь, очевидно, черезъ посредство ћосподь, ћосударь. Въ третьихъ, произношеніе сочетаній ге, ги въ словахъ иностранныхъ, какъ јерманія, јенерал, јерой свидѣтельствуетъ также о томъ, что г произносилось какъ γ; эмансипацію отъ такого произношенія видимъ въ устарѣвшемъ, но еще не такъ давно распространенномъ произношеніи g'envar' вмѣсто jenvar (январь), такое же ju являлось и въ книжномъ, а по происхожденію южнорусскомъ произношеніи слова Kn'aj'ina. ср. написанія княиня въ памятникахъ XV - XVIIIв. Отмѣтимъ, что въ церковномъ произношеніи je, ji могло являться и независимо отъ малор. вліянія на мѣстѣ правописныхъ ге, ги въ словахъ греческаго происхожденія, въ виду того, что въ

среднегреческомъ γε, γι произносились какъ je, ji, ср. Егор вм. и при Георгій.

Другимъ случаемъ малорусскаго вліянія на церковное произношеніе является наше простонародное котить, окотить, котины. На великорусской почвѣ крьстити не могло бы перейти въ котити, ибо на мѣстѣ общеслав. сочетанія рь послѣ согласной въ сѣвернорусскомъ и восточнорусскомъ неизмѣнно является сочетаніе р + сильное ь, а сильное ь переходило по общему правилу въ е. Между тѣмъ въ малорусскомъ рь, ль, ръ, лъ въ слабомъ положеніи переходили также въ сочетанія р, л + сильныя ъ, ъ; сильныя ъ, ь по общему правилу переходили въ ы, и въ малорусскомъ (ср. переходъ общерусскаго dobrъi, откуда великор. dobroi, въ малорусскомъ въ dobryi), но кромѣ того они имѣли при себѣ сочетанія рь, ръ, ль, лъ со слабыми ъ, ь и неслоговыми р, л, возникавшія подъ вліяніемъ аналогіи сочетаній рь, ръ, лъ, ль съ сильными ъ, ь и неслоговыми р, л въ сильномъ положенія. Тогда какъ въ малор. при drъva, krьsta, krъvi, slьza издавна существовало произношеніе drъva, krьsta, krъvi, slьza (подъ вліяніемъ drъvъ, krъvь, slьzъ, krьstъ), въ сѣвернорусск. и восточнорусскомъ нарѣчія такое параллельное произношеніе было неизвѣстно; drъva, krьsta, krъvi, slьza фонетически измѣнились въ сѣвернорусскомъ и восточнорусскомъ въ drova, kŕesta, krovi, sĺeza, въ малорусскомъ въ dryva. Криста, криви, слиза. Но кромѣ того въ малорусскомъ явились неизвѣстныя въ другихъ русскихъ говорахъ драва, креста, крви, слза; такое произношеніе засвидѣтельствовано и современными говорами и памятниками. Отсюда видно, что котить, котины, водокща могли фонетически явиться только въ малорусскомъ. Появленіе ихъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ объясняется заимствова-

ніемъ изъ церковнаго языка, который въ свою очередь получилъ ихъ изъ малорусскаго.

Возможно, что произношеніе позволить, дозволить, вызволить возникло въ книжномъ языкѣ также подъ вліяніемъ малорусскаго; малорусы произносили понаволить - дойзволить; дальнѣйшій пропускъ й передъ группой согласныхъ явился уже на великорусской почвѣ; ср. произношеніе пожалуста вмѣсто пожалуйста.

О заимствованіяхъ, проникшихъ въ литературный языкъ.

Въ этой главѣ я не касаюсь тѣхъ заимствованій, которыя вошли въ литературный языкъ вмѣстѣ съ его церковнославянской основой; объ этихъ заимствованіяхъ изъ греческаго языка я говорилъ выше; они неотдѣлимы отъ церковнославянизмовъ. Равнымъ образомъ оставляю въ сторонѣ заимствованія изъ финскихъ, тюркскихъ и другихъ языковъ, которыя вошли въ литературное нарѣчіе вмѣстѣ съ другими русскими элементами изъ живой среды окружавшихъ его р. говоровъ (имѣю въ виду такія заимствованія какъ толокно, лошадь, утюгъ, кушакъ, байка, ковшъ, ендова, кувшинъ, курганъ, аргамакъ, армякъ); эти заимствованія неотдѣлимы отъ русскихъ элементовъ съ точки зрѣнія литер. языка. Я имѣю въ виду тѣ заимствованія, которыя вошли въ литер. языкъ, минуя и церковнослав. языкъ и русскія нарѣчія, и укоренившись впервые въ языкѣ книжномъ стали фактически или потенціально достояніемъ великорусскаго языка вообще, великорусскихъ говоровъ, заимствующихъ эти слова вмѣстѣ съ другими книжными элементами изъ литер. языка. Подобныя заимствованія почти всѣ проникли въ нашъ литературный языкъ вмѣстѣ съ культурными вліяніями западной Европы, начиная съ XIV вѣка. Сначала глав-

нимъ источникомъ заимствованій былъ греческій языкъ, вліявшій на нашъ литературный и непосредственно, благодаря оживившимся сношеніямъ съ Византіей въ XIV - XV в., и посредствомъ южныхъ Славянъ. Вѣроятно, можно указать рядъ греческихъ книжныхъ словъ, перешедшихъ въ русскій церковнослав. языкъ и неизвѣстныхъ въ древнемъ болгарскомъ языкѣ: ср. (Россія) лагунъ (корыто, бочка, кадь) изъ λάγυνος, литавра изъ *πολυταυρέα, лавръ изъ λαῦρος, корманъ изъ , скрыня, скрынька изъ , фонарь изъ греч. . Позже, когда мы вошли въ непосредственныя сношенія съ западной Европой къ намъ хлынуло много романскихъ словъ черезъ посредство итальянцевъ, нѣмцевъ, поляковъ; въ числѣ ихъ были и латинскія слова. Въ XVII в.: аптека, персона, майстеръ, магистръ, гарлецъ (польск. garniec). Въ XVII вѣкѣ видимъ уже значительное число заимствованій изъ германскихъ языковъ въ особенности для выраженія понятій въ разныхъ областяхъ техники. При Петрѣ Великомъ вмѣстѣ съ новыми, иноземными понятіями вторгается весьма много западноевропейскихъ словъ. Поляки играли здѣсь, какъ и раньше, довольно значительную роль въ смыслѣ посредничества (напр. музыка несомнѣнно отъ поляковъ, а не прямо съ нѣмецкаго или французскаго), также цырульникъ, мизерный. Съ польскаго: писарь, лѣкарь (какъ показываетъ ихъ удареніе); опека; м.б. офицеръ, своимъ удареніемъ во мн. свидѣтельствующее объ офицеръ; мѣшкать; банка (польск. banka) и др. Приведу нѣсколько примѣровъ для словъ, иностраннаго западноевропейскаго происхожденія, существовавшихъ уже при Петрѣ Великомъ: атака, ассигновать, ассамблея, аудиторъ, балансъ, багинетъ (польск. bagnet, фр. baionette), базаменто (итальянск. basamento, сплошной пьедесталъ), балберъ (поль-

balbierz изъ нѣмецк. Barbier), брустверъ (нѣм. Brustwehr: ограда для прикрытія), рецидивъ, принципъ, трактиръ. См. Н.А. Смирновъ, Зап. вліяніе на русск. языкъ въ Петровскую эпоху. СПБ. 1910. Въ теченіе всего XVIII вѣка приливъ французскихъ и нѣмецкихъ словъ не прекращался, при чемъ заимствовались не только слова, необходимыя для выраженія новыхъ понятій въ области техники и культуры, но также и такія, которыя имѣли при себѣ въ русскомъ языкѣ равнозначущія или почти равнозначущія синонимы; въ свѣтскомъ обществѣ явилось стремленіе отдѣлиться отъ простонароднаго, избѣгать "подлыя", т.е. обыденныя, простыя выраженія, замѣняя ихъ болѣе вычурными и прежде всего иноземными. Ср. напр. въ концѣ XVIIIв. слова какъ резонъ, консидерація, натура, вояжъ. Въ XIX вѣкѣ, благодаря болѣе національному и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе демократическому направленію въ литературѣ и просвѣщенія, излишнимъ заимствованіямъ въ области обыденныхъ понятій кладется предѣлъ, но за то успѣхи научной и политической мысли, самостоятельныя работы въ относящихся сюда областяхъ, вызываютъ необходимость въ постоянномъ пополненіи языка новыми заимствованіями изъ западноевроп. языковъ. Если примемъ во вниманіе научные термины въ области естественно-историческихъ наукъ и прикладныхъ знаній, то число иноземныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, доступныхъ употребленію въ русской рѣчи, окажется едва ли меньшимъ въ особенности въ литер. рѣчи содержащихся въ ней русскихъ и церковнослав. элементовъ. Каждому изъ насъ знакомы въ извѣстн. степени эти иностранныя слова, вторгшіяся въ русскій языкъ; не буду приводить для нихъ примѣровъ.

Такимъ образомъ въ области лексики, благодаря заимствованіямъ изъ западноевроп. языковъ, литер. языкъ нашъ по сравненію даже съ XVII вѣкомъ совершенно преобразился. Оказали ли однако иноземные языки вліяніе на другія стороны языка, на его фонетику, морфологію, словообразованія, синтаксисъ? Въ области синтаксиса издавна уже отмѣчалось наблюдателями значительное число галлицизмовъ, т.е. оборотовъ, заимствованныхъ изъ французскаго языка; много галлицизмовъ было забыто, оставлено, но нѣкоторые сохранились до сихъ поръ. Въ словообразованіи отмѣтимъ напр. заимствованіе глагольнаго суффикса -ир- (русск. -ировать, -ирую), при чемъ онъ присоединяется иногда уже на русской почвѣ къ иностраннымъ корнямъ: агитировать, препарировать, специализироваться, пропагандировать, руссифицировать и т.д.; отглагольныя существит. на -ація: руссификація, спеціализація, провокація, фиксація, денаціонализація, полонизація, германизація. Слово выглядѣть, выгляжу, выглядитъ оказывается русскимъ переводомъ нѣмецкаго aussehen, sieht aus, при чемъ нашъ глаголъ, несмотря на свое сложеніе съ предлогомъ вы, сохранилъ значеніе несовершеннаго вида (подъ вліяніемъ нѣмецкаго). Выраженіе имѣетъ быть, имѣютъ явиться едва ли не съ польскаго (Овс. Кул. с.117). Въ области морфологіи едва ли можетъ быть обнаружено иностранное вліяніе. Ломоносовъ Гр. §216 признаетъ превосходныя съ приложеніемъ *наи* новыми, съ Польскаго языка взятыми: наилутчій, наичистѣйшій и говоритъ, что они Россійскому слуху непріятны. Но фонетика обогатилась и обогащается рядомъ новыхъ звуковъ, что зависитъ отчасти отъ того, что иностранныя слова произносятся многими по иностранному. Ср. напр. появленіе въ иностран. словахъ сочетаній твердая согласная съ

звукомъ *е*; произношеніе тэма, профэсор или прафэсор довольно обычно у представителей образованныхъ классовъ. Вообще иностранное ц передъ і, сохраняя свою твердость, превращаетъ і въ ы: цырк, цыфра, порцыя, лекцыя, но нерѣдко услышимъ и сочетаніе ц твердое + і: циркуль, Цицерон. Вмѣсто -цыя въ словахъ, какъ лекцыя, Турцыя, извѣстно и цја: лекцја, Турцја. Кромѣ того, многіе замѣняютъ -цыя сочетаніемъ т'ја, т'і̂а и произносятъ нат'і̂а вмѣсто нацыя, смягчая и предшествующія т согласныя, напр. фран'т'і̂а, стан'т'і̂а. Обычно сочетаніе ри послѣ согласныхъ: принц, принцып, но рядомъ и ры: прынц. Нѣкоторыми произносится ӥ въ словахъ какъ брошӥра, бӥваръ, бӥро. Въ последнемъ словѣ слышится по французскому произношенію напряженное (закрытое) о : бӥрô, ср. тоже въ д'епô. Въ словахъ финансы, авансом, провенансы нерѣдко вмѣсто ан носовое а: финасы, авасом. Двойныя согласныя: искусство, аллея.

Глава . Діалектическіе элементы въ литер. языкѣ.

Какъ ясно изъ предыдущаго, всѣ русскіе элементы нашего литер. языка, должны быть признаны великорусскими, въ частности московскими. Лишь кое-что перешло въ него изъ отдаленныхъ эпохъ малорусское. Но широкое распространеніе литер. языка на всю область занятую великорусами, вторженіе путемъ печати, школы, администраціи также и въ бѣлорусскую и малорусскую области сдѣлали нашъ литер. языкъ достояніемъ людей разнообразныхъ нарѣчныхъ групп. Говоря литер. языкомъ, какъ своимъ роднымъ, уроженцы мѣстностей болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ Москвы, а въ особенности тѣ, которые научились литер. языку преимущественно

изъ книгъ и изъ школы, не употребляя его съ малолѣтства, сохраняютъ въ своемъ произношеніи рядъ мѣстныхъ, областныхъ чертъ. Сѣвернорусы съ трудомъ привыкаютъ къ аканью, произнося по старинному о, гдѣ того требуетъ этимологія, на мѣстѣ московскаго а: гора́, нога́, голова́. Южновеликорусы упорно сохраняютъ х въ концѣ словъ на мѣстѣ этимологическаго г, хотя сравнительно легко (въ виду того, что это свойственно и мѣстнымъ южновеликорусскимъ говорамъ) отдѣлываются отъ произношенія г какъ фрикативной согласной: друх, сапох. Гораздо рѣже услышимъ въ говорѣ образованныхъ людей т' въ 3л. ед. и мн., какъ южновелик. чорту: идёт', шумит', сидят'. Малорусы, говоря на литер. языкѣ, не могутъ отдѣлаться отъ звонкихъ шумныхъ согласныхъ въ концѣ слова (такое произношеніе свойственно преимущественно восточноукр. говорамъ): суд, мёд, народ; съ трудомъ они избавляются отъ фрикативнаго γ или h на мѣстѣ г: γора́ (hора́); в въ концѣ слога они произносятъ какъ ў: роў, кроў, останоўка; такъ же какъ сѣвернорусы не всегда поддаются аканью: γора́ (но я γара́); не всегда смягчаютъ согласныя передъ е: серце. Бѣлорусы также удерживаютъ γ на мѣстѣ г, произносятъ в въ концѣ слога какъ ў; кромѣ того съ трудомъ отдѣлываются отъ твердаго р на мѣстѣ мягкаго: бу́ра, цара́, стари́к; стремясь произнести въ такихъ случаяхъ мягкое р, они впадаютъ иногда въ ошибку, замѣняя и исконно твердое р мягкимъ: крясный как рякъ; мягкія т и д они произносятъ съ легкой ассибиляціей: цихо, дзень и т.д. - Объ этихъ діалектическихъ особенностяхъ въ рѣчи говорящихъ литературнымъ языкомъ мы будемъ говорить и дальше. Намъ придется упомянуть не одинъ разъ въ дальнѣйшемъ изложеніи о тѣхъ разновидностяхъ, которыя съ трудомъ пріурочиваются къ той или

другой діалектической области; сюда относятся напр. діалектическое смягченіе губныхъ передъ мягкими зубными (зем'лю, дерев'ня вмѣсто обычнаго и московскаго произношенія землю, деревня), отвердѣніе губныхъ въ концѣ слова: сем; любоф, голуп, отвердѣніе губныхъ передъ мягкими среднепебными согласными: немки, крепкіе, дефки, лафки, рюмки (вмѣсто обычнаго и моск. произношенія нем'ки, креп'кіе, деф'ки, лаф'ки, рюм'ки), отвердѣніе р передъ твердыми губными и задненёбными: первый, серп, зеркало, церкофь, верх (при моск. пер'вый, сер'п, зер'кало, цер'кофь, вер'х), причемъ нерѣдко колебаніе въ предѣлахъ говоровъ (первай, серп, зеркало, черпать, смеркнуцца, верба, но цер'коф', зер'х, четвер'к), отвердѣніе зубныхъ передъ мягкими губными: тверь, дверь, двинут' (вмѣсто болѣе обычныхъ т'вер', д'вер', д'винут'); смягченіе задненёбныхъ, переходъ ихъ въ мягкія среднеңёбныя передъ мягкими зубными: лех'че, век'сель, протек'тіа (вмѣсто болѣе обычныхъ лехче, вексель, протекцыя или протекцја); произношеніе щ какъ шч' вмѣсто болѣе обычнаго произношенія какъ ш'ш': веш'ч'и (а по московски веш'ш'и) и мн. др.

Глава . Объ архаическомъ и искусственномъ произношеніи.

Литер. языкъ, какъ всякій вообще письменный языкъ, менѣе подверженъ измѣненіямъ сравнительно съ живыми народными говорами въ особенности относительно, если принять во вниманіе, съ одной стороны, подверженность литер. языка многочисленнымъ діалектическимъ и иноземнымъ вліяніямъ, а съ другой изолированность того или иного народнаго говора. Традиціонное произношеніе выдерживается строже въ литер. языкѣ, частью благодаря болѣе строгимъ требова-

ніямъ со стороны общественной среды, а частью благодаря вліянію школы; послѣднее вліяніе тѣсно связано вообще съ вліяніемъ письменнаго изображенія звуковъ на ихъ произношеніе. Выше мы указывали уже на такое вліяніе: ср. книжное и искусственное произношеніе: отъ нея, у нея. Иногда письменное изображеніе дѣйствуетъ не консервативно, а напротивъ разрушительно: знакомясь изъ книгъ, газетъ, объявленій со словами жесты, атлетъ, русскіе люди читаютъ ихъ жосты, атлётъ (ибо же, ле можно прочесть не только какъ же, ле, но и какъ жо, лё, ср. жесткій, полетъ).

Вліяніемъ традиціоннаго произношенія, частью поддержаннаго книжными написаніями, объясняются нѣкоторыя колебанія въ произношеніи тѣхъ или иныхъ звуковыхъ сочетаній въ лит. языкѣ. Такъ сочетанія чн въ рядѣ случаевъ произносятся какъ шн: молошный, прачешная, скушно, коришневый, грешневый, подсвѣшникъ, конешно, шутошный, кромешный, горячешный, порядошный, лубошный; во вмѣстѣ съ тѣмъ въ рядѣ другихъ случаевъ держится чн: прочный, точный, восточный, замочный, рѣчно́й, молочно́й, печно́й, безупре́чный, подвѣне́чный, огуре́чный, проточный, встрѣчный, удачный, поперечный и т.д. Принимая во вниманіе, что въ церковнослав. словахъ держится исключительно чн (млечный, мрачный, вѣчный), можно думать, что вообще чн - это книжное, церковнослав. произношеніе, а шн - русское, народное; но чн привилось и къ русскимъ словамъ, ср. удачный, дачный, поперечный. Въ сущности оно въ такихъ словахъ такъ же искусственно, какъ въ нерѣдкомъ произношеніи: конечно, скучно, молочные продукты.

Въ группѣ сти въ разговорномъ языкѣ систематически выпускается т; произношеніе мѣстный вм. и при мѣсный надо признать искус-

ственнымъ.

Глава . Звуковой составъ русскаго литер. языка.

Въ предидущихъ главахъ выяснены тѣ элементы, изъ которыхъ сложился звуковой составъ нашего языка. При этомъ выяснилось, что если словарный составъ его, на половину не русскій, а церковнослав., то звуковой составъ всецѣло русскій; въ нашъ языкъ не перешло вообще изъ церковнославянскаго звуковъ, чуждыхъ русскому языку; со стороны фонетики церковнослав. языкъ обрусѣлъ очень скоро и чуждые русскому языку звуки русскіе люди стали произносить по своему: шт какъ щ (шч), ср. свое русское щ, жд какъ ж, а позже какъ жд (ср. русское жд въ словахъ какъ ждать, каждый), ѣ какъ е, носовые звуки какъ у, а, ѣ, полумягкія согласныя передъ гласными передняго ряда какъ мягкія, и т.д. Такимъ образомъ церковнослав. звуковъ въ нашемъ языкѣ нѣтъ; иноземное ф, перешедшее къ намъ через посредство церковнаго языка, нашло себѣ соотвѣтствіе въ русскомъ ф изъ в въ концѣ слова и передъ глухими согласными. Но литер. языкъ, какъ мы видѣли, имѣетъ звукъ Ɣ въ нѣсколькихъ книжныхъ словахъ: оно сохранилось въ немъ изъ того періода, когда въ церковнослав. языкѣ на Руси господствовало малорусское произношеніе. Прочіе звуки находятъ себѣ полное соотвѣтствіе въ звукахъ московскаго нарѣчія.

Перехожу къ обзору этихъ звуковъ. Оставляю въ сторонѣ общія свѣдѣнія о природѣ звуковъ человѣческой рѣчи, предполагая, что Вы найдете ихъ въ другихъ курсахъ проф. Водуэна-де-Куртенэ, Булича, Щербы. Разсмотрю отдѣльно гласныя и согласныя.

При произведеніи гласныхъ звуковъ артикулируютъ слѣдующіе органы рѣчи: *небная занавѣска:* она можетъ быть или приподнятой, опираясь о стѣнки гортани и преграждая такимъ образомъ воздуху до-

ступъ въ носовую область, или опущенной, предоставляя при этомъ выдыхаемому изъ легкихъ воздуху доступъ какъ въ область рта, такъ и носа. Приподнята занавѣска при произведенiи гласныхъ чистыхъ, неносовыхъ, каковыми являются всѣ вообще гласныя русскаго языка; опущена при носовыхъ гласныхъ, каковыхъ въ русскомъ литер. языкѣ нѣтъ; какъ мы видѣли, въ индивидуальномъ произношенiи встрѣчается носовое а въ иностр. словахъ финąсы, авąнсомъ.

Губы могутъ образовать или болѣе или менѣе значительное воронкообразное округленiе, или болѣе или менѣе значительное продольное отверстiе, черезъ которое проходитъ выдыхаемый воздухъ изъ полости рта. Округленiе губъ сопровождаетъ такъ называемыя лабiализованныя гласныя: *ü* (у), ô, о, *ü*, ö; онѣ складываются въ продольное отверстiе при произнесенiи гласныхъ нелабiализованныхъ а, у (ы), ä, е, i (и).

Нижняя челюсть можетъ находиться при произнесенiи разныхъ гласныхъ въ большемъ или меньшемъ удаленiи отъ верхней. Дальше всего это разстоянiе при гласной *а*, ближе при о, *е*, еще ближе при *u*, i.

Мягкое и твердое нёбо играютъ при произнесенiи гласныхъ пассивную роль, активная же принадлежитъ при этомъ языку. Языкъ въ той или другой части своей опираясь о мягкое (заднее) или твердое (переднее) нёбо видоизмѣняетъ такъ или иначе резонансъ полости рта. При этомъ возможны слѣдующiя три главныя положенiя: а) передняя часть (спинка) языка опирается о твердое (переднее) нёбо; въ результатѣ получаются гласныя передняго ряда или палатальныя: ä, е, i (нелабiализованныя), *ü*, ö (лабiализованныя); б) задняя часть (спинка) языка опирается о мягкое (заднее) нёбо; въ ре-

зультатѣ получаются гласныя задняго ряда или задненебныя: а (нелабіализованное), о, *u* (лабіализованныя), в) средняя часть (спинки) языка опирается о ту часть нёба, которая находится между заднимъ и переднимъ нёбомъ: - это средненёбныя гласныя или гласныя средняго ряда у (ы) (нелабіализованное), *ü*, ö (лабіализованныя). Возможны еще и другія менѣе рѣзко отдѣленныя другъ отъ друга положенія: артикуляція средней части языка о болѣе заднюю часть нёба даетъ въ результатѣ гласныя задне-средненёбныя, артикуляція средней части языка о болѣе переднюю часть нёба - гласныя передне-средненёбныя. Артикуляція языка можетъ быть при этомъ болѣе напряженной (мускулы языка болѣе натянуты) и менѣе напряженной (ослабленной); при большемъ напряженіи получаются гласныя напряженныя: â, ô, ê и т.д., при меньшемъ напряженіи - гласныя ненапряженныя: а, о, е и т.д., иначе гласныя напряженныя называются закрытыми, а ненапряженныя гласныя открытыми. Возможно, что отличіе между тѣми и другими гласными вызывается и другими одновременно дѣйствующими причинами, напр. положеніемъ нижней челюсти, которая при гласныхъ напряженныхъ приближается къ верхней челюсти больше, чѣмъ при гласныхъ ненапряженныхъ.

Въ литер. русскомъ языкѣ извѣстны слѣдующія гласныя (полнаго образованія).

а: задняго ряда нелабіал. ненапр. въ словахъ брат, краса (подъ удар. и въ слогѣ передъ удар.)

â: задняго ряда напряженное извѣстно въ литер. языкѣ подъ удареніемъ передъ звукомъ *ł* въ концѣ слога: дал, бал, балка, галка, или въ положеніи передъ гласной неполнаго образованія (α): znâłα, ustâłα.

о: задняго ряда лабіализ. ненапр., напр. въ словахъ сон, мост, лицо, кожа (только подъ удареніемъ)

ô: задняго ряда лабіализованное напряженное извѣстно въ литер. языкѣ подъ удареніемъ передъ звукомъ ł въ концѣ слога: пол, стол, полка, иголка или въ положеніи передъ гласной неполнаго образованія, гôлаву, парôла.

u: задняго ряда лабіализованное произносится въ слогахъ неударяемыхъ: душа, гулять, сурок.

û: задняго ряда лабіализованное напряженное въ слогахъ ударяемыхъ: душу, гул, слух, а въ неударяемыхъ послѣ ł: луна. Различіе между u и û мнѣ кажется менѣе значительнымъ, чѣмъ различіе между о и ô.

у средняго ряда нелабіализованное ненапряж. извѣстно въ слогахъ неударяемыхъ: сырой, сынок, дымит

ŷ средняго ряда нелабіализованное напряженное извѣстно въ удар. слогахъ: дым, сын, вызбу

ė средняго ряда нелаб. ненапр. въ слогахъ неудар. (на мѣстѣ этимологическаго, правописнаго е): село, сестра, веду; подъ удареніемъ послѣ твердой согласной: tėk

ȧ средняго ряда нелаб. ненапр. въ слогахъ ударяемыхъ послѣ мягкихъ согласныхъ (пишется я): подрядъ, мясо

u̇ средняго ряда лабіализованное ненапр. въ слогахъ неударяемыхъ послѣ мягкихъ согласныхъ (пишется у, ю): чудак, сюда, людской.

û̇ средняго ряда лабіализ. напр. въ слогахъ удар. послѣ мягкихъ согласныхъ: чудо, отовсюду, рюмка

ȯ средняго ряда лабіализованное ненапр. въ слогахъ удар. послѣ

мягкихъ согласныхъ (пишется ё): мёдъ, сёстры.

$\hat{у}$ переднесредняго ряда подъ удареніемъ между ш, ж и мягкой согласной: жизнь, шить, жить

і передн. ряда нелаб. ненапряж. въ неударяемыхъ слогахъ въ началѣ слова и послѣ гласныхъ: игла, хозяинъ, паинька.

$\hat{і}$ передняго ряда нелаб. напряж. въ слогахъ ударяемыхъ и неударяемыхъ послѣ мягкихъ согласныхъ, а также въ началѣ словъ подъ удареніемъ: тихо, тишмя, сила, писать, и́глу

е передняго ряда нелаб. ненапряж. въ ударяемыхъ слогахъ въ концѣ слова и передъ твердой согласной (е, ѣ): крестъ, мѣра, мнѣ.

$\hat{е}$ передняго ряда нелаб. напряж. въ удар. слогахъ передъ мягкой согласной (е, ѣ): день, мѣрить, на сѣнѣ.

ä передняго ряда нелаб. ненапряж. въ ударяемыхъ слогахъ между мягкими согласными: пять, мячик, зять, окончаніе.

ӥ передняго ряда лаб. ненапряж. въ неударяемыхъ слогахъ между мягкими согласными: людéй, люби́ть.

$\hat{ӥ}$ передняго ряда лаб. напряж. въ ударяемыхъ слогахъ между мягкими согласными: лю́ди, лю́бишь.

ö передняго ряда лаб. ненапряж. въ ударяемыхъ слогахъ между мягкими согласными (ё): тётя.

Замѣчанія о гласныхъ полнаго образованія. Вмѣсто ė средняго ряда, которое я слышу напр. въ своемъ произношеніи, какъ въ московскомъ нарѣчіи, такъ и въ литер. языкѣ употребляется и звукъ і (быть можетъ, ненапряженное), напр. виду, систра. Сомнѣваюсь, чтобы вмѣсто ė (или согласно предыдущему, также и) слышалось $\hat{ė}$. - Возможно, что въ индивидуальномъ произношеніи ä, ӥ, $\hat{ӥ}$, ö произносятся какъ а, *и*, $\hat{и}$, о, но я слышу различные звуки

въ радъ и рядъ, саду и сяду, блуду и блюду, лот и лёт; звуки ȧ, u̇, û̇, ȯ представляются промежуточными между а, u, û, о и между ä, ü, ü̂, ö. - Впрочемъ, мнѣ хорошо извѣстно, что рядъ лицъ въ положеніи между мягкими гласными не произноситъ правописныхъ я, ю, ё, какъ ä, ü, ü̂, ö, а какъ ȧ, u̇, û̇, ȯ, или даже какъ а, u, û, о; но въ моемъ произношеніи явственно различные звуки въ взять и взятъ, люди и людъ, тётя и тётка. Звукъ ä болѣе открытый звукъ чѣмъ е, чѣмъ ä въ нѣмецкомъ Bähr; звукъ ü̂ близокъ къ франц. u въ lune, нѣм. ü въ Sünde; звукъ ö близокъ къ франц. е въ un (гдѣ ö носовое), нѣм. ö въ Löffel. Возможно, что ŷ неизвѣстно въ индивидуальномъ произношеніи, но я произношу различно три звука послѣ ж (ż): франц. Gil, русск. жизнь и жиръ, жили и жилъ, шиля и шилъ.

Замѣчу еще, что гласныя а, о, û, т.е. заднія, въ положеніи передъ согласными мягкими (палатальными) становятся въ конечной части артикуляціи близкими къ ȧ, ȯ, û̇: bab'i имѣетъ другое а, чѣмъ baba, doć другое о, чѣмъ don (Донъ), dûńa другое u, чѣмъ dûra. Самостоятельнаго обозначенія оттѣнки такихъ а, о, û не требуютъ.

Кромѣ гласныхъ полнаго образованія русскій языкъ имѣетъ и гласныя неполнаго образованія, т.е. такія, при которыхъ органы рѣчи, хотя и настроены тѣмъ или другимъ соотвѣтственнымъ образомъ, но приближаются вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря не энергичной артикуляціи къ состоянію безразличія, покоя. Литер. языкъ имѣетъ нѣсколько гласныхъ съ ослабленною артикуляціей (напр. въ извѣстныхъ случаяхъ ослабленно произносятся гласныя i, u, у въ неударяемыхъ слогахъ), но болѣе опредѣленно выступаютъ слѣдующія двѣ гласныя: 1) α гласная ~~задняго~~ ряда ненапряженная бо-

лве суженная, чѣмъ гласная ɑ полнаго образованія, при чемъ, какъ увидимъ, различаются два оттѣнка - менѣе напряженный ɑ (передъ слогомъ съ а): стаража́, гаварить и болѣе напряженный â (передъ слогомъ съ і, u, у): старика́, галубо́й, барыни́. 2) ɛ гласная средняго ряда ненапряженная по условіямъ произношенія близкая къ ė, но представляющая ослабленную артикуляцію: vɛ́sɛ́lícɑ (веселиться), pɛ́tačók (пятачекъ).

При еще большемъ ослабленіи артикуляціи является такой гласный звукъ, который произносится при совершенномъ безразличномъ спокойномъ положеніи органовъ рѣчи, вслѣдствіе чего проходящій черезъ полость рта голосъ не измѣняется въ зависимости отъ того или иного резонанса; обозначу этотъ звукъ буквой ʌ (ла) (перевернутое ᴠ слова vox) : Kaz'l'onʌčik.

Гласныя полнаго образованія производятся при тѣсномъ смыканіи въ гортани голосовыхъ связокъ; это производитъ треніе выдыхаемаго воздуха о вибрирующія связки, что и даетъ голосъ. Но если голосовыя связки смыкаются не тѣсно, а только приближаются болѣе или менѣе одна къ другой, то въ результатѣ прохожденія черезъ нихъ воздуха получается шопотъ; такъ являются и шопотомъ произносимыя гласныя. Гласныя ɑ, ɛ шопотомъ произносятся почти такъ же, какъ въ громкомъ разговорѣ; отсюда видно, что при произношеніи ихъ наступаетъ не только ослабленіе артикуляціи органовъ рѣчи, но еще и шопотное положеніе голосовыхъ связокъ.

Наиболѣе узкія гласныя (а узость гласныхъ опредѣляется степенью приближенія спинки языка къ нёбу, почему о, е у́же, чѣмъ а; u, у, і у́же, чѣмъ о, е), т. е. u, у, і при еще большемъ су-

женія (еще большемъ приближенія спинки языка къ нёбу), становятся звуками полугласными, по условіямъ образованія близкими къ согласнымъ. Въ русскомъ лит. языкѣ извѣстна полугласная *i̯*; она встрѣчается только въ неслоговомъ употребленіи, т.е. въ соединеніи съ гласной, причемъ гласная можетъ ей предшество-

Звуки могутъ быть произносимы различно въ отношеніи къ ихъ дли-

вать или же слѣдовать за ней. Тѣ и другія сочетанія можно назвать дифтонгами, но собственно дифтонгами (разумѣя именно двугласныя) назовемъ сочетанія гласной съ послѣдующимъ i̯, ибо въ сочетаніяхъ i̯ съ послѣдующей гласной звукъ i̯ склоненъ вообще утратить функцію гласной, переходя въ согласную j; впрочемъ, русскій литер. ~~языкъ~~ вообще такого перехода не знаетъ. Такимъ образомъ находимъ сочетанія i̯ съ гласными задняго и передняго ряда: i̯a (причемъ a звучитъ чисто, не ȧ, ср. ядъ и мясо), i̯â (изъялъ), i̯o (i̯orš: ершъ), i̯ô (i̯ôłka), i̯u (znai̯ut: знаютъ), i̯û (i̯ûnαšα, pi̯ût), i̯î (i̯îx: ихъ), i̯e (i̯exat'), i̯ê (i̯êl'i: ѣли), i̯ä (i̯ät': ять, назв. буквы), i̯ü̂ (на i̯ûg'i: на югѣ), i̯ö (s'emi̯öi̯: семьёй). Собственно дифтонги: ai̯ (dai̯: дай), oi̯ (stroi̯: строй), ûi̯ (bui̯nαi̯: буйный), îi̯ (arud'îi̯nαi̯: орудійный), êi̯ (b'êi̯: бей), äi̯ (čäi̯: чай, val'äi̯: валяй), ü̂i̯ (gar'ü̂i̯: горюй), öi̯ (p'et'ernöi̯: пятерней); αi̯: dobrαi̯ (добрый), εi̯ (vyp'εi̯: выпей). Кромѣ того русскій литер. языкъ имѣетъ u̯ извѣстное только въ дифтонгахъ âu̯, ôu̯ въ именахъ собственныхъ и заимствованныхъ словахъ: au̯kcyon (аукціонъ), Fau̯stαvα (Фаустово), Jau̯za (Яуза), Breu̯nαf (Броуновъ); тѣ же дифтонги âu̯, ôu̯, а также ûu̯, ŷu̯, îu̯ являются въ произношеніи тѣхъ лицъ, у которыхъ ł въ концѣ слога замѣняется звукомъ u̯: dâu̯, bŷu̯.

тельности; въ частности и гласныя могутъ быть долгими, полудолгими, краткими и полукраткими или очень краткими. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ долгихъ гласныхъ; подъ ударенiемъ гласныя обыкновенно полудолги; такое именно впечатлѣнiе они производятъ по сравненiю съ кр. гласными другихъ языковъ, ср. нѣм. Kochen, Knochen, waschen, Ratte, Gasse, gucken, Zippen и русск. косу, ваши, погасли, гусли, липа; впрочемъ передъ двойной (долгой) мгнов. согласной гласная и въ русскомъ языкѣ кратка, напр. parušščik, proššii, дiалект. trét'tii; они кратки и передъ нѣкоторыми группами согласныхъ, ср. točit съ полудолгимъ o, но točka съ краткимъ, dočeŕi съ полудолгимъ o, но dočka, pł̃ačet съ полудолгимъ a, но zapłačka съ краткимъ a подъ ударенiемъ. Въ слогѣ передъ ударенiемъ гласныя обыкновенно кратки: daská, pirók, sapók, gul'at', а въ остальныхъ неударяемыхъ слогахъ они, какъ кажется, вообще полукратки, при чемъ на мѣстѣ полукраткихъ a, o, e являются, какъ мы видѣли, гласныя неполнаго образованiя α, ε: krαsatá, vεlíčina, Kŭrαsl'ép, pivαvár, rýbaki, des'ét'i.

Звуки гласныя могутъ быть произносимы различно въ отношенiи къ ихъ силѣ; наиболѣе сильно произнесенная въ словахъ гласная называется ударяемою. Въ русскомъ литер. языкѣ, какъ видно изъ предыдущаго разбора, не всѣ гласныя являются подъ ударенiемъ, а только нѣкоторыя, а именно въ ударяемыхъ слогахъ неизвѣстны, во-первыхъ, ненапряженныя гласныя u, y, ė, u̇, i, ü; во-вторыхъ, гласныя неполнаго образованiя α, ε; напротивъ, въ неударяемыхъ слогахъ неизвѣстны: напряженныя гласныя â, ô, û (но tûpa, tûbok) ŷ, î, û, ê и ненапряженныя o, ȯ, ö, e, ȧ, ä; одинаково и въ неудар. и въ ударяемыхъ слогахъ извѣстны только: a (внѣ ударенiя только передъ удар. слогомъ), i. - Впрочемъ, въ словахъ слабоударяемыхъ, а таковыми явля-

ются слова со служебнымъ значеніемъ (союзы, нарѣчія), а также слова, потерявшія свое реальное значеніе (присловья), звуки а и е могутъ употребляться и подъ (слабымъ, ослабленнымъ), удареніемъ: on znàčit, da òrat, ty màt, nu tak, rad gat' (т.е. радъ, говорить). Получая удареніе такое а переходитъ въ е, напрым. въ словѣ tèk(тэкъ).

Согласныя. Главнымъ и существеннымъ отличіемъ согласныхъ отъ гласныхъ является наличность при произнесеніи первыхъ разнаго вида шумовъ въ полости рта, почти отсутствующихъ при произнесеніи гласныхъ; гласные звуки являются результатами измѣненія голоса (т.е. тренія выдыхаемаго воздуха о голосовыя связки) въ зависимости отъ того или иного резонанса, обусловленнаго тѣмъ или инымъ положеніемъ языка въ отношенія къ нёбу, къ нёбной занавѣскѣ, въ отношеніи къ зѣву и т.д.; согласные звуки - это тѣ шумы, которые производитъ выдыхаемый воздухъ, упираясь о преградившій ему вполнѣ или отчасти выходъ изъ полости рта тотъ или иной органъ рѣчи (языкъ, губы). Но такъ какъ степени загражденія бываютъ различныя, отъ минимальнаго загражденія, при которомъ воздухъ проходитъ совершенно свободно, до полнаго загражденія, при которомъ воздуху для своего прохожденія приходится сдѣлать взрывъ преградившихъ ему ходъ органовъ рѣчи, то различіе между гласными и согласными оказывается относительнымъ; согласныя при произнесеніи которыхъ воздуху предоставлено свободное, малостѣсненное прохожденіе, оказываются близкими къ гласнымъ, отличаясь отъ нихъ тѣмъ, что свободная вообще струя стѣснена въ той или другой части полости рта; эти согласныя называются плавными и носовыми; дальше отстоятъ отъ гласныхъ тѣ

согласныя, при произношенiи которыхъ для прохожденiя голоса оставлена узкая щель, при чемъ тренiе воздуха о сомкнувшiеся органы рѣчи производитъ значительный шумъ; эти сочетанiя назовемъ шумными фрикативными или длительными; еще дальше отстоятъ отъ гласныхъ тѣ согласныя, при произношенiи которыхъ полость рта замыкается въ той или иной части совсѣмъ, такъ что выдыхаемому воздуху для своего прохожденiя приходится взрывать соответств. соединенiя органовъ рѣчи; этотъ взрывъ производитъ тотъ шумъ, который называемъ согласной шумной взрывной или мгновенной. Такимъ образомъ взрывныя и фрикативныя согласныя объединяются общимъ представленiемъ о шумѣ въ полости рта, произведеннымъ будь то взрывомъ, будь то тренiемъ. Кромѣ того шумныя согласныя въ противоположность плавнымъ и носовымъ заключаютъ въ себѣ не только такiя согласныя, при произношенiи которыхъ воздухъ, проходя черезъ голосовую щель, производитъ голосъ, но также и такiя, которыя произносятся безъ участiя голоса, т. е. при отсутствiи соприкосновенiя между голосовыми связками: первыя изъ такихъ шумныхъ согласныхъ называются звонкими, а вторыя глухими. Правда, глухими могутъ быть также плавныя и носовыя, но только при наступленiи особыхъ условiй, напр. въ томъ или иномъ ихъ соединенiи съ глухими шумными согласными; въ русскомъ языкѣ такiя глухiя плавныя и носовыя почти неизвѣстны. Итакъ разсмотримъ сначала плавныя и носовыя согласныя, а потомъ шумныя.

Плавныя и носовыя. Въ русскомъ языкѣ извѣстны слѣдующiя плавныя: r, r', ł, l'. При произнесенiи r кончикъ языка прижи-

ЛИТ БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П.

стоя къ твердому нёбу настолько неплотно, что выдыхаемый воздухъ, достигнувъ до образовавшагося затвора приводитъ кончикъ языка въ дрожаніе, устремляясь наружу черезъ получающееся при этомъ отверстіе; при произнесеніи г' къ твердому небу прижимается передняя часть спинки языка, которая подъ напоромъ воздуха приходитъ въ такое же дрожаніе, какъ кончикъ языка при произнесеніи г. Въ индивидуальномъ произношеніи встрѣчается и такое г, при произнесеніи котораго къ заднему (мягкому) нёбу прижимается задняя спинка языка, приходящая въ движеніе подъ напоромъ выдыхаемаго воздуха; такое задненебное г можно условно изобразить буквой ρ. Наконецъ, извѣстно и губное г, производимое при дрожаніи губъ: этотъ звукъ употребляется при останавливаніи лошадей. Звукъ ł получается при прохожденіи воздуха въ одно или оба боковыя отверстія, оставленныя языкомъ, своею переднею стѣнкою плотно прижавшимся къ твердому (переднему) нёбу и касающимся пространства за верхн. рядомъ зубовъ своимъ кончикомъ, а заднею своею частью опирающимся о мягкое (заднее) нёбо: łos! łan! Западноевр. l (французское, нѣмецкое) неизвѣстно литерат. русск. языку: оно отличается отъ русскаго тѣмъ, что языкъ опирается своимъ кончикомъ въ переднее нёбо (а не въ область за верхними зубами), оставаясь въ задней своей части въ нормальномъ, не приподнятомъ положеніи. Близко по условіямъ образованія къ европ. l русское l': языкъ опирается въ переднее нёбо не своимъ кончикомъ, а переднею частью своей спинки.

Носовыя n и m въ полости рта преграждаютъ воздуху свободное прохожденіе плотнымъ затворомъ, образуемымъ при n кончи-

комъ языка, прижавшимся къ луночной области, т.е. къ мясистымъ частямъ, въ которыхъ сидятъ верхніе зубы, а при m сближеніемъ нижней и верхней губы; эти затворы взрываются воздухомъ, но отличаются n и m отъ соотвѣтствующихъ зубныхъ и губныхъ взрывныхъ тѣмъ, что воздухъ свободно устремляется при ихъ произнесеніи черезъ носовую полость между тѣмъ какъ при произнесеніи взрывныхъ согласныхъ нёбная занавѣска поднята и преграждаетъ воздуху доступъ въ носовую полость. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ, извѣстно еще заднenёбное n (ŋ), при произнесеніи котораго происходитъ затворъ, образуемый прижатіемъ задней спинки языка къ мягкому нёбу, взрываемый затѣмъ выдыхаемой струей воздуха, одновременно устремляющемся въ полость носа; быть можетъ, именно такое ŋ слышится въ словѣ коŋка въ индив. произношеніи. Мягкое n' отличается отъ n тѣмъ, что къ твердому нёбу прижимается передняя часть спинки языка, а при произнесеніи мягкаго m' точно также прижимается къ твердому нёбу передняя часть спинки языка, между тѣмъ какъ кончикъ языка опирается о заднюю часть нижняго ряда зубовъ.

Плавныя и носовыя, какъ видно изъ предложеннаго ихъ описанія, въ существенныхъ чертахъ сближаются съ гласными, а именно тѣмъ, что выдыхаемая струя воздуха проходитъ свободно или черезъ носовую полость (при произнесеніи носовыхъ, ср. носовыя гласныя), или черезъ полость рта (при произнесеніи плавныхъ); но съ согласными они сближаются тѣмъ, что при произнесеніи ихъ слышатся шумы, однородныя съ тѣми, которыя наблюдаются при шумныхъ согласныхъ и производящіеся или взрывомъ (при m, n, ŋ) или дрожаніемъ кончика языка (при r), или наконецъ треніемъ о стѣнки по-

лости рта (при t, l). Близость физіологическая къ гласнымъ объясняетъ, почему во многихъ языкахъ плавныя и носовыя выступаютъ въ качествѣ слоговыхъ звуковъ, т.е. главныхъ звуковъ въ слогѣ, между тѣмъ какъ обыкновенно эти функціи составляютъ удѣлъ гласныхъ звуковъ. Въ русскомъ языкѣ плавныя и носовыя неизвѣстны въ качествѣ слоговыхъ. Съ другой стороны отличіе плавныхъ и носовыхъ отъ гласныхъ объясняетъ возможность появленія ихъ безголосныхъ оттѣнковъ; безъ голоса (т.е. безъ вибраціи голосовыхъ связокъ) нѣтъ гласныхъ, при отсутствіи звучащаго голоса не можетъ быть произведенъ гласный звукъ; напротивъ, шумы при произношеніи плавныхъ и носовыхъ играютъ такое существенное значеніе, что эти звуки не теряютъ своей природы и при отсутствіи голоса, т.е. звучащей струи. Глухія r, l, n, m встрѣчаются вообще рѣдко; въ русскомъ языкѣ они появляются въ концѣ слова послѣ глухихъ согласныхъ, ср. глухое r въ Пётр (откуда и Пёт), рупль (откуда и руп, рупь), драхм (примѣръ проф. Богородицкаго).

Шумныя согласныя распадаются на нѣсколько категорій, сообразно съ мѣстомъ неполнаго (при фрикативныхъ) или полнаго (при взрывныхъ) затвора органовъ рѣчи. Активную артикуляцію проявляетъ при этомъ нижняя губа, языкъ и заднее нёбо. При полной, интенсивной вибраціи голосовыхъ связокъ, получаются звонкія шумныя согласныя (въ громкомъ разговорѣ), при слабой вибраціи ихъ шумныя согласныя, произносимыя шопотомъ, а при отсутствіи всякой вибраціи связокъ получаются согласныя глухія. Такимъ образомъ въ каждой категоріи шумныхъ, опредѣляемой мѣстомъ затвора, полнаго или съ протокомъ, различаются звонкія и глухія согласныя. Сообразно съ активнымъ выступленіемъ нижней губы, языка и

мягкаго нёба, шумныя согласныя распадаются на губныя, язычныя и такъ называемыя фаукальныя отъ лат. слова faux: зёвъ (ибо мягкое нёбо артикулируетъ о заднюю стёнку зёва).

Разсмотрю отдёльно каждую изъ этихъ категорій.

Губныя могутъ быть губно-губными или губно-зубными, въ зависимости отъ того, примыкаетъ ли нижняя губа къ верхней губё или къ верхнему ряду зубовъ. Въ русск. литер. языкё соединеніе обёихъ губъ производитъ полный затворъ; такимъ образомъ получаются губно-губныя звонкое b и глухое p (ср. выше носовое m); напротивъ, соединеніе нижней губы съ верхнимъ рядомъ зубовъ даетъ затворъ съ протокомъ: такъ получаются губно-зубныя звонкое v и глухое f. Рядомъ съ твердыми b, p, v, f извёстны и мягкія: при произнесеніи ихъ передняя часть спинки языка одновременно съ соотвётств. губной артикуляціей прижимается къ твердому небу; bok, pas, voł, frant; b́ič, ṕero, v́as (вязъ), f́eja (фея).

Язычныя различаются по тёмъ областямъ нёба, о которыя оперируетъ языкъ, и по тёмъ частямъ языка, которыя активно артикулируютъ. Во-первыхъ, это зазубныя: кончикъ языка артикулируетъ о пространство, находящееся непосредственно за верхнимъ рядомъ зубовъ; при полномъ затворё получаются взрывныя звонкое d и глухое t, при затворё съ протокомъ - фрикативныя звонкое z и глухое s (ср. выше носовое n). Во-вторыхъ, это альвеолярныя: кончикъ языка артикулируетъ объ альвеолы (зубныя лунки) заднихъ зубовъ; при затворё съ протокомъ получаются - фрикативныя звонкое ž и глухое š (иначе, они называются шипящими въ противоположность свистящимъ s и z). Въ третьихъ, это какуминальныя: нижняя часть загнутаго назадъ кончика языка артикулируетъ объ альвеолы; взрыв-

ныя d, t, фрикативныя ž, š встрѣчаются только въ индивидуальномъ произношеніи говорящихъ литер. языкомъ. Въ-четвертыхъ, это смягченныя зубныя: одновременно съ артикуляціей, производящею зубныя твердыя, передняя часть спинки языка прижимается къ твердому нёбу: взрывныя d', t', фрикативныя z', s'. Въ пятыхъ, это смягченныя альвеолярныя (шипящія): одновременно съ артикуляціей, производящею альвеолярныя твердыя, передняя часть спинки языка прижимается къ твердому нёбу: фрикативныя ž́, š́; смягченныя согласныя встрѣчаются частью только въ индивидуальномъ произношеніи (напр. naś́š́ếś́ńik), частью же только въ долгомъ видѣ (двойныя ž́, š́ изображаемыя буквами жж, зж и щ). Въ шестыхъ, средненёбныя смягченныя: средняя часть спинки языка прижимается къ передней части средняго нёба: взрывныя ǵ, ḱ, фрикативныя j, χ́; въ русск. литер. языкѣ отсутствуютъ средненёбныя несмягченныя, при произнесеніи которыхъ средняя часть спинки языка прижимается вообще къ среднему нёбу, а не только къ передней его части. Въ седьмыхъ, задненёбныя согласныя: задняя часть спинки языка артикулируетъ о заднее (мягкое) нёбо: взрывныя g, k, фрикативныя γ, χ (ср. выше носовое ŋ).

Фаукальныя согласныя производятся взрывомъ полнаго затвора, образуемаго соприкосновеніемъ мягкаго нёба къ задней стѣнкѣ зѣва. Онѣ встрѣчаются только въ соединеніяхъ съ послѣдующими n и m на мѣстѣ этимологическихъ t, p (глухіе фаукальные) и d, b (звонкіе фаукальные); какъ мы знаемъ, взрывъ n происходитъ тамъ же, гдѣ взрывъ t, d, а взрывъ m тамъ же, гдѣ взрывъ p, b; въ сочетаніяхъ tn, dn и pm bm вмѣсто взрыва свойственнаго звукамъ t, d и p, b получается взрывъ преграждающей воздуху доступъ въ носовую область

нёбной занавѣски (задней части мягкаго нёба), прижавшейся къ задней стѣнкѣ зѣва. Ср. фаукальныя согласныя (обозначаю глухой звукъ знакомъ, а звонкій знакомъ + надъ строкой) въ parˊnoį, a⁺man, a⁺mako).

Кромѣ перечисленныхъ простыхъ согласныхъ русскій языкъ имѣетъ нѣсколько слитныхъ согласныхъ, называемыхъ *аффрикатами*; они образуются изъ тѣснаго соединенія взрывной съ соотвѣтствующей фрикативной, при чемъ въ результатѣ такого соединенія является нѣсколько ослабленное произношеніе взрывной; сюда относятся аффрикаты: c (пишется ц), разлагающееся на ts и ʒ (пишется дз, напр. въ фамиліи Модзалевскій или въ словахъ какъ подзадоривать, подзывать), разлагающееся на dz; далѣе: č (пишется ч), разлагающееся на t (очевидно не зубное, а альвеолярное) и š и ǯ (пишется дж, напр. въ поджаривать), разлагающееся на альвеолярное d и ž. Впрочемъ, č извѣстно въ литер. языкѣ въ мягкомъ видѣ (č́) и представляетъ, слѣдовательно, соединеніе t съ š́. Остальныя аффрикаты тверды, хотя возможно, что въ индивид. произношеніи c при извѣстныхъ условіяхъ мягко (напр. въ словѣ b'ect'vije, roct'venik). Равнымъ образомъ индив. произношеніе ž́ž́ какъ ž́ǯ́ (напр. pož́ǯ́e) знаетъ мягкое ǯ́ (ср. š́č́ вм. обычнаго š́š́).

Носовые, плавные и шумные согласные могутъ употребляться не только въ краткомъ, но и въ долгомъ видѣ. *Долгіе* согласные въ русскомъ литер. языкѣ получаются или изъ соединенія двухъ краткихъ, напр. kam̄nai вм. kamen-nai, s̄ora вм. ssora, s̄ynam, z̄'imy (первая часть z твердая, а вторая смягченная), ḡatav, padakiyat' (знакъ долготы можно ставить надъ буквой и подъ ней), или подъ вліяніемъ аналогіи: d'erevan̄ai, atavan̄ai (ср. kam̄nai, ram̄nai,

sukon̄ai̯). Кромѣ того, находимъ n̄ въ церковнослав. по происхожденію причастіяхъ страд. залога: čeřeňa'on̄ai̯, prodan̄ai̯. Также въ иностранныхъ словахъ: kas̄a, pres̄a, van̄a, t'el'egram̄a. Впрочемъ, ł и l' въ иностранныхъ словахъ обыкновенно упрощаются: al'êi̯d, bałast, il'ustracja; произношеніе съ двойной согласной представляется искусственнымъ, слишкомъ книжнымъ.

Рядъ дополнительныхъ замѣчаній объ употребленіи въ русскомъ литер. языкѣ гласныхъ и согласныхъ будетъ сообщенъ ниже при обзорѣ: 1) дѣйствующихъ въ настоящее время звуковыхъ законовъ, 2) нѣкоторыхъ пережитыхъ моск. нарѣчіемъ звуковыхъ процессовъ въ прошломъ.

. Дѣйствующіе въ настоящее время въ совр. литер. языкѣ звуковые законы.

Строго говоря въ языкѣ неиндивидуальномъ нѣтъ активныхъ звуковыхъ законовъ. Они зарождаются въ индивидуальномъ языкѣ, какъ вообще измѣненіе въ языкѣ, передаваясь языку окружающей среды путемъ подражанія въ томъ случаѣ, если эти измѣненія отвѣчаетъ уже сложившимся въ языкѣ индивидуумовъ, входящихъ въ эту среду, условіямъ. Среда сдерживаетъ разрушительный процессъ, вносящійся въ языкъ каждымъ говорящимъ, рѣшительно осуждая и отвергая всякое измѣненіе неожиданное, не оправдываемое психологическими и физіологическими условіями, общими для всей окружающей среды, и принимая то, что естественно вытекаетъ изъ этихъ условія Закономѣрность въ явленіяхъ языка оказывается не въ томъ активн. процессѣ, кот. ведетъ за собой измѣненія въ звукахъ и формахъ яз., а въ томъ пассивн. процессѣ, кот. регулируетъ ихъ, вноситъ согласованіе съ дѣйств. нормами, распространяясь на однор. случаи.

Этотъ пассивный процессъ принадлежитъ коллективной средѣ говорящихъ (составляющихъ семью, общину, племя, народъ), между тѣмъ какъ активный процессъ зарождается въ языкѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, импонирующихъ средѣ своимъ соціальнымъ положеніемъ, своимъ умомъ, талантами, образованіемъ (культурностью). Разсматривая дѣйствующіе въ настоящее время звуковые законы, мы имѣемъ въ виду тѣ пассивные процессы, которые могутъ быть наблюдаемы напр. при вторженіи въ языкъ того или иного элемента (иноязычнаго, инонарѣчнаго), не согласованнаго съ другими сходными, однородными элементами; подъ дѣйствіемъ указанныхъ пассивныхъ процессовъ измѣняются звуки вторгшагося чужероднаго элемента, они замѣняются звуками, согласованными съ существующею и живущею въ языковомъ представленіи говорящихъ нормою. Такъ заимствуя иностранное слово la comète (фр.), русскій языкъ, въ силу дѣйствующихъ въ немъ лексикологическихъ и морфологическихъ нормъ, переводитъ его въ разрядъ др. словъ съ окончаніемъ на Kometa; но сочетаніе me чуждо русскому языку; оно замѣняется поэтому сочетаніемъ m'e; отсюда заключаемъ, что въ русскомъ языкѣ дѣйствуетъ законъ о смягченіи согласныхъ передъ e; онъ такъ же живучъ, какъ и въ общерусскомъ праязыкѣ, когда его можно впервые наблюсти, но разумѣется, живучесть эта пассивная, а не активная; мы измѣняемъ Ko eta въ Kom'eta въ силу подражанія господствующей нормѣ; и то же имѣло мѣсто въ общер. праязыкѣ; активный процессъ имѣлъ мѣсто въ общер. эпоху въ индив. языкѣ тѣхъ или иныхъ лицъ; обобщенъ же онъ, проникнувши во всѣ слова языка, уже въ силу пассивнаго процесса говорящей среды. Въ совр. языкѣ Kom'eta не перейдетъ далѣе въ *Kom'ota, между тѣмъ какъ въ языкѣ старшаго періода такой переходъ былъ бы необходимъ (ср. P'otr вм. P'etrъ,

S't'ora вм. S't'era, švokla вм. švekla, греч. σεῦκλον); очевидно, въ настоящее время уже не действуетъ процессъ, по которому некогда всякое е въ положеніи после мягкой согласной и передъ твердой изменялось въ о. Слово Kometa въ нашемъ литер. языке звучитъ Kameta въ силу того, что въ слоге предударномъ о изменяется у насъ въ а (ср. vada, Kaleno); изменяя Kometa въ Kameta мы подчиняли заимствованное слово господствующей звуковой норме и заключаемъ отсюда, что въ числе действующихъ въ настоящее время законовъ находится и законъ о переходе о въ а въ предударномъ слоге. Правда, мы говоримъ sonet (а не sanet), но сохраненіе здесь иностраннаго произношенія зависитъ отъ того, что это слово не вошло въ обыденную речь; оно такъ же мало противоречитъ утвержденію о наличности закона, по которому предударное о переходитъ въ а, какъ произношеніе профэсор, тэма съ несмягченными ф, т. Слово парадъ (фр. la parade, нем. die Parade) мы произносимъ парат съ t вместо конечнаго д въ силу закона, по которому звонкія шумныя согласныя становятся глухими въ конце слова: законъ этотъ признаемъ действующимъ; говоря по французски мы произнесемъ la limonade, la commode, la méthode, le club, l'étage, по русски - l'imonat, kamot, m'état, klup, etaš, и это въ силу действующихъ и въ настоящее время законовъ. Такимъ образомъ видимъ, что анализъ совр. языка приводитъ къ обнаруженію какъ звук. законовъ, действующихъ въ настоящее время, такъ и законовъ, действовавшихъ въ прошедшія эпохи.

Приведу рядъ действующихъ въ настоящее время законовъ, разсмотревъ сначала законы, относящіеся только къ употребленію гласныхъ, затемъ законы, относящіеся къ употребленію согласныхъ, далее законы, относящіеся къ соединенію гласныхъ и согласныхъ между

собою, наконецъ, законы, относящіеся къ соединенію глас. между собою.

1. Гласная у (ы) не терпима въ началѣ слова и слога и извѣстна только послѣ согласныхъ.

2. Гласныя ŷ, û, û, û извѣстны только подъ удареніемъ, въ неударяемыхъ слогахъ имъ соотвѣтствуютъ ненапряженныя у, u, ü, ü: dûšu, sŷnα, но dušá, synók.

3. Гласныя о, ȯ, ö извѣстны только подъ удареніемъ: most, t'ȯtka, t'öt'α.

4. Въ слогѣ предударномъ вмѣсто о является а: mastý, gadók, tavít', pragrés.

5. Въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ вмѣсто о и а является α: mastavâiα, starίka, naxadít', távαk, slóvα, prαpagándα.

6. Начальное α, однако, замѣняется черезъ а: adinók, afséca, ab'ižát, astarožnα.

7. Звукъ ė на мѣстѣ этимологическаго е и др. является въ предударномъ слогѣ; въ другихъ неударяемыхъ слогахъ ему соотвѣтствуетъ ε: l'ėt'ét', výl'et'εt, vel'íčina.

8. Звукъ i напряженъ въ началѣ слова подъ удареніемъ: îva, ненапряженъ въ неудар. слогѣ, напр. iván, igrá. Послѣ гласной i внѣ ударенія ненапряженно: vóin, xazäin, но voînstvénnai.

9. Гласныя о, а подъ удареніемъ становятся напряженными (ô, â) въ положеніи передъ ł, стоящимъ въ концѣ слога или передъ гласной неполнаго образованія: bâłkα, bâłαvαt', igôłkα, gâłavu.
Такъ же въ положеніи передъ u въ нѣкоторыхъ заимств. именахъ и словахъ: Brâun, Fâustαrd, Brôunαf.

10. Гласныя задняго ряда а, о, u подъ удареніемъ переходятъ въ въ гласныя средняго ряда послѣ смягченныхъ согласныхъ, а именно

въ ȧ, ȯ, û: mata, l'ot, čudα; онѣ переходятъ въ гласныя передняго ряда ä, ö, ü между смягченными согласными: žät', t'öt'α, lüdi.

11. Въ неударяемыхъ слогахъ u послѣ мягкихъ согласныхъ переходитъ въ ü, а между мягкими согласными въ ü: čudak, čud'it'.

12. Въ предударномъ слогѣ а и о переходятъ послѣ мягкихъ согласныхъ въ ė: sėlo (ср. сѣверноруск. solo), sėstra (ср. сѣвернор. sostra), čėsy, vėzat', pėtak, gl'edi, mėsnik. Въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ не конечныхъ въ словѣ а и о послѣ мягкихъ согласныхъ переходятъ въ ε: pεtačok, t'εzėlo, mεdanosnαį (ср. mod, l'od), vygl'εnεt, zavεs' (завязь), na p'εt' (на пять), na vεsnu.

13. Въ конечн. слог. неуд. а и о послѣ мягкихъ согласныхъ переходятъ въ α тамъ, гдѣ эти неудар. гласныя ассоціировались съ удар. а и о въ родственныхъ словахъ и образованіяхъ: banα (ср. mazna), vol'α (ср. s'emla), dobrαiα (ср. maiα), morα (ср. ruzio). dobrαiα (ср. maio), v'id'α (ср. naša), sėmα (ср. sėman). Но тамъ, гдѣ подобной ассоціаціи не было вмѣсто конечныхъ а, о послѣ мягкихъ согласныхъ найдемъ ε: dait'ε (ср. сѣвернор. діалект. dait'a изъ dait'a), dabrėiε (ср. сѣвернор. діалект. dobrėiα), mėlčε, bagačε.

14. Послѣ согласныхъ š и ž на мѣстѣ а, о слышатся тѣ же звуки, что послѣ мягкихъ согласныхъ, это указываетъ на то, что эти звуки явились тогда, когда š и ž были еще мягки. Поэтому žėna (ср. сѣверн. žona), šėl'it, šėlun, žėl'ėt', pšėno. Произношеніе žara, šary надо признать новымъ, явившимся подъ вліяніемъ žar, šar. Точно такъ же находимъ šεtavl'if, tošεt', kušεt'. Въ концѣ слова, съ одной стороны todžα, tužα (ср. žα слабоударяемое въ случаяхъ, какъ sastal'nymi žα, krasnuiu žα), съ другой, užε, xužε, bol'šε, krašε.

15. Звуки а, о, û подъ удареніемъ передъ слѣдующей мягкой согласной и передъ і измѣняются въ концѣ въ направленіи къ гласнымъ передняго ряда baba, но bäbi, goru, но görα, dûp, но na düb'i. Звукъ u не подъ удареніемъ послѣ ł измѣняется въ своемъ началѣ въ направленіи къ напр. гласной: łûbok, łûna.

16. Звукъ е передъ мягкими согласными и передъ і звучитъ какъ ê подъ удареніемъ: mera, но mêrit', sena, но na sêni, l'ezu, но l'ês, p'eł, но pêl'i, ср. еще ucênie, andrêi, vetêr, ocêl'nik, sêlskai, mêt'it' и т.д.

16. Сочетаніе ei произносится какъ ii: sinii, karovii, kozii, tretii, vypii.

17. Звукъ у не употребляется послѣ смягченныхъ согласныхъ.

18. Послѣ отвердѣвшихъ (см. выше) согласныхъ š, ž, а также послѣ отвердѣвшаго с вмѣсто і произносится у: šyrokai, žyła, žyr, kuricy, kupcy, nažy, kožy, syt. Поэтому и въ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ обыденную рѣчь, вм. і слышится у послѣ š, ž, с: cyrkul', cyrul'nik, cyfra, šyrma, žyrafa, šyna и т.п. Но если за у въ томъ же слогѣ стоитъ мягкая согласная, оно звучитъ какъ гласная болѣе передняго ряда (переднесредняго ряда) ẏ: žyt', žyzn', dvužyl'nai, šyr и т.д.

19. Передъ і всѣ вообще согласныя, какъ увидимъ, произносятся мягко; но, какъ указано, общее отвердѣніе согласной ведетъ за собой переходъ слѣдовавшаго за нею і въ у (ср. выше); равнымъ образомъ, отсутствіе смягченія согласной подъ вліяніемъ звуковой аналогіи имѣетъ слѣдствіемъ переходъ слѣдующаго за нею і въ у: такой случай наблюдается въ отношеніи согласныхъ предлоговъ, какъ v, iz, s, nad, pod, ob, k; онѣ не смяг-

чаются вообще по аналогіи случаевъ, гдѣ эти предлоги стоятъ передъ гласными задняго или средняго ряда, а также передъ твердой согласной. Звукъ i послѣ такой согласной и подъ ея вліяніемъ замѣняется звукомъ y. Начало этому явленію въ глубокой древности, но продолжается оно до сихъ поръ; ср. at yvana (вм. ot ivana), vŷzbu, kygnatu, kyz'b'e, vŷgraχ, at ykony, abykon'e, at ymen'i; также въ сложныхъ словахъ: atygrasса, abyskat'. Впрочемъ, послѣ k слышится также i, а k замѣняется иногда черезъ k': k'ikon'e, k'imen'i, k'istin'e, k'ikon'e, k'ɵmen'i. Произношеніе abistin'e, abil'ie, равно и ob'iχot объясняется м.б. книжнымъ вліяніемъ. Кажется, въ индив. произношеніи допускаются при этомъ и сочетанія твердая согласная + i: ab il'je, at ivana.

20. Сходное явленіе имѣетъ мѣсто въ сочетаніяхъ предлоговъ съ начальнымъ e, вообще встрѣчающимся только въ мѣстоименіи etot. Возможно, что e переходитъ послѣ несмягченной согласной въ ė, ê т.е. въ соотв. гласную средняго ряда: atėtava, ŝetim, izėtava. Впрочемъ, въ индив. произношеніи слышатся и e, ê: atetava, ketomu, sẽtim

21. Сочетанія ky, gy, χy неизвѣстны въ совр. языкѣ; они замѣнились черезъ k'i, g'i, χ'i еще въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ; поэтому sat – sady, bop – baby, но katok – katk'i, voda – vod'y, но noga – nog'i. Въ окончаніи прилаг. м.р., какъ strogai̯, uprugai̯, l'oxkai̯, vysokai̯, слышится не yi̯, а ai̯. Равнымъ образомъ въ многокр. глагольныхъ образованіяхъ на этим. -ивать послѣ твердой согласной слышится, повидимому, не y, а a на мѣстѣ i: vyskakavat', padyskavat', panukavat', zapugavat'.

22. Согласныя звонкія въ концѣ слова переходятъ въ соотв. глухія: sat, vos, karof, stof, došš, sapok. Произношеніе sapox, parox, drux въ индив. произношеніи - черта діалектическая (южновеликорусская).

22[1]. Согласныя губныя въ концѣ слова сохраняютъ мягкость только подъ вліяніемъ мягкости губныхъ въ родственныхъ образованіяхъ: на źem' (ср. на źemi), krof' (kravi), gołup' (gołuba). Въ индивидуальномъ произношеніи распространено отвердѣніе мягкихъ губныхъ и въ такихъ случаяхъ: śem, krof, l'ubof, na źem.

22[2]. Звуки š, ž, c отвердѣли при всякомъ положеніи въ словѣ: patsvešnik, patsnežnik, parubežniki, šterżen, šyrok, šar, car, cerkaf, kuźnecy, nažy, naci.

Примѣчаніе 1-е. Долгія (или двойныя) š, ž сохраняютъ свою мягкость: vożżi, drożżi, ugaššu, sakraššu.

Примѣчаніе 2-е. Мягкія š и ž встрѣчаются въ единичныхъ случаяхъ въ индивидуальномъ произношеніи: ubežišša. Нѣкоторыя лица произносятъ š, ž послѣдовательно передъ мягкими язычными: pasmešnik, prežnei, zdešnii.

23. Глухія согласныя передъ звонкими шумными (кромѣ v) произносятся какъ звонкія, а звонкія шумныя передъ глухими какъ глухія: fpitat', f kuźnicu, fperot, noška, skaska, dafka, kłupka, votka, patkova, iskazit' - adbit', zbyt', maładba, svadba, kazba. Ср. рядомъ svoi, tvoi.

23[a]. Всѣ согласныя, кромѣ отвердѣвшихъ š, ž, c произносятся мягко передъ гласными передняго ряда i, e (ɛ). Ср. произ-

ношенiе иностранныхъ именъ: b'ismark, t'irol, t'ema, kaf'ed-ra, gr'ecia.

Примѣчанiе. Произношенiе tema, profesar, švedy представляется искусственнымъ.

23б. Конечное s отвердѣваетъ, если не защищено аналогiей со стороны s' въ родств. образованiяхъ (какъ въ gús): astaiús вм. astaiús, učus, brosítas, radítas, vžétas, ńesus. Ср. отвердѣнiе конечнаго t' въ 3л. ед. и мн.: učit, ńesot; въ инфинитивѣ t' защищено аналогiей t'i въ ńest'i, past'i; dast, iest, фонетически вм. dast', iest', а iest' (est) едва ли не церк.сл. архаизмъ: ср. sut' также boχvest'.

23в. Мягкiя k', g', x' извѣстны только передъ гласными передняго ряда e, i: ruka, patki, xitrai; въ концѣ слова k' (на мѣстѣ этимологическаго g' изъ gi вм. zi или прямо вм. z) отвердѣваетъ: lak (2 л. пов.). Сочетанiя k'a, k'u, g'a и т.п. чужды лит. языку, но онъ принялъ k'a въ k'axta; иностран. gu переходитъ въ gi: gintar (фамилiя).

24. Язычныя согласныя передъ мягкими язычными (кромѣ r) мягки: snim, zdetat, pastel, končik, ftornik, ..., gončaja, kost', petla, india, kančat. Въ islandia, skandinavia, kanditer, (при kanditer) п твердо вслѣдствiе неподчиненiя этихъ иностр.словъ общей нормѣ.

Въ индивидуальномъ произношенiи r отвердѣваетъ: porča, gornica, ftornik, dvornik, gorlica, gorlenka, kurnik, perčatka, verčenai.

Примѣчанiе 1-е. Сочетанiя tn, dn, какъ мы знаемъ, замѣняютъ t, d фаукальными согласными; поэтому нельзя

говорить о смягченіи t,d передъ n', но группа фаукальныхъ согласныхъ +n' составляетъ одно палатальное цѣлое ср. е въ l'ednik, peredn'ik. Сочетанія tl',dl' произносятся съ однимъ общимъ взрывомъ; поэтому нельзя и здѣсь говорить о t' d', ср. petla.

Примѣчаніе 2-е. Зубныя согласныя въ концѣ предлоговъ вообще не смягчаются передъ слѣдующей согласной: padnat',atnat', paddelat' (но и paddelat'). Но snat', s'nim.

26. Язычныя согласныя мягки передъ мягкими губными: d've, t'ver', čet'vert', izb'e, d'veri, d'vigat', vet'vi, karmit', skorp. Произношеніе съ отвердѣвшими язычными нерѣдко tver', dvinut. Искусств. kanfeta.

Примѣчаніе 1-е. Согласныя t,d предлоговъ вообще не смягчаются передъ губными: padvenečnai, padvetrenaia starana, atvet, atvedat', atvazyvat', atmetka.

Примѣчаніе 2-е. Обычно ствердѣлъ r': karmit'.

27. Язычныя согласныя сохраняютъ свою этимологическую мягкость передъ твердыми губными и задненебными: kazoa, svad'ba, Kuz'ma, vasmoi, pis'mo, ved'ma, sud'ba, fpat'max, t'ma, gan'ba, gur'ba, bar'ba, gor'kai, car'ka, Kus'ka, gus'kon, tur'ma.

Примѣчаніе. Смягченіе r въ сочетаніи ьr передъ твердыми губными и заднеязычными произошло еще въ эпоху общеслав. (гдѣ была полумягкость) и общерусскую,(гдѣ полумягкость превратилась въ полную мягкость). Въ литературномъ языкѣ r' сохранилось въ слѣдующихъ словахъ: čet'verk, cerkaf', ver'x, šterva, менѣе распространены (pervai, zerkala).

Вообще же r' отвердѣло: verba, serp, cerpat', usserp, merknut', ср. его отвердѣніе въ d'verka. Можно думать, что мягкость r въ tür'ma удерживается подъ вліяніемъ: t'ürem, t'üremnai, а въ bar'ba, gur'ba подъ вліяніемъ другихъ словъ на -ba (gud'ba, sud'ba).

28. Язычныя согласныя теряютъ свою этимологическую мягкость передъ твердыми язычными: gornai, godnai, d'erevenskai, ženskai, carskai, adnu

29. Мягкое l' сохраняетъ свою этимологическую мягкость при всякомъ положеніи, между прочимъ передъ твердыми зубными: ispol'nai, l'du, pril'nut'.

30. Губныя мягки передъ мягкими средненёбными: krepkiie, nemki, šapki, laf'ki, rumki, ssepki, d'ef'ki, šomgi.

Примѣчаніе. Весьма однако распространено отвердѣніе губныхъ въ такомъ положеніи: rümki, propki, nemki, d'efki, ssepki.

31. Губныя мягки передъ мягкими губными не въ началѣ словъ: simb'irsk, imb'ir, lomb'ernai. Извѣстно ли также fp'erot, не знаю.

32. Губныя тверды передъ язычными (и твердыми и мягкими): t'omnai, krüpnai, pravda, zeml'u, d'erevna, stebli, seebrenai, lapt'i, ropset, opsestva.

Примѣчаніе. Въ индивидуальномъ произношеніи мягкость губныхъ сохраняется передъ мягкими язычными въ особенности послѣ ударяемаго ê: zeml'u, s't'eb li, d'e evna, naxl'ebnik.

33. Задненёбныя сохраняются не смягчаясь передъ мягкими язычными: l'exče, noxt'i, maxče, lokt'i, koxt'i, veksel'.

Примѣчаніе. Въ индивидуальномъ произношеніи задненёбныя переходятъ въ мягкія средненёбныя передъ мягкими язычными въ особенности послѣ e: veksel', l'exče. Также объясняется произношеніе l'ekt'ia, prat'ekt'ia, sekt'ia, гдѣ tia замѣнило болѣе обычное

произношеніе сіа и суіа.

34. Въ группѣ stn, zdn звукъ t, d (точнѣе-замѣнившія t, d фаукальныя согласныя) послѣдовательно опускаются praznai, grusna, pril'esnai, vlasnai, poz'nei, namesnik.

Примѣчаніе. Произношеніе mes-nai съ фаукальной согласной передъ n представляется книжнымъ и искусственнымъ.

35. Двойныя долгія согласныя упрощаются въ концѣ слова, также передъ согласными и послѣ согласныхъ: f'in, f'inskai (но f'iny и f'iny подъ вліяніемъ fin; vana) ruskai, francuskai, -opsesvo (вм. opssestvo; opsina, bors, marsina.

Примѣчаніе. Рядомъ opscesvo, borsc, marscina у тѣхъ, кто произноситъ ss какъ sc. Въ индивидуальномъ произношеніи s вмѣсто ss отвердѣваетъ: opsesva, opsyna.

36. Въ сочетаніи ii, i удерживается въ началѣ словъ iix, iixnii, едва ли не подъ вліяніемъ ievo, ieio, вообще же ii измѣняется въ i въ положеніи послѣ гласныхъ: strait'el'nai, pait'.

37. Въ слогахъ неударяемыхъ т.е. передъ неударяемой гласной, i въ положеніи послѣ гласной произносится редуцировано и даже совсѣмъ исчезаетъ, при чемъ слѣдующее за нимъ a переходитъ въ a (шопотное) e въ i (шопотное), u въ u (шопотное): staia, произносится staa, staiu, stau. (а произносится не какъ чистое а, но какъ а склонное къ а въ концѣ (ср. п. 15), na'deius, какъ nad'eus, seiu, какъ seu, igraiet, какъ igrait, igraiut, какъ igraut, seia, какъ sea.

38. Въ положеніи послѣ t мягкое s' отвердѣваетъ: sabratsa, datsa, zdvetsa, snitsa, ср. отвердѣніе n' послѣ t въ patsotnesnik и patsotnysnik, вм. patsotnesnik).

О нѣкоторыхъ звуковыхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ болѣе древнія эпохи и сказавшихся на московскомъ нарѣчіи.

Рядъ колебаній въ произношеніи въ современномъ московскомъ нарѣчіи и современномъ литературномъ языкѣ можетъ быть объясненъ только при предположеніи, что въ настоящее время уже не дѣйствуютъ тѣ законы, которые раньше производили въ языкѣ тѣ или иныя звуковыя измѣненія. Къ наиболѣе значительнымъ изъ нихъ относится законъ объ измѣненіи е въ о въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ. Сравнительное изученіе русскихъ нарѣчій доказываетъ, что въ общерусскую эпоху уже сложилось это явленіе, а сравненіе съ другими славянскими языками дѣлаетъ вѣроятнымъ, что зачатки его относятся къ общеславянскому праязыку.

1. Въ общеславянскомъ праязыкѣ мягкими были только тѣ согласныя, которыя явились въ результатѣ смягченія: а) r, l, n передъ i̯ (j) б) s, z передъ i̯ (j), откуда š, ž в) t, d передъ i̯ (j), откуда čč и ǯǯ г) задненебныхъ они смягчались въ болѣе древнюю эпоху въ č, ž, š въ позднѣйшую въ c', z' или ʒ' s') передъ гласными передняго ряда и i̯ (j) въ результатѣ измѣненія сочетанія kt передъ гласными передняго ряда и въ результатѣ позднѣйшаго вліянія предшествующихъ гласныхъ передняго ряда. Звукъ е послѣ всѣхъ этихъ смягченныхъ согласныхъ перешелъ тамъ, гдѣ за нимъ не было въ слѣдующемъ слогѣ гласной передняго ряда въ ö: čömu, licö, kъnęžö, našö, morö, polö, vьšöho, къ nömu. Въ общерусскомъ праязыкѣ это ö перешло въ звукъ болѣе задній, а именно въ ȯ. Такимъ образомъ въ общерусскую эпоху ȯ послѣ исконно мягкихъ согласныхъ являлся на мѣстѣ этимологическаго е: 1) въ положеніи въ концѣ слова, 2) въ положеніи передъ твердой согласной. Отсюда далѣе въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ ȯ и о въ со-

временномъ литературномъ ȯ послѣ сохранившихся мягкими согласными и о послѣ отвердѣвшихъ; примѣры приведу только для ударныхъ слоговъ, ибо въ неударныхъ слогахъ о не удерживалось, переходя вообще въ а, α, а послѣ мягкихъ согласныхъ въ ė, ε итакъ 1) l'ico, fs'ȯ 2)ššoku, žonkα, pčolka, šorax, sam šost.

Тотъ же звукъ ȏ явился въ нарѣчіяхъ древнерусскихъ на мѣстѣ ь передъ твердыми согласными (ср. переходъ ъ въ о) ср. совр. čornai, žornαf, šolk, čoln, žoltai.

Звукъ е послѣ i̯ и послѣ несмягченныхъ согласныхъ оставался въ общеславянскомъ праязыкѣ безъ измѣненія. Въ общерусскомъ праязыкѣ передъ е, какъ и передъ другими гласными передняго ряда, смягчались всѣ вообще согласныя. Это е перешло въ ö въ положеніи передъ слѣдующими твердыми согласными, а передъ мягкими согласными въ ê; такъ явились въ общерусскомъ: n'ösu, v'östo, s'östry, s'östrẏ, m'öd'ъ, p'ök'ъ, при n'ês'i, p'êk'l'i, s'êm'ь. То же сохранялось въ нарѣчіяхъ древнерусскихъ, при чемъ послѣ паденія глухихъ сильныя ь передъ твердыми согласными явились также въ видѣ ö, а передъ мягкими въ видѣ ê (ср. переходъ ъ въ о): p'ös, d'ön, m'örtv, d'örn, но d'ên', p'ên', v'ês', l'ês't'. Въ концѣ слова послѣ мягкихъ согласныхъ на мѣстѣ е являлось ä: id't'ä, m'ên'ä, ies'm'ä. То же ä являлось на мѣстѣ е и послѣ i̯: žiti̯ä (изъ žitьi̯ä), l'ist'i̯ä, koli̯ä и т.п. Въ великорусскомъ нарѣчіи ö съ теченіемъ времени измѣнилось въ ȯ; ср. современ. литер. m'ȯt, s'ȯstry, n'ȯs, v'ȯsta, p'ȯk, p'ȯs, d'ȯn, m'ȯrtvai̯, d'ȯrn. Звукъ ä одновременно перешелъ въ а въ слогахъ слабоударяемыхъ, напримѣръ, m'ên'a, t'êb'a, тогда какъ въ сильно ударяемыхъ явилось на мѣстѣ ä, какъ кажется е. Въ словахъ žiti̯ä, ruži̯ä, и т.п., ä замѣнено было звукомъ о (ȯ), заимствованнымъ изъ другихъ словъ ср. рода, какъ kal'co, l'ico, v'êsto, s'êto, p'êro.

Такимъ образомъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ общею нормою стала гласность после мягкихъ согласныхъ звука о (ȯ) передъ твердыми согласными и ê передъ мягкими согласными. Вслѣдствіе этого, если по той или другой причинѣ отвердѣвала согласная послѣ ê - это ê замѣнялось звукомъ о (ȯ). Впрочемъ, какъ кажется, надо различать нѣсколько категорій случаевъ: 1)согласная отвердѣвала передъ слѣдующей твердой согласной, 2)отвердѣніе š и ž, 3) отвердѣніе c. Въ первыхъ двухъ категоріяхъ дѣйствительно по общему правилу ê, быть можетъ, черезъ посредство е переходило въ о: t'ȯmnai̯, p'erėl'ȯtnai̯, nai̯ȯmnai̯, pad'ȯš, grao'ȯš, mȯžu, gatavȯška, ad'ȯža, s'ėrȯža, между тѣмъ въ третьей категоріи вмѣсто ê является е: kupec, kuz'nec, švec. Возможно, что отвердѣніе произошло въ первыхъ двухъ категоріяхъ (въ первой это даже навѣрное) раньше, чѣмъ въ третьей, при чемъ отвердѣніе с наступило уже тогда, когда законъ о непремѣнномъ измѣненіи е въ о передъ твердой согласной уже былъ нарушенъ, уже не существовалъ. Но возможно и другое объясненіе: ê замѣнялось черезъ о только передъ такими согласными, которыя произносились лабіализованно, т.е. при томъ же положеніи губъ, при которомъ произносятся о, *u* , оно замѣнялось черезъ е передъ согласными нелабіализованными. Самый переходъ е въ ö въ общерусскомъ праязыкѣ зависѣлъ, повидимому, отъ лабіализованнаго произношенія твердыхъ согласныхъ, являясь такимъ образомъ въ результатѣ ассимиляціи гласной е слѣдующей согласной (ср. переходъ е въ ê передъ палатал. согласными тоже въ результатѣ подобной ассимиляціи). Теряя свою мягкость подъ вліяніемъ слѣдующей твердой, слѣдовательно, лабіализованной согласной, отвердѣвшая согласная становилась сама лабіализованною и вліяла такимъ образомъ на переходъ предшествующаго е въ ö; такимъ образомъ t'ȯmnai̯ вм.

t'ẽmai, можно понять какъ уподобленіе звука ê слѣдующему лабіализованному m, если объяснить такимъ уподобленіемъ появленіе ö-въ sam, (о sön (откуда samsöm) въ общерусскомъ праязыкѣ. Отвердѣніе š и ž могло сопровождаться ихъ лабіализацией; но согласныя вообще склонны къ лабіализаціи въ разныхъ языкахъ, напротивъ c отвердѣвая не должно было подвергаться лабіализаціи; поэтому e передъ ними не переходило въ ö-ó, а измѣнялось только въ е. Въ пользу предложеннаго объясненія можно привести еще слѣдующія соображенія: 1) нѣкоторые факты языка доказываютъ, что въ московскомъ нарѣчіи c отвердѣло раньше, чѣмъ š и ž; ср. подчиненіе основъ на c склоненію твердыхъ основъ, напримѣръ въ родительномъ множественномъ, гдѣ находимъ Kupcof, matatcof (при Kupcy, matatcy), между тѣмъ, какъ основы на š, ž сохранили связь съ основами на мягкую согласную: nažêi, fšêi (при nažy fšy), ср. rubl'êi, mecêi, 2) отвердѣніе губныхъ въ случаяхъ какъ zeml'u не повело за собой перехода ê въ ö потому, что u не могло лабіализоваться передъ мягкой согласной, (хотя возможно, что отвердѣніе въ такихъ случаяхъ сравнительно ново).

Во всякомъ случаѣ недавно отвердѣвшія согласныя не влекутъ за собой перехода е въ ö. Это можно объяснить или такъ, что ко времени ихъ отвердѣнія уже нарушился законъ о переходѣ е въ ö передъ твердыми согласными, или такъ, что при такомъ позднѣйшемъ отвердѣніи не лабіализировались вообще отвердѣвшая согласная. Ср. отвердѣніе губныхъ передъ мягкими язычными: примѣры: zeml'u, d'erevna, отвердѣніе губныхъ передъ суффиксомъ sk, звучавшемъ повидимому долго какъ śk (ś вмѣсто s подъ вліяніемъ предшествующей согласной): zemskai, отвердѣніе зубныхъ и r передъ тѣмъ же суффиксомъ:

d'ɛrevenskai, ženskai, отвердѣніе r передъ твердыми губными и задненебными: ɦervai, čerpat', serp, zerkala. Также діалектич. отвердѣніе губныхъ передъ мягкими средненебными sserki.

Откуда же пошло нарушеніе общаго закона о переходѣ е въ ö передъ твердыми согласными? Быть можетъ оно явилось слѣдствіемъ перехода звука ѣ въ е, совпаденіе звуковъ ѣ и е;ѣ въ древнерусскомъ звучало отлично отъ е,сначала какъ ie а затѣмъ діалектически вѣроятно,какъ iê.Когда въ московскомъ нарѣчіи,какъ и во многихъ другихъ,ie утратило свою неслоговую часть древнее ѣ стало звучать въ положеніи передъ твердой согласной какъ е,а передъ мягкой какъ ê: mera, merit.Такимъ образомъ въ цѣлой категоріи случаевъ получилось соединеніе е съ послѣдующей твердой согласной;е уже не могло въ этихъ случаяхъ подчиниться господствовавшей до тѣхъ поръ нормѣ,требовавшей передъ твердой согласной ö;это повело къ тому,что е передъ твердой согласной стало вообще терпимо.И когда соединеніе е съ твердой согласной получалось позже въ результатѣ отвердѣнія согласной послѣ ê, е уже не переходило въ ö - ȯ.

Въ настоящее время,такимъ образомъ,литературное нарѣчіе, сохраняя древнее чередованіе ȯ передъ твердой согласной-ê передъ мягкой, имѣетъ рядъ случаевъ, гдѣ оно нарушено. Всѣ случаи подходятъ подъ слѣдующія категоріи: 1) е передъ отвердѣвшимъ c: Kupec, 2) е на мѣстѣ ѣ передъ твердой (или отвердѣвшей) согласной: vek, r'eš, mesta, meĺkai, (стар. мѣлькъıи), 3) е передъ поздно отвердѣвшими согласными: zeml'u, zemskai, d'ɛrevenskai, serp, čerpat', діалектич. sserki. 4)е передъ твердой (или отвердѣвшей) согласной въ словахъ церковнославянскихъ: neba, krest, žertva, abyknavennai, duxavenstva, padeš, met'eš (ср. перечень этихъ словъ выше).

2. Въ настоящее время видимъ, что въ московскомъ нарѣчіи въ слогахъ ударяемныхъ извѣстны гласныя о,а,е,ê,между тѣмъ какъ въ предударныхъ вмѣсто о,а являяся а, вмѣсто е,ê является ė,а въ прочихъ неударяемныхъ слогахъ вмѣсто о,а – α,вмѣсто е,ê –ε; при этомъ послѣ мягкихъ согласныхъ въ предударныхъ слогахъ вмѣсто о,а находимъ е,а въ прочихъ неударяемныхъ слогахъ ε, но въ концѣ словъ подъ вліяніемъ граммат. аналогіи не ε, но α. Понять эти явленія какъ было отчасти уже указано можно только съ исторической точки зрѣнія, предполагающей, что нѣкогда звуковыя отношенія нарѣчія, предшествовавшаго московскому, были иныя, чѣмъ теперь. Конечно, явленія современнаго московскаго нарѣчія и литературнаго нашего языка не трудно понять какъ результатъ редукціи неударяемыхъ гласныхъ а, о, е, ослабленія ихъ въ положеніи не подъ удареніемъ и замѣны ихъ гласными неполнаго образованія. Но неяснымъ представляется хотя бы то обстоятельство, что *о* и *а* въ неудаояемомъ (но непредударномъ) слогѣ одинаково нетерпимы, замѣняясь здѣсь черезъ α, между тѣмъ какъ въ предударномъ слогѣ сохраняется а и даже о переходитъ здѣсь въ а (аканье). Для объясненія московскаго аканья и редукціи неударяемыхъ гласныхъ надо, какъ кажется, исходить изъ слѣдующихъ двухъ соображеній:

Во первыхъ, аканье и редукція гласныхъ это явленіе общее всѣмъ южновеликорусскимъ и бѣлорусскимъ говорамъ, слѣдовательно, согласно предыдущему, общее нѣкогда всѣмъ восточнорусскимъ говорамъ. Активно оно выступило поэтому впервые въ восточнорусскомъ пранарѣчіи. Конечно, и аканье и редукція гласныхъ въ основаніи своемъ явленія однородныя; явленія эти состояли въ ослабленіи (редукціи) неударяемыхъ гласныхъ, но не всѣхъ, а только гласныхъ широкихъ

или болѣе широкихъ, а именно а, о, ô, э, вѣроятно и ê; гласныя і, и, у редукціи не подверглись; зависѣли эти явленія отъ усиленія экспираторной силы ударенія: ударяемый слогъ сталъ произноситься сильнѣе, громче, чѣмъ раньше, чѣмъ въ общерусскомъ праязыкѣ; это повело къ ослабленію силы слоговъ неударяемыхъ, а такое ослабленіе не отражаясь на природѣ сокращавшихся при этомъ въ силѣ гласныхъ узкихъ (и, у, і), сказалось на природѣ сократившихся при этомъ въ силѣ гласныхъ широкихъ (а, о, е). Эти гласныя потеряли свою первоначальную природу при сокращеніи, замѣняясь гласными неполнаго образованія: задняго ряда α и средняго ряда ɛ. Такимъ образомъ тероетически мы должны были бы ждать и въ московскомъ нарѣчіи и въ другихъ южновеликорусскихъ говорахъ въ видѣ вообще неударяемыхъ слоговъ на мѣстѣ а, о звукъ α; а на мѣстѣ е (ѣ) звукъ ɛ (имѣю въ виду пока только а, о въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ); слѣдовательно, vαdá, stαrαná, krαsá, prαsí, xαzú, stαrik, stαriká, d'ɛl'it', n'ɛsí, d'ɛsαtαi, t'ɛsnαtá, Между тѣмъ, какъ въ московскомъ нарѣчіи, такъ, болѣе или менѣе последовательно, и въ другихъ южновеликорусскихъ говорахъ, находимъ вмѣсто α-а; вмѣсто ɛ-е въ слогѣ предударномъ, тогда какъ въ другихъ неударяемыхъ слогахъ дѣйствительно является α, ɛ. Понять это обстоятельство можно только при предположеніи, что законъ о редукціи гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ изложенъ нами не вполнѣ точно, что съ самаго начала въ немъ было дано еще одно соотвѣтствующее условіе. Такимъ условіемъ было повидимому, слѣдующее: ослабленіе силы слоговъ неударяемыхъ было разной степени; въ слогѣ предударномъ гласныя становились менѣе сильными сравнительно съ ударяемыми, а въ другихъ неударяемыхъ слогахъ онѣ переходили

въ совсѣмъ слабыя; но ослабленіе з,о,е даже менѣе сильное давало въ результатѣ тѣ же звуки α, ε что ослабленіе полное постепенное усиленіе α, ε требовавшееся только что приведеннымъ сопровождающимъ условіемъ давало въ результатѣ звуки а, ė. Такимъ образомъ а, о, е въ неударяемыхъ слогахъ вообще переходили въ α, ε, но въ слогахъ предударныхъ α, ε въ силу требовавшейся здѣсь большей силы, измѣнялись въ а, ė, т.е. становились звуками полнаго образованія, быть можетъ, однако болѣе краткими, чѣмъ звуки ударяемые а, о, е. Еще Потебня, опредѣляя взаимное отношеніе по силѣ неударяемыхъ слоговъ въ южновеликорусскомъ нарѣчіи и обозначая наиболѣе сильный (ударяемый) слогъ цифрой 3, опредѣлялъ слогъ предударный цифрой 2, а прочіе неударяемые слоги цифрой 1; слѣдовательно слова starika, gaĺovuška, goĺavu, aastaranu, starana могутъ быть изображены какъ 123, 2311, 311 (3111) 123, равнымъ образомъ šebo, vešeĺa, какъ 23, 123; на мѣстѣ цифры 1 изъ разсмотрѣнныхъ выше во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ звуковъ стоятъ α, ε, на мѣстѣ 2 звука ə, ė; на мѣстѣ 3 звуки а, о, е.

Во вторыхъ, возвращаюсь къ отмѣченному уже выше обстоятельству по которому въ слогахъ неударяемыхъ (не конечныхъ) послѣ мягкихъ согласныхъ стоятъ систематически вмѣсто этимологическихъ а, о, звуки ė, въ слогахъ предударныхъ и ε въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ. Правда о въ такомъ положеніи звучало нѣкогда какъ ö послѣ не исконно мягкихъ согласныхъ и переходъ ö въ ė, ε понятенъ физіологически, такъ какъ ö принадлежитъ къ гласнымъ передняго ряда, того же ряда, что е; но въ ė, ε измѣняются также и о въ положеніи послѣ исконно мягкихъ согласныхъ (žena, čeĺo), равно также и а въ положеніи послѣ всѣхъ мягкихъ согласныхъ (vezat', česy). Это обстоя-

тельство и объясняю себѣ такъ, что въ московскомъ нарѣчіи еще до редукціи неударяемыхъ гласныхъ а, о послѣ мягкихъ согласныхъ стали звучать, какъ ä, ö (ȯ совпало слѣдовательно съ ö) въ силу ассимилирующаго вліянія мягкой согласной на слѣдующую гласную; ср. это съ тѣмъ, что и подъ удареніемъ, по крайней мѣрѣ между мягкими согласными, а, о, звучатъ въ московскомъ нарѣчіи, какъ ä, ö. Возможно, что такое измѣненіе по происхожденію своему не южновеликорусское, а сѣверновеликорусское (при чемъ проникновеніе его въ нѣкоторые южновеликорусскіе говоры обязано вліянію московскаго нарѣчія). Во всякомъ случаѣ получаемъ хронологическое указаніе на глубокую его древность и понимаемъ, что, при объясненіи совр. моск; vëzat', čėsy, čėlo, равно какъ и sėlo, надо исходить изъ произношенія väzat', čäsy, čölo, sölo. Итакъ редуцируясь гласныя а, о переходили въ ɑ, а гласныя ä, ö, е, ê (и также i̯e, i̯ê, если тамъ звучало ѣ) въ ε, въ слогахъ неударяемыхъ, при чемъ α, ε усиливаясь въ слогахъ предударныхъ переходили затѣмъ въ а, ė.

Въ третьихъ оказывается несогласованнымъ съ только что выставленнымъ утвержденіемъ то, что въ конечномъ слогѣ послѣ мягкихъ согласныхъ а, о звучатъ не какъ ε, а какъ α. Не думаю, чтобы при объясненіи этого явленія было исходить изъ предположенія, что конечныя а, е не подверглись переходу въ ä, ö въ концѣ слова послѣ мягкихъ согласныхъ по причинѣ физіологической. Болѣе вѣроятно предположить, что такое измѣненіе было задержано морфологическими причинами, а именно ассоціаціей а, о (послѣ мягкихъ согласныхъ въ окончаніяхъ съ а, о въ окончаніяхъ послѣ твердой согласной: vid'a, nosa, xod'a не переходили въ vid'ä,

nosä, xodä, подъ вліяніемъ а въ poka, nosa; duša, bana, vola, не переходили въ dušä, banä, volä, подъ вліяніемъ а въ voda, noga, kosa, pol'o, goro, l'ico, имѣли о не ö, подъ вліяніемъ о въ sölo, vöslo, cöslo и т. д. Поэтому послѣ редукціи неударяемыхъ а, о здѣсь получалось vid'α, ban'α, vol'α, pol'α, gor'α, (а не vid'ε, ban'ε, vol'ε, pol'ε, gor'ε). Понятно, что kol'i̯ä звучавшее kol'i̯a въ силу ассоціаціи съ knäz'i̯a, drus'i̯a перешло въ kol'i̯α. Между тѣмъ dai̯t'ä, xodit'ä фонетически измѣнились въ dai̯t'ε, xod'itε. Равнымъ образомъ въ словахъ tožo, tužo о сохранилось подъ вліяніемъ žo (žö), слабоударяемой частицы, между тѣмъ, какъ tužö, głubžö являлось ö; ср. совр. tožα при tužε. Конечное i̯e (ѣ) систематически ослаблялось въ концѣ слова въ неударяемомъ слогѣ въ ε: на šenε, fpol'ε, vban'ε.

Въ четвертыхъ, въ началѣ слова α физіологически оказывалось труднымъ для произношенія и замѣнялось поэтому черезъ а; слѣдовательно, не только въ предударномъ слогѣ: akno, adna, но и въ другихъ неударяемыхъ слогахъ ad'inakαf, adnavo, atvažiε.

3. Законъ о паденіи слабыхъ глухихъ и переходѣ сильныхъ ъ и ь въ о и е разсмотрѣны нами выше тамъ же, гдѣ разсмотрѣнъ законъ о паденіи слабыхъ глухихъ напряженныхъ и переходѣ сильныхъ ъ̂ и ь̂ въ о и е.

4. Законъ о монофтонгизаціи ѣ (ie) и переходѣ его въ е и ê въ великорусскихъ говорахъ также разсмотрѣнъ выше. Возможно, что въ нѣкоторыхъ условіяхъ ѣ монофтонгизировалось въ і еще въ общерусскую эпоху. Быть можетъ, дифтонгъ сохранялся только подъ удареніемъ, а въ неударныхъ слогахъ только передъ твер-

дой согласной; между тѣмъ передъ мягкой согласной и въ концѣ слова іе замѣнялось монофтонгомъ і. Подъ удареніемъ благодаря большей силѣ звука оба элемента дифтонга сохранялись неприкосновенными; въ неударномъ слогѣ передъ твердой согласной то же имѣло мѣсто, потому что твердая (согласно предидущему, вѣроятно, лабіализованная) согласная препятствовала ассимиляціи элемента е элементу і (т.е. переходу іе въ іê, откуда іі, і); напротивъ въ неударяемыхъ слогахъ передъ мягкой согласной и въ концѣ слова іе естественно переходило въ іê, іі, і. Указаніе на общерусскій переходъ іе въ і въ положеніи передъ мягкой согласной извлекаемъ изъ словъ какъ дитя, сидѣть (ср. старослав. дѣтѧ, сѣдѣти, русск. дѣти, сѣлъ), быть можетъ, также мизинецъ (ср. сербск. мезимац древнер. мѣзиныи) и свидѣтель (вм. съвѣдѣтель, хотя здѣсь сказалось вѣроятно вліяніе словъ видѣть); эти слова звучатъ съ і не только въ великоруи бѣлор., но также и въ малор., при чемъ бѣлор. а въ сядзѣць, сядзьў надо объяснить, какъ результатъ новаго измѣненія сидѣть въ сѣдѣть подъ вліяніемъ сѣў, сѣли. Въ дитятко, сиднемъ (совр. лит.), насиженный видимъ нефонетическій переносъ і подъ удареніе. Указаніе на общерус. переходъ іе въ і въ концѣ словъ извлекаемъ изъ соврем. моск. и литер. двѣсти, колѣни, являющихся формами дв. числа; этимологически ждемъ и въ памятникахъ имѣемъ дъвѣ сътѣ, колѣнѣ. Если же вообще конечное іе (ѣ) не звучитъ какъ і въ московскомъ нарѣчіи, а какъ е, возводящееся къ е, то вѣроятно объяснить это еще общерусскимъ діалектическимъ переносомъ іе (ѣ) въ неударяемыя окончанія изъ соотвѣтствующихъ неударяемыхъ: на s̀ѣn̓ѣ вмѣсто на s̀ѣ'ni подъ вліяніемъ на gnѣzdѣ на sel'ѣ, на p̑er'ѣ.

Звукъ е изъ ѣ согласно предыдущему, не подлежалъ переходу въ ö (ȯ) передъ твердыми согласными; если же мы въ московскомъ нарѣчіи находимъ нѣсколько случаевъ подобной замѣны, то она произошла не фонетически, а по аналогіи, отчасти въ морфологическихъ категоріяхъ. Такъ вмѣсто ожидаемыхъ źvezdy, vedra, gńezda (этимологически звѣзды, вѣдра, гнѣзда), находимъ źvozdy, vodra, gńozda, ясно, что подобное произношеніе вызвано аналогіей: sẹto,-soťa, vesto, _ vosty, remesto,- remosia, tetia,- motty, sestra,- sostry, вмѣсто ожидаемыхъ priobret находимъ priobrot подъ вліяніемъ аналогіи и mot, при mesti, или cvot (цвѣлъ) при cvesti (цвѣсти). Ср. еще простонародн. ub'ok, вмѣсто uo'ek по аналогіи zažok, ispok, ut'ok, произношеніе nadovan подъ вліяніемъ apľovan, zat'osan, rastrastr'opan, ср. nad'evat' при apl'evat', zat'esat' и т.д.

5. Въ род. пад. мѣстоименій и прилагательныхъ находимъ окончаніе - vo - va; въ письменности до сихъ поръ держатся окончанія - го; ясно, что - vo объясняется изъ го, но не изъ го съ g (go), а изъ - го съ γ или h (γo, ho). Переходъ go въ въ-vo въ великорусск. нарѣчіяхъ неизвѣстно, ср. stugoi, tugoi, pagoda, zagon. На старое произношеніе - γo -. ho указываетъ діалектич. сѣверновеликор. - γo, напр. въ олонецкихъ нарѣчіяхъ. Петрозаводскъ, Повѣнец., Пуд., Вычегод. уѣздовъ; - γo, - γa, господствуетъ и въ южновеликорусск. говорахъ, но здѣсь оно можетъ быть объяснено изъ - go, ибо всякое g звучитъ въ нихъ какъ γ; между тѣмъ въ сѣверновеликорусскихъ g, сохранилось, а потому діалектическое γ нельзя объяснить въ немъ изъ g. Переходъ γ въ v надо признать явленіемъ великорусскимъ, въ частности сѣверновеликорусскимъ. Оно восходитъ, судя по памятникамъ къ XIVв. Общерусскій праязыкъ имѣлъ въ род. падежѣ окончаніе

obo, это - obo унаслѣдовано изъ общеславянскаго и возникло здѣсь изъ oo, а это изъ oso: *koso дало *koo нефонетически подъ вліяніемъ нефонетическаго же перехода *kosmu дат.; *kosmь мѣст. въ komu, komь; ср. старое окончаніе so, въ česo, čьso.

<u>О нѣкоторыхъ звуковыхъ явленіяхъ, проведенныхъ въ литературномъ современномъ языкѣ не послѣдовательно.</u>

Непослѣдовательность въ проведеніи нѣкоторыхъ звуковыхъ явленій можетъ объясниться или позднимъ ихъ происхожденіемъ и отпоромъ со стороны различныхъ обособовившихся группъ лицъ говорящихъ литературнымъ языкомъ, или также тѣмъ отпоромъ, которое оказывалъ вообще нововведеніямъ письменный языкъ, отчасти опирающійся на письменныя начертанія. Впрочемъ этотъ отпоръ не могъ быть дѣйствительнымъ, если бы онъ не находилъ себѣ поддержку и въ живомъ народномъ произношеніи. Разсмотрю нѣсколько случаевъ.

1. Въ литературномъ нарѣчіи замѣтно стремленіе къ отвердѣнію r передъ согласными. Такъ въ индивидуальномъ произношеніи, какъ указано выше, господствуетъ r твердое передъ мягкими язычными послѣ гласныхъ задняго ряда: porča, ftornik, dvornik, kurnik, parni, afčarnα, (при večernii, davěrčivαi, měrtvěnαi), рѣже, отвердѣваетъ r въ такомъ положеніи послѣ гласныхъ передняго ряда (davεrčivai, verčεnαi). - Весьма распространенно отвердѣніе r' передъ твердыми губными и задненебными согласными: pervαi, serp, zerkαlα, čerpαt', я приводилъ выше случаи, гдѣ r' удерживается въ такомъ положеніи: čet'věrk, čer'kaf, věr'x.

2. Въ литературномъ нарѣчіи отвердѣваетъ n въ концѣ слова, если мягкость n не защищена аналогіей, а именно въ положеніи за неударными гласными. Такъ объясняется род.мн. bašen, baryšen, pêsen, basen, но d'erêvên (въ koren n защищено аналогіей косв.падежей). Однако имѣемъ ocen, не ocen, хотя впрочемъ извѣстно и ocen.

3. Въ литературномъ нарѣчіи нерѣдка замѣна ri черезъ ry, послѣ задненебныхъ согласныхъ: skrypka, gryp, gryby, skrypet, krylo, krynka, но встрѣчается и skripka, grip, griby, krinka, и гу только krik, kriknut', griva, xrip.

4. Въ литературномъ нарѣчіи čn въ рядѣ словъ замѣнено черезъ šn: malošnai, kanešna, но рядъ словъ и не только церковнославянскаго происхожденія удерживаетъ čn: večnai, rečnoi, točnai.

<u>О нѣкоторыхъ явленіяхъ аналогіи, нарушившихъ звуковыя отношенія.</u>

Распространеніе каждаго звукового закона можетъ повести за собой расширеніе его естественныхъ предѣловъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ лексикологическихъ или морфологическихъ причинъ. Выясненіе природы такихъ явленій безусловно необходимо, иначе останется невыясненною самая сущность изслѣдуэмаго звукового закона. Нерѣдко указанныя причины, напротивъ, не расширяютъ, а задерживаютъ распространеніе звукового закона.

1. Повидимому, еще въ очень древнюю эпоху отвердѣли конечныя губныя, ср. тв.ед. на m вм. ожидаемаго m' (изъ мь): synom, sadom, или 1 л. ед. на m: dam, iem. Но конечныя губныя мягкія,

защищенныя аналогіей удерживаютъ свою мягкость до сихъ поръ въ литер. нашемъ языкѣ golup, sem, krof, ср. golub'i, semi, krovi, izbaf',prigolupb, ср. izbavit', prigolub'it',ostaf,ср. ostavit' и т.д. Діалектически, а также и въ діалектахъ лит. нарѣчія губныя конечныя потеряли мягкость и въ такихъ случаяхъ, несмотря на дѣйствіе аналогіи.

2. Отвердѣніе конечнаго t въ 3 л. ед. и мн. могло произойти только фонетическимъ путемъ: nosit, nosat, отвердѣніе произошло во всѣхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ (только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилось окончаніе ut' въ 3 л. мн.). Оно не распространилось на окончаніе инфинитива подъ вліяніемъ задерживающей аналогіи со стороны формъ на ti (nest'i, past'i, не распространилось на окончаніе им. ед. словъ, какъ nit', mat', gospot' подъ вліяніемъ формъ склоненія, гдѣ мягкая согласная (t',d') была защищена гласною.

3. Мы видѣли выше, какъ чередованіе о въ ударяемомъ слогѣ съ ė въ слогѣ предударномъ, при чемъ, и о и ė восходятъ къ исконному е, вызвало подобное же чередованіе въ нѣсколькихъ такихъ случаяхъ, гдѣ ė восходитъ въ предударномъ слогѣ къ исконному ѣ, не переходившему фонетически въ ö, откуда о; ср. zvozdy, gnozda, vodra, priobrot, nadovan, padd'ofka.

4. Чередованіе о въ ударномъ слогѣ съ а въ предударномъ, восходящимъ къ исконному о, вызывало по аналогіи о въ ударномъ слогѣ вмѣсто исконнаго а при а въ предударномъ слогѣ. nasu-nosit, kasu-kosit, xažu-xodit вызываетъ при plaču plot'it, вм. platit, pasažu-pasodit, вмѣсто pasadit въ нашемъ лит. языкѣ; діалектически въ южновеликорусскихъ говорахъ указан-

ная аналогія захватила еще большее количество случаевъ. Точно также подъ вліяніемъ kal'co - kol'ca и т.п. иностранное слово pal'to въ просторѣчіи получаетъ въ мн. числѣ произношеніе pol'ta.

5. Чередованіе о въ ударномъ слогѣ съ ѐ въ предударномъ, восходящихъ къ исконнымъ е, послѣ мягкой согласной вызываетъ появленіе о въ ударномъ слогѣ въ соотвѣтствіи съ ė въ предударномъ, восходящимъ къ звуку а послѣ мягкой согласной; nós - ńésu, rók- réku вызываетъ zaprók, вмѣсто zaprák при zaprégu, trós, вмѣсто trás при trésu.

6. Чередованіе о, и въ ударномъ и неударномъ слогѣ простого глагола (однократ.) съ о въ ударномъ слогѣ многократнаго на -ивать вызвано было старымъ общеславянскимъ чередованіемъ о съ а въ глаголахъ длительныхъ (просити - прашати отсюда р. прашивать). Изъ такихъ случаевъ какъ просить - прашивать, носить - наливать, молить - маливать, усвоить - усваивать, такое чередованіе распространялось на случаи, какъ колотить - околачивать, молотить обмолачивать, морозить - замораживать, гдѣ оро восходитъ къ и ъ общеславянск. ор. Позже оно распространяется и на рядъ другихъ случаевъ, неизвѣстныхъ въ древнеславянск. языкѣ: обуславливать, озабачиваться. Такое произношеніе діалектически распространяется въ нашемъ литературномъ языкѣ.

СКЛОНЕНІЕ.

Склоненіемъ называется измѣненіе словъ по падежамъ. Въ русскомъ языкѣ извѣстны слѣдующіе падежи: именительный, винительный, родительный, дательный, творительный и мѣстный или предложный. Опредѣленіе значенія этихъ падежей, сложившихся исторически и при-

томъ въ составѣ предложенія, принадлежитъ синтаксису. Здѣсь отмѣтимъ, что именительный падежъ это та форма, которую въ рѣчи принимаетъ грамматическое подлежащее, остальные падежи это формы, которыя принимаютъ грамматическія дополненія; эти остальные падежи называютъ въ противоположность именительному косвенными падежами.

Винительный падежъ въ отношеніи къ дѣйствію, выраженному глаголомъ, принимаютъ тѣ имена на представленія о которыхъ это дѣйствіе переходитъ непосредственно. Родительный падежъ имени означаетъ, что представленіе, соотвѣтств. имени находится въ предѣлахъ дѣйствія, выраженнаго глаголомъ, затрагиваясь имъ лишь отчасти. Дательный падежъ имени означаетъ, что на представленіе соотвѣтств. этому имени направлено дѣйствіе, что въ интересахъ его оно совершается. Творительный падежъ имени означаетъ, что дѣйствіе совершается при помощи представленія объ этомъ имени, что это представленіе орудіе дѣйствія. Мѣстный падежъ въ русскомъ языкѣ употребляется только послѣ предлоговъ въ, на, при и объ, изъ которыхъ первые три даютъ преимущественно указаніе на то, что дѣйствіе совершается въ предѣлахъ представленія о получившемъ мѣстн. падежъ имени.

Склоняемыми словами являются въ русскомъ языкѣ: имя существительное, имя прилагательное, мѣстоименіе, числительное, а также глагольныя образованія, объединяемыя понятіемъ причастія: склоняемыя слова объединяются понятіемъ имя.

Эти склоняемыя имена измѣняются еще и по другимъ категоріямъ, а именно по категоріи числа и рода. Категорія числа (а въ русскомъ языкѣ различаются два числа: единственное и множественное)

свойственна всѣмъ склоняемымъ именамъ (кромѣ однако числительныхъ количественныхъ); она наблюдается и въ глаголѣ. Категорія рода (въ русскомъ языкѣ различаются три рода: мужескій, женскій и средній) свойственна именамъ прилагательнымъ, мѣстоименіямъ, числительнымъ (въ количественныхъ только числительнымъ: одинъ, два) причастіямъ; та же категорія наблюдается въ нѣкоторыхъ глагольныхъ формахъ, по происхожденію формахъ именныхъ (прилагательныхъ, причастіяхъ). Такимъ образомъ склоняемыя имена въ отношеніи къ категоріи рода распадаются на имена, неизмѣняющіяся по родамъ: это имя существительное, и имена, измѣняющіяся по родамъ: это имя прилагательное, мѣстоименіе, числительныя и причастія. Правда, въ именахъ существительныхъ находимъ имена мужескаго, женскаго и средняго рода, но эти три ряда именъ даны какъ готовые, опредѣленные ряды: изъ нихъ не можетъ быть извлечена категорія рода, такъ какъ, во-первыхъ сами существительныя не измѣняются по родамъ, во-вторыхъ, ихъ родъ опредѣляется въ рядѣ случаевъ, только синтаксически (напр. умная голова, городской голова).

Указанное дѣленіе склоняемыхъ именъ на имена существительныя и на остальныя склоняемыя имена устанавливается и синтаксически: имена существительныя это слова опредѣляемыя, а прилагательныя, мѣстоименія, (кромѣ личныхъ мѣстоименій), числительныя и причастія имена опредѣляющія (α) аттрибутивныя   Различіе между опредѣляющими словами, какъ и вообще значеніе частей рѣчи, опредѣляются синтаксически. Морфологическія различія (въ строеніи основъ и въ падежныхъ окончаніяхъ) даютъ основанія и при изложеніи морфологіи разсматривать отдѣльно опредѣляемыя слова (имена существительныя) и слова опредѣляющія, а въ этихъ словахъ - отдѣльно прилагатель-

ныя, мѣстоименія, числительныя и причастія.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

Какъ указано, въ именахъ существительныхъ различаются три ряда, грамматически не соединимыхъ по одному изъ своихъ признаковъ: имена мужескаго, женскаго и средняго рода. Эти имена исконно различались по самымъ своимъ основамъ, т.е. по тѣмъ неизмѣннымъ частямъ слова, къ которымъ присоединяются падежныя окончанія; только основы на ĭ и на ā еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ обнимали не только слова женскаго рода, но также слова мужескаго рода; впрочемъ, явный перевѣсъ въ основахъ на ā исконно принадлежалъ словамъ женскаго рода, мужескаго рода были только тѣ слова, которыя обозначали лица мужескаго пола; то же наблюдается въ русскомъ языкѣ и теперь.

Я упомянулъ объ основахъ и падежныхъ окончаніяхъ. Тѣсное слитіе окончанія основы съ падежнымъ окончаніемъ (въ частности: конечной гласной основы и начальной гласной падежнаго окончанія), произошло еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Съ теченіемъ времени, благодаря фонетическимъ измѣненіямъ, которымъ подверглись вообще конечныя гласныя основъ, а также и тѣ гласныя, гдѣ слились окончаніе основы и падежное окончаніе, представленіе о первоначальной основѣ затемнялось все болѣе, смѣняясь въ представленіи говорящихъ представленіями о другихъ, видоизмѣненныхъ основахъ. Такъ представленіе объ основахъ мужского рода на ŏ, въ особенности послѣ происшедшаго уже на русской почвѣ отпаденія конечныхъ -ъ въ именительномъ падежѣ а - ъ (изъ - os) и въ винительномъ падежѣ (гдѣ ъ изъ-om), смѣнилось представленіемъ объ основахъ на соглас-

ную; то же представленіе смѣнило также представленіе объ основахъ мужскаго рода на-ŭ, ибо и здѣсь произошло отпаденіе въ именительномъ падежѣ-ъ (изъ-ŭs), а въ винительномъ падежѣ - ъ (изъ - ŭm). Научное опредѣленіе основы въ современныхъ именахъ существительныхъ невозможно; но такъ какъ разнообразіе падежныхъ окончаній въ современномъ языкѣ обусловлено, какъ и въ старомъ, различіемъ именныхъ основъ, то обозрѣніе формъ склоненія должно основываться на различеніи этихъ основъ по тому или иному ихъ признаку. Въ настоящее время при обозрѣніи наличныхъ именныхъ основъ можно исходить изъ формы именительнаго падежа единственнаго числа; окончаніе этого падежа напр. въ части именъ женскаго рода и въ именахъ средняго рода не можетъ быть признано падежнымъ окончаніемъ уже потому самому, что языкъ нашъ имѣетъ рядъ именъ мужского и женскаго рода, гдѣ форма именительнаго падежа единственнаго числа отличается отъ формы почти всѣхъ остальныхъ падежей именно отсутствіемъ окончанія, представляясь такимъ образомъ тождественною съ основой (напр. основы мужского рода на твердую согласную: стол, дом, основы мужского рода на мягкую согласную: ключ, гост', основы женскаго рода на мягкую согласную кост').

Принимая во вниманіе исконное дѣленіе существительныхъ на три рода, а также необходимость объединить нѣкоторыя группы существительныхъ, въ предѣлахъ каждаго изъ тѣхъ родовъ, по общности падежныхъ окончаній, я распредѣлю опредѣленіе склоненія именъ существительныхъ по слѣдующимъ отдѣламъ.

I. Имена мужского рода: 1) единственное число словъ на твердую и мягкую согласную: дом, нож, гость, 2) единственное число сло-

ва путь; 3) множественное число словъ на твердую согласную и на й (ъ): столы, воробьи; 4) множественное число словъ на ж, ш и на мягкую согласную: ножи, родители; 5) множественное число словъ на твердую и мягкую согласную, оканчивающихся въ именит. множествен. на - ья; 6) множественное число словъ, представляющихъ въ единственномъ числѣ основу на-ин: бояре.

II. Имена женскаго рода: 1) словъ на ж, ш и на мягкую согласную; 2) слова на а (женскаго и мужского рода): вода, буря, душа, куча, воевода, юноша.

III. Имена средняго рода: 1) слова на о (послѣ мягкихъ согласныхъ и исконно мягкихъ, но отвердѣвшихъ е): село, море, ложе; 2) слова на а: имя, дитя.

Исходя изъ того принципа, что обозрѣніе формъ склоненія распредѣляется по именительному падежу ед. числа, я разсматриваю склоненіе словъ, представляющихъ двѣ или нѣсколько основъ, въ томъ отдѣлѣ, куда относится соотвѣтствующій именительный падежъ: мать и дочь разсматриваются въ склоненіи основъ женскаго рода на мягкую согласную, но ихъ особенность-появленіе основы матер-, дочер- оговаривается особо; чудо, небо относятся къ словамъ средняго рода на -о, но особо оговаривается производство ими множественнаго числа отъ основъ небес-, чудес-, множ. дѣти я укажу при дитя, хотя оно возводится къ другой основѣ, чѣмъ дитя, дитяти, множ. жеребята, телята укажу при склоненіи словъ мужского рода на твердую согласную ибо именит. единственный при нихъ являются жеребенок, теленок; слово Господь разсмотрю вмѣстѣ съ именами мужскаго рода на мягкую согласную, несмотря на то, что въ род. и другихъ падежахъ является Господ-.

Обзору склоненія именъ я долженъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній. Расположу ихъ сначала по тѣмъ категоріямъ, о которыхъ я уже говорилъ: рода, числа, падежей.

Родъ именъ существительныхъ, какъ указано, познается синтаксически. Но частью и окончаніе слова свидѣтельствуетъ о принадлежности его тому или другому роду. Такъ всѣ слова на твердую согласную мужского рода; изъ словъ на твердую согласную къ женскому роду могутъ принадлежать только слова на ш, ж. Женскаго рода всѣ слова на а, кромѣ словъ, обозначающихъ лица мужского полу, (парнишка, мальчишка). Средняго рода всѣ слова на о (е) кромѣ словъ, обозначающихъ существа мужского полу, какъ напр. имя Михайло, Сѣрко, фамилія Ткаченко, Манько, а также уничижительныхъ на ишко, енко, произведенныхъ отъ неодушевленныхъ мужского рода: домишко, башмачишко, табачишко (уничижительныя отъ одушевленныхъ оканчиваются на ишка: старичишка), и увеличительныхъ на - ище отъ одушевленныхъ мужского рода: мужичище. Слѣдовательно, только въ словахъ на ж, ш и на мягкую согласную родъ не можетъ быть опредѣленъ окончаніемъ; онъ опредѣляется для однихъ падежей, въ томъ числѣ для именительнаго, синтаксически, а для другихъ падежными окончаніями, ибо падежныя окончанія словъ мужскаго рода (въ единственномъ числѣ) расходятся съ окончаніемъ словъ женскаго рода. Нѣкоторыя слова на а могутъ быть мужского и женскаго рода: пьяница, ханжа. Впервые при опредѣленіи рода мы встрѣчаемся съ особой категоріей, категоріей одушевленныхъ именъ и при томъ мужескаго рода: только въ эту категорію могутъ входить слова мужского рода на -а; неодушевленныя съ этими окончаніями могутъ быть только женскаго рода.

Категорія числа входитъ въ склоненіе существительныхъ: вообще отъ каждаго имени могутъ быть произведены формы какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа. Но нѣкоторыя имена по значенію своему не могутъ употребляться въ множественномъ; это во-первыхъ, названія странъ свѣта и мѣстностей, какъ сѣверъ, югъ, Китай, Саратовъ, во-вторыхъ, слова съ отвлеченнымъ значеніемъ, какъ глубина, ширина, святость, чепуха, упорство, темнота, молодость, любовь, грусть; въ-третьихъ слова означающія дѣйствія: бѣгство, служеніе, уженье, судоговореніе, летаніе, стукотня, ѣзда, молотьба, сѣвъ; въ-четвертыхъ, слова со значеніемъ вещественнымъ: воскъ, мука, горохъ, лебеда, макъ, серебро, вотчина, золото, молоко, мѣдь; въ-пятыхъ, названія нѣкоторыхъ народовъ: (съ собирательнымъ значеніемъ) Мордва, Черемиса, Литва, Русь. Впрочемъ, многія изъ подобныхъ словъ допускаютъ индивидуализацію, т.е. могутъ мыслиться не въ сплошной недѣлимой массѣ, а выдѣленными въ особые виды, входящіе въ составъ собирательнаго или вещественнаго понятія; напр. сѣно луговое и лѣсное, масло подсолнечное и льняное, мясо русское и черкасское; при такой индивидуализаціи возможно употребленіе этихъ словъ въ множ. числѣ: масла, мыла, сѣна, табаки́, спирты, мяса́ и т.д. Равнымъ образомъ возможна индивидуализація отвлеченныхъ понятій, и это ведетъ къ производству отъ нихъ мн. числа: радости означаетъ радостныя событія, впечатлѣнія; должности - мѣста, занятыя должностными лицами; добродѣтели - качества добродѣтельнаго человѣка и т.д. Такимъ образомъ, мы, анализируя имена въ отношеніи къ категоріи числа, встрѣчаемся съ категоріями отвлеченности и конкретности, вещественности, собирательности и единичности. Какъ увидимъ, эти категоріи связываются еще и съ

другими явленіями въ склоненіи именъ.

Напротивъ, рядъ именъ употребляется только въ множественномъ числѣ, сюда принадлежатъ, напримѣръ: сани, ножницы, щипцы, дрожжи, соты, гусли, духи, вѣсы, икры, корчи, клещи, вини, кресты, бубны, черви, ворота, дрова, чернила, сливки, крестины, святки, будни, каникулы, также названіе городовъ и селъ: Холмогоры, Боровичи, Ясси. Родъ этихъ именъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть опредѣленъ морфологически: такъ слова съ окончаніемъ и могутъ быть признаны женскаго рода, если оканчиваются въ род. мн. на согласную основы; мужского, если оканчиваются на -овъ; впрочемъ, этотъ критерій произвольный; выставляя его не считаются съ тѣмъ обстоятельствомъ, что слова мужского рода, употребляющіяся преимущественно въ мн. числѣ, какъ разъ не имѣютъ въ род. мн. окончанія овъ: сапогъ, солдатъ, рекрутъ. Съ полною достовѣрностью опредѣляются только слова средн. рода, ибо окончаніе им. мн. на а свойственно только средн. роду. Слово ножницы женскаго рода по своему суффиксу, неизвѣстному въ мужскомъ родѣ. Слово помои представляется намъ мужского рода, благодаря род. помоевъ, но по происхожденію своему это слово женскаго рода. Синтаксическое опредѣленіе рода подобныхъ именъ невозможно потому, что слова опредѣляющія (прилагательныя, мѣстоименія) во множественномъ числѣ утратили различіе въ родѣ. Особую группу составляютъ слова, означающія парные предметы: глаза, бока, рога, уши, плечи, ноздри, колѣни, устар. очи.

Падежей, какъ мы видѣли въ склоняемыхъ словахъ различается шесть, но въ нѣкоторыхъ именахъ мужскаго рода въ книжной, а частью и въ народной рѣчи сохранились старыя формы звательн. па-

дежа: Боже, Владыко, Іисусе, Христе, Господи.

Много извѣстно существительныхъ, которые употребляются только въ одномъ или двухъ - трехъ падежахъ. Такія существительныя должны быть признаны (иногда въ соединеніи съ предшествующими предлогами) нарѣчіями, ибо они потеряли главное свойство существительныхъ, какъ словъ опредѣляемыхъ; ср. верхóмъ (существ. верхъ имѣетъ творительный падежъ вéрхомъ), кругомъ, гуськомъ, наизволокъ (я пошелъ на изволокъ у Л. Толстого), на показъ, на изнанку, на вывороть, на распашку, въ потьмахъ, въ торопяхъ, въ сухомятку, въ приглядку, въ прикуску, на бекрень, безъ умолку. Мы говоримъ на тощакъ вмѣсто діалектическаго на тощахъ, гдѣ форма мѣстнаго мн. отъ прилагательнаго. Слово даромъ мы разсматриваемъ, какъ нарѣчіе, потому что при даромъ въ извѣстномъ его употребленіи не можетъ быть опредѣленія. Точно также нарѣчіемъ является слово дóма, молчкомъ. Въ народномъ выраженіи по дѣломъ сохранилась старая форма дат. мн. При силкомъ извѣстно простонародное силомъ, ведущее къ слову мужского или средняго рода, ср. силомъ въ адвербіальномъ употребленіи въ совр. болгарскомъ (напр. извѣстия на семинари по слав. филология при унив. въ София кн. III, стр. 248). Особо отмѣчу нѣкоторыя фамиліи, по происхожденію оказывающіяся формами род. ед. или род. мн.: Дурново, Петровыхъ; эти имена не склоняются, но и не сознаются какъ формы род. падежа.

Прилагательныя съ полнымъ окончаніемъ (-ый, -ая, -ое, и т. д. получившія значеніе существительныхъ (большею частью благодаря пропуску опредѣляемаго имя существительнаго), склоняются вообще какъ прилагательныя: гостинная, крёстная, крёстный, ломовой, прохожій, нищій, взрослый, худое, Бологое, красный, Толстой, жаркое

Поэтому склоненіе такихъ существительныхъ должно быть разсмотрѣно въ отдѣлѣ, посвященномъ прилагательнымъ. Но прилагательныя съ именными окончаніями [(-ъ), -а, -о; (-ь), -я (-е)], получая значеніе существительныхъ, переходятъ въ склоненіе существительныхъ: ср. царевна, королева, Николаевна, спальня; сюда же имена городовъ на -ск.: Смоленскъ, Витебскъ, Кузнецкъ; далѣе имена на -ь, утратившія связь съ притяжательными: Кіевъ, Глуховъ, Черниговъ; имена на -ь, какъ Ярославль, Переяславль, Епифань (въ Игуменъ видимъ отвердѣніе н въ концѣ слова, ср. башен, вм. башень); также названія рѣкъ: Десна, Шуя, Ельня. Но многія прилагательныя съ именными окончаніями, ставши существительными, образуютъ нѣкоторые падежи по склоненію прилагательныхъ - или точнѣе сохраняютъ вообще именное склоненіе прилагательныхъ; сюда относятся фамиліи на -овъ, -инъ, женск. -овъ, -ина, а также имена городовъ на -овъ, -инъ, если эти имена употребляются и какъ прилагательныя притяжательныя: Борисовъ, Царицынъ. Склоненіе этихъ именъ существительныхъ должно быть поэтому разсмотрѣно въ отдѣлѣ прилагательныхъ.

Здѣсь вернусь къ нѣкоторымъ грамматическимъ категоріямъ въ именахъ существительныхъ, обнаруженнымъ предшествующими указаніями.

Категорія одушевленности и неодушевленности. Выше было указано, что кромѣ именъ уничижительныхъ и увеличительныхъ на -о (е) могутъ оканчиваться только тѣ слова мужского рода, которыя обозначаютъ существа одушевленныя: подмастерье, Сѣрко, Харько, Ткаченко, Слѣдовательно, категорія словъ одушевленныхъ грамматическимъ образомъ отдѣляется отъ категоріи словъ неодушевленныхъ. Можно думать, что средній родъ потерялъ вообще возможность опредѣлять жи-

вня существа и что всѣ слова средняго рода, означавшія имена одушевленныя, перешли въ мужской родъ: этимъ объясняется, быть можетъ, и переходъ теля, жеребя, въ теленокъ, жеребенокъ. Только слово дитя, дитятко осталось сред. рода. Можемъ прослѣдить указанную категорію и въ другихъ грамматическихъ явленіяхъ, а именно въ склоненіи единствен. и множествен. числа словъ мужского рода и множественнаго числа словъ женскаго рода. Въ мужскомъ родѣ винительные падежи единствен. и множествен. числа тождественны по формѣ съ именительными падежами только въ словахъ, обозначающихъ нѣчто неодушевленное: столъ, дома, посты; между тѣмъ, въ словахъ обозначающихъ нѣчто одушевленное винительные падежи ед. и множ. числа тождественны съ родительными падежами: я вижу брата, я согналъ голубей. Исключеній изъ этого общаго правила вообще не имѣется: за мужъ имѣетъ нарѣчное значеніе (ср. выше); нарѣчными выраженіями являются также и такія, какъ вышелъ въ люди, отданъ въ солдаты, въ рекруты, произведенъ въ офицеры, полковники, пошелъ въ монахи и т.п. Напротивъ находимъ винительный сходный съ родительнымъ отъ словъ на -атель, -итель, какъ читатель, знаменатель, множитель, дѣлитель очевидно подъ вліяніемъ того, что вообще всѣ слова на-тель означаютъ имена лицъ; говорятъ поставить идола, сокрушить идоловъ, очевидно, вслѣдствіе представленія объ идолѣ какъ о живомъ существѣ.-Въ женскомъ родѣ винительный ед. отличается въ словахъ на -а отъ именительнаго; по этой причинѣ здѣсь не могло быть противоположенія винит. падежа одушевленныхъ и неодушевленныхъ, подобнаго тому, что въ мужскомъ родѣ: подъ этимъ вліяніемъ не создалось такого противоположенія и въ словахъ женскаго рода на мягкую согласную, гдѣ винит. совпада-

етъ съ именит. (дочь, мать/ свекровь). -Но винит. мн. ж. рода совпадаетъ во всѣхъ именахъ съ именительнымъ; такого совпаденія нѣтъ однако въ именахъ одушевленныхъ; въ нихъ именит. падежъ замѣняется родительнымъ: я прибилъ собакъ, я позвалъ дочерей. Въ среднемъ родѣ совпаденіе винит. съ именит. замѣчается и въ ед. и во мн. числѣ; словамъ средняго рода не свойственна замѣна винит. падежа родительнымъ, ибо, кромѣ слова дитя, это все слова съ неодушевленнымъ значеніемъ (нѣкоторыя отвлеченныя могутъ быть и конкретизированы); въ силу этого винит. падежъ дитя, дитятко; лицо, Божество, превосходительство, во мн. лица; но вообще какъ мы видѣли, почти всѣ слова одушевленныя ср. рода (кромѣ дитя) перешли въ муж. родъ. Въ словахъ муж. рода на -о, -е винит. пад. ед. числа не можетъ быть, въ силу указанной причины, тождественъ съ именит. падежомъ; онъ въ однихъ случаяхъ (когда слово на -о означаетъ не личность) принимаетъ окончаніе род. ед., напр. запряги Карька, въ другихъ (когда слово на -о означаетъ личность) принимаетъ окончаніе, свойственное склоненію словъ на -а: Ткаченку, Сидоренку, Михайлу; это обстоятельство повело къ тому, что имена лицъ на -о вообще склоняются какъ слова на -а. Слова, какъ телята, поросята, получаютъ въ винит. мн. окончаніе род. въ силу того, что по роду своему они принадлежатъ къ словамъ муж. рода (ср. теленокъ, поросенокъ): телятъ, поросятъ. Категорія одушевленности и неодушевленности, согласно сказанному, свойственна только именамъ существительнымъ; прилагательныя, получившія значеніе существительныхъ, если эти существительныя муж. рода, имѣютъ въ винит. падежѣ форму родит.: позовите городового. Прилагательныя опредѣляющія такъ же какъ аттрибутивныя мѣстоименія и числительныя согласуют-

ся въ падежѣ и въ формѣ падежа, поэтому находимъ и здѣсь въ мужскомъ родѣ при опредѣленіи одушевленныхъ въ винит. падежѣ форму родит.пад. я люблю своего брата, я видѣлъ многихъ высокихъ людей; также въ женскомъ родѣ при винит. мн. одушевленныхъ: завелъ злыхъ собакъ, купилъ молочныхъ коровъ. Только неодушевленныя мужского рода могутъ имѣть въ родительномъ ед. окончаніе -у; одушевленныя не имѣютъ этого окончанія.

[Особо стоятъ мѣстоименія вопросительныя, какъ употребляющіяся самостоятельно, а не аттрибутивно; въ нихъ выражено различіе одушевленныхъ и неодушевленныхъ: кто, кого? относится къ одушевленнымъ, что, чего ? къ неодушевленнымъ. Личныя мѣстоименія 1 и 2 л. означаютъ, конечно, исключительно одушевленные предметы (и именно лица); вслѣдствіе этого винительный и родительный совпадаютъ здѣсь въ одной формѣ: меня, тебя, насъ, васъ; но мѣстоименіе 3 л. замѣняетъ не только личныя имена, но также и названія предметовъ; въ этомъ мѣстоименіи однако различеніе одушевленныхъ и неодушевленныхъ не удержалось; винит. падежъ въ одушевленныхъ получилъ форму род. и эта форма замѣнила также форму винит. падежа неодушевленныхъ: я положилъ его (камень), я читалъ ее (книгу), я проѣзжалъ его (село)].

Категорія лица и не лица. По своему происхожденію она древнѣе категоріи одушевленности и неодушевленности; это видно изъ того, что въ словахъ на -а муж. род. находили только имена лицъ, а не животныхъ (ср. позднѣйшее распространеніе муж.род.на слово собака въ малор. и бѣлор.); сопоставьте съ этимъ и то, что въ мѣстоименіяхъ личныхъ и вопросительныхъ категорія лица имѣла исконно выраженіе. Въ совр. языкѣ категорія лица имѣетъ ограниченный кругъ распространенія, расширившись (напр.въ употребленіи род.вм. вин.)

въ категорію одушевленности и неодушевленности. Тѣмъ не менѣе эта категорія можетъ быть опредѣлена и теперь; ср. только что указанное обстоятельство - наличность въ словахъ на - а только названій лицъ мужескаго рода: воевода, тупица, умница, слуга, невѣжа, лѣвша, заика, замарашка. При этомъ, какъ мы видѣли, имена лицъ средняго рода на - о переходятъ въ своемъ склоненіи въ склоненіе словъ на - а: Ткаченку, отъ Ткаченки, и т.д. Отмѣтимъ, кромѣ того, замѣну окончанія словъ на - аго, означающихъ именно лицъ, съ окончаніемъ - ала: обирала, объѣдала, шагала, вышибала, подлипала. Категорію лица находимъ еще въ словахъ мужескаго рода на согласную; такъ слова на -ин въ ед. чис., если это -инъ не повторяется во множ., означаютъ только лицъ муж. полу: гражданинъ - граждане, болгаринъ - болгаре, хозяинъ - хозяева, шуринъ - шурья и т.д. Еще рѣзче выражается эта категорія во множ. числѣ: окончанія - е, - а (неударяемое) - ва свойственны только именамъ лицъ муж. полу; ср. граждане, бояре, римляне, хозяева, бояра; также окончаніе - ья́ (съ удареніемъ на -я): мужья, друзья, кумовья; окончаніе - и при основѣ на твердую исконно согласную точно также является только въ именахъ лицъ: черти, сосѣди (склоняются дальше по аналогіи словъ какъ люди: чертей, сосѣдямъ и т.д.); напротивъ, окончаніе-ья (безъ ударенія) извѣстно почти только отъ неодушевленныхъ (исключ. братья, холопья); и также только въ неодушевленныхъ является окончаніе -ы съ удареніемъ (при неударяемости падежныхъ окончаній въ единствен.- числѣ): пары́, сады́, ряды́, шаги́, духи́ (но ду́хи); единственнымъ исключеніемъ является нерусское слово панъ: паны́; шуты́ является при шута́, шуто́мъ.

(Категорію лица можно прослѣдить еще въ употребленіи числитель-

ныхъ двое, трое, четверо; они соединяются только съ именами лицъ: двое мужей, трое друзей, четверо солдатъ, также двое дѣтей; имена женск. рода такъ же какъ имена животныхъ и неодушевленныхъ не могутъ имѣть при себѣ этихъ числительныхъ: двѣ женщины, два вола, три волка].

Категорія отвлеченности и конкретности. Мы обнаружили эту категорію, опредѣляя слова, не образующія множ. числа; только предметы мыслимые,какъ нѣчто конкретное могутъ соединяться съ представленіемъ о числѣ и слѣдовательно образовать множ. число;слова красота, ясность, привлекательность не могутъ соединяться съ числительными; поэтому при нихъ нѣтъ и множественнаго; но можно сказать: "ты допустилъ двѣ неосмотрительности" въ значеніи уже не отвлеченномъ, а въ значеніи неосмотрительныхъ поступковъ; поэтому возможно множ. число: неосмотрительности. Категорія отвлеченности сказывается еще въ нѣсколькихъ грамматическихъ явленіяхъ. Такъ они въ противоположность конкретнымъ охотно принимаютъ въ живомъ, разговорномъ языкѣ окончаніе - у въ род. муж. р., при чемъ конкурирующее окончаніе - а въ значительномъ числѣ случаевъ можетъ быть отнесено насчетъ церковнаго, книжнаго вліянія: для виду, для запаху, для вкусу, со страху, сверку, снизу (см.подробнѣе въ отдѣлѣ склоненія словъ муж.роду). Тѣ слова, при которыхъ возможенъ счетъ (двѣ, три) гораздо рѣже получаютъ окончаніе -у. Отмѣчу еще, что всѣ слова муж. род. съ отвлеченнымъ значеніемъ не имѣютъ вообще ударенія на окончаніяхъ: верхъ, задоръ,отпоръ, и т.п.напротивъ, всѣ слова съ удареніемъ на окончаніяхъ имѣютъ конкретное значеніе: табакъ, столбъ, попъ, конецъ, (кромѣ словъ на-ёжъ).

Категорія единичности и множественности. Нѣкоторыя понятія

мыслятся нами только въ единственномъ числѣ, не допуская множественнаго. Кромѣ разсмотрѣнныхъ отвлеченныхъ и отмѣченныхъ ниже вещественныхъ-собирательныхъ сюда относится рядъ конкретныхъ. Относительно состава конкретныхъ словъ, употребляющихся только въ единственномъ числѣ, можно замѣтить, что онъ опредѣляется прежде всего единичностью тѣхъ предметовъ или представленій, которыя этими словами обозначаются; таковы напр. имена собственныя, означающія мѣстности (города, рѣки), названіе странъ свѣта; сюда же относятся слова, представляющія во множ. числѣ другую основу или ассоціирующіяся съ другимъ словомъ: человѣкъ-люди, цвѣтокъ-цвѣты; сюда же, наконецъ, относятся и такія слова, которыя во множ. имѣютъ другой оттѣнокъ значенія; хлѣбъ означаетъ болѣе широкое понятіе, или точнѣе имѣетъ нѣсколько значеній, между тѣмъ, какъ множ. хлѣба́ ограниченнѣе въ своемъ значеніи и не покрываетъ слова хлѣбъ (нельзя сказать: "вынула хлѣба́ изъ печи"). Всѣ эти слова муж. рода объединяются въ одной категоріи единичности, что́ можно заключить, напр. изъ того, что ни одно изъ нихъ не можетъ образовать род. падежъ на - у въ совр. языкѣ: ср. изъ Рима, изъ Петербурга, изъ Кашина, изъ Пудожа и т.д.; также: дайте хлѣба; съ юга, съ востока. Единичность въ словахъ на - ин выражается этимъ суффиксомъ; во множ. находимъ основу безъ - ин (образованія, какъ воины, Литвины, Мордвины, Русины принадлежатъ къ книжнымъ и искусственнымъ). Замѣчательно соединеніе подобныхъ образованій на - ин съ числительнымъ два, три, четыре; также два цвѣтка, два человѣка, три человѣка (даже сто цвѣтковъ, пять, десять, сто человѣкъ). Ясно, что категорія единичности не всегда исключаетъ возможность мыслить тѣ или другіе единичные предметы въ числѣ двухъ, трехъ и вообще многочисленныхъ, но не допуска-

етъ представленія о нихъ въ неопредѣленномъ числѣ. Мы говоримъ пять дворянъ, сто бояръ не дворяниновъ, бояриновъ въ силу унаслѣдованнаго издревле словоупотребленія. Замѣчу, что слова на - ин разсмотрѣны уже выше: какъ указано, въ нихъ сказалась также категорія лица. - Повторю еще разъ, что категорія единичности не исключаетъ считаемости: можно сказать въ Россіи два Кузнецка, двѣ Десны, два Ростова, двѣ Двины, но мы не скажемъ: Кузнецки, Двины.

Слова, употребляющіяся только во множ. числѣ, pluralia tantum, особенно краснорѣчиво доказываютъ наличность категоріи множественности-единичности. Оставляя въ сторонѣ названія городовъ, горныхъ хребтовъ (Карпаты), видимъ, что остальныя слова обозначаютъ: а) сложное или составное орудіе или предметъ: сани, щипцы, дрожки, ворота, клещи, мѣхи, гусли, счёты, вѣсы, б) части тѣла, уста, икры, в) карточныя масти: червы, вини, г) раздѣленія времени: будни, святки, сумерки, д) названіе праздниковъ, обрядовъ, службъ: крестины, имянины, похороны, мееимоны. Къ словамъ этой категоріи отнесены тѣ формы множест. числа, которыя въ ед. числѣ являются съ другими оттѣнками и мало употребительны; напр. плоды, Святые Дары, пески, а также слова какъ люди (при человѣкъ), дѣти (при дитя). Слова, употребляющіяся только во множ., могутъ подлежать счету; но какъ увидимъ въ обзорѣ числительныхъ, слово одинъ получаетъ при этомъ форму множ. числа, а вмѣсто два, три, четыре, пять и т.д. употребляются двое, трое, четверо, пятеро и т.д.: двое воротъ, трое щипцовъ, у меня сегодня двое крестинъ.

Категорія собирательности. Не будемъ смѣшивать ее съ категоріей множественности; слова съ множественнымъ значеніемъ разложимы на составныя единицы; напротивъ слова съ собирательнымъ значеніемъ обозначаютъ собраніе лицъ или предметовъ, разсматриваемое какъ од-

но цѣлое. Повидимому, въ совр. русскомъ языкѣ эта категорія имѣетъ незначительное распространеніе сравнительно съ древнимъ: собирательныя получили значеніе множ. числа; ср. друзья, братья, которыя нѣкогда были именами женск. рода ед. числа; также господа склонявшееся раньше род. ед. господы, вин. господу, дат. господѣ и т.д.;

равнымъ образомъ листья, зубья, гвоздья - это по происхожденію формы им. ед. ср. рода, при чемъ листья (фонетически вмѣсто листье) склонялось: р. листья, дат. листью, мѣстн. о листьѣ. Въ опредѣленіи Востокова: листы означаетъ предметъ въ отдѣльности, или единицы, а листья совокупность предметовъ, собраніе единицъ. Собирательное значеніе сохранили слова какъ Русь, Мордва, Литва, Черемиса; также слова на - ство: множество, большинство; равнымъ образомъ слова, какъ толпа, народъ, рядъ. Только нѣкоторыя изъ этихъ словъ могутъ образовать множ. число.

Категорія вещественности. Сюда относятся 1) слова, употребляющіяся только во множ. числѣ: дрова, сливки, соты, дрожжи, отруби, чернила, опилки, духи́, 2) слова, употребляющіяся только въ ед. числѣ: мука́, соль, масло, сѣно, вино, молоко, горохъ и т.д. Какъ указано, множ. число является для обозначенія разныхъ сортовъ этихъ веществъ: иностранныя вина, конопляное и подсолнечное масла. Грамматически эта категорія выражается въ словахъ муж. рода, употребляющихся въ единственномъ числѣ: они образуютъ род. падежъ на-у: меду, воску, гороху, анису, изюму, винограду; правда, и другія слова (напр. слова съ отвлеченнымъ значеніемъ) образуютъ род. съ окончаніемъ - у, но только вещественныя могутъ имѣть окончаніе-у подъ удареніемъ: табаку́, коньяку́, песку́, нашатырю́.

Категорія ужалительности, уничижительности и увеличительности. Мы видѣли уже при разсмотрѣніи категоріи рода, что указанная ка-

тегорія опредѣляется и фактами языка, существуетъ именно связь между родомъ простого имени и произведенныхъ отъ него словъ съ указанными значеніями; связь эта нарушаетъ ту зависимость рода отъ окончанія, которую замѣчаемъ въ языкѣ (въ силу этой зависимости напр. иностранное пальто средняго рода). Такъ мы знаемъ, что всѣ неодушевленныя на - о (-е) средняго рода; однако слова уменьшительныя: башмачишко, домишко, голосишко муж. рода подъ вліяніемъ башмакъ, домъ, голосъ также увелич.: попище; уничижит. мужиченко; слова ручище, ножище, головище женск. рода подъ вліяніемъ рука, нога, голова. Такъ мѣстн. ед. въ уголку́ съ такимъ окончаніемъ можно объяснить только вліяніемъ со стороны въ углу.

Общія замѣчанія объ основахъ именъ существительныхъ.

Укажу на нѣсколько явленій, общихъ основамъ разныхъ склоненій. Сюда относятся: 1) осложненіе основы въ нѣкоторыхъ падежныхъ формахъ звуками о, е, 2) измѣненія конечныхъ согласныхъ основы, 3) подвижность ударенія въ нѣкоторыхъ основахъ.

Основой называется неизмѣнная въ склоненіи часть того или иного слова. Какъ указано, принимая во вниманіе данное опредѣленіе, основы современныхъ склоняемыхъ словъ не тождественны съ древними основами. Всѣ основы именъ существительныхъ въ современ. языкѣ являются основами, оканчивающимися на согласныя твердую или мягкую; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ различаются основы муж. женск. и сред. рода: нос-, вод-а, княз'-, бур'-а, гнѣзд-о, мор'-е.

1) Во многихъ словахъ основа является въ двоякомъ видѣ: простомъ, оканчивающемся на ту или иную группу согласныхъ, и осложненномъ, гдѣ группа согласныхъ подверглась вставкѣ гласной о или е; по своему происхожденію оба вида восходятъ къ одному первоначальному со звукомъ ъ или ь между согласными; мы знаемъ, что ъ и ь при однихъ ус-

ловіяхъ, а именно, когда въ слѣдующемъ слогѣ находился ъ или ь, переходили въ о и е, а при другихъ, когда въ слѣдующемъ слогѣ находилась гласная полнаго образованія, опускались; вслѣдствіе этого и въ корняхъ словъ и въ суффиксахъ возникали двоякія формы, при чемъ въ однѣхъ формахъ являлись звуки о, е, а въ другихъ они исчезали; такіе звуки о, е можно по примѣру школьныхъ грамматикъ опредѣлять какъ бѣглые. Формы съ бѣглыми о,е находимъ въ им. и вин. падежѣ ед. числа муж. и женск. рода, оканчивавшихся нѣкогда на ъ,ь: ден'-(ср. дн'а), рож (ср.ржи), сон (ср.сна), каток (ср.катка); далѣе въ род. множ. всѣхъ трехъ родовъ, также оканчивавшихся на ъ,ь: турок (ср. турки), царевен (ср. царевна), пис'ем (ср.письмо); затѣмъ въ тв. ед. ж. рода, оканчивавшемся нѣкогда на ь̂ю: любов'ју (ср.любв-и); Бѣглое е (откуда при извѣстныхъ условіяхъ о) находимъ въ сочетаніяхъ аі̯е, оі̯е и т.д. въ соотвѣтствіи съ аі̯, оі̯: заі̯ом - (заі̯м-а), шеі̯ек (при шеі̯к-а). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣглость о-е не оправдывается этимологіей, она явилась по аналогіи случаевъ, гдѣ бѣглыя о,е восходятъ къ ъ,ь: лёд (ср.л'ду), потолок (ср.потолк-а), камен'(ср.камн'-а), ср.въ древнемъ языкѣ леду, камене, въ діалектахъ потолока; иногда форма изъ бѣглой гласной переносится по аналогіи въ такіе падежи, гдѣ бѣглая гласная требуется фонетикой: причтъ - причта (вм.причетъ), Смоленск - Смоленска (вм. Смоленеск). Напротивъ по аналогіи бѣглости о, е, восходящихъ къ ъ, ь, въ нѣкоторыхъ словахъ находимъ вставку о, е въ группы согласныхъ, этимологически не оправдываемую: псалом-(ср. псалм-а), досок-(ср.доск-а), замысел-(ср.замысл-а). Наконецъ, видимъ, что есть слова, гдѣ о, е удерживается во всѣхъ падежныхъ формахъ несмотря на то, что, по своему происхожденію изъ ъ,ь подлежали бы выпаденію: чеснок - чеснока, челнок - челнока, чернецъ - чернеца (при древнемъ чернца), мох - мохом (но также мху), кузнецъ - кузнеца, гор-

децъ - гордеца; сохраненіе о, е во всѣхъ этихъ случаяхъ вызвано стеченіемъ согласныхъ. Благодаря выпаденію ъ, ь въ однѣхъ формахъ, сохраненію ихъ въ другихъ, видимъ такіе дублеты, какъ: пришелецъ - пришел'ца, при пришлецъ - пришлеца. Ограничиваюсь этими немногими замѣчаніями о бѣглости о, е въ основахъ именъ существительныхъ.

2) Согласныя въ концѣ основы подвергаются измѣненіямъ благодаря 1)положенію въ концѣ слова, 2)положенію передъ гласной передняго ряда. Положеніе въ концѣ слова вызываетъ: а)переходъ звонкихъ согласныхъ въ глухія: рот (род.род-а), княс' (род.княз'а), сапок р.мн.и им.ед. (при сапог-а), рош (при ржи), рып (при рыб-а), любсф' (при любв-и); б) отвердѣніе конечнаго н' въ слогѣ неударяемомъ кухон (при кухн'а), башен (при башн'а), наковален; в) діалектическое отвердѣніе мягкихъ губныхъ: кроф, любоф, голуп.

Положеніе твердой согласной передъ гласной передняго ряда или i вызываетъ: а)переходъ ихъ передъ е (изъ ѣ) въ соотвѣтствующія мягкія: на стол'е, (при стол), в вад'е (при вад-а); при этомъ задненёбныя переходятъ въ мягкія средненёбныя: кулак'-е, наг'-е, горох'-е (при кулак, наг-а, горох); б) переходъ задненёбныхъ въ мягкія средненёбныя передъ окончаніемъ -ы, которое измѣняется подъ вліяніемъ предшествующей согласной въ -и: рук'-и, яблок'-и, мух'-и; в) переходъ задненёбныхъ въ к, г, въ ч, ж въ случаяхъ какъ: суч-ј а (при сук-), крючья, клочья, батожья; ср. еще ж вм. г въ Боже; г) переходъ задненёбнаго г въ з въ словѣ друз-іа при другъ (раньше переходъ г въ з, к въ ц, х въ с и при томъ именно передъ ѣ и передъ и изъ ѣ былъ общимъ закономъ, но позднѣе з, ц, с вытѣснены этимологическими к, г, х: руке вм. руце, други мои, волки, вм.

друзи, волци), Въ книжномъ языкѣ: Въ Возѣ почившій.

3) Въ отношеніи къ ударенію именныя основы дѣлятся на двѣ группы: а)основы съ неподвижнымъ удареніемъ. б) основы съ подвижнымъ удареніемъ. Различіе этихъ двухъ категорій зависѣло отъ извѣстныхъ звуковыхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто частью еще въ общеславянскомъ праязыкѣ, а частью еще въ болѣе отдаленную эпоху славяно-балтійскую: здѣсь долгія гласныя (ā, ī, ū, ē, ȳ) и дифтонги имѣли двоякаго рода долготу; одну изъ нихъ называемъ экспираторною или вслѣдъ за Фортунатовымъ длительною, а другую музыкальною прерывистою);экспираторная долгота перетягивала на себя удареніе съ сосѣдняго, ближе къ началу слова, слога(краткаго или съ долготою музыкальною), между тѣмъ какъ гласныя съ музыкальной долготой, такъ же какъ и краткія гласныя, этимъ свойствомъ не обладали;вслѣдствіе этого, если удареніе исконно падало на предпослѣдній слогъ съ краткой гласной или гласной долгой съ долготою музыкальной,то оно переносилось на окончаніе, если окончаніе имѣло экспираторную долготу; напротивъ оно оставалось на основѣ, если окончаніе имѣло краткую гласную или гласную съ музыкальной долготой: vóda̅ переходило поэтому въ voda̅́ (ибо a̅ имѣло экспираторную долготу), но vódǭ въ вин. сохраняло старое мѣсто ударенія (ибо ǭ имѣло музыкальную долготу); róga̅ въ им.-вин. дв. переходило въ roga̅́, а róga̅ въ род. сохраняло старое удареніе (ибо a̅ въ им.-вин.дв. имѣло экспираторную, а a̅ въ род. музыкальную долготу). Вслѣдствіе той же причины гласная основы съ экспираторной долготой перетягивала на себя удареніе съ окончанія, если гласная окончанія была краткая или долгая съ музыкальной долготой: sȳnъ̀ переходило въ sȳ́nъ, но sȳnȳ́ съ ȳ въ окончанія вин. мн. экспираторно-долгимъ сохраняло свое наконечное удареніе. Позднѣйшія ассоціативныя явленія въ сильной сте-

пени видоизмѣнили и осложнили указанныя двѣ первопричины подвижности ударенія въ склоняемыхъ основахъ; мы находили (частью еще въ общеслав. праязыкѣ) передвиженіе ударенія и при такихъ условіяхъ, которыя не могутъ быть прямо возведены къ этимъ первопричинамъ: ср. напр. чередованіе ударенiй въ село́, села́, селу́ при им. мн. сёла, несмотря на то, что ā въ seła (сёла) имѣло нѣкогда экспираторную долготу, почему ему надлежало бы перетянуть на себя удареніе съ предшествующаго слога. Въ виду того, что употребленіе тѣхъ или иныхъ падежныхъ окончанiй (въ особенности въ словахъ муж. р.) зависитъ отъ подвижности или неподвижности ударенія основы, мнѣ придется обратить ваше вниманіе на это свойство склоняемыхъ основъ и разсматривать составъ словъ съ подвижнымъ удареніемъ при обзорѣ склоненія по указаннымъ выше отдѣламъ.

Въ виду выясненной причины подвижности ударенія въ нѣкоторыхъ словахъ, намъ понятно, какія именно слова исконно не допускали подвижности въ удареніи: это, во-первыхъ, слова съ экспираторной долготой въ предпослѣднемъ и притомъ ударяемомъ слогѣ, а также слова съ краткою или музыкальной долгой гласной въ предпослѣднемъ слогѣ, когда удареніе словъ исконно падало на окончанія: клин, сила; поп - по́па, тоска́. Оставляя въ сторонѣ отношенія, выясняющіяся для древняго языка, видимъ, что съ точки зрѣнія современнаго языка удареніе неподвижно, когда оно въ им. ед. женск. р. на -а падаетъ на первый слогъ двусложнаго слова: ли́па, ры́ба, си́ла, тя́жба, ба́ба; далѣе, когда оно въ словахъ женск. р. на -а и сред. рода падаетъ въ многосложномъ словѣ на предпослѣднiй слогъ: поля́на, лопа́та, воро́та, соло́ма, колѣ́но, кобы́ла, копы́то; также въ словахъ муж. р., когда оно въ род. пад. падаетъ на предпослѣднiй слогъ многосложнаго исконно русскаго слова: проро́ка, горо́ха, человѣ́ка;

далѣе въ словахъ женскаго рода, когда удареніе падаетъ на начальный слогъ многосложнаго слова: вы́ставка; далѣе въ словахъ женскаго рода на -ость: мо́лодость, ста́рость, ра́дость. Опредѣленіе того, какія слова съ неподвижнымъ удареніемъ имѣли его на основѣ и какія на окончаніяхъ, заводитъ въ вопросы, выходящіе изъ предѣловъ русскаго языка въ его историческомъ развитіи. Отмѣчу только, что всѣ сложныя съ предлогами слова имѣютъ удареніе на основѣ (или на предлогѣ): наро́д, пору́ка, рассса́да, разма́х, наро́ст, посу́да, и́згородь, за́говор, за́мок; исключеніе составляютъ слова съ подвижнымъ о, е, какъ замо́к, замка́, посо́л, посла́, наём - найма́, а также слова: похвала́, помело́ (это слово съ подвижнымъ удареніемъ: поме́лья). Всѣ слова мужескаго рода съ удареніемъ на окончаніяхъ имѣютъ конкретное (или вещественное) значеніе, кромѣ словъ грабёжъ, дѣлёжъ, мятёжъ и прочихъ на-ёжъ.

I. Склоненіе единственнаго числа словъ мужескаго рода на твердую и мягкую согласную.

По происхожденію своему объединяющіяся въ одномъ общемъ склоненіи основы восходятъ: а) къ старымъ основамъ на -о: брат , б) къ основамъ на -о послѣ согласной задненёбной, которой предшествовала гласная передняго ряда, измѣнившая задненёбную согласную въ свистящую простую или африкату: отец (отьць изъ *otiko-s) князь, в) къ основамъ на -jo: край, муж , г) къ основамъ на -ŭ: сын, дом, д) къ основамъ на -ĭ: гост', лебед'.

Падежныя окончанія ед. числа частью восходятъ къ старому склоненію на -о, частью же къ старому склоненію на ŭ (окончанія основъ на -jo исчезли: напр. -u въ мѣстн. ед., ср., впрочемъ, ниже). Окончанія эти слѣдующія: Род. падежъ: -а (изъ основъ на -ŏ), -у (изъ основъ на -ŭ). Дат. падежъ: -у (изъ основъ на -ŏ). Твор. ед.

ом (изъ основъ на й) при чемъ замѣна болѣе древняго окончанія -омь черезъ -ъмь произошла еще въ общерусскомъ праязыкѣ). Мѣстн. ед. -е (на мѣстѣ ѣ изъ основъ на -ŏ), -у (изъ основъ на -й). Объ окончаніи на -и (о Василіи) см. ниже. Винительный падежъ сходствуетъ съ именительнымъ, но какъ мы знаемъ въ словахъ, означающихъ одушевленные предметы, съ родительнымъ.

Эти окончанія общія для всѣхъ словъ муж. рода (кромѣ слова путь), произносятся различно въ зависимости отъ того, падаетъ ли на нихъ удареніе или нѣтъ: род.-а, въ неударномъ слогѣ-α; дат. й(у) въ неударномъ слогѣ u; твор. ом въ неударномъ слогѣ-αm послѣ тв. согласныхъ,-ем послѣ мягкихъ (на письмѣ подъ удареніемъ:-омъ, ёмъ, -емъ, въ неударныхъ слогахъ-омъ,-емъ); мѣстн.-е, въ неударномъ слогѣ-ᵉ.

Изъ приведенныхъ окончаній только окончанія -у мѣстн. ед. перетягиваетъ на себя удареніе въ словахъ съ удареніемъ подвижнымъ. Это обстоятельство приводитъ къ опредѣленію слѣдующаго словъ съ подвижнымъ удареніемъ (всѣ приведенныя слова могутъ образовать или образуютъ всегда мѣстн. ед. на-у съ удареніемъ на окончаніи, между тѣмъ во всѣхъ прочихъ падежахъ удареніе падаетъ на основу):

Указываю только тѣ слова, которые въ моемъ словоупотребленіи имѣютъ окончаніе у.

гробъ, дубъ, зобъ, шкапъ, домъ, Донъ, плѣнъ, бытъ, чанъ, балъ, валъ, мѣлъ, пылъ, полъ, боръ, жаръ, пиръ, вѣтеръ, бредъ, видъ, годъ, задъ, ладъ, медъ, прудъ, родъ, рядъ, садъ, ходъ, чадъ, холодъ, передъ, летъ, мостъ, потъ, свѣтъ, цвѣтъ, возъ, глазъ, тазъ, низъ, вѣсъ, квасъ, лѣсъ, носъ, бѣгъ, долгъ, кругъ, лугъ, мозгъ, снѣгъ, торгъ, шагъ, берегъ, бокъ, вѣкъ, крюкъ, сокъ, сукъ, шелкъ, верхъ, духъ, [illegible], пухъ, смѣхъ, бой, клей, край, пай, рай, строй, чай,

хмель, хлѣвъ, островъ, жиръ, соръ, вечеръ, отпускъ, смотръ.

Кромѣ того видимъ переносъ ударенія на -а въ род. ед. нѣкоторыхъ словъ послѣ числительныхъ два, три, четыре, и послѣ слова полъ; слова эти слѣдующія: шагъ, разъ, шаръ, часъ, рядъ; мы говоримъ полчаса́ два шага́, два часа́, также два раза́ при два ра́за, три шара́ (болѣе обычно, чѣмъ три ша́ра). Окончаніе -а въ этихъ случаяхъ по происхожденію не окончаніе род. ед., а имен.-винит. дв., которое систематически перетягиваетъ на себя удареніе въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ.

Многія слова колеблются въ своемъ удареніи: при род. ша́ра (земного *ша́ра, пло́да, пру́да, у́са, ба́са, та́за, ба́нта, ко́жуха,* шу́та (ср. въ особенности: *къ шу́ту),* жу́ка, *со́кола,* извѣстно и шара́, плода́, *пруда́,* уса́, баса́, таза́, банта́, кожуха́, *шута́, жука́,* сокола́ (*я подчеркнулъ* то удареніе которое свойственно моему словоупотребленію).

Какъ мы знаемъ рядъ основъ мужескаго рода является въ двоякомъ видѣ съ бѣглыми о, е и безъ этихъ гласныхъ. Бѣглыя гласныя принимаютъ удареніе на себя, если оно вообще падаетъ на окончанія: оте́цъ - отца́, висо́къ - виска́, косте́ръ - костра́, наёмъ - найма́. Но въ словахъ: у́зел, у́гол удареніе переносится не на бѣглыя гласныя, а на корень.

Въ связи съ основами, имѣющими бѣглыя о, е стоятъ и тѣ основы, которыя въ именит. падежѣ оканчиваются на -ій. Въ чисто русскихъ словахъ это окончаніе неизвѣстно; вмѣсто него является -ей: жеребей - жеребья, улей - улья, Но въ церковныхъ именахъ при русскомъ окончаніи -ей является церковное - ій: Василей, Юрей, при Василій, Георгій; въ церковномъ окончаніи выдерживается і также и въ остальныхъ падежахъ: Василія, Василію, Василіемъ; въ мѣстн. ед. находимъ Василіи (при род. Васильѣ). Итакъ въ именахъ собственныхъ на -ій явля-

стся окончаніе мѣстн. ед. -и, неизвѣстное въ русскихъ словахъ.

Какъ указано въ род. и мѣстн. ед. слова муж. рода представляютъ по два окончанія: одни изъ нихъ -а, -е восходятъ къ основамъ на -о, другія -у, -у къ основамъ на й. Остановлюсь на вопросѣ о распредѣленіи этихъ окончаній.

Родительный падежъ. Окончаніе -а можно признать обычнымъ и господствующимъ окончаніемъ. Въ извѣстномъ синтаксическомъ употребленіи формы род. падежа, а именно послѣ числительныхъ два, три, четыре совр. литературный языкъ знаетъ исключительно окончаніе -а: два года, три дома, четыре рода. Родит. падежъ, какъ мы уже знаемъ, замѣнилъ здѣсь древнюю форму двойств. числа; это видно изъ ударенія въ такихъ случаяхъ какъ два города, два мужа, три года и т.д.; города, мужа, года по мѣсту ударенія формы род. падежа; въ имен.вин. дв. удареніе основъ съ подвижнымъ удареніемъ переносилось на окончаніе: города, мужа, года; ср. сохраненіе стараго ударенія въ случаяхъ выше указанныхъ, какъ два шага, два раза, два часа, два ряда. Совпаденіе окончанія -а им.-винит. дв. съ -а род. ед. повело къ употребленію род. падежа послѣ числительныхъ 2-4, а это закрѣпило окончаніе -а во всѣхъ словахъ, подлежащихъ счету. Напротивъ слова по значенію своему не употреблявшіяся послѣ числительныхъ, укрѣпили за собой окончаніе -у. Слова эти двухъ категорій: 1)вещественныя, 2)отвлеченныя (см. ниже). Кромѣ того исключительно -а имѣютъ всѣ слова, означающія живыя существа, въ томъ числѣ и имена собственныя; нарицательныя могутъ подойти подъ разрядъ словъ, соединявшихся съ числительными, но имена собственныя требуютъ для своего -а другое объясненіе. Дѣло въ томъ, что исконно (еще въ общеслав. праязыкѣ) слова, обозначавшія лица, получали въ винит. падежѣ форму род. падежа; но окончаніемъ, общимъ для обоихъ падежей,

было исключительно -а, ибо употребленіе формы род. надежа на -у въ основахъ на -й для вин. падежа было совершенно неизвѣстно, напротивъ и здѣсь являлась въ вин. форма сына при род. сыну; вытѣсненіе окончанія -а въ род. словъ, обозначающихъ лица или живыя существа, вообще черезъ -у стало невозможно именно вслѣдствіе того, что то же окончаніе -а было окончаніемъ вин. падежа. Итакъ для окончанія -а опредѣляются слѣдующія области нераздѣльнаго господства: 1) слова, обозначающія живыя существа, 2) конкретныя слова, подлежащія счету. Но относительно господства -а въ этихъ послѣднихъ словахъ должна быть сдѣлана слѣдующая оговорка: тамъ, гдѣ форма род. падежа исконно совпадала съ формой именит. - винит. двойств. вытѣсненіе окончанія род. -а окончаніемъ -у было невозможно; напротивъ, тамъ, гдѣ форма род. падежа, отличаясь по ударенію отъ формы именит. - винит. двойств. не совпадала съ ней, вытѣсненіе окончанія -а окончаніемъ -у стало явленіемъ обычнымъ; первый случай имѣлъ мѣсто въ словахъ съ неподвижнымъ удареніемъ: клина род. ед. и имен. дв., второй - въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ: вмѣсто го̀рода род. ед. (при города́ имен. - вин. дв.) могло явиться городу. Такимъ образомъ область конкретныхъ словъ, гдѣ господствуетъ безраздѣльно окончаніе -а, ограничиваемъ такъ: 2) конкретныя слова, подлежащія счету, съ удареніемъ неподвижнымъ. Это объясняетъ почему въ современномъ языкѣ совершенно неизвѣстно окончаніе -у въ словахъ съ удареніемъ на окончаніи, если слово ~~и~~ не имѣетъ значенія вещественнаго (табаку́, песку́ и т.п.); ср. куста́, конца́, креста́, холста́, сундука́, двора́, угла́, боба́, топора́ и т.д.

Изъ предыдущихъ замѣчаній выясняется, что область распространенія окончанія -у ограничивается тѣми группами словъ, куда -у могло проникать, не встрѣчаясь съ безраздѣльнымъ господствомъ -а, слѣ-

довательно, тѣми группами, гдѣ форма род. падежа не была тождественна съ другимъ падежомъ (вин. ед. въ именахъ, означавшихъ живыя существа; имен. - вин. дв. въ конкретныхъ съ удареніемъ неподвижнымъ). Сюда относятся исконно слова со значеніемъ вещественнымъ и собирательнымъ, не подлежавшія счету въ составныхъ своихъ частяхъ: народу, люду, товару, сору, бархату, перцу, супу, воску, мёду, сахару, сыру, гороху, чаю, клею, мѣлу, дёгтю, песку, табаку, огню, киселю, миндалю, фуражу, коньяку, мышьяку, также льну, льду,(вмѣсто древняго леду); далѣе слова съ значеніемъ отвлеченнымъ (и потому счету не подлежавшія): вкусу, счету, запаху, свѣту, доходу, расходу, страху, жару, ходу, холоду, вздору, безъ умолку, крику, до зарѣзу, вѣсу, отъ роду, съ размаху, спросу, духу, слуху, шуму, мору, толку, до верху, съ низу; наконецъ, слова съ значеніемъ конкретнымъ при условіи подвижности ихъ ударенія (многія изъ приведенныхъ формъ на -у только въ соединеніи съ предлогомъ): съ Дону, изъ лѣсу, изъ дому, до дому, съ часу, безъ году, съ боку, изъ ряду, съ возу, изъ носу, сряду, ни разу, сразу, ни шагу, съ міру, съ полу, отъ роду, съ краю; сюда же относится изо рту; въ этомъ соединеніи форма род., потерявшая удареніе, не совпадала съ формой имен. вин. дв. рта. Итакъ опредѣляются слѣдующія группы съ господствующимъ окончаніемъ -у: 1) слова со значеніемъ вещественнымъ, в) слова со значеніемъ отвлеченнымъ, е) слова конкретныя съ подвижнымъ удареніемъ.

Однако полное господство -*у* видимъ только въ первой группѣ. Но и здѣсь необходимы оговорки. Если счету подлежатъ сорта того вещества, которые обозначаются однимъ изъ разсматриваемыхъ словъ, то употребляется форма на -а, какъ форма исключительно господствующая при счетѣ: два разныхъ табака. Слово овёсъ по причинѣ неясной не образуетъ овсу, а только овса (вліяніе словъ какъ проса, пшена?) Слово хлѣбъ

имѣетъ хлѣба потому, что означаетъ не только вещественное понятіе (у насъ нѣтъ хлѣба), но и конкретное (подали два хлѣба). Ср. употребленіе сыра при счетѣ: два сыра. Также народа: два народа. Вообще индивидуализація или конкретизація вещественныхъ понятій ведетъ за собой появленіе окончанія а: лѣсъ состоитъ изъ ельника и березника, очистить лѣсъ отъ хвороста, онъ вышелъ изъ простого народа, преданія русскаго народа (ср. Востоковъ). Сюда же такое словоупотребленіе: свойство сахара, пряность, аниса, перца (но возможно и вкусъ коньяку, запахъ табаку).

Во второй и третьей группѣ окончаніе -у не только чередуется съ окончаніемъ -а, но и вытѣсняется имъ. Вытѣсненіе -у во второй группѣ обязано двумъ причинамъ: во первыхъ, вліяніе книжнаго языка, упорно державшагося стараго окончанія -а; ср. страха ради Іудейска, блеска, срама, разврата, возврата (а подъ этимъ вліяніемъ: доклада, отпуска, смѣха и т.д.. Во-вторыхъ еще тѣмъ, что окончаніе -у не вытѣсняло вообще окончаніе -а въ формѣ, сопровождаемой опредѣляющимъ словомъ: для виду, но для одного вида, отъ расходу, но отъ большого расхода; это обстоятельство вело къ тому, что слова отвлеченныя, болѣе тѣсно опредѣленныя, такъ сказать индивидуализированныя, систематически стали удерживать -а, этого вида я не забуду, отъ этого вкуса, зеленаго цвѣта, отъ постояннаго расхода и т.д. Вытѣсненіе -у въ третьей группѣ обязано тѣмъ же двумъ причинамъ, но также еще и третьей, а именно употребленіе формы на -а при счетѣ: два но́са, ря́да, бо́ка, го́да и т.д. вытѣснены формами два носа́, ряда́, бо́ка, го́да и т.д.; эти формы содѣйствовали утратѣ формъ но́су, ря́ду, бо́ку, го́ду въ род. и послѣднія, какъ мы видѣли сохранились отчасти только въ положеніи послѣ предлоговъ. Въ совр. литературномъ

языкѣ нѣтъ ни одного слова въ конкретномъ значеніи, которое не могло бы образовать формы род. пад. на -а, и напротивъ, параллельныя формы на -у все болѣе утрачиваютъ подъ собой почву.

Мѣстный падежъ. Употребленіе обоихъ окончаній -ѣ и -у гораздо строже разграничено, чѣмъ употребленіе обоихъ окончаній а и у въ родительномъ. Обычнымъ окончаніемъ мѣстнаго ед. является -ѣ нѣтъ слова, которое не могло бы образовать въ мѣстномъ пад. формы на -ѣ. Но при этомъ форма мѣстнаго пад. является въ двоякомъ видѣ въ зависимости прежде всего отъ предшествующаго ей предлога.

Послѣ предлоговъ о (объ), при господствуетъ и при томъ исключительно форма на -ѣ: объ углѣ, при садѣ, о берегѣ, о верхѣ, о ртѣ, о раѣ, при боѣ и т.д. Возможно, однако, что слово полкъ образуетъ полку въ соединеніи съ предлогами о, при.

Послѣ предлоговъ въ, на въ большей части словъ держится окончаніе -ѣ. Но въ нѣкоторыхъ группахъ словъ находимъ окончаніе -у. Это окончаніе имѣетъ всегда на себѣ удареніе, причемъ переносятъ его на себя если другія окончанія въ склоненіи являются безъ ударенія.

Окончаніе -у въ мѣстн. ед. находимъ: 1) во многихъ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ: въ гробу, въ зобу, на Дону, въ чану, на балу, на пиру, въ ряду, на ходу, въ цвѣту, на вѣсу, на носу, на бок, въ раю и т.д. (всѣ эти слова перечислены выше), 2) въ нѣкоторыхъ словахъ односложныхъ въ мѣстномъ падежѣ: во рту, на лбу, на льду, во мху, на дну, 3) въ слѣдующихъ словахъ съ неподвижнымъ удареніемъ на окончанія: въ полку́, въ посту́, въ углу́, на плоту́, въ уголку́ (возможны также, но моему словоупотребленію они чужды: въ песку, въ узлу, въ полову́, ср. рядомъ въ пескѣ, въ узлѣ; слово поло́въ вышло изъ употребленія), 4) въ нарѣчныхъ выра-

женіяхъ: на яву́, на скаку́.

Многія изъ этихъ словъ образуютъ и формы на -ѣ. Такъ мнѣ, напримѣръ, возможно сказать: въ дому и въ домѣ, на балу и на балѣ, на холоду и на холодѣ, въ цвѣту и въ цвѣтѣ (только въ цвѣтѣ лѣтъ), въ глазу и ни въ одномъ глазѣ, на вѣсу и убавилъ въ вѣсѣ, въ квасу и въ квасѣ, въ носу и въ носѣ, въ кругу́ и въ кругѣ моихъ знакомыхъ, на вѣку и въ вѣкѣ, на верху и на верхѣ дерева, на смѣху и въ его смѣхѣ, на острову и на о́стровѣ, въ жиру и въ жирѣ, въ вечеру и на вечерѣ, въ отпуску и въ отпускѣ, въ чаю и въ чаѣ и др. Я говорю только въ по́гребѣ, въ те́ремѣ, хотя извѣстны и формы въ погребу́, въ терему́. При этомъ бросается въ глаза еще и слѣдующее обстоятельство: опредѣляемая форма мѣстн. ед. чаще имѣетъ окончаніе -ѣ, чѣмъ не опредѣляемая; частью это видно изъ приведенныхъ примѣровъ, хотя необходимо замѣтить, что окончаніе -у извѣстно и въ опредѣляемой формѣ: въ платяномъ шкапу, на моемъ столу, въ высшемъ кругу́, въ великомъ посту. Ср. еще въ моемъ домѣ, въ деревянномъ гробѣ, на его глазѣ.

Скажу нѣсколько словъ о происхожденіи чередованія окончаній -ѣ и -у въ мѣстномъ падежѣ. Въ основахъ на -о было искони извѣстно окончаніе -ѣ (переходившее въ -и послѣ мягкихъ согласныхъ, въ основахъ на -jo); въ основахъ на -ŭ было окончаніе -у. Оба окончанія имѣли нѣкогда длительную долготу и потому перетягивали на себя удареніе въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ; род. са́да, мѣстн. *садѣ́; род. до́му, мѣстн. дому́. Но въ основахъ на -о, а также вѣроятно и въ основахъ на -ŭ съ теченіемъ времени, впрочемъ, еще въ общеславянск. праязыкѣ, произошла оттяжка ударенія въ формѣ мѣстн. ед. въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ; эти слова только въ мѣстн. ед. переносили удареніе на окончаніе; вліяніе ударенія другихъ падежей имѣло

вслѣдствіемъ перенесенія ударенія на основу и въ мѣстномъ: садѣ вм. *садѣ. Но послѣ предлоговъ въ и на сохранялось старое мѣсто ударенія вслѣдствіе, быть можетъ, тѣснаго соединенія формы мѣстн. ед. съ этими предлогами; мы увидимъ, что такая же оттяжка ударенія, вызванная такою же причиной (вліяніемъ другихъ падежей), замѣчается въ мѣстн. ед. словъ женск. род. на -ь (какъ рѣчь, часть), причемъ старое мѣсто ударенія сохранилось въ формахъ слѣдующихъ за предлогами въ, на (я говорю о ночи, о рѣчи, о крови, но въ ночи, въ рѣчи, на крови). Подъ вліяніемъ основъ на -й въ основы на -ŏ проникало окончаніе -у, въ мѣстн. ед.; но сохранилось такое -у вообще только тамъ, гдѣ форма мѣстн. ед. отличалась отъ формы дат. ед. Въ древнемъ языкѣ, напримѣръ, находимъ на холму, во льну, въ обноку, въ Смоленску; но въ современномъ исчезли всѣ тѣ формы мѣстн. падежа на -у которыя по звуку тождественны съ дат. падежомъ; остатками стараго словоупотребленія оказываются приведенныя выше односложныя формы, а также мѣстн. падежи, какъ въ полку́, въ посту́, на плоту́, въ полову́; углу́ при имен. уголъ, предполагая существованіе ударенія у́гла, у́глу, въ дат., а это узаконивaетъ углу́ въ мѣстн.; уголку́ подъ вліяніемъ въ углу́. Впрочемъ, данныя древняго языка свидѣтельствуютъ о томъ, что самое распространеніе окончанія -у насчетъ -ѣ задерживалось тамъ, гдѣ форма мѣстн. на -у совпала бы съ формой дат. ед.; но зато, въ древнемъ языкѣ имѣлось условія, благопріятствовавшія распространенію -у вопреки указаннымъ задерживающимъ началамъ, а именно окончаніе основы на задненебную согласную; въ совр. литер. языкѣ это условіе устранено совсѣмъ и въ полную силу вступили задерживающія начала.

Замѣчательно, что названія одушевленныхъ предметовъ не знаютъ совсѣмъ окончанія -у. Это объясняется тѣмъ, что такія названія могли приходить въ соединеніи съ предлогами въ, на только случайно, въ

единичныхъ случаяхъ; ср. въ во́ронѣ, въ во́лкѣ, на во́рѣ, въ бѣ́сѣ и т. д.

О нѣкоторыхъ особенностяхъ отдѣльныхъ словъ. Слово день обычно склоняется такъ же, какъ разсматриваемыя основы на твердую и мягкую согласную; но въ литературную рѣчь проникаютъ и формы, образованныя по другому склоненію (ср. слово путь); такъ находимъ два дни, три́ дни вм. два дня, къ Петрову́ дни, отъ Петрова́ дни. Тоже въ склоненіи слова рубль: два́, три́ рубли.

Слово Господь имѣетъ при себѣ зват. форму Господи; всѣ остальные падежи образуются отъ основы Господ-: р. Господа, д. Господу и т. д.

О томъ, что имена муж. рода на -ій, какъ Василій, Георгій, образуютъ мѣстн. ед. на - іи, см. выше.

О звательномъ ед. Боже, Христе, Отче, см. выше.

Слово Христосъ въ другихъ падежахъ имѣетъ основу Христ-

2. Склоненіе единственнаго числа слова путь.

Слово путь оказывается единственнымъ изъ многочисленныхъ словъ муж. р. съ исконной основой на ǐ, которое въ ед. числѣ сохранило старыя формы склоненія; остальныя слова перешли въ склоненіе основъ на -о, -jo (напр. гость, лапоть); нѣкоторыя слова сохранили свои формы склоненія, но зато перешли въ женск. родъ (и образовали въ творит. падежѣ форму на -jу вмѣсто -ем); сюда относятся напримѣръ, печать, корь, гортань. И слово путь въ народномъ языкѣ получаетъ женск. родъ.

Слово пут' склоняется такъ: р. пути́, д. пути́, вин. пут', тв. путём, мѣстн. пути́. Итакъ удареніе во всѣхъ падежахъ на окончаніи.

О формахъ дни, рубли оказано выше.

3. Склоненіе множественнаго числа словъ муж. род. на твердую согласную, кромѣ ш, ж и на -й (окончаніе имен. мн. -ы, -и́, -а).

Основы, получающія такое склоненіе, тѣ же, что разсмотрѣнныя выше въ склоненіи ед. числа; но изъ основъ на -jo сюда относятся только тѣ, которыя въ имен. ед. оканчиваются на дифтонгъ съ -й (край, бой, воробей, и т.д.); старыя основы на -ĭ исключаются отсюда совсѣмъ. Отличіемъ разсматриваемаго склоненія отъ склоненія основъ на мягкую согласную является окончаніе род. мн.: здѣсь находимъ -овъ, -евъ, -ъ, тамъ -ей.

Падежныя окончанія мн. числа только отчасти восходятъ къ старому склоненію мн. чис. основъ на -о, -jo; въ имен. мн. находимъ кромѣ того окончанія, восходящія къ двойств. числу муж. р., а также къ им. ед. собирательныхъ словъ женск. и ср. рода; въ дат., тв., мѣств. находимъ окончанія, заимствованныя изъ основъ женск. рода на -а. Окончанія эти слѣдующія.

Им. мн.: -ы, (-и), -а. Род. мн.: -ов (-ев, т.е. jəf въ неударныхъ слогахъ послѣ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ), (-ъ), точнѣе отсутствіе всякаго окончанія. Дат. мн.: -ам. Твор. мн. -ами. Мѣстн. мн. -ахъ. Винительный падежъ мн. числа сходствуетъ съ именительнымъ, но какъ мы знаемъ, въ словахъ, означающихъ одушевленные предметы, съ родительнымъ. Эти окончанія въ зависимости отъ фонетическихъ условій, какъ отчасти указано въ скобкахъ, получаютъ различное произношеніе. Звуку -ы въ имен. послѣ твердыхъ согласныхъ соотвѣтствуетъ звукъ -и послѣ j(i̯): столы, но бojи, чajи, воробjи; вм. -ы находимъ -и также послѣ к, г, х: волки, полки. Звукъ -а извѣстенъ только подъ удареніемъ: города́, краjа́. Окончаніе -овъ произносится подъ удареніемъ какъ -of, въ неударныхъ слогахъ, какъ

αf, послѣ j находимъ въ неударяемыхъ слогахъ также -of, а въ неударяемыхъ αf: бojof, окончаніе -амъ дат. множ. подъ удареніемъ -ам, въ неударныхъ слогахъ -αм. Окончаніе -ами твор. множ. подъ удареніемъ -а́ми въ неударныхъ слогахъ -άми. Окончаніе -ахъ мѣстн. множ. подъ удареніемъ -ах, въ неударныхъ слогахъ -αх.

Во множественномъ числѣ рѣзко различаются основы съ неподвижнымъ удареніемъ (на корнѣ или окончаніяхъ) и основы съ подвижнымъ удареніемъ. Эти послѣдніе могутъ имѣть удареніе на окончаніяхъ или во всемъ склоненіи, противополагаясь единствен. числу, гдѣ удареніе на корнѣ, или только на окончаніяхъ род., дат., мѣстн., между тѣмъ какъ им. -вин. мн. имѣютъ, какъ и формы единственнаго числа, удареніе на корнѣ. Такимъ образомъ въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ различаются двѣ группы: въ первой удареніе переносится на окончанія им. мн. -ы и -а, во второй удареніе не переносится на окончаніе им. мн. -ы; объединяются обѣ группы тѣмъ, что удареніе переносится въ той и другой на окончанія, начиная съ род. мн. Опредѣленіе подвижныхъ основъ предполагается ниже при разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ окончаній именит. мн. При этомъ оказывается необходимымъ различать слѣдующія три окончанія: -ы (-и), перетягивающее на себя удареніе въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ а, всегда имѣющее на себѣ удареніе, -ы, не перетягивающее на себя ударенія въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ.

Именительный падежъ множественнаго числа на -ы (-и), перетягивающее на себя удареніе въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ. Это окончаніе надо признать господствующимъ; правда, его можно отличить отъ -ы, не перетягивающаго на себя ударенія, только въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ, но сопоставленіе словъ, употребляющихъ то или другое окончаніе доказываетъ, что первое изъ нихъ (ы,

перетягивающее удареніе) свойственно преимущественно неодушевленнымъ, между тѣмъ, какъ второе (ы не перетягивающее ударенія) преимущественно одушевленнымъ. Въ виду этого -ы (-и) въ словахъ съ неподвижнымъ удареніемъ одушевленныхъ не отношу къ разсматриваемому теперь окончанію. Это окончаніе по происхожденію окончаніе вин. мн. числа; замѣна древняго окончанія им. мн. -и окончаніемъ вин. мн. -ы въ словахъ, означающихъ неодушевленные предметы, принадлежитъ къ однимъ изъ раннихъ явленій въ области русск. склоненія; произошла эта замѣна подъ вліяніемъ того, что падежи имен. и вин. мн. совпадали въ склоненіи основъ женскаго и средняго рода, а также и того, что эти падежи совпали въ одной общей для всѣхъ родовъ формѣ въ словахъ опредѣляющихъ (прилагательныхъ, мѣстоименіяхъ и т.д.); кромѣ того особенное значеніе при замѣнѣ окончанія им. мн. окончаніемъ вин. мн. имѣло и то обстоятельство, что въ единственномъ числѣ словъ муж. р., обозначающихъ неодушевленные предметы им. и вин. падежи имѣли одну общую форму; (возъ, воз; домъ, дом). Въ словахъ съ основой на -ц, а также съ основой на -й (-ĭ) находимъ окончаніе -и (которое послѣ ц перешло въ -ы), это -и замѣнило окончаніе -ѣ подъ вліяніемъ окончанія -ы послѣ твердыхъ согласныхъ. Примѣры для окончанія -ы въ словахъ съ неподвижнымъ удареніемъ: столбы, посты, хвосты, плоды, дворы, суды, животы, доходы, размѣры, заводы, товары, заносы; выступы, ножики; вѣпры, паи́, лишаи́.

Окончаніе вин. мн. -ы имѣло нѣкогда экспираторную долготу; вслѣдствіе этого удареніе словъ съ подвижнымъ удареніемъ переносилось на это окончаніе. Вотъ почему окончаніе им. мн. на -ы (-и) въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ имѣетъ на себѣ удареніе. Перечислю слова съ подвижнымъ удареніемъ, имѣющія окончаніе -ы (-и); это перечисленіе необходимо потому, что слова съ подвижнымъ удареніемъ могутъ имѣть еще и другое окончаніе -а.

ба́лы, бо́ры, бо́и, ва́лы, ве́рхи, ве́сы, дары́, долги́, дубы́, духи́, жары́, жиры́, зады́, зобы́, квасы́, круги́, лады́, міры́, меды́, мозги́, мѣхи́, носы́, низы́, паны́, полки́, пупы́, полы́, пары́, пуды́, переды́, раи́, рои́, ряды́, разы́, сады́, склады́, слои́, сыры́, торги́, фунты́, хлѣбы́, цвѣты́, часы́, чаны́, чаи́, шаги́, шелки́, шкапы́.

Итакъ это все двухсложныя слова (трехсложно только переды́, но и оно исконно было двухсложно: передъ изъ *пердъ). Повидимому, они могутъ быть распредѣлены на три группы. Къ *первой* относимъ тѣ, которыя вообще не употреблялись при счетѣ, не могли слѣдовательно образовать двойственнаго числа и такимъ образомъ получить окончаніе -а (проникшаго, какъ увидимъ, изъ формы им. вин. дв.числа). Сюда относятся слова съ вещественнымъ значеніемъ: меды,чаи, шелки, жиры, квасы, сыры; далѣе слова, употребляющіяся только въ множественномъ числѣ: цвѣты (ед. чис. цвѣтокъ), вѣсы (вѣсъ въ другомъ значеніи), мозги (мозгъ стоитъ отдѣльно), переды (ед. передокъ), зады (ср. на задахъ, твердить зады, гдѣ задъ не стоитъ въ прямой связи съ ед. задъ), верхи (тоже), низы (тоже), лады́, нелады́, мѣхи́, склады́, круги́, духи́; жары (въ специальномъ значеніи, ср. ед. число жара́), полы (имѣетъ тоже значеніе, что единст. полъ: полы въ этой комнатѣ не годятся), торги́ (при счетѣ не употребляется), долги́ (тоже). Сюда же относятся часы́, разы́, шаги́, ряды́, ибо часа́, раза́, шага́, ряда́ не получили значенія множ. числа, а употребляются только при числительныхъ два, три, четыре. Слова пуды, фунты можно признать рѣдко употребляющимися во множ. числѣ, ибо при счетѣ употребляются или пудъ, или пу́да, или пудъ, пудовъ (послѣ числительныхъ). Ко *второй* категоріи относимъ книжныя и новыя слова, какъ шкапы, балы, паны, (польск.), раи, слои,

Къ *третьей* категоріи относятся: сады, чины, міры, пиры, дары, валы, боры, станы, верхи, низы, зады (послѣднія три слова въ другихъ значеніяхъ, чѣмъ выше). Въ первыхъ двухъ категоріяхъ появленіе -ы вмѣсто ожидаемаго -а понятно (ср. или ихъ книжный характеръ или отсутствіе возможности сочетать ихъ съ числительными 2, 3, 4). Въ третьей категоріи -ы непонятно, если не предположимъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со старой формой двойств. числа отъ исконныхъ основъ на -у; два сады́, три сады́ и т.д. укрѣпляло за сады́ значеніе именит. множ. какъ два года́, три года́ вызывали въ формѣ года́ значеніе именит. множ. Въ нѣкоторыхъ словахъ замѣчается колебаніе: возы́ и воза́, хлѣвы́ и хлѣва́ (у Востокова хлѣва́, но хлѣвы́).

Именительный падежъ множественнаго числа на -а, имѣющее на себя всегда удареніе. Окончаніе -а, согласно только что сказанному, надо признать обычнымъ и правильнымъ окончаніемъ им. мн. словъ съ подвижнымъ удареніемъ. Всѣ слова съ подвижнымъ удареніемъ должны образовать им. мн. на -а. По происхожденію это окончаніе им. вин. двойств.; оно исконно имѣло длительную долготу и, слѣдовательно, перетягивало на себя удареніе; изъ сочетаній съ числительнымъ два формы дв. числа переносились и въ положеніе послѣ числительныхъ три, четыре: два города́, топора́, три города́, три топора́. Совпаденіе формы двойств. числа съ формой род. ед. въ части словъ (въ словахъ съ неподвижнымъ удареніемъ), въ связи съ утратой самой категоріи двойств. числа, привело къ синтаксическому употребленію послѣ числительныхъ 2-4 формы род. падежа ед. числа: два го́рода, топора́, три го́рода, топора́; замѣна словоупотребленія два, три города́ словоупотребленіемъ два, три го́рода, привела къ тому, что, во-первыхъ, сочетанія, какъ два, три города́ исчезли совсѣмъ, во-вторыхъ, форма города́ получила значеніе множественнаго числа. Съ пред-

ложеннымъ объясненіемъ согласовано то, что слова съ неподвижнымъ удареніемъ не могутъ образовать мн. на -а (ибо въ нихъ форма на -а по происхожденію форма двойств. числа была по звуку тождественна съ формой род. падежа).

Слова, имѣющія окончаніе -а́ въ им.мн.распредѣляю по слѣдующимъ тремъ группамъ:

а) слова двухсложныя или трехсложныя вслѣдствіе полногласія:

боровъ, берегъ (брегъ) бокъ, ворохъ, годъ, городъ, вѣкъ, вѣтеръ, домъ, желобъ, глазъ, коробъ, голосъ, край, лугъ, лѣсъ, мѣхъ, рогъ, снѣгъ, стогъ, теремъ, хлѣбъ, цвѣтъ,

Быть можетъ, сюда же хлѣва́ (какъ у Востокова); также употребительны раза́, волка́, воза́.

б) слова трехсложныя и многосложныя; въ нихъ удареніе, вѣроятно, перенесено съ предпослѣдняго слога, гласная котораго (краткая или прерывисто-долгая) не могла удержать на себѣ ударенія.

жерновъ, счетъ, погребъ, откупъ, о́корокъ, пологъ, поясъ, вечеръ, поваръ, островъ, приставъ, потрохъ, ястребъ, колоколъ, шелепъ, образъ. Востоковъ даетъ еще возраста́.

в) иноязычныя слова, разновременно заимствованныя и подчинявшіяся аналогіи указанныхъ трехсложныхъ словъ; во всѣхъ этихъ словахъ удареніе не на предпослѣднемъ слогѣ.

парусъ, куполъ, сортъ; корпусъ, шомполъ, орденъ, ситецъ, паспортъ, ордеръ, мастеръ, кучеръ, катеръ, киверъ, вахтеръ, докторъ, ректоръ профессоръ и пр., мичманъ, флагманъ. Что до офицера́, то офице́ръ отступаетъ отъ указаннаго правила объ удареніи; быть можетъ надо допустить, въ старшемъ языкѣ офице́ра, какъ заимствованное изъ

польскаго.

Совершенно отдѣльно стоитъ рукава́, такъ какъ рукаве́, имѣетъ неподвижное удареніе на окончаніяхъ; здѣсь видимъ явный остатокъ дв. числа (ср. малорусск. рукава съ перенесеннымъ удареніемъ). Безъ сомнѣнія со значеніемъ двойств. числа употреблялись и слова глаза́, рога́, бока́, какъ означающія парные предметы.

Большая часть приведенныхъ словъ можетъ образовать им. мн. на -ы (безъ ударенія); вѣроятно, подобныя формы представляютъ книжныя образованія: сто́ги, снѣ́ги, вѣ́хи, о́бразы, го́ды, жерновы, откупы, парусы, поясы; это относится въ особенности къ иноземнымъ, какъ мастеры, профессоры, ордены. Но особо должны быть оговорены: ро́ги (напр. охотничьи), хлѣ́бы (съ другимъ значеніемъ, чѣмъ хлѣба): о нихъ скажу ниже. О нѣкоторыхъ параллельныхъ образованіяхъ на -ы ударяемое, какъ цвѣты́, разы́, мѣхи́ сказано выше.

Именительный падежъ мн. числа на -ы, не перетягивающее на себя удареніе въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ. Отличить окончаніе -ы, не перетягивающее на себя удареніе, отъ -ы, перетягивающаго удареніе, можно, конечно, только въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ. Поэтому поговоримъ сначала о нихъ, а затѣмъ перенесемъ полученный выводъ и на слова съ удареніемъ неподвижнымъ. Сначала укажу тѣ слова съ имен. мн. на -ы, которыя съ большею или меньшею вѣроятностью можно признать книжными, представляющими церковнославянское или искусственное удареніе, а потому не подлежащими нашему разсмотрѣнію.

Это:

гробы (ср. гроба́), громы, долы, домы (ср. дома́), ду́бы, ви́ды, гро́зды, сло́ги, вѣ́ки, (ср. вѣка́), со́ки, снѣ́ги (ср. снѣга́), стоги (ср. стога), цѣхи, годы (ср. года́), ро́ды, клубы, сор-

ты, вѣтры.

Остальныя слова дѣлятся на двѣ группы:

1) слова, означающія одушевленные предметы: волки, боги, бѣсы, трусы, моты, плуты, воры, духи.

2) слова: волосы, зубы, роги, хлѣбы, боки (руки въ боки). Что до словъ второй группы, то они имѣютъ при себѣ и другія образованія въ им. мн.: волоса (и волосья), зубья, рога, хлѣба; послѣднія три слова отличаются по значенію; зубы (зубья у пилы), роги, (рога у коровы), хлѣбы (хлѣба въ полѣ); повидимому множ. на -ы индивидуализируетъ ихъ значеніе: волоса, зубья, рога, хлѣба не означаютъ нѣсколькихъ волосъ, зубовъ, роговъ, хлѣбовъ, а имѣютъ или собирательное или парное значеніе. И это значеніе словъ зубы,роги,сближаетъ ихъ со значеніемъ множ. въ словахъ одушевленныхъ. Обращаясь къ окончанію -ы въ одушевленныхъ, видимъ, что выводить его изъ в им. мн. невозможно; этому препятствуетъ удареніе; кромѣ того при давнемъ стремленіи давать въ вин. мн. одушевленныхъ форму род.мн. непонятно было бы, какимъ образомъ форма вин. мн. сравнительно рѣдкая могла вытѣснить форму им. мн., тѣмъ болѣе, что въ ед. числѣ формы именит. и вин. падежа отличались по формѣ. Въ виду этого принимаю, что -ы въ бѣсы, моты и т.д. не есть окончаніе вин. мн. этихъ словъ; -ы замѣнило окончаніе им.вин. -и подъ вліяніемъ господствующаго въ другихъ словахъ окончанія -ы (по происхожденію окончанія вин. мн.); но при переносѣ этого окончанія сохранилось древнее мѣсто ударенія. Подтвержденіе такому объясненію, тому, что им. мн. словъ, означающихъ одушевленные предметы, сохраняли окончаніе -и дольше, чѣмъ неодушевленныхъ, вижу въ томъ, что нѣкоторыя слова муж. рода сохраняютъ окончаніе -и до сихъ поръ (при чемъ переходятъ въ другое склоненіе): черти, сосѣди. Что до формъ, какъ зуби, волоси, рози (ст-

сюда роги), хлѣби, то повидимому эти формы въ извѣстную эпоху жизни русскаго языка сохраняли значеніе нѣсколькихъ зубовъ, роговъ, волосъ, хлѣбовъ, между тѣмъ, какъ формы зу́бы, во́лосы, хлѣ́бы (по происхожденію формы вин. мн.) означали совокупность зубовъ, волосъ, или получили значеніе собирательное (ср. замѣну ихъ черезъ собират. зубья, волосья), рога означало пару роговъ; формы зу́бы, во́лосы, хлѣ́бы смѣнились черезъ зубья, волоса или волосья, хлѣба, а зуби, волоси, хлѣби, рози черезъ зубы, волосы, хлѣба, роги (ср. духи, волки, воры вм. дуси, волци, вори).

Изъ того обстоятельства, что -ы въ бѣсы, трусы и т.д. обнаруживаетъ иное происхожденіе, чѣмъ -ы въ окончаніи неодушевленныхъ, можно заключить, что иное происхожденіе имѣло -ы и въ одушевленныхъ также съ непсдв. удареніемъ, т.е., что напр. въ игумены, приказчики. Греки, по́пы, мужи́ки -ы (-и) замѣнило окончанія им. мн. -и.

Родительный падежъ множественнаго числа на -овъ (-евъ). Обычнымъ окончаніемъ род. мн. при имен. мн. на -ы (-и послѣ к, г, х), на -а является -овъ: возовъ, волковъ, городовъ. Поэтому отношу къ разсматриваемому склоненію и такія слова, какъ чаи, рои, края; въ род. они оканчиваются на овъ: чаёвъ, роёвъ, краёвъ. Во всѣхъ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ -ов имѣетъ на себѣ удареніе; мы находимъ ударяемое -ов не только при формахъ им. мн. на -ы (-и), -а ударяемыя, но также и при им. мн. на -ы (-и) неударяемыя: волковъ, бѣсовъ, трусо́въ (такъ у Востокова; я говорю тру́совъ), бого́въ, хлѣбовъ, роговъ, зубо́въ и т.д. Причиной перенесенія ударенія на -ов - было, какъ кажется то обстоятельство, что -ов произносилось съ долгимъ о, удлинившимся вслѣдствіе отпаденія послѣ в звука -ъ; ср. указанный выше переходъ ка́менѣ̂е въ каме́нı̂е въ связи съ удлиненіемъ е, вызваннымъ выпаденіемъ звука ь̂.

Родительный падежъ множ. числа безъ окончанія. Такія формы встрѣчаются вообще крайне рѣдко и представляютъ архаизмами, остатками древней эпохи, когда именно такое образованіе род. мн. было обычнымъ (древнимъ окончаніемъ род. мн. было -ъ въ основахъ на -о, а окончаніе -овъ свойственно основамъ на -й и изъ нихъ уже на почвѣ русскаго языка переносилось въ основѣ на -о). При этомъ выясняются двѣ группы словъ съ такимъ образованіемъ родит. множ.: 1) слова, часто употребляющіяся при счетѣ и сохраняющія древнюю форму род. мн. послѣ числительныхъ пять, шесть и т.д., а также послѣ словъ какъ нѣсколько, много; сюда относятся аршинъ, разъ, человѣкъ; многіе употребляютъ въ род. мн. также еще форму пудъ; въ старинномъ языкѣ также алтынъ (слово, вышедшее изъ употребленія). 2) Многосложныя слова, означающія одушевленные предметы, лица, какъ: гренадеръ, драгунъ, кадетъ, солдатъ, турокъ. Какъ указано выше, одушевленные сохраняли въ им.мн. окончаніе -и дольше, чѣмъ неодушевленные. Быть можетъ, окончаніе -ов ассоціировавшееся именно съ окончаніемъ им.мн.-ы, не такъ легко проникало въ слова съ окончаніемъ -и въ им.мн.(понятно, что приведенныя иностранныя слова подчинились аналогіи своихъ русск.словъ). Та же причина удерживала при им. мн. во́лоси (выше было указано, какъ долго держалась эта форма) род. мн. воло́съ (удареніе воло́съ при во́лоси зависѣло отъ различнаго качества ударенія на сочетаніи ол; ол имѣло удареніе нисходящее, но въ слогѣ передъ выпавшими ъ, ь нисходящее удареніе переходило въ восходящее; ср. съ этимъ выше: чере́нья, чере́пья, коло́сья, поло́зья при че́рев, че́реп, ко́лос, по́лоз). Та же причина могла удерживать форму глаз при предполагаемомъ *гла́зи (на *гла́зи указываютъ нѣкоторыя діалектическія формы, какъ глазёх, глазём, въ глазях), существовавшую при двойств. глаза́. Та же причина могла удерживать форму сапог при именит. сапози́ (откуда сапоги́), долго державшуюся при дв. сапога́ (ср. дв. число отъ этого слова въ еванг.

текстѣ). Слѣдовательно та же причина можетъ быть предположена и для чулок, при им. *чулци (откуда чулки); значеніе слова чулокъ позволяетъ допустить наличность формы ж. *чулка при болѣе рѣдкомъ мн. *чулци. Формы во́лоси, *глази, сапози, *чулци держались, не замѣняясь формами во́лосы, глазы, сапоги, чулки, такъ какъ означали собраніе нѣсколькихъ предметовъ, выдѣленныхъ изъ совокупности или изъ парности волосъ, глазъ, сапогъ, чулокъ. Такимъ образомъ значеніе им. мн. на -и въ именахъ лицъ (сосѣди, черти) и въ такихъ словахъ, какъ волоси, зуби объясняется представленіемъ о собраніи индивидуальныхъ лицъ или предметовъ и противополагается значенію мн. числа, поглощающаго единицы; такое значеніе въ словахъ со значеніемъ неодушевленныхъ развивалось повидимому только тамъ, гдѣ существовало отъ нихъ множ. число со значеніемъ собирательнымъ или парнымъ.

Окончаніе дательнаго, творительнаго, мѣстнаго множественнаго числа. Эти окончанія -ам, -ами, -ах заимствованы изъ основъ жен. и муж. рода на -а; они замѣнили старыя окончанія -ом, -ы, -ѣхъ. По общему правилу ударение падаетъ на эти окончанія тогда, когда ударение падаетъ на окончанія род. мн. -ов (см. выше при род. мн.): бога́мъ, хлѣба́мъ, волка́мъ.

Замѣчанія о нѣкоторыхъ группахъ словъ. Слова на ёнок образуютъ им. мн. на -ята. Сюда относятся тѣ слова, которыя въ древнемъ языкѣ оканчивались въ им. ед. на -я и представляли во всѣхъ другихъ падежахъ основу на -ят: древнія теля, порося, жеребя, козля и т.д. перешли въ телёнок, поросёнок, жеребёнок, козлёнок; но эта новообразованная основа удерживается только въ ед. числѣ, въ множественномъ продолжала существовать старая основа, склонявшаяся въ среднемъ родѣ: поросята, козлята, ребята. Понятно, что те-

перь и эти формы мн. числа подъ вліяніемъ формы ед. числа перешли въ мужескій родъ. Рѣже образованія на -енята: бѣсенята, чертенята. Неправильная форма бурята вм. буряты, проникающая въ газеты, обязана аналогіи словъ какъ ребята, котята.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ. О формахъ черти, сосѣди, холопи сказано выше; о нихъ скажемъ и ниже. -Слово другъ образуетъ друзья, кумъ - кумовья, сынъ - сыновья; см. объ этихъ образованіяхъ ниже въ 5 отдѣлѣ. -Тамъ же см. образованія им. мн. отъ братъ, холопъ, супъ, зубъ. Тетеревъ образуетъ тетерева, но въ род. тетеревей.

4. <u>Склоненіе множественнаго числа словъ мужескаго рода на мягкую согласную и на отвердѣвшія ш, ж.</u>

Главнымъ отличіемъ этого склоненія отъ склоненія основъ на твердую согласную является окончаніе род. мн. -ей, между тѣмъ, какъ въ тѣхъ основахъ находимъ -ов.

Сюда относятся слова, принадлежавшія исконно къ основамъ на -ĭ и къ основамъ на -jo. Падежныя окончанія им. мн. -и, род. мн. -ей восходятъ во всѣхъ этихъ основахъ къ окончаніямъ -і, -ьі̂ основъ на -ĭ; правда, им. мн. основъ на -jo фонетически можно возвести и къ старой формѣ им. мн. основъ на -jo: кони, ключи, но не забудемъ, что ключи должно было бы вытѣсниться формой ключѣ, т.е. старой формой вин. мн.; если такого вытѣсненія не произошло, то, очевидно, подъ вліяніемъ основъ на ĭ: ключѣ замѣнено черезъ ключи подъ вліяніемъ пути, гвозди, ногти и т.д.; или ключѣ не вытѣснило ключи, такъ какъ окончаніе -и въ ключи отождествлено было съ окончаніемъ -и (по происхожденію вин. мн.) словъ, какъ пути, гвозди, ногти. На тождество окончаній -и въ ключи и -и въ пути показываетъ и налич-

ность при ключи формы род. мн. ключей, явившейся вм. старой формы ключъ. Такъ же точно им. мн. черти, сосѣди, холопи не вытѣснено черезъ черты, сосѣды, холопы подъ вліяніемъ отождествленія ихъ окончанія -и съ окончаніемъ -и въ гуси, люди, гости; ср. новообразованія чертей, сосѣдей, холопей.

Итакъ, въ разсматриваемомъ склоненіи обнаруживаются слѣдующія окончанія: им. мн. -и (-ы), а. Род. мн. -ей. Дат. мн. -ам. Тв. -ами. Мѣств. -ах. Винит. падежъ сходствуетъ съ именительнымъ, но, какъ мы знаемъ, въ словахъ, означающихъ одушевленные предметы, съ родительнымъ.

Въ отношеніи къ ударенію разсматриваемыя формы мн. числа распадаются на группы: 1) неподвижныя съ удареніемъ на окончаніи или корнѣ при им. мн. на -и, 2) подвижныя при им. мн. на -и или -а. Подвижность ударенія второй группы выражается въ томъ, что род., дат., тв. и мѣств. мн. переносятъ его на окончаніе, между тѣмъ, какъ въ имен. оно падаетъ на корень. Мы видѣли, что въ основахъ на твердую согласную -ы обыкновенно перетягиваетъ на себя удареніе въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ; напротивъ, окончаніе -и въ основахъ на мягкую согласную никогда ударенія на себя не перетягиваетъ; это свидѣтельствуетъ о совершенно различномъ морфологическомъ происхожденіи окончаній -ы и -и; ошибочно было бы утверждать, что въ ключи то же окончаніе, что въ топоры и различающееся отъ него только вслѣдствіе положенія послѣ мягкой согласной. Замѣчательно, что слово конь, искони съ неподвижнымъ удареніемъ на окончаніи, переноситъ его въ им. мн.: кони; очевидно, здѣсь сказалось вліяніе словъ какъ гости, гуси, лебеди и т.д. Въ группѣ словъ съ неподвижнымъ удареніемъ большинство словъ имѣетъ удареніе на окончаніи; исключеніе составляютъ

нѣкоторыя слова на -ич (Ивановичи назв. мѣств. Боровичи) и щ, какъ товарищъ. Государь, родители, камни. Разсмотрю отдѣльно окончанія и сдѣлаю при этомъ еще нѣсколько замѣчаній объ удареніи.

Именительный множествен. ч. на -ы, никогда не переносящее на себя удареніе. Въ словахъ съ неподвижнымъ удареніемъ: 1) лучи, мечи, бичи, богачи, клещи, плащи, ножи, чижи, ковши, торгаши, корабли, кисели, псари, алтари, богатыри, угри, караси, дожди; 2) товарищи, государи, поповичи, сюда же черти, сосѣди, холопи. Въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ (ср. ниже при окончаніи род. мн.): голуби, овощи (но у Востокова овощи съ неподвижнымъ удареніемъ), гости, лебеди, люди, сюда же черти. То обстоятельство, что слова на -ь не образуютъ им. мн. на -а, быть можетъ, служитъ указаніемъ на то, что въ окончаніи -и частью сохранилось старое окончаніе им. -вин. дв. отъ основъ на ĭ: два, три караси вызывало сохраненіе формы карасей въ мн. ибо рядомъ, въ теченіе долгаго времени, не существовало соединенія два, три карася. Подъ вліяніемъ основъ на ĭ, это окончаніе переносилось въ основы на -jo. Ср. два рубли вм. два рубля.

Именительный множествен. ч. на -а, переносящее на себя удареніе. Сюда относятся, преимущественно, слова заимствованныя, подчинившіяся аналогіи словъ съ основой на твердую согласную. Эти слова на -тель книжнаго, церковнославянскаго происхожденія: учителя, смотрителя; слова на -арь, заимствованныя съ польскаго: лѣкаря, писаря; слова тополь, якорь; слова на -ель: вексель, вензель, крендель, педель, дупель, штемпель, флигель; слово егерь. -Что до слова сторожа, то, повидимому, оно замѣнило старшее сторожа подъ вліяніемъ словъ, какъ: мужья, князья.

Родительный множественнаго числа. Окончаніе -ей въ словахъ съ неподвижнымъ удареніемъ: путей, плащей, ключей, голышей, кораблей; го-

сударей, родителей. Окончаніе -ей въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ имѣетъ удареніе всегда на себѣ. Перечислю эти слова:

Именит. падежъ множественнаго числа на -и неудар.: голубь, гвоздь, гость, груздь, гусь, зять, (?) звѣрь, лебедь, лапоть, коготь, козырь, корень, локоть, окунь, омуль, ноготь, перстень, соболь, тать, уголь, угорь, овощъ, мужъ, червь. -Кромѣ мужъ и овощъ - это все исконныя основы на -ĭ.

Причина переноса, образованіе сочетанія -ьĭ съ -ь сильнымъ; ср. переносъ ударенія на -ov изъ -ovъ.

Дательный, творительный, мѣстный множественнаго числа. Окончанія -ам, -ами, -ах всегда имѣютъ на себѣ удареніе въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ: голубя́мъ, ногтя́ми. Ср. сказанное выше объ удареніи этихъ окончаній въ основахъ на твердую согласную.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ. Слово день кромѣ дней образуетъ форму род. мн. дён, рѣдко употребляемую въ литер. нарѣчіи; полдни - полдён.

Мужъ, зять, князь образуютъ мужья, зятья, зятевья, князья, гвоздь - гвоздья, см. объ этихъ словахъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

5. Склоненіе множественнаго числа словъ, оканчивающихся въ им. мн. на ья.

Окончаніе -ья въ именит. мн. двоякаго происхожденія. Въ словахъ, означающихъ одушевленные предметы, точнѣе лица, это окончаніе восходитъ къ окончанію им. ед. женскаго рода собирательныхъ; слово братья въ старомъ языкѣ склонялось въ ед. числѣ: вин. братью, род. братьѣ и т.д.; ср. слово братья (монастырская братья) и въ совр. языкѣ. Сюда относятся им. мн. братья, холопья, мужья, друзья, князья, зятья, зятевья, сыновья, кумовья. Совершенно ясно, что друзья замѣнило древнее дружья, извѣстное въ памятникахъ, подъ влі-

яніемъ формы им. мн. друзи; также князья вмѣсто княжья подъ вліяніемъ князи. Поэтому можно думать, что зятевья, сыновья, кумовья замѣнили зятья, *кумья, *сынья подъ вліяніемъ формъ им. мн. зятеве, сынове, кумове. Такимъ образомъ, им. мн. на -ья имѣютъ, какъ слова съ основой на твердую согласную (при нихъ также -овья), такъ и съ основой на мягкую согласную (при нихъ также -евья). Слова съ неподвижною по ударенію основой не переносятъ ударенія на -ья: братья, холопья; напротивъ, слова съ подвижною по ударенію основой, переносятъ его на окончаніи: мужья́, зятья́, друзья́, князья́, сыновья́, кумовья́; различіе въ удареніи словъ, какъ братья и зятья, восходитъ еще къ той эпохѣ, когда эти слова означали им. пад. женск. рода.

Въ словахъ, означающихъ неодушевленные предметы, -ья восходитъ къ окончанію им. ед. собирательныхъ ср. рода; окончаніе это звучало -ье, но неудар. -е въ концѣ слова фонетически перешло въ -а (ср. меня вм. мене, есме въ есмя, татарове въ татаровя): слова, какъ листье, гвоздье склонялись нѣкогда въ ед. числѣ; род. листья, дат. листью; но когда именит. листье перешло въ листья, его окончаніе -а стало вызывать представленіе о множественномъ числѣ; ассоціаціи им. мн. листья съ лист не препятствовалъ муж. родъ этого послѣдняго слова, ибо подобная ассоціація уже существовала въ случаяхъ какъ братья - брат, холопья - холоп. Возможно, что листья смѣнялось и смѣнилось бы совсѣмъ черезъ листьи, если бы не вліяніе словъ, какъ перья, деревья, ср. род. О существованіи ед. числа листье, гвоздье, каливье и т.д. свидѣтельствуютъ не только памятники, но и современные сѣверновеликорусскіе говоры (ли́стьё, гво́здьё). Перечислю формы им. мн. на -ья отъ словъ со значеніемъ неодушевленныхъ:

1) Двусложныя съ неподвижнымъ удареніемъ въ ед. и мн. чис. (на кор-

нѣ или окончаніяхъ): колъ, клокъ, крюкъ, листъ, сукъ, гвоздь, стулъ, струпъ, брусъ, клинъ.

Двусложныя съ подвижнымъ удареніемъ въ ед. и мн. чис.: зубъ, комъ, лубъ, прутъ.

2) Трехсложныя, исконно двусложныя, съ подвижнымъ удареніемъ: колосъ, полозъ, черепъ, черенъ; сюда же уголь.

Трехсложныя съ неподвижнымъ удареніемъ: волдырь, пузырь, пупырь, батогъ, кочанъ, камень.

Трехсложныя съ подвижнымъ удареніемъ: ободъ, корень, лоскутъ.

Итакъ, приведенныя формы образуются, какъ отъ словъ съ основой на твердую согласную, такъ и отъ словъ на мягкую согласную. Удареніе никогда не падаетъ на -ья, оно падаетъ на слогъ передъ -ья, поэтому въ двусложныхъ оно ложится на первый слогъ, а въ трехсложныхъ на предпослѣдній (но уголья) въ словахъ, какъ ободья, коренья, каменья явный переносъ ударенія на удлинившійся слогъ вслѣдствіе выпаденія за нимъ въ слѣд. слогѣ ь; слово камень, имѣющее неподвижное удареніе, ср. род. мн. камней, всетаки представляетъ такой переносъ; въ словѣ уголья удареніе падаетъ не на предпослѣдній слогъ потому, что уголья восходитъ къ древнему углье; въ словахъ: колосья, черепья имѣемъ другое удареніе, чѣмъ въ колосъ, черепъ въ зависимости отъ подобнаго же процесса, а именно-наличности въ слѣд. слогѣ ослабленнаго звука, ср. удареніе род. волосъ при род. волоса. Только -ья: стулья, колосья.

При листья находимъ листы въ другомъ употребленіи, съ другимъ значеніемъ; листы при листья ср. зубы, волосы (слѣдовательно, -ы замѣнило здѣсь -и, старое окончаніе им. мн.), при крючья-крюки, при гвоздья-гвозди, при уголья-угли, при коренья-корни (въ другомъ значеніи), при клочья-клочки (въ другомъ значеніи), при колья-колы (въ другомъ значеніи), при зубья-зубы (въ другомъ значеніи и т.д.

Востоковъ замѣчаетъ: "когда говорятъ о предметахъ въ отдѣльности, какъ объ единицахъ, тогда употребляютъ правильное окончаніе: струпы, батоги, крюки, камни, корни; когда же разсматриваютъ предметы въ совокупности, какъ собраніе единицъ, тогда употребляютъ окончаніе на -ья: струпья, батожья, крючья, каменья, коренья".

Склоненіе словъ, оканчивающихся въ им. мн. на -ья, распадается на двѣ группы: въ первую, обнимающую, какъ исконныя собирательныя женск. рода, такъ и собирательныя сред. рода, входятъ всѣ тѣ слова, которыя оканчиваются на неударяемое -ья; въ род. пад. множ. они имѣютъ -евъ: братъ - братьевъ, сучья - сучьевъ, каменья - каменьевъ; во вторую, обнимающую только собирательныя женск. рода, входятъ слова, которыя оканчиваются на ударяемое -ья; въ род. пад. мн. они имѣютъ -ей: мужья - мужей, друзья - друзей, сыновья - сыновей Такимъ образомъ, первая группа примыкаетъ къ словамъ съ основой на твердую согласную, а вторая къ основамъ на мягкую согласную. Повидимому, причина дифференціаціи слѣдующая: при им. мн. на -ья (ja) возникалъ род. мн. jев потому, что такое окончаніе являлось и при формѣ им. мн. на -ья (ji): краснобаи - краснобаевъ, горностаи-горностаевъ; вообще, окончаніе -ей не являлось послѣ j; причиной этому было то, что въ словахъ съ основой на ĭ не было такихъ, которыя передъ ĭ имѣли j, слѣдовательно, представляли род. мн. jей; поэтому при боjи, горностаjи являлись формы боjов, горностаjев; и также при им. мн. муж. рода братья являлось братьевъ. Между тѣмъ въ ряду словъ на -ья съ новой формой им. мн. ассоціировалась форма род. мн. на -ей, которая принадлежала къ старому склоненію съ им. мн. на -и: такъ при мужья род. мн. былъ мужей, относящійся соотвѣтственно къ им. мн. мужи (и замѣнившій форму мужъ, когда мужи ассоціировались съ гости, тати), при друзья род. мн. друзей, относящійся, собствен-

но въ им. мн. друзи (ср. новообразованіе чертей, холопей при черти, холопи), при зятья - зятéй, при князья - князéй; подъ вліяніемъ такихъ словъ и новообразованія кумовья, сыновья, зятевья получили при себѣ новообразованныя формы род. мн. сыновей, зятевей; но также являются и формы на -ёв; кумовьёвъ, зятьёвъ (ср. ниже шурьёвъ). Что до прочихъ падежей множественнаго числа, то въ основаніи ихъ была положена основа им. мн.: поэтому брáтьямъ, сýчьямъ; друзьями, сыновьяхъ.

6. Склоненіе множественнаго числа словъ, представляющихъ въ единственномъ числѣ основу на -ин. Въ единственномъ числѣ слова на -ин, означающія лица муж. пола, склоняются, какъ всѣ, вообще основы муж. рода на твердую согласную: бояринъ, боярина и т.д. Но во мн. числѣ окончаніе -ин откидывается, не является; причиною этого то, что суффиксъ -ин имѣлъ значеніе единичности, ср. -ин въ одинъ -ин въ инокъ, иноходецъ. Такимъ образомъ, для образованія мн. числа служила сокращенная основа, основа на согласную. Въ древнемъ языкѣ основы на согласную получали особыя, свойственныя именно имъ, окончанія: им. мн. -е, род. мн. -ъ; прочіе падежи исконно образовывались и по основамъ на і, или по основамъ на -с. Современный языкъ сохранилъ эти старыя формы, въ значительной части относящихся сюда словъ: мѣщане, мѣщан, мѣщанам, мѣщанами, мѣщанах (послѣднія формы по склоненію на -а, вслѣдствіе общаго перенесенія окончаній основъ на -а въ основы на -о). При основахъ на -итин явились новообразованныя формы мн. числа на -итяне, собственно, образованныя при формахъ единств. -итянин: москвитин и москвитянин - москвитяне, тверитин и тверитянин - тверитяне. Но въ нѣкоторыхъ словахъ окончаніе -е, фонетически переходившее въ -а (ср. сказанное выше относительно листья, меня, есмя), получало затѣмъ (передъ этимъ -а) отвердѣвшую согласную

подъ вліяніемъ, конечно, твердости согласной во всѣхъ прочихъ падежахъ множ. числа; такъ вм. бояре, татаре, баре, откуда бояря, баря, татаря, являлось произношеніе бояра, бара, татара. Окончаніе -а смѣнилось окончаніемъ -ы, напр. въ болгары, татары. Въ р. мн. не явилось новообразованія на -ов по той общей причинѣ, что -ов являлось только тамъ, гдѣ фор. род. мн. совпадала съ формой именит. ед. Приведу рядъ относящихся сюда основъ: основы на -ан: мѣщане, дворяне, римляне, крестьяне, магометане, мусульмане, дворяне, цыгане, египтяне; основы на -ар (съ окончаніемъ -аре): бояре, татаре, болгаре (форма устарѣвшая); (съ окончаніемъ -ара): татара, бояра, бара (также малоупотребительныя формы); (съ окончаніемъ -ары): татары, болгары. Сюда же относится им. мн. хозяева при хозяинъ; хозяева вм. *хозяевя, а это изъ *хозяеве съ окончаніемъ им. мн. -еве (ср. предположенное выше зятеве, вошедшее въ составъ зятевья).

Особую группу образуютъ тѣ слова на -ин, которыя во мн. числѣ представляли исконныя слова собирательныя. Прежде всего сюда относится господинъ - господá, господ́, господáм; слова господá по происхожденію собирательное женск. рода (р. господы вин. господу); склоненіе господá, господ́ явилось въ связи съ переходомъ другихъ собирательныхъ женск. рода въ формы мн. числа, ср. указанныя выше: мужья, зятья, сторожа; форма род. мн. господ́ не господóв доказываетъ, что здѣсь не было вліянія со стороны образованій, какъ городá - городóв; господ не смѣнилось формой господов подъ вліяніемъ словъ, какъ бояр, мѣщан и т.д.: господ, такъ относится къ господин, какъ мѣщан къ мѣщанúн. Также при шуринъ является шурья, также форма единств. чис. съ собирательнымъ значеніемъ по своему происхожденію (р. шурьи, вин. шурью); шурья имѣетъ при себѣ род.

мн. шурьёвъ, не шурей; очевидно, что здѣсь почему то не сказалось вліяніе словъ, какъ друзья - друзей. Слово Русинъ, Литвинъ, Мордвинъ, Чудинъ, Жидовинъ, Черемисинъ имѣютъ при себѣ собирательныя: Русь, Литва, Мордва, Жидова, Черемиса, (впрочемъ, Черемиса замѣняется формой множ. числа Черемисы, ср. татары вмѣсто татара). Слова: Сербинъ, Турчинъ, Нѣмчинъ (теперь уже устарѣвшія) имѣютъ при себѣ множ. число Сербы, Турки, Нѣмцы.

Нѣкоторыя книжныя слова на -ин образуютъ им. мн. на -ины: воины, властелины. Также искусственно Русины. -Цыгане ведетъ отъ им. ед. цыган, а цыгане относится къ цыганин; равнымъ образомъ, молокане относится къ молоканин, а при им. ед. молокан можно ждать молоканы.

7. <u>Склоненіе словъ женскаго рода на ш, ж и на мягкую согласную.</u>

Относящіяся сюда основы восходятъ къ исконнымъ основамъ на ĭ, а также, къ основамъ на согласную ч и къ основамъ на й-ъv. Звуки ш и ж твердые восходятъ къ исконнымъ мягкимъ ш и ж. Падежныя окончанія восходятъ всѣ къ старому склоненію. Окончанія эти слѣдующія: р. ед. -и, дат. -и, твор. -ью, мѣстн. -и, вин. падежъ совпадаетъ съ именит.; им. мн. -и, род. мн. -ей, дат. мн. -ам, твор. -ами (рѣже -ми), мѣстн. -ах, вин. мн. -и.

Основы на исконное -er отличаются тѣмъ, что основу -er' представляютъ во всѣхъ падежахъ кромѣ имен. и винит., гдѣ является болѣе краткая основа на предшествующую звукамъ er' согласную: мат', доч', род. матери, дат. дочери и т.д.

Основы женск. рода на мягкую согласную могутъ имѣть или неподвижное удареніе (всегда на корнѣ, не на окончаніяхъ) или подвижное; къ первымъ относятся, напр., мѣдь, нить, сладость, юность; ко вторымъ, напр., грязь, лошадь, кровь, мать.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ падежахъ. Въ твор. падежѣ является окончаніе ју изъ древняго ь̂ју; въ связи съ выпаденіемъ ь̂ стоитъ то, что основы, имѣющія въ слогѣ передъ окончаніемъ ъ (или ь), замѣняютъ его через о: вош, вошью (при вши), церковь, церковью (при церкви). Вмѣсто -ју является -ей, заимствованное изъ склоненія основъ на -а въ словахъ: басней, пѣсней, слѣдовательно, -сней вм. -сњу; но -зњу сохраняется, не замѣняясь черезъ -зней, напр., жизнью, казнью (произносятся почти жизню, казню, или жизн̄ю, казн̄ю съ долгимъ н).

Окончаніе мѣстн. ед. -и исконно отличалось отъ окончаній -и род. и дат. качествомъ долготы: -въ мѣстн. ед. -и имѣло длительную долготу, а въ род. и дат. прерывистую. Вслѣдствіе этого, въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ, оно переносилось на окончаніе мѣстнаго падежа, оставаясь на основѣ въ род. и дат. Какъ можно заключить изъ современнаго литературнаго русскаго языка, а также изъ того, что сказано было нами раньше объ удареніи мѣстн. ед. муж. рода, въ общеславянскомъ праязыкѣ удареніе переносилось въ мѣстномъ падежѣ съ окончанія на основу подъ вліяніемъ ударенія другихъ падежей ед. числа; но перенесеніе это задерживалось при одномъ сопровождающемъ условіи: когда форма мѣстн. падежа находилась въ положеніи за предлогами въ и на, она удерживала старое удареніе. Поэтому въ современномъ русскомъ языкѣ старое наконечное удареніе въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ является въ мѣстн. ед. только послѣ предлоговъ въ и на; тѣ же слова послѣ предлоговъ при, о имѣютъ удареніе на корнѣ. Перечислю слова съ перенесеннымъ удареніемъ въ мѣстн. ед. послѣ предлоговъ въ и на:

бровь, вѣтвь, горсть, грязь, глушь, грудь, десть, дробь,

дверь, кровь, корь, кость, клѣть, ночь, мель, ось, печь, пыль, плеть, рѣчь, сѣть, связь, тѣнь, Тверь, честь, шерсть, степь, пѣнь, часть. Сюда же лошадь, площадь. Кромѣ того взаперти́.

Замѣчу при этомъ, что извѣстно и произношенiе въ рѣчи, въ части, (но непремѣнно въ части́, когда часть употребляется вм. участокъ); на ло́шади, на пло́щади, употребительнѣе, чѣмъ на лошади́, на площади́. Но только въ пыли́, въ грязи́, на груди́, въ крови́, въ кори́, въ глуши́, на мели́, въ Твери́, въ степи́ (рядомъ: о пы́ли, о гря́зи). Что до предлога при, то въ моемъ произношенiи и онъ можетъ требовать послѣ себя ударенiя, но въ рѣдкихъ случаяхъ: при груди́, по Востокову, при оказываетъ на форму мѣстнаго падежа такое же влiянiе, что предлоги въ и на. Въ моемъ произношенiи предлоги въ и на часто не требуютъ за собой формы мѣстнаго падежа съ ударенiемъ на окончанiи, когда отдѣлены отъ этой формы опредѣляющимъ словомъ: въ моей кро́ви, на слоновой ко́сти, въ мытой ше́рсти, на желѣзной о́си; но въ моей груди́, въ этой пыли́, грязи́. -Слова вервь, зыбь, жердь, масть, трость, показанныя Востоковымъ, какъ переносящiя ударенiе въ мѣстномъ падежѣ, въ моемъ произношенiи его не переносятъ. Ясно, что въ древности подобный переносъ былъ обычнѣе, чѣмъ теперь: такъ напр., рядъ словъ съ подвижнымъ ударенiемъ, доказаннымъ для род. мн., не переноситъ ударенiе въ мѣстномъ единствен. ч. треть, соль, вѣсть, сласть, вещь, власть, страсть, волость, новость, должность и др.; впрочемъ, часть случаевъ, гдѣ имѣется переносъ ударенiя въ род. мн., обязана позднѣйшему перенесенiю; но такiя слова, какъ соль или волость, исконно подвижны въ отношенiи къ ударенiю.

Окончанiемъ род. мн. является -ей: только одно слово сажень имѣетъ при саже́ней также и форму са́женъ, са́жень, вѣроятно, восходящую къ основѣ на -г. Окончанiе -ей принимаетъ на себя почти

всегда удареніе въ силу,очевидно,отмѣченнаго выше закона, по которому еще въ общерусскомъ праязыкѣ перетягивали на себя удареніе удлинившееся,вслѣдствіе отпаденія за ними ъ и ь,слоги.Итакъ, бровей, вѣтвей, грудей, частей и также солей, вѣстей, помочей,вещей, волостей, новостей, крѣпостей, мышей, сластей, кистей,смертей и т.д., равнымъ образомъ матерей, дочерей, церквей. Не переносятъ ударенія лишь нѣсколько словъ, повидимому, рѣдко употребляющихся во мн.-жизнь. Но какъ сладость, болесть, пажить,горесть, участь, нить, радость. Слово свекровь, кажется, обычно не переноситъ ударенія (постéлей къ постеля, басней къ басня).

Окончанія дат., тв., мѣстн. на -ам, -ами, -ах всегда перетягиваютъ на себя удареніе, слѣдуя при этомъ ударенію род. мн.: волостям, волостями, новостях, но горестям и т.д. Нѣкоторыя слова сохранили старое окончаніе тв. мн. на -ми (изъ ьми): плетьми, лошадьми, дверьми, дочерьми; костьми только въ выраженіи лечь костьми.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ. Только во множественномъ числѣ употребляются: гусли, дрожжи, отруби, сани, сѣни.

Слово церковь сохраняетъ въ дат. тв., мѣстн., мн.древнюю параллельную основу церква: церквáмъ, церквáми, церквáхъ; впрочемъ, извѣстны и образованія церквя́мъ, церквя́хъ. Востоковъ указываетъ на свекровáмъ, но обычнѣе кажется свекрóвямъ.

Слово щель имѣетъ во мн. не только щели, но и щелья (изъ стараго собирательнаго щелье), но въ другихъ падежахъ, кажется, только щелéй, щеля́мъ.

Множ. дѣти, дѣтей получило значеніе сред. рода подъ вліяніемъ ед. дитя́;множ. очи,очéй, у́ши, ушéй также подъ вліяніемъ око, ухо. Множ. слю́ни является при ед. слюнá. Слово сажéнь имѣетъ во

множ. саже́ни, а въ род. са́женъ.

8. Склоненіе словъ женскаго и мужескаго рода на -а. Относящіяся сюда основы восходятъ къ исконнымъ основамъ на -а̄ и -jа̄; слова, какъ рана и баня (въ случаяхъ, какъ душа, кожа, дѣвица отвердѣли согласныя исконно мягкія на ж, ц) отличались раньше въ склоненіи своими падежными окончаніями, но теперь они совпали въ одномъ склоненіи, при чемъ перевѣсъ получили окончанія твердыхъ основъ. Впрочемъ, фонетическія причины требуютъ замѣны нѣкоторыхъ звуковъ, извѣстныхъ только послѣ твердыхъ согласныхъ, другими соотвѣтствующими звуками.

Окончанія падежей слѣдующія: род. ед. -ы (а послѣ мягкихъ согласныхъ -и), дат. -е (изъ ѣ), винит. -у, мѣстн. -е (изъ ѣ), тв. -ой (послѣ мягкихъ согласныхъ -ŏį), а въ неударныхъ слогахъ -ɑį (послѣ мягкихъ согласныхъ -ɛį).

Им. мн. -ы (а послѣ мягкихъ согласныхъ -и), род. мн. не имѣетъ окончанія (старая форма оканчивалась на -ъ), а въ нѣкоторыхъ основахъ съ мягкою согласною или съ ѣ, и передъ окончаніями -ей, вин. мн. -ы (послѣ мягкихъ согласныхъ -и), дат., твор., мѣстн. -ам, -ами, -ах.

Обосложенный бѣглою гласною о или е видъ основы является въ формѣ род. мн. Сюда относятся многія основы, которыя передъ окончаніями имѣютъ двѣ согласныя, при чемъ, въ части такихъ основъ между согласными въ древнемъ языкѣ находились звуки ъ или ь. Такъ находимъ род. мн. княже́н, ко́пен, со́сен (древнее соснъ), царевен, гривен, тяжеб, суде́б, сва́деб, спален, вечерен, сотен, пѣсен, дереве́нь, и́гол, кукол, ме́тел, сабел (др. сабль), земе́ль (др. земль), кровель (др. кровль), капель (др. капль), сесте́р (др. сестръ), овец, денег, серёг, сёмог, розог (др. розгъ), досо́к (др. дъскъ), ручек, ножек, кошек,

нянек и т.д. Въ соотвѣтствіи съ сочетаніемъ i+согласная находимъ je: бóен, саек, построек, коек, воен. Повидимому, при тяжеб, свадеб обычны тяжб, свадьб.

Особо стоятъ слова на ja послѣ согласной; въ род. мн. передъ окончаніемъ j (окончаніемъ основы тепер. слова) является звукъ е: сéмей, свинéй, сýдей. Также мóлней, но обычное правописаніе требуетъ молній. Впрочемъ, въ им. пад. имѣемъ не двусложное молнja, а трехсложное молнія, въ книжномъ произношеніи (?). Книжными являются и формы именъ на ія какъ Сóфія, Евгéнія; съ удареніемъ на і: Марíя.

Конечная согласная основы на мягкое отвердѣваетъ въ формѣ род. мн. напр. кухон, барышен, башен, но, какъ мы видѣли, только въ неударяемомъ слогѣ; между тѣмъ, въ ударяемомъ и мягкое сохраняется: деревень, бань. Слово петля образуетъ въ род. не только петель, но и петел.

Слова на -а имѣютъ исконно подвижныя и неподвижныя, въ отношеніи къ ударенію, основы. Подвижность зависитъ отъ того, что нѣкоторыя изъ окончаній имѣли длительную долготу, перетягивавшую на себя удареніе съ предшеств. краткой или прерывисто-долгой гласной. Такими окончаніями были -ā им. ед., -āмъ, -āмі, -āхъ въ дат., твор., мѣстн., -ѣ въ мѣстн. и, отождествившееся свое окончаніе съ нимъ, дательномъ; кромѣ того, перетягивали на себя удареніе (подъ вліяніемъ разныхъ причинъ), окончаніе родит. ед. -у и тв. единств. -ojǫ (откуда oju, oj). Не переносятъ на себя удареніе окончаніе -ǫ (откуда -и) въ вин. ед., окончанія -у въ им., -вин. мн. и -ъ въ род. мн. Такимъ образомъ, въ современномъ языкѣ только формы вин. ед., им., вин. мн., въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ, сохраняютъ старое мѣсто ударенія; что до род. мн., то его удареніе

по общему правилу стоитъ на старомъ мѣстѣ только въ словахъ двух-сложныхъ, а въ трехсложныхъ оно переносится на предпослѣдній слогъ (см. ниже). При этихъ четырехъ падежныхъ формахъ мы и приведемъ основы съ подвижнымъ удареніемъ. Впрочемъ, вліяніе им. -вин. мн. числа сказалось и на удареніи дат., тв., мѣстн.: оно во многихъ словахъ переносится съ окончанія на основу.

Родительный падежъ. Исконными окончаніями были -ы въ положеніи послѣ твердой согласной и -ѣ послѣ мягкой; это послѣднее окончаніе уступило мѣсто окончанію -и, явившемуся въ соотвѣтствіи съ -ы послѣ твердой согласной. Чередованіе бани - банѣ, души - душѣ, явившееся слѣдствіемъ этого (и закончившееся вытѣсненіемъ формъ банѣ, душѣ), вызвало въ свое время формы на ѣ и въ положеніи послѣ твер. согласной: у женѣ, отъ избѣ; до сихъ поръ формы на -е (изъ ѣ) держатся въ говорѣ лицъ, употребляющихъ литературное нарѣчіе: ср. у Софье, у Лизе (и у Лизи), у Марье.

Дательный падежъ. Исконными окончаніями были -ѣ послѣ твердой согласной и -и послѣ мягкой; послѣднее окончаніе вытѣснено. Въ им. женск. рода на -ія, также какъ въ иностранныхъ словахъ на -ія держится окончаніе -и: на Маріи, администраціи, агоніи.

Исконно -ѣ въ дат. ед. не перетягивало на себя удареніе; перетянуло оно его на себя подъ вліяніемъ мѣстн. и род. Старое мѣсто ударенія сохранилось въ діалект., но не чуждомъ литературному языку произношеніи къ стѣнѣ, къ зи́мѣ.

Винительный падежъ. Слова съ подвижнымъ удареніемъ по общему правилу сохраняютъ удареніе въ формѣ вин. падежа на основѣ. При этомъ видимъ двѣ группы словъ: въ первой не допускается ударенія на окончаніи, во второй такое удареніе допускается, при чемъ, вѣроятно думать, что переносъ ударенія на окончаніе-явленіе вовсе, вызванное аналогіей, вліяніемъ другихъ падежей.

1) зиму, спину, стѣну, цѣну, гору, косу, пору, воду, среду, (день недѣли), душу, ногу, руку, строку, щеку, соху, землю, доску - голову, борону, сторону, бороду, борозду, середу, железу, полосу - сковороду.

2) губу, избу, стопу, золу, полу, нору, осу, росу, блоху, кроху, зорю, рѣку, траву, козу, свинью, семью, овцу, (я говорю рѣку, могу сказать: избу, золу, бьютъ зорю, но въ остальныхъ случаяхъ имѣю удареніе на окончаніи).

Слова нужда, гряда, кора, скала, смола, руда, семья извѣстны мнѣ только съ удареніемъ на у въ винит., Востоковъ указываетъ на нужду, гряду и т.д. Весна имѣетъ весну, но встрѣчается и вѣсну.

Творительный падежъ рядомъ со старымъ окончаніемъ ою, ею получилъ еще въ древнерусскомъ языкѣ ой, ей; въ настоящее время эти новыя окончанія, являвшіяся въ силу стремленія сдѣлать форму твор.падежа равносложною съ формами всѣхъ остальныхъ падежей, окончательно вытѣснили старыя, оставшіяся только на письмѣ. Понятно, что наше письменное - ей изображаетъ звуки ɛi̯, восходящіе не къ старому ei̯ (eiu) а къ αi̯ изъ старшаго oi̯ (oiu). банoi̯ (откуда банɛi̯) вмѣсто банeiу ср. душoi̯ вмѣсто душеjу, землoi̯ вмѣсто землеiу

Мѣстный падежъ представляетъ то же окончаніе, что дательный. Въ словахъ на -ія держится и здѣсь въ книжномъ языкѣ окончаніе -іи: въ конференціи, аудиторіи, въ Софіи.

Именительный падежъ множ. числа и тождественный съ нимъ винительный падежъ въ основахъ на твердую согласную сохранили старое окончаніе -ы; ему соотвѣтствуетъ окончаніе -и въ основахъ на мягкую согласную: это -и замѣнило подъ вліяніемъ -ы старое окончаніе -ѣ: земли, души вмѣсто землѣ, душѣ (какъ звучали эти формы въ древнеурус-

скомъ, что видно изъ памятниковъ и изъ малорусскихъ формъ землі, души). Общимъ, какъ кажется, правиломъ можно признать, что окончаніе -ы (-и) въ современномъ языкѣ не имѣетъ на себѣ ударенія; поэтому мы не находимъ ударенія на этомъ окончаніи не только въ словахъ со старымъ подвижнымъ удареніемъ, но также и въ тѣхъ словахъ, которыя, судя по наконечному ударенію винит. падежа, принадлежали къ исконно подвижнымъ по ударенію словамъ. Слѣдовательно, не только въ словахъ, перечисленныхъ выше при винит. ед. чис. какъ напр. горы, земли, росы, свиньи, нужды, скалы и т.д., но также: луны, узды, слёзы, пилы, скулы, свѣчи, скобы, дыры, стопы, серьги, вожжи, сопли, ноздри, тюрьмы, иглы, слуги, сёстры, совы, межи и т.д. Исключенія изъ общаго правила рѣдки; можно указать на нѣсколько словъ, уже по самому своему значенію чрезвычайно рѣдко употребляющихся во множ. числѣ, какъ напр. судьбы (при судьбы), толпы, парчи, четверни, долбни, клешни, далѣе слова муж. рода паши, ханжи. Трехсложныя и многосложныя слова, переносящія удареніе въ винит. падежѣ ед. числ. на первый слогъ, переносятъ его такъ же и въ им. мн.: головы, бороны, сковороды, и т.д.; сюда же употребляющееся только въ им.: похороны (ср. похоронам). Остальныя трехсложныя имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: высоты, сироты (но есть и сироты), тяготы, пастилы, длинноты, сѣдины, стрекозы.

Родительный падежъ множественнаго числа въ нѣсколькихъ словахъ на -а съ предшествующею мягкою (или отверд.) согласной получаетъ окончаніе -ей. Сюда относятся, во-первыхъ слова съ удареніемъ на окончаніи, какъ-то: свѣча (на и свѣчъ), заря (зарей и зарь ?), стезя, межа (   ), паша, ханжа, вожжа, парча, клешня, долбня, четверня, ноздря, сопля; во-вторыхъ, слова на неударяемое -а, которому предшествуетъ группа согласныхъ какъ-то: прит-

ча, толща, ве́рша, векша, распря, букля, басня, пѣсня, рохля, петля (петлей и петель), но капель; туфля образуетъ: туфлей и туфель Особо стоятъ слова въ именит. оканчивающіяся на неудар.-а,а въ род. мн. переносящія его на окончаніе -ей; сюда относятся: тоня (тоне́й и тонь), до́ля (долей и доль), вѣроятно, можно предполагать для болѣе древняго языка тоня́, доля́, при пе́ня находимъ пене́й (но это слово устарѣло). Слова муж. рода, какъ дя́дя, ю́ноша, свя́тоша, вельмо́жа образуютъ дядей, юношей, святошей, вельможей едва ли не подъ вліяніемъ словъ муж. рода на -и, -ей, какъ гости, кони (впрочемъ, чаще вельможъ, также извѣстно святошъ).

Слова на-ья имѣютъ въ род. множ. -ей: бадей, свиней, госте́й. Но слова на -ія получаютъ въ книжномъ языкѣ -ій: мумій, трагедій, келій, оргій. Слова на -я послѣ гласной оканчиваются на -й: змѣй, верей, колей, стай.

Какъ было указано выше, многія слова имѣютъ въ род. мн. бѣглыя гласныя е, о, отсутствующія въ другихъ падежахъ: трубок, палок, до́сок, ро́зог, игор, игол, кукол, чу́хон, гривен, поповен, сосен, сотен, княжо́н, ко́пен, боен, тюрем, тяжеб, свадеб и т.д.

Какъ указано, выше слова на -ня съ предшествующей согласной имѣютъ въ род. мн. окончаніе -н твердое: сотенъ, таможенъ, башенъ, кухонъ, барышенъ, вечеренъ, спаленъ, боенъ, обѣденъ, каменоломенъ, но извѣстно также произношеніе съ мягкимъ н (и мнѣ оно не чуждо): сотень, башень, вишень, барышень (baršeň), сплетень, кухонь, у Востокова: каменоломень. Но при удареніи на окончаніи -н́ сохраняется: деревень.

Относительно ударенія род. мн. отмѣтимъ общее стремленіе сохранять его на послѣднемъ слогѣ (если удареніе въ им. ед. на окончаніи -а): голо́въ, клопо́тъ, поло́съ, сторо́нъ, сиро́тъ, высо́тъ, боро́здъ,

сковородъ; во многихъ словахъ удареніе падаетъ при этомъ на бѣглую гласную: овецъ, досокъ, земель, судебъ, сюда же свиней, семей (также: свиней, семей), ножонъ, княжонъ, серёгъ, сестёръ. Формы на -ей имѣютъ удареніе на этомъ окончаніи, когда въ именит. оно падаетъ на -я: ноздрей, вожжей, свѣчей; въ словахъ долей, тоней видимъ переносъ ударенія, но, какъ указано, въ древнемъ языкѣ могло быть доля, тоня. Но во многихъ случаяхъ род. мн. получаетъ удареніе именит. мн. и это, вѣроятно, объясняется позднѣйшимъ перенесеніемъ, зависѣвшимъ отъ того, что въ двухсложныхъ словахъ односложная форма род. мн. естественно совпадала по ударенію всегда съ формой именит. мн.: тюрем, игол, игор, судей, гостей, свиней, семей, икор, сирот, изоб (и изб) и т.д. Слово деревня имѣетъ въ родител. мн. деревень (едва ли не указывающую на параллельную форму деревня). Похороны - похорон.

Дательный, творительный и мѣстный падежи множественнаго числа представляютъ старыя окончанія. Въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ, а также съ удареніемъ неподвижнымъ на окончаніяхъ формы назв. падежей должны имѣть удареніе на -а (ам, ами, ах): горам, ногами, сторонах, зимами, полосами и т.д. Но многія слова переносятъ удареніе на тотъ слогъ, который имѣетъ удареніе въ им. мн. очевидно, подъ вліяніемъ ударенія именит. мн., что особенно ясно обнаруживается изъ того, что слова съ исконно подвижнымъ удареніемъ, имѣвшія поэтому удареніе въ именит. мн. не на окончаніи, сохраняютъ его въ значительномъ числѣ словъ въ назв. падежахъ, между тѣмъ какъ слова съ исконно неподвижнымъ удареніемъ на окончаніяхъ, переносившія его въ им. мн. съ окончанія на корень по аналогіи, весьма нерѣдко представляютъ такой же переносъ въ назв. падежахъ. Такимъ образомъ въ словахъ переносящихъ удареніе въ дат., творит. мѣстн. мн. съ окон-

чаній на корень, выясняются двѣ группы: 1) слова, переносящія ударение также и въ винит. ед., 2) переносящія удареніе только въ им. мн. числа.

Къ первой группѣ относятся: земля, цѣна, изба, душа, оса, роса, стѣна, нужда, кора, среда (день недѣли), рѣка, кроха, коза, свинья, семья, овца, спина, сковорода. Впрочемъ, я знаю переносъ только въ земля, душа, изба, нужда, среда, свинья, семья, овца, употребляя, впрочемъ, формы съ наконечнымъ удареніемъ послѣ предлога по въ случаяхъ по душам, по средам, по овцам.

Ко второй группѣ относятся: вдова, сова, труба, жена, пчела, струна, скала, нужда, звѣзда, слуга, дуга. Кромѣ того: тюрьма, игла, игра, судья, изба, икра, семья, переносящія удареніе и въ род. мн. (см. выше). Далѣе сестра, свинья при род. мн. сестер, свиней.

Какъ указано выше, переносъ ударенія въ формахъ дат., тв., мѣстн. вызванъ вліяніемъ формы им. мн. Замѣчательно, что старое удареніе сохраняется во многихъ словахъ исконно подвижныхъ и имѣющихъ удареніе не на концѣ въ винит. падежѣ; таковы: рука, нога, вода, доска, блоха и др. Кромѣ того старое удареніе является въ словахъ рѣдко вообще употребляющихся во множ., какъ луна, узда, скоба, стопа, весна, пила. Наконецъ еще и въ другихъ словахъ: слеза, свѣча, вожжа, ноздря, сопля, дыра, скула, серьга. Большинство словъ, допускающихъ переносъ ударенія въ указанныхъ падежахъ, могутъ имѣть удареніе и на окончаніяхъ; часто здѣсь сказывается книжное вліяніе; ср. въ стѣнахъ замѣчены трещины, но въ стѣнахъ обители; что творится въ ихъ душахъ, но о душахъ нашихъ; пойди къ овцамъ, къ овцамъ стада Христова, и т.п. Замѣчательно, что plur.tantum и употреб.преим. во мн. сохраняютъ старое удареніе: похоронамъ, ноздрямъ, вожжамъ.

Возможно, впрочемъ, что удареніе козам, слугам и т.п. замѣнило

ко́зам, слу́гам не подъ вліяніемъ аналогіи, а фонетически; ибо вслѣдствіе отпаденія ъ на а получалось такое удареніе (нисходящее), которое переносилось на предшествующій слогъ.

Нѣкоторыя слова женск. рода на -ня, -ля имѣютъ при себѣ параллельныя образованія на н̓, л̓: басня и басн̓ь (поэтому и въ род. мн. басенъ и басней), пѣсня и пѣснь (род. мн. пѣсенъ и пѣсней), туфля и туфель (род. мн. туфель и туфлей), постель и рѣдко постеля (род. мн. постель и постелей). При ед. слюна́, является во множ. слю́ни, род. мн. слюне́й.

При дыра́, им. мн. ды́ры извѣстна также форма дырья, по происхожденію собирательное (род. мн. дырьевъ). Слово дядя подъ вліяніемъ словъ муж. рода образуетъ во множ. дядья́, при которомъ въ род. мн. дя́дей и дядьёвъ. При им. ед. курица во мн. не только курицы, но болѣе обыкновенно ку́ры. При дѣвченка во множ. являются: дѣвчата и дѣвченята.

8. Склоненіе словъ на -о.

Склоненіе этихъ словъ обнимаетъ: 1) старыя основы на -о, 2) старыя основы на -jo, оканчивавшіяся въ имениг. на -je(е съ предшествующею смягченною согласною), 3) старыя основы на -os-es, оканчивавшіяся въ им. ед. исконно на -о. Что до основы на -jo, то онѣ приняли во всѣхъ падежахъ окончанія основъ на -о на почвѣ русскаго языка; и въ именит. падежѣ старое окончаніе -е смѣнилось окончаніемъ -о; въ неударяемыхъ окончаніяхъ это -о, какъ и всякое исконное -о, звучитъ редуцированно, какъ -α; на письмѣ это -α по традиціи изображается послѣ мягкихъ согласныхъ, а также послѣ отвердѣвшихъ ш, ж, ц буквой е: сердце, ложе; традиція до послѣдняго времени поддерживала написанія съ е вмѣсто о даже подъ удареніемъ: лице, яйце; равнымъ образомъ пишется до сихъ поръ е (при ё) въ положеніи послѣ

буквы ъ для изображенія звуковъ jo: ружье (и ружьё), мытье (и мытьё). Основы на os-es давно уже перешли въ склоненіе основъ на -о; тѣла, слова, небу, чуду, являются уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ на мѣстѣ тѣлесе, словесе, небеси, чудеси. Впрочемъ, во множ. числѣ подъ вліяніемъ церковной рѣчи держатся формы какъ чудеса, небеса, словеса (только съ особеннымъ оттѣнкомъ, о словахъ высокопарныхъ), тѣлеса (въ значеніи тучнаго, жирнаго тѣла).

Слова на -о вообще всѣ средняго рода. Мужескаго -тѣ слова, которыя обозначаютъ 1) лица мужескаго полу, 2) животныя, 3) уменьшительныя и увеличительныя при словахъ мужескаго рода. Ср. Михайло, Короленко, объѣдало, подмастерье; жучко́, гнѣдко́, воронко́; домище, домишко, чиновничишко, воришко, плутишко, сынишко. Впрочемъ, уменьшительныя и увеличительныя на -о могутъ получать также и средній родъ: этакое сапожище, небольшое топоришко. Слова на -о, означающія лица муж. полу могутъ переходить въ склоненіе словъ на -а, замѣняя о черезъ а даже въ именительномъ, или образуя только косвенные падежи по указанному склоненію; первый случай видимъ, напримѣръ, въ словахъ, какъ верзила, мѣняла, Михайла; второй случай имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ именахъ на -енко. Впрочемъ, правильнѣе признать, что этотъ второй случай вызванъ тѣмъ, что имена на -енко заимствованы въ великорусскомъ языкѣ, а потому сохраняютъ искусственное свое произношеніе и нерѣдко совсѣмъ не склоняются.

Окончанія ед. числа, кромѣ формы им. падежа, тождественны съ окончаніями именъ муж. рода на согласную. Въ именит. находимъ: о (подъ удареніемъ), α (въ неударномъ положеніи); возможно, что рядомъ съ α надо принимать окончаніе ε въ словахъ книжнаго проис-

хожденія на -іє: знаніє, желаніє. Въ род.: а (подъ удареніемъ), α (въ неударномъ положеніи). Въ дат.:-и. Въ винит. тѣ же окончанія, что въ именит.; въ одушевленныхъ мужескаго рода обязательно является окончаніе-у, заимствованное изъ словъ женск. рода. Въ тв. -ом (подъ удареніемъ),-αм (въ неударномъ положеніи). Въ мѣстн.:-е подъ удареніемъ),-ε (не подъ удареніемъ), а также въ словахъ книжныхъ:-і.

Во множественномъ числѣ:-а (подъ удареніемъ), α, и, послѣ мягкихъ согласныхъ і (не подъ удареніемъ), также-jα. Въ род. мн. является основа безъ окончанія, весьма рѣдко является при этомъ окончаніе-оf (въ неударномъ положеніи-αf). Въ дат.:-ам (подъ удареніемъ)-αм (въ неударномъ положеніи). Въ винит. тѣ же окончанія, что въ именит., но въ словахъ одушевленныхъ является окончаніе род. мн. Въ творит.:-ами (подъ удареніемъ),-αми (въ неударномъ положеніи). Въ мѣстн.-ах (подъ удареніемъ),-αх (въ неударномъ положеніи).

Обосложненная вставною гласною о или е основа является въ формѣ род. падежа, не принимающей согласно предыдущему окончанія; стеченіе согласныхъ устраняется вставкой названныхъ гласныхъ, этимологически восходящихъ, впрочемъ, въ рядѣ случаевъ къ гласнымъ ъ и ь: ср. о, е восходящія къ ъ, ъ въ случаяхъ: колец, крылец, сердец, полотенец, полотен гумен, писем, брёвен, пятен, судён, окон, сукон, волокон, домишек; о, е вставлены между согласной и конечными р, л, н въ случаяхъ, какъ: рёбер (при рёбр), ядер (и ядр), вёдер, чисел, ремесел, кресел, вёсел, сёдел, дёрен.

Слова на -о имѣютъ или подвижное или неподвижное удареніе. Подвижное удареніе находимъ: во-первыхъ, почти всѣ слова, имѣющія удареніе на окончаніи о въ им. ед. (во множ. удареніе переносится на

предшествующій слогъ): колесо, волокно, полотно, ремесло, кольцо, окно, зерно, письмо, село, клеймо, вино, ружьё, плечо, лицо, перо, звено, крыло, гнѣздо, число, жерло, весло, сукно, пятно, гумно, бревно, стекло, бѣльмо, тенето (слово житьё, нытьё и т.п; неподвижны потому, что отъ нихъ вообще не употребляется множ. число). Въ словѣ лезвеё удареніе переносится не на предпослѣдній, а на третій отъ конца слогъ: лезвея. Во-вторыхъ, рядъ словъ съ удареніемъ на начальномъ слогѣ, при чемъ во множ. числѣ удареніе переносится на окончанія: пиво, право, слово, дѣло, тѣло, сѣно, мыло, сито, масло, лѣто, поле, сердце, стадо, чрево, небо (небеса), чудо, (чудеса), просо, войско, дерево, зеркало. При этомъ отмѣтимъ; дерево образуетъ не только дерева, но и деревья съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ; озеро переноситъ во множ. удареніе на предпослѣдній слогъ: озёра, озёр; кружево переноситъ удареніе на послѣдній слогъ во множ., но въ род. множ. сохраняетъ его на начальномъ слогѣ: кружева, кружевам, но кружев (не кружов).

Неподвижно удареніе, во-первыхъ, въ словахъ съ удареніемъ на серединномъ слогѣ: болото, полѣно, корыто, копыто, окошко, полотенце, селишко; во-вторыхъ, въ словахъ на -ье и -іе неударяемыя: жалованье, знаніе, пѣніе, преніе; во третьихъ, въ словахъ на -ко: древко, ушко, очко; въ-четвертыхъ, въ отдѣльныхъ словахъ, какъ лыко, жало, яблоко, солнце, правило, стойло (но діалектически: стояла).

Такимъ образомъ видимъ, что множественное число въ значительномъ количествѣ словъ средняго рода отличается по ударенію отъ ед. числа. Въ склоненіяхъ словъ муж. и женск. рода на согласную, а также въ склоненіи словъ на -а подвижность ударенія въ склоненіи зависѣла, какъ мы видѣли, отъ того, что удареніе (обычно предпослѣд-

няго слога) переносилось на окончаніе, если оно имѣло гласную съ долготою длительною; оставалось на основѣ, если окончаніе имѣло гласную краткую или съ долготою прерывистою. Впрочемъ, въ склоненіи словъ на -а мы видѣли переносъ ударенія съ окончанія им. вин. мн. -ы, имѣвшаго долготу прерывистую и потому не перетягивавшаго на себя удареніе съ предшествующаго слога: жо́ны вмѣсто ожидаемаго на основаніи жена́, жену́ - жены́. Въ склоненіи словъ на -о, видимъ, съ одной стороны, переносъ ударенія на окончаніе -а: сѣна́, лѣта́ при сѣ́но, лѣ́то; съ другой, переносъ ударенія съ окончанія -а: сёла, чи́сла при село́, число́. Показанія другихъ индоевропейскихъ языковъ заставляютъ признать за окончаніемъ -а длительную долготу; слѣдовательно, переносъ ударенія въ словахъ какъ сѣ́но, про́со (имѣвшихъ въ предпослѣднемъ слогѣ гласную прерывисто-долгую или краткую) произошелъ по той же причинѣ, что и въ другихъ случаяхъ, когда длительная долгота окончанія перетягивала на себя удареніе предшествующаго слога (ср. вода́ при во́ду, воды́; рога́ им. дв. при ро́га род.). Поэтому причина оттяжки ударенія съ окончанія им. вин. мн. -а нельзя понять иначе, какъ результатъ вліянія аналогіи. Повидимому, слова сред. рода въ им. ед. получили удареніе на окончаніи о подъ вліяніемъ аналогіи со стороны словъ женск. рода, имѣвшихъ, какъ мы знаемъ, удареніе на окончаніи -а (говорю о тѣхъ словахъ, предпослѣдній слогъ которыхъ имѣлъ краткую или прерывисто-долгую гласную): село́, перо́ вмѣсто се́ло, пе́ро подъ вліяніемъ вода́, нога́; но эти слова женск. рода въ им. вин. множ. числа имѣли удареніе не на окончаніи, а на основѣ, что и повело къ тому, что такое же удареніе получило множ. число словъ сред. рода. Вліяніе словъ женск. рода на слова сред. рода было тѣмъ естественнѣе, что первоначально им. мн. женск. рода оканчивался на -$\bar{a}$ (изъ индо -

европ. -ās); т.е. такъ же какъ им. множ. числа сред. рода: voda-voda вело за собой selo-sela (вмѣсто болѣе первоначальнаго selo-sela). Замѣчу еще, что исконное удареніе на основѣ сохранили тѣ слова сред. рода, которыя рѣдко или совсѣмъ не употреблялись во множ.; это доказываетъ, что самый переносъ ударенія на окончаніе въ словахъ сред. рода стоялъ въ зависимости отъ множ. числа, точнѣе отъ совокупнаго вліянія ед. и множ. числа словъ женск.рода на склоненіе словъ сред. рода; такъ мы находили просо, тѣсто, сѣно, пиво (во множ. числѣ уже подъ вліяніемъ аналогіи являются какъ новообразованія проса, тѣста, сѣна, пива). Слова, какъ дѣло, тѣло, слово сохранили удареніе на корнѣ потому, что множ. число при нихъ образовывалось отъ другой основы: дѣлеса, словеса, тѣлеса.

Скажемъ нѣсколько словъ объ отдѣльныхъ падежныхъ формахъ.

Отмѣчу сначала рядъ словъ, представляющихъ разныя основы въ ед. и мн. числѣ. Сюда относятся: во-первыхъ, упомянутыя уже выше чудо и небо, образующія заимствованныя изъ книжнаго языка формы чудеса и небеса; во-вторыхъ, дерево, звено, крыло, колѣно, полѣно, перо, шило образуютъ деревья (діалект. дерева), звенья, крылья, колѣнья ("о дудчатыхъ составахъ растенія или орудія"), полѣнья, перья, шилья; по происхожденію своему это имена собирательныя; раньше они звучали напримѣръ деревье, перье и склонялись только въ ед. числѣ: род. деревья, дат. деревью и т.д.; но фонетическое измѣненіе конечнаго неударяемаго-е въ-а повело къ произношенію деревья; такія формы сближались съ формами, какъ им. мн. кушанья, платья, одонья, помѣстья и получали вслѣдствіе этого значеніе мн. числа; ср. аналогическій переходъ листье, зубье, колье и т.д. при листъ, зубъ, колъ въ листья, зубья, колья. Въ-третьихъ слово ухо образуетъ во множ. уши (по происхожденію форма двойств. числа);

при устарѣвшемъ око является очи, употребляющееся въ книжномъ и церковномъ языкѣ; слово колѣно имѣетъ при себѣ (въ значенiи части тѣла) колѣни (по происхожденiю форма двойств. числа), но въ род. множ. употребляется не только колѣней, въ дат. колѣнямъ и т.д., но также колѣна, колѣнъ, колѣнамъ, - послѣднiя формы значительно рѣже; слово плече имѣетъ при себѣ плечи, но въ род. мн. плечъ (форма, ведущая къ им. мн. плеча). Въ-четвертыхъ при ед. судно во множ. является суда, род. судовъ (что ведетъ къ формѣ ед. числа м. р. судъ).

Винит. единственное. Какъ указано, слова муж. рода на -о, обозначающiя всегда одушевленный предметъ, получаютъ въ винит. ед. или окончанiе род. ед. -а подъ влiянiемъ словъ муж. рода на твердую согласную, гдѣ винит. ед. тождественъ съ родительнымъ, напримѣръ на этого подмастерья, позвать сюда подмастерья, или окончанiе -у, заимствованное отъ мужскихъ словъ на -а: за Михайлу, за этого объѣдалу. Впрочемъ, послѣдняя замѣна стоитъ въ связи съ переходомъ словъ на -о въ склоненiи словъ на -а.

Мѣстный единствен.ч. Слова на -ье имѣютъ въ мѣстномъ единственномъ два окончанiя: -ѣ и -и; на жалованьѣ, въ пѣньѣ, при рукобитьѣ и рядомъ на жалованьи, въ пѣньи, при рукобитьи. Представляется болѣе обычнымъ употребленiе -и именно въ словахъ на -анье, -енье, при чемъ возможно, что здѣсь сказалось влiянiе словъ на -анiе, -енiе, правильно употребляющихъ въ мѣстномъ окончанiе -и. Мнѣ лично свойственны формы, какъ на жалованьи, въ селеньи, при катаньи, но я говорю въ пѣньѣ, при рукобитьѣ. Многiе не различаютъ звуковъ i и е (изъ е, ѣ) въ такомъ положенiи.

Именительный множественнаго числа. Отмѣтимъ, во-первыхъ, что всѣ слова муж. рода имѣютъ окончанiе -и (послѣ мягкихъ согласныхъ

-и): подмастерьи, объѣдалы, сапожищи, домишки. Во-вторыхъ, по общему вообще правилу всѣ слова съ неподвижнымъ удареніемъ (т.е. не оттягивающія его въ формѣ именит. множ. числа съ окончанія и не переносящія его, напротивъ, въ этой формѣ на окончаніе), имѣютъ въ им. мн. окончанія -ы (-и) вмѣсто -а; поэтому отъ дно-дны, отъ очко-очки, ушко-ушки; судно-судны, лыко-лыки, вѣко-вѣки, древко-древки, яблоки-яблоки; также колечки, сердечки, пёрушки, окошки, крылышки; почти всѣ приведенные примѣры имѣютъ передъ окончаніемъ-о звукъ к, Въ этихъ словахъ укоренилось -и вслѣдствіе того, что предшествующая окончанію мягкая согласная препятствовала вытѣсненію этого окончанія черезъ-а, передъ которымъ согласная была твердая. Послѣ другихъ согласныхъ, окончаніе -ы (напр. желѣзы, жалы, солнцы, полотенцы и др.) легко вытѣснялось окончаніемъ -а частью въ живомъ произношеніи, частью только на письмѣ: болота, копыта, правила; вытѣсненію способствовало то обстоятельство, что въ род. мн. являются формы не на -ов, а формы безъ окончаній, устанавливающія связь соот. словъ со словами сред. рода, какъ мѣст, лѣт, гнёзд и т.д. Въ им. мн. -ья рѣшительно держится окончаніе-а, быть можетъ, подъ вліяніемъ того, что такое окончаніе извѣстно и въ муж. родѣ, при чемъ окончаніе -а (деревья) при -ов (деревьев) находило себѣ соотвѣтствіе какъ въ тождественныхъ образованіяхъ муж. рода (листья-листьев), такъ и вообще въ томъ обстоятельствѣ, что напримѣръ при городов, домов, лѣсов и т.п. извѣстны формы им. мн. числа города, дома, лѣса.

Родительный множественнаго числа. Обычны формы безъ окончанія. Слова на -ье (т.е. іе и іо) оканчивается при этомъ на і, а передъ і является гласная е (ср. е въ случаяхъ какъ писем, ядер, см. выше); такъ находимъ при ружьё, копьё - ружей, копей. Точно также

слова на -іе оканчиваются въ род. мн. числа на -ій: желаній, сидѣній, селеній. Нѣкоторыя слова на -ье имѣютъ окончаніе -ьев: кушаньев, вареньев, устьев, одоньев, платьев, помѣстьев; это окончаніе перенесено, повидимому, изъ такихъ случаевъ, какъ деревья-деревьев, перья-перьев и т.д.; здѣсь подобное склоненіе, какъ мы видѣли, возникло подъ вліяніемъ муж. рода, т.е. такихъ случаевъ, какъ листья-листьев, колья-кольев. Окончаніе -ов проникло въ нѣкоторыя слова сред. рода съ постояннымъ окончаніемъ -и, -ы: днов, очков, ушков, яблоков (но рядомъ и яблок, очок; также суден, лык, оконек, древок, крылышек, колечек). - Слова муж. рода на -о по общему правилу получаютъ окончаніе-ов: подмастерьевъ, домишковъ, людишковъ; впрочемъ, слова на -ище едва ли не сохраняютъ свои старыя формы: отъ этихъ сапожищъ, отъ такихъ каблучищъ. -Слова море, поле имѣютъ въ род. множ. морей, полей, очевидно, подъ вліяніемъ склоненія основъ на ĭ; ср. твор. польми въ старомъ языкѣ, образованное отъ такой же основы.

9. Склоненіе словъ средняго рода на -а.

Сюда относятся: I. Слова на -мя съ основой на -мен: II-слова на -я съ основой на -ят.

I. Слова имя, бремя, племя, сѣмя, стремя, пламя, темя, знамя, вымя образуютъ падежи ед. и мн. числа отъ основъ имен -времен-и т.д. Слово сѣмя въ род. мн. числа представляетъ основу сѣмян (ср. основу имян- въ имянинникъ, племян- въ племянникъ);основа сѣмян- замѣнила сѣмен- подъ вліяніемъ сѣмя. Сюда же относится письмена, употребляющееся только во множ. числѣ.

Всѣ эти основы представляютъ въ склоненіи подвижное удареніе, а именно оно переносится въ формахъ множ. числа (впрочемъ, слова темя, вымя и пламя множ. числа не образуютъ): въ имя, бремя,пле-

мя, сѣмя, стремя удареніе переносится на окончанія множ. числа (имена́, сѣмена́м, стремена́х; въ знамя удареніе переносится на предпослѣдній слогъ (знамя-знамёна ср. съ о́зеро-озёра).

Окончанія: именит. винит. единств. числа: -я, род.-и, дат.:-и, творит.:-ем, мѣстн.:-и. Им. множ.:-а, род.: не имѣетъ окончанія, дат.:-ам, творит.:-ами, мѣстн.:-ах.

II. Слово дитя образуетъ падежи ед. числа отъ основы дитят-. Сюда же относятся формы множ. числа, какъ телята, жеребята, поросята, медвѣжата, котята и т.д. (при которыхъ въ ед. числѣ являются: теленок, жеребенок и т.д., образованія, о которыхъ мы говорили выше).

Удареніе во всѣхъ этихъ основахъ неподвижное.

Окончанія въ склоненіи словъ дитя тѣ же, что въ словахъ на -мя, но твор. ед. имѣетъ женское окончаніе -ей вмѣсто свойственнаго тѣмъ словамъ муж. окончанія -ем: им. винит. дитя, род. дитяти, дат. дитяти, творит. дитятей, мѣстн. дитяти.

Окончанія въ склоненіи телята и т.п. тѣ же, что въ словахъ времена и т.п. Им. винит. множ. числа телята, род. телят, дат. телятам, твор. телятами, мѣстн. телятах.

Слово дитя множ. числа образуетъ отъ основы женск. рода на і: дѣти, дѣтей, дѣтя́м (рѣже дѣтям), дѣтьми́ (рѣже дѣтями), дѣтя́х (рѣже дѣтях).

Именное склоненіе прилагательныхъ.

Формы именного склоненія прилагательныхъ употребляются: 1) въ притяжательныхъ прилагательныхъ на -ов, -ин: Петровъ, отцовъ, дядинъ, сестринъ, братнинъ, 2) въ прилагательныхъ-сказуемыхъ. Склоняются, измѣняясь по падежамъ, только притяжательныя; прилагательныя-сказуемыя измѣняются только по родамъ и числамъ,

образуя впрочемъ творительный падежъ.

Объ основахъ прилагательныхъ притяжательныхъ. Основы оканчиваются на -ов, когда прилагательное образовано отъ имени существительнаго, означающаго лицо муж. рода, оканчивающееся на твердую согласную, на мягкую согласную, на -й, на-о,-е: царёв, Михайлов, Семенов, Андреев, Васильев, Пушкаренков, подмастерьев . Они оканчиваются на -ин, когда образованы отъ имени, означающаго лицо муж. или женск. рода на -а: Данилин, Ѳомин, Михайлин, царицын, Софьин, кухаркин. Впрочемъ, на -нин оканчиваются и нѣкоторыя прилагательныя отъ основъ муж. рода на твердую и мягкую согласную: братнин, мужнин, замѣнившія болѣе старыя формы братень, мужень. Ср. при словѣ Господь церковное образованіе Господень. По происхожденію своему къ притяжательнымъ относятся и фамиліи на -ов, -ин: Поповъ, Бубнов, Кормилицын, Никитин, Княжнин, Солнцев (предполагаютъ прозваніе Солнце), Волков (отъ прозв. Волк), Овцын, Свиньин. Равнымъ образомъ по происхожденію своему сюда относятся имена городовъ, какъ Борисов, Лихвин, Камышин, Ардатов, Кадников.

Основы притяжательныхъ имѣютъ неподвижное удареніе. Обыкновенно оно падаетъ на коренной слогъ въ основахъ на -ин, напр. сéстринъ, жéнин; но фамильныя имена на -ин имѣютъ удареніе на окончаніяхъ, когда такое удареніе падаетъ на томъ имени, отъ котораго они образованы: Блохи́н, род. Блохина́, Свиньина́ (Овцын потому что о́вцу). Въ именахъ на -ов удареніе падаетъ или на коренной слогъ, когда произведено отъ имени съ такимъ удареніемъ, или на суффиксъ -ов, когда произведено отъ имени съ удареніемъ на окончаніяхъ при этомъ удареніе въ прилагательномъ на -ов не переходитъ на окончанія): Семёнов, Го́рев, Мо́рев, Во́лков, Петро́в, Попо́в, Ивано́в предполагаетъ Ива́н - Ивана́. Только притяжательное Петро́в въ вы-

раженіяхъ до Петрова дни, къ Петрову дни переноситъ удареніе на окончанія. Ср. сибирскую фамилію Петровыхъ. Прилагательныя притяжательныя сохранили именныя окончанія только въ именит. и винит. падежахъ всѣхъ чиселъ и родовъ, а также въ род. и дат. ед. муж. рода. Поэтому им. отцов, отцова, отцово, отцовы; вин. отцов или отцова, отцову, отцово, отцовы; род. отцова, дат. отцову. Всѣ остальные падежи ед. и мн. числа заимствовали свои окончанія у мѣстоименнаго склоненія прилагательныхъ: муж. и сред.р. твор. ед. съ отцовымъ, мѣстн. въ отцовомъ; женск. родъ, род. отцовой, дат. мѣстн. отцовой, твор. отцовой (отцовою); во множ. числѣ: род. отцовыхъ, дат. отцовымъ, твор. отцовыми, мѣстн. отцовыхъ. Притяжательное Божій, вражій и др. склоняется какъ и прочія прилагательныя на -ій, сохраняя именныя окончанія только въ именит. и винит. падежахъ всѣхъ родовъ и чиселъ: ср. божья воля, божью власть, милость, но изъ божьяго храма. Притяжательное Господень сохраняетъ церковнославянское склоненіе, являясь, очевидно, книжнымъ заимствованіемъ: о гробѣ Господнѣ, отъ руки Господни; но во множ. исключительно неименныя образованія. Кромѣ род. Петрова дни, дат. Петрову дни сохранился и мѣстн. о Петровѣ дни.

Существительныя, являющіяся по своему происхожденію прилагательными притяжательными, а именно фамиліи склоняются такъ же, какъ эти прилагательныя съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ мѣстн. муж. рода имѣютъ окончаніе ѣ: Попов, род. Попова, дат. Попову, мѣстн. въ Поповѣ; им. Попова, вин. Попову; множ. Поповы - въ твор. Поповым; въ женск. родѣ: род. Ивановой, дат., твор., мѣстн. Ивановой; во множ. числѣ: род., мѣстн. Ивановыхъ, дат. Ивано-

вымъ, твор. Ивановными.

Названія городовъ, стоящія въ сознаніи говорящихъ въ прямой связи съ тѣмъ или другимъ именемъ, склоняются такъ же, какъ фамиліи; напр. Романовъ, Борисовъ, Юрьевъ, Царицынъ имѣютъ именныя окончанія во всемъ склоненіи (ед. чис.), кромѣ однако твор. падежа: съ Романовымъ, съ Царицынымъ. Лишь только такая связь утрачена, именное окончаніе является и въ творит. падежѣ: подъ Кашиномъ, съ Кіевомъ, съ Ростовомъ, съ Гдовомъ. Понятно, что тутъ неизбѣжны колебанія: съ Лихвиномъ и съ Лихвинымъ. Имена городовъ на -ск, представляющіяся по происхожденію краткой формой прилагательныхъ, склоняются по именному склоненію: Петровск, Петровска, съ Петровскомъ, въ Петровскѣ (въ нар. языкѣ сохраняются и формы съ Петровскимъ, въ Петровскомъ.

Совершенно единично прилагательное третéй, третья́, представляющее краткую именную форму при полной, мѣстоименной третíй. Употребляется въ выраженіи самъ-третéй, самá-третья́. Таковы же прилагательныя: друг (самъ-другъ), четвёрт, пят, шост, сём.

Прилагательныя сказуемыя отличаются отъ прилагательныхъ, склоняющихся по мѣстоименному склоненію, тѣмъ, что представляютъ въ муж. родѣ основу, а въ женск. и сред. и во множ. числѣ основу, обосложненную соотв. окончаніями-а, о, ы. Основа муж. рода отличается въ рядѣ словъ отъ основъ женск. и сред. рода и множ. числа вставкой бѣглыхъ гласныхъ о,е, изъ которыхъ часть соотвѣтствуетъ исконнымъ ъ, ь, а часть вставлена позже или по причинамъ фонетическимъ, или подъ вліяніемъ аналогіи. Ограничусь нѣкоторыми примѣрами для о,е, въ основахъ муж. рода, отсутствующихъ въ основахъ женск., сред. рода и множ. числа; о восходитъ къ ъ, напр. въ зол, ловок, крѣпок, низок: е восходитъ къ

ь, напр. въ болен, славен, силен, горек. Не восходятъ къ ъ, ь напр. о,е въ сочетаніяхъ оло, ере: полон, долог, черен; е въ сочетаніяхъ ер, ел: остёр, тёпел; о въ сочетаніи ов: рёвов. Въ соотвѣтствіи съ дифтонгомъ -ой, находимъ въ муж. родѣ -ое: спокоен, а въ книжномъ словѣ достоин сочетаніе -ои.

Однѣ основы прилагательныхъ сказуемыхъ и только что указанныхъ прилагательныхъ порядковыхъ имѣютъ удареніе неподвижное на основѣ, напр. род. виноват, спокоен, краток, богат; другія имѣютъ неподвижноеже удареніе на окончаніяхъ (а въ м.р.: понятно на основѣ): мал, бѣл, сѣр, мёртв, гол, синь, добр, остёр, хитёр, полон, умён, высок, грѣшен, горяч, силён, хорош, широк; напрот. мала, мало, малы.

Третьи основы имѣютъ подвижное удареніе: въ муж. родѣ и во множ. числѣ удареніе падаетъ на основу, а въ женск. родѣ на окончаніе: нов, прав, груб, глуп, слаб, мил, цѣл, хил, дик, горд, скор, спор, стар, строг, сыт, твёрд, свят, густ, прост, бос, кос, пуст, наг, туг, глух, плох, сух, крут, худ, прям, нѣм, туп, скуп, слѣп, крив, жив, тих, тощ, чист, зрѣл, смѣл, спѣл, черств, пьян, дряхл, нагл, подл, тускл, бодр, быстр, мудр, храбр, ветх; велик, глубок, далёк, виден, крѣпок, долог, весел, дёшев, зелен, голоден, холоден, молод, холост.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимъ колебаніе, а именно тамъ, гдѣ удареніе склоняемаго прилагательнаго падаетъ на основу: пьяно, ново, старо, велико, глубоко, далеко, голодно, холодно. Обратно: сильно, высоко, широко, мало, полно.

Причастія страдательныя на н, т относятся сюда же. Съ неподвижнымъ удареніемъ: брошен, отпущен, оставлен, расчищен, завален, задѣт, убит, обут - дан (дано), несен, повелѣно.

Съ подвижнымъ удареніемъ: привит, взят, начат, заперт, отперт, отпитъ, прожит, проклят, пролит; отдан, признан, продан. Слѣдовательно: привито, привиты, но привита; отдано, отданы, но отдана.

Какъ сказано, прилагательныя - сказуемыя измѣняются только по родамъ. Но они образуютъ также творит. падежъ, въ ед. на -нымъ-ой во множ. на -ными: быть сытымъ, проклятымъ; он сталъ весёлымъ, она была всегда весёлой, онъ сдѣлался неподвижнымъ, они становились нетерпимыми. Въ старинномъ языкѣ держался едва ли не до послѣдняго времени дат. на -у: быть бодру, любиму, веселу.

Причастія прошед. времени на -лъ (получившія значеніе прошедшаго времени) измѣняются также только по родамъ; во множ. числѣ они имѣютъ окончаніе -и: был, была, было, были: берег, берегла, берегли.

Мѣстоименія.

Склоняемыя мѣстоименія дѣлятся на пять группъ: 1) мѣстоименія личныя 1-го и 2-го лица и возвратное, 2) мѣстоименія кто, никто, нѣкто; что, ничто, нѣчто, 3) мѣстоименіе 3-лица он, 4) мѣстоименія, не получающія въ им. пад. муж. рода особаго окончанія, 5) мѣстоименія, получающія въ им. пад. муж. рода окончаніе -ой.

1. Мѣстоименіе 1-го лица: ед. чис. я, вин. и род. меня (замѣнило болѣе древнее мене); мнѣ, мной, мнѣ; множ. мы вин. и род. нас; нам, нами, нас.

Мѣстоименіе 2-го лица: ед. чис. ты, вин. и род. тебя (вм. тебе), тебѣ, тобой, тебѣ; множ. вы, вин. и род. вас, вам, вами, вас. -Форма те въ "я те дам" замѣнило старшее ти подъ влія-

ніемъ тебѣ.

Возвратное мѣстоименіе: вин. и род. себя (вмѣсто себе); себѣ, собой, себѣ. -Форма ся находится только въ соединеніи съ глаголомъ; ся подъ удареніемъ: взялся́ дрался́, родился́; ся неударяемое послѣ согласныхъ: берёгся, бойся, назвался, нашёлся, отрёкся; послѣ гласныхъ является -с' (сь): остаюсь, прячусь, родила́сь.

Мѣстоименія 1-го и 2-го лица измѣняются по падежамъ и числамъ, не по родамъ, а возврат. мѣстоименіе только по падежамъ.

2. Вопросительное и относительное кто изъ древняго къ-то представляетъ въ падежахъ основу ко-. Измѣняется только по падежамъ; относится только къ лицамъ, безразлично какого рода и числа. Склоненіе: кто, род. и вин. кого (произносится ково), кому, кѣм (замѣнило болѣе древнее цѣмь изъ *коімѣ съ обосложненною основой кої -), ком. Определительное никто, склоняется также Опредѣлительное нѣкто въ формахъ склоненія получаетъ образованія, стоящія въ связи съ формой именит. нѣкой (нѣкій); что до отрицательнаго нѣ кого, нѣ кому, нѣ кѣмъ, нѣ о ком (мы пишемъ некого и т.д.), то при нихъ не употребляется имѐнительная форма.

Вопросительное и относительное что изъ древняго чь-то представляетъ въ падежахъ основу че-. Измѣняется только по падежамъ; относится только къ предметамъ, безразлично какого рода и въ какомъ числѣ. Склоненіе: что, род. и вин. чего (произн. чево), чему, чѣм (замѣнило болѣе древнее чимь изъ *кеімь съ обосложненною основою кеі-), чем. Опредѣлительное ничто́ склоняется также. Опредѣлительное нѣчто не склоняется, что до отриц. нѣ чего, нѣ чему, нѣ чѣмъ, нѣ о чем (мы пишемъ нечего и т.д.), то при нихъ не употребляется именительная форма.

3. Мѣстоименіе 3-го лица представляетъ двѣ основы: он-только въ именит. падежахъ всѣхъ трехъ родовъ и обоихъ чиселъ: он,

она, оно, множ. число для всѣхъ родовъ они; эта основа не проникла даже въ винит. падежъ сред. рода, который вообще и въ именахъ и въ мѣстоименіяхъ тождественъ съ именит. падежомъ. Вы. они употребляется также для всѣхъ родовъ форма онѣ (моему употребленію она чужда). Различія, рекомендуемыя грамматиками:

они для муж. и сред. рода, онѣ для женск. рода, искусственны и не оправдываются исторіей языка. Окончаніе -е въ онѣ, ср. въ тѣ, всѣ. Прочіе падежи образуются отъ основы jе-, являющейся въ твор. ед. и во множ. числѣ въ видѣ jи (изъ jeі̯ - представляющагося обосложненіемъ основы jе-); въ муж. и сред. родѣ: род. и вин. его (произн. jево), дат. ему, тв. им (произносится jим), предлож. о нём (съ вставнымъ между основой и предлогомъ н); въ женск. родѣ основа jeі̯: род. и вин. её (форма ея книжная и употребляется вообще только на письмѣ, вторгаясь впрочемъ, и въ живую рѣчь подъ вліяніемъ школьной грамматики; её замѣнило древнее еѣ), дат. ей, тв. ей (ею), пред. о ней; во множ. числѣ для всѣхъ чиселъ род. и вин. ихъ (произносится jих), дат. им (jим), тв. ими (jими), предлож. о нихъ. Формы съ начальнымъ н извѣстны не только въ предложномъ, но также во всѣхъ другихъ падежахъ, какъ только онѣ употребляются послѣ предлоговъ: съ неё, отъ него, къ нему, къ ней, съ нимъ, съ нею, съ нихъ, къ нимъ, съ ними.

4. Мѣстоименія, измѣняющіяся по родамъ и числамъ и не получающія особаго окончанія въ муж. родѣ, по значенію своему распадаются на притяжательныя, указательныя, опредѣлительныя, вопросительныя.

Притяжательныя. При я является мой съ основой мой (моі̯-): въ женск. родѣ моя, въ сред. моё, во множ. числѣ мои для всѣхъ ро-

довъ. Склоняется такъ: мой, род. и вин. моего, вин. мой, дат. моему, тв. моим, пред. о моём; моя, род. моей, вин. мою, дат. моей, тв. моей (моею), пред. о моей; моё, род. моего, вин. моё, дат. моему, тв. моим, пред. о моём; множ. мои, вин. и род. моихъ, вин. мои, дат. моим, тв. моими, пред. моих. Такъ же склоняются твой, являющееся при ты, свой при возвратномъ себя. При мы притяжат. наш, наша, наше, склоняется какъ мой, но удареніе удерживаетъ на основѣ. При вы является ваш. При их, находимъ ихній, не получившее полнаго права гражданства въ литер. рѣчи (еще менѣе употребительно въ этой рѣчи икой).

Указательныя. Тотъ, та, то; форма именит. муж. рода представляетъ сложеніе старой формы тъ съ основой то; отъ этой основы образованы всѣ остальные падежи; въ тв. ед. муж. рода и во всемъ множ. числѣ основы является въ осложненномъ видѣ тѣ- (изъ toi-); осложненная основа (toi-) является также въ склоненіи женск. рода, но сохраняется здѣсь какъ toi- въ положеніи передъ гласными окончаніями; въ женск. родѣ неосложненную основу представляетъ только вин. падежъ: ту. Склоненіе: тотъ, род. и вин. того, вин. тотъ, дат. тому, тв. тѣм, пред. о том. Женск.: та, вин. ту, род. той, дат. той, тв. той, (тою), пред. о той. Сред.: то, вин. то, род. того и т.д., какъ въ муж. Множ. для всѣхъ родов: тѣ, тѣх, тѣм, тѣми, о тѣх.

Указательное таков измѣняется только по родамъ и числамъ: таков, такова, таково, таковы; по падежамъ измѣняется таковой, ая, ое.

Указательное этотъ склоняется какъ тотъ, но удареніе удерживаетъ всегда на а, э; во множ. эти, этих, этим, этими, этих. Сей устарѣло; сохраняется въ нѣсколькихъ выраженіяхъ: на с...

разъ, сію минуту, сегодня, отъ сихъ до сихъ. Въ склоненіи различаются слѣдующія образованія: им.вин.сей, сія, сію, сіё, сіи; основа се только въ муж. и сред. родѣ: сего,сему о сём;основа си (изъ сеі -) въ тв. ед. и во множ.: сим, сих, сим, сими, сих; основа сеі въ женск. родѣ: род. сей, дат. сей, тв. сей, (сею), пред. сей.

Опредѣлительныя -весь,вся,всё,отъ основы vъs'а еще только въ женск. родѣ всю, и множ. всѣ (по формѣ вин. множ.). Остальные падежи: отъ основы всѣ - (изъ vъsoi); таковы тв. ед. всѣмъ и всѣ косв. падежи множ. числа: всѣхъ, всѣмъ, всѣми, всѣхъ; отъ основы всей- (vъsei-) косв. падежи женск. рода: род. всей,дат. всей, тв. всей (всею), пред. всей; отъ основы все: всего, всему, о всём.

Самъ, сама́, само́; множ. са́ми; отъ основы сама только вин.ж. рода саму́ (рѣдко употреб.). Отъ основы само-:род. самого́, дат. самому́, пред. о самом; отъ основы сами-, замѣнившей самѣ-(изъ samoi-): тв. сами́м, род. множ. сами́х, дат. сами́м, тв. сами́ми, пред. о сами́х. Отъ основы самой- (samoi-) съ гласными окончаніями: род. и вин. самоё (вм. стар. самоѣ), вин. самою́,дат.само́й, тв. само́й (само́ю), пред. о самой.

Нѣкой сохраняетъ отчасти старое склоненіе: муж.и ср.родъ: нѣкоего, нѣкоему, о нѣкоемъ, но съ нѣкіимъ вм. съ нѣкоимъ. Въ женск. род. нѣкая вмѣсто старшаго нѣкоя, нѣкую вм. нѣкою; род. нѣкоей, дат. нѣкоей, тв. нѣкоей (нѣкоею), пред. о нѣкоей. Во множ.: нѣкіе, нѣкіихъ, нѣкіимъ, нѣкіими, о нѣкіихъ.

Несложное кой (на кой чертъ) употребляется рѣдко: коего, коему, о коемъ,тв.съ коимъ; множ. кои, коихъ и пр. Въ женск.

род. ед. не употребляется.

Чей, чія, чіё. Въ муж родѣ: чьего, чьему, чьим, о чьём. Въ ж. родѣ: чьей и т.д. Во множ.: чьи, чьих, чьим, чьими, чьих.

Каков . какова, каково, каковы. По падежамъ не измѣняется. Рядомъ склоняемое каковой. Такъ же: одинаков, одинакова, одинаково, одинаковы.

Всяк употребляется только въ муж. им. ед.; всяко это нарѣчіе (напр. всяко бываетъ).

5. Мѣстоименія, склоняемыя какъ прилагательныя. Въ только что разсмотрѣнной группѣ удареніе переносится на окончанія (кромѣ кой, нѣкой); въ этой же группѣ удареніе на окончанія не переносится. Одни изъ такихъ мѣстоименій имѣютъ удареніе на окончаніи основы, другіе на коренной ея части. Къ первымъ относятся: такой, какой, таковой, каковой, другой, никакой, сякой (употребл. только въ им. муж. рода).

Ко вторымъ: каждый (новобразованіе вмѣсто къждо), оный, который, никоторый, самый, нѣкоторый, всякой (пишется всякій), одинаковый.

Прилагательныя

Различаются два склоненія. Въ первомъ окончаніями являются въ имени. падежѣ ед. числа: ой, ая, ое. Во второмъ: ій, ja, je. Объ измѣненіи этихъ окончаній им. падежа и о прочихъ окончаніяхъ скажу ниже.

По происхожденію своему мѣстоименное склоненіе прилагательныхъ (объ именномъ мы говорили выше) есть сложное склоненіе. Нѣкогда въ сложномъ склоненіи склонялись обѣ части сложенія: самое прилагательное по именному склоненію и присоединенное къ нему относитель-

ное мѣстоименіе (Основа jo-). Но въ большей части падежей старое склоненіе систематически вытѣснено новыми формами, заимствованными изъ склоненія мѣстоименій. Старыя формы сохранились въ им. и вин. падежахъ ед. числа: добрый (изъ добръ-ji), добрая (добра-ja), доброе (добро-je); вин. женск. рода добрую (добру -jу); им. множ. добрыя (т.е. добры -jѣ, по формѣ вин. множ.). Объ им. формахъ второго склоненія (лисій, лисья, лисье) скажу ниже. Кромѣ того старыя формы сохранились (со стяженіемъ двухъ гласныхъ окончанія первой части сложенія и начала второй) въ твор. ед.: добрым (вм. добры-имь, а это еще въ общеслав. эпоху вм. добромь-имь), и во множ. числѣ: добрых (вм. добры-ихъ изъ добръ-ихъ), добрымъ(изъ добрнимъ, вм. добромъ имъ), добрыми(изъ добрыими), добрыхъ изъ добрыихъ, вм.добрѣх -ихъ). -Остальные падежи представляютъ новообразованія: род. доброго вм. добраго (а это изъ добраего), дат. доброму вм. добруму (а это изъ добруему), м. добром вм. добрѣмь (а это изъ добрѣемь), род. женск. рода доброй вм. добрыѣ (изъ болѣе древняго добрыеѣ), дат. и м. ж. доброй вм. добрѣи (изъ болѣе древняго добрѣей). Форма творит. падежа женск. рода доброю (откуда позже доброй) можетъ быть признана старой формой, ибо уже въ старомъ языкѣ доброю ею замѣнено было черезъ доброю. На появленіе новыхъ формъ повліяло склоненіе мѣстоименій, напр. того, тому, самого, всего и т.д.

Первое склоненіе. Въ составъ его вошли: 1) основы -o, склонявшіяся по сложному склоненію, 2) основы на -jo, склонявшіяся по тому же склоненію. Удареніе можетъ падать или на коренную часть основы: ста́рый, бѣ́лый, кру́глый, го́лый, весёлый, бога́тый, си́льный, или на окончаніе основы: босо́й, живо́й, морско́й.

Объ окончаніяхъ замѣчу слѣдующее. Окончаніемъ им. ед. является -ой, вытѣснивтее старое -ый фонетически какъ въ ударяемомъ,

такъ и въ неударномъ слогѣ; современное правописаніе требуетъ сохраненія -ый въ неударномъ положеніи и замѣны его черезъ -ой въ ударяемомъ; основаніемъ для этого является историческая традиція до сравнительно недавняго времени удерживавшая -ый также подъ удареніемъ (вторый, слѣпый). Въ силу той же традиціи, а частью и искусственнаго правила грамматики послѣ к, г, х пишется і вм. о въ неударномъ положеніи: пѣгій, строгій, крѣпкій, тугоухій; между тѣмъ мы произносимъ здѣсь тотъ же звукъ, что въ добрый, старый. Это не звукъ -ы, а звукъ, изображавшійся нами въ отдѣлѣ фонетики черезъ α; онъ явился на мѣсто о въ результатѣ его редукціи въ неударяемомъ положеніи. Изъ основъ на твердую согласную -ой передалось и въ основы на мягкую согласную: вмѣсто чужій, синій, горячій явились чужой, *синёй, *горячёй; понятно, что въ неударныхъ слогахъ о редуцировалось и послѣ мягкой согласной перешло въ ε, откуда і или почти і; наше синій, горячій не тождественно поэтому съ древнерусскими синій, горячій, а, какъ указано, ведетъ къ формамъ синёй, горячёй. Послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ вмѣсто ε, і такого происхожденія является ы: свѣжый, пригожый, похожый.

Въ род. ед. муж. рода является подъ удареніемъ -óвα, въ неударныхъ слогахъ -αвα (послѣ твердыхъ согласныхъ) и -εвα послѣ мягкихъ): худовα, добрαвα, синéвα. На письмѣ -овα изображается черезъ -ого (худого), а -αвα и -εвα черезъ -аго, -яго (добраго, синяго). Написанія -аго, господствовавшія лѣтъ двадцать пять назадъ и при удареніи на предпослѣднемъ слогѣ, объясняются книжною традиціей, сохранившею церковно-

славянскія написанія; что до окончанія -го вмѣсто произносящагося -вα, то и здѣсь имѣемъ дѣло съ книжною традиціей, поддерживавшеюся тѣмъ обстоятельствомъ, что значительное число русскихъ говоровъ (малорусскихъ, бѣлорусскихъ, южновеликорусскихъ), между прочимъ и нѣкоторые сѣверновеликорусскіе говоры удерживали въ этомъ окончаніи старое ү, һ; переходъ оүо въ ово можно считать великорусскимъ явленіемъ по преимуществу.

Въ дательномъ падежѣ находимъ -о́му подъ удареніемъ, -αму, -ему въ неударяемыхъ слогахъ: худо́му, до́брαму, си́нему; въ мѣстн. -о́м подъ удареніемъ, -αм, -ем въ неударяемыхъ слогахъ: худо́м, до́брαм, си́нем; въ твор. -ым послѣ твердыхъ согласныхъ, -им послѣ мягкихъ: худы́м, до́брым, си́ним.

Въ им. ед. женскаго рода подъ удареніемъ -а́ä (пишется -а́я), а въ неударныхъ слогахъ -αä послѣ твердыхъ согласныхъ (пишется -ая), -еä -іä послѣ мягкихъ согласныхъ (пишется -яя): худая, добрая, синяя.

Въ вин. ед. женскаго рода подъ удареніемъ -у́і̯у (пишется -у́ю): худу́ю; что же касается неударяемыхъ слоговъ, то господствующимъ въ московскомъ произношеніи окончаніемъ является -αі̯у (послѣ твердыхъ согласныхъ), -еі̯у іі̯у послѣ мягкихъ согласныхъ, но извѣстно также окончаніе -уі̯у (вмѣсто чего послѣ мягкихъ согласныхъ -ӱі̯у или почти -ӱі̯у), на письмѣ только -ую: добрую, синюю. Окончаніе -αі̯у, -еі̯у замѣнило -уі̯у на почвѣ грамматической аналогіи; α, е проникло изъ прочихъ падежей ед. числа: род. добрαй, д.м.тв. добрαй. Это видно изъ древняго языка, представлявшаго и на письмѣ формы вин. ед., какъ милою, больною и т.п. Ближайшимъ образомъ вліяніе могло быть оказано формой род. падежа, которая совпадала съ винит. падежомъ въ личныхъ мѣстоименіяхъ женск. рода:

ее при ею, передаваясь и въ указательныя и определительныя: тое и тою, всее и всею, самое и самою.

Форма род. ед. женск. рода на -оі́ подъ удареніемъ (пишется -ой), -αі (послѣ тв. согл.), -εі (послѣ мягкой) въ неударныхъ слогахъ произошла изъ двухъ болѣе древнихъ формъ -уі и -оі, которыя въ свою очередь замѣнили на почвѣ грамматической аналогіи -уѣ, -оѣ, а именно здѣсь сказалось вліяніе другихъ падежей дат. и твор., имѣвшихъ болѣе краткое окончаніе, чѣмъ род.;то же вліяніе еще раньше повело къ переходу окончанія твор. ед. -оіu въ оі. Окончаніе -уѣ это остатокъ сложнаго склоненія прилагательныхъ: xudyѣ, síníѣ (вмѣсто síńѣѣ подъ вліяніемъ грамматической аналогіи); окончаніе -оѣ явилось подъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія: xudоѣ, sínéѣ; ср. сказанное выше о замѣнѣ окончаній сложнаго склоненія окончаніями склоненія мѣстоименнаго.

Объ окончаніи твор. женск. рода -оі (-αі, -εі и -іі) сказано выше, старыя формы -оіu, -αіu, εіu едва ли извѣстны въ живомъ употребленіи. Въ дат. и мѣстн. находимъ -о́і при -αі, -εі и -іі въ неударномъ положеніи.

Во множ. числѣ окончаніемъ им. падежа является -уі,послѣ мягкихъ согласныхъ -іі: xudyі, síníі, эти окончанія восходятъ фонетически къ -уѣ, -іѣ, такъ какъ ѣ въ неударяемомъ положеніи можетъ переходить въ і (напр. колѣни, двѣсти); возможно, впрочемъ, что -уі, -іі замѣнило непосредственное -уε, -іε, при чемъ ε на мѣстѣ ѣ въ неударяемомъ положеніи. На письмѣ удерживается -ые,-іе, что указываетъ на старшія -ыѣ, -иѣ. Формы -ыѣ, -иѣ (вмѣсто -ѣѣ) представляются по своему происхожденію формами им. и вин.мн. женск. рода и формами вин. мн. муж. рода; эта форма вытѣснила какъ старое окончаніе им. мн. муж. рода -ии (худии, добрии),такъ

и окончаніе именит. винит. множ. сред. рода -ая (худая, добрая); вытѣсненіе всѣхъ формъ одною общею стоитъ въ связи съ общимъ совпаденіемъ формъ всѣхъ родовъ во множ. числѣ; ср. то же въ мѣстоименіяхъ. Въ нѣсколькихъ книжныхъ выраженіяхъ удерживается окончаніе именит. и винит. множ. числа ая, напр. въ вся тяжкая.

Въ род. мѣстн. общимъ окончаніемъ для всѣхъ родовъ является -ыхъ, послѣ мягкихъ согласныхъ -ихъ: худыхъ, синихъ. Въ дат. мн. -ы, -ым, -им: худымъ, синим. Въ твор. множ. -ыми, -ими; худыми, синими.

Отмѣчу здѣсь рядъ прилагательныхъ, получившихъ значеніе существительныхъ, но не утратившихъ своего стараго склоненія: Вѣрный (названіе города), сотской (пишется сотскій), прохожай(пиш. прохожій), лѣшай, (пишется лѣшій), лѣсничей (пишется лѣсничій); въ женск. родѣ горничная, столовая, передняя, гостинная; въ ср. родѣ жаркое, пирожное, мороженое, Вологое.

Второе склоненіе. обнимаетъ старыя основы на -iio; звукъ i былъ въ общеславянскомъ языкѣ въ такомъ положеніи полукраткимъ, а потому подлежалъ въ позднѣйшее время выпаденію. Сложное склоненіе представляло первоначально такія окончанія: именит. ед. lisiiii, lisiiaia, lisiieie, вин. женск. lisiiuiu, род. lisiiaho (изъ lisiia-eho),lisiiѣѣ, дат. lisiiumu, lisiiii; творит. lisiiiiimъ, ж. тв. lisiieiu, мѣстн. lisiiiiimь, lisiii; именит. множ. lisiiiii, lisiiѣiѣ, lisiiaia, род. множ. lisiiiiiхъ и т. д. Въ формахъ именит. и винит. падежа ед. числа русскій языкъ получилъ новообразованія вмѣсто двухъ тождественныхъ сочетаній iaia, ieie, iiii, iѣiѣ, явилось одно ia, ie, ii, iѣ: lisia, li-

sie, lísii, l'ísii, это вызвало новобразование и въ им. ед. муж. рода: вмѣсто lísiii здѣсь явилось lísii. Также козій, медвѣжій, человѣчій, Божій вмѣсто козьій, медвѣжьій, человѣчьій, Божьій. Въ остальныхъ падежахъ видимъ тѣ же окончанія, что въ первомъ склоненіи. Фонетически lísii, откуда lísii должно было измѣниться въ líseí, наше lísii, вѣроятно, непосредственно замѣняетъ lísei.

Числительныя.

Склоненіе числительныхъ количественныхъ должно быть разсматриваемо особо въ виду нѣкоторыхъ явленій, свойственныхъ только этому склоненію. Впрочемъ, мы видимъ здѣсь вообще смѣшеніе склоненій, свойственныхъ существительнымъ и мѣстоименіямъ. Одни числительныя склоняются, какъ существительныя, другія склоняются какъ мѣстоименія, образуя нѣкоторыя формы по именному склоненію.

А. Какъ существительныя, склоняются всѣ вообще числительныя, оканчивающіяся на мягкую согласную, какъ пять, шесть, десять, одиннадцать, двадцать, тридцать и т.д. Они склоняются только въ ед.ч. какъ имена женск. рода на мягкую согласную (напр. кость), отступая только тѣмъ, что здѣсь (исключая впрочемъ тѣ, которыя оканчиваются на -надцать) переносится удареніе на окончанія: род. дат. м. пяти́, тв. пятью́, тридцати́, тридцатью́; между тѣмъ имена женск. рода, какъ мы видѣли, переносятъ ударенія на окончаніе только въ мѣстн. ед. послѣ предлоговъ на, въ. Старое удареніе сохранилось въ твор. падежѣ, употребленномъ какъ нарѣчіе: пятью-пять, во́семью-восемь. Въ склоненіи восемь является вставная гласная въ формахъ им. и твор.: восемь, восемью.

Въ сложныхъ пятьдесятъ, шестьдесятъ, семьдесятъ, восемьдесятъ склоняются обѣ части сложенія: пятидесяти, шестьюдесятью, семью-

десятью, восмидесяти. Впрочемъ, въ твор. падежѣ извѣстны и новообразованія какъ пятидесятью, семидесятью. Очевидно, въ сознаніи говорящихъ утрачено представленіе о томъ, что -десятъ это форма род. множ.; но замѣчательно, что въ именит. падежѣ держится твердая согласная, при чемъ слѣдовательно старая форма род. множ. не отождествлена съ им. ед. Въ сложеніяхъ, какъ пятьсотъ, девятьсотъ точно также склоняются обѣ части; форма род. множ. сотъ держится только въ им. падежѣ (и конечно также въ род.).

Сорокъ склонялось нѣкогда какъ существительное муж. рода на -о, но теперь сохранилась только одна форма род. ед. сорока́, которая получила функціи всѣхъ остальныхъ падежей; мы говоримъ: отъ сорока рублей, къ сорока рублямъ, съ сорока рублями, въ сорока рубляхъ, равнымъ образомъ по сорока рублей.

Девяносто въ нашемъ языкѣ во всѣхъ падежахъ звучитъ одинаково; но въ косвенныхъ падежахъ наше d'ɛvé nósta восходитъ, вѣроятно, къ формѣ девяноста, ср. выше сорока и ниже ста.

Сто является формой именит. и винит. падежа, въ другихъ падежахъ - одна общая форма ста, замѣнившая древнія сту (дат.) стѣ (мѣстн.), стомъ (твор.); ср. отъ ста рублей, къ ста рублямъ, въ ста рубляхъ. Дат. сту. напр. по сту рублей, моему словоупотребленію чуждо, я говорю по ста рублей, ср. по сорока (и по сто, ср. по сорокъ).

Въ пять сотъ, шесть сотъ и т.д. сохраняется, впрочемъ, только въ формахъ именит. и винит. форма род. множ. отъ сто. Въ другихъ падежахъ склоняются одновременно обѣ части сложенія: отъ пяти сотъ, къ пяти стамъ, въ пяти стахъ, пятью стами, о пяти стахъ.

Тысяча склоняется какъ существительное женск. рода: тысячу, отъ тысячи, къ тысячѣ, въ тысячѣ; но въ твор.-тысячью, какъ отъ

основы на ĭ; въ виду этого, возможно, что и въ дат., мѣстн. существуетъ форма тысячи, а не тысячѣ. Быть можетъ, тысячи только въ сложеніи съ существительнымъ: о тысячи рубляхъ, къ тысячи рублямъ, но объ этой тысячѣ, къ той тысячѣ.

Сто, двѣсти, триста, пятьсотъ и т.д. тысячъ въ косв.падежахъ склоняютъ всѣ части сложенія: со ста тысячами, въ ста тысячахъ, въ трехъ стахъ тысячахъ, съ тремя стами тысячами, о пяти стахъ тысячахъ, въ четырехъ стахъ тысячахъ. Возможно, впрочемъ и сохраненіе тысячъ род. множ. безъ измѣненія, напр. въ пяти стахъ тысячъ экземпляровъ, на пяти стахъ тысячъ рублей; мнѣ, однако, такое словоупотребленіе не свойственно.

Милліонъ склоняется какъ существительное муж. рода.

Существительное полъ можно разсматривать какъ числительное. Подобно числительнымъ сорокъ, сто слово полъ для всѣхъ косвенныхъ падежей образуетъ одну форму полу́. Полъ употребляется въ сложеніяхъ, какъ съ существительными, такъ и съ числительными. Въ соединеніяхъ съ существительными находимъ въ имен. пад.ед.ч. и множ. или пол- или полу-. Пол - въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ полдень, полночь; полу- въ остальныхъ: полустанокъ, полуминокъ, полукругъ, полуостровъ; въ косвенныхъ падежахъ и въ тѣхъ и въ другихъ случаяхъ только полу-: итакъ, съ одной стороны, къ полудню, отъ полуночи, съ полуднемъ, съ другой стороны: на полуостровѣ и т.д. Кромѣ того, извѣстны и такія соединенія, гдѣ за полъ слѣдуетъ существительное въ род. падежѣ ед. числа: полгода, полминуты; склоняются обѣ части такихъ сложеній: къ полугодамъ, съ полуминутами. -Полтора́, т.е. полътора; въ женск. родѣ полторы образуютъ: полу́тора (такъ во всѣхъ косвенныхъ па-

дежахъ: къ полутора годамъ, въ полутора верстахъ); въ старомъ языкѣ было бы къ полутору году, въ полуторѣ верстѣ.

Въ полтора, полторы видимъ во второй части сложенія старыя формы порядковаго числительнаго второй, а именно формы именного склоненія. Такое склоненіе имѣли нѣкогда и другія порядковыя; въ совр. языкѣ онѣ сохранились только въ именит. падежѣ ед.чис. муж. рода въ соединеніи съ предшествующимъ сам-: самдруг, самчетверт, самшост и т.д. Едва ли извѣстны въ обычномъ языкѣ соотвѣтствующія формы женск. рода; "она явилась самъ шост"; "пшеница уродилась самъ пят", а не сама шеста, сама пята. При третій именной формѣ является третéй въ выраженіи самъ-третéй.

Б. Числительныя одинъ, два, оба, три, четыре склоняются какъ мѣстоименія. Одинъ образуетъ падежи какъ тотъ, но вмѣсто ѣ имѣетъ въ окончаніи основы въ соотвѣтствующихъ падежахъ и: одного, одному - одним, одни, одних и т.д. Что до формъ однѣ, однѣхъ, которыя школьная грамматика рекомендуетъ какъ формы женск.рода, то въ живомъ языкѣ онѣ употребляются вмѣсто одни, одних безъ отношенія къ роду. Въ моемъ словоупотребленіи однѣ является только при женск. родѣ (непослѣдовательно) подъ вліяніемъ школьной грамматики.

Два въ муж. и сред. родѣ, двѣ въ женскомъ образуетъ остальные падежи отъ основы дву-, при чемъ въ твор. падежѣ имѣется окончаніе -мя, отсутствующее у мѣстоименій (діалектически извѣстны: имя, тѣмя): двухъ, двумъ, двумя.

Такъ же склоняются три, образующее падежи отъ основы тре-: трёхъ, тремя. Четыре образуетъ падежи отъ старой основы, на ĭ являющейся въ закрытыхъ слогахъ въ видѣ четыре, а въ открытыхъ въ

виде четыр́ четырём, четырёх при четырьмя.

Оба образуетъ падежи отъ основы обойи-: обо́их, обоим, обоими. Въ женск. роде обе - отъ основы обейи: обеих, обеим.

Двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро и болеe редкія восьмеро, девятеро, десятеро склоняются только во множ.: двои́х, семеры́х, пятерым. Въ твор. множ. числа двоими, троими (четверыми, пятерыми и т.д. чужды моему словоупотребленію). Двое, трое, четверо и т.д. употребляются также въ соединеніи съ именами, знающими только множ. число: двое воротъ, и двоими воротами, двое саней, на двоихъ саняхъ (но также къ двумъ воротамъ, на двухъ саняхъ, тремъ воротамъ).

Порядковыя числительныя первый, второй, третій, четвертый, сороковой и т.д. склоняются какъ прилагательныя.

ГЛАГОЛЪ.

Въ отделе, посвященномъ глаголу, необходимо разсмотреть во-первыхъ, глаголы въ собственномъ смысле, во-вторыхъ, спрягаемыя имена прилагательныя и причастія, въ-третьихъ, склоняемыя глагольныя имена съ аттрибутивнымъ значеніемъ (причастія), въ-четвертыхъ, несклоняемыя глагольныя имена съ неаттрибутивнымъ значеніемъ (инфинитивъ), въ-пятыхъ, глагольныя наречія (деепричастія). Все эти слова объединяются частью темъ, что образуются посредствомъ определенныхъ окончаній отъ общей основы (глаголы, причастія спрягаемыя и склоняемыя, деепричастія, инфинитивы), частью темъ, что изменяются по общимъ всемъ имъ категоріямъ, чуждымъ другимъ частямъ речи (категоріи: времени, залога и вида объединяютъ глаголы, причастія, деепричастія; категоріи залога и вида объединяютъ съ ука-

занными формами и инфинитивъ; категоріи лица и времени объединяютъ глаголы, спрягаемыя имена прилагательныя и причастія). Признавъ категорію лица наиболѣе характерною при опредѣленіи глагола, ибо она неотъемлема отъ собственно глагольныхъ (не именныхъ) образованій, мы называемъ измѣненіе глагола по лицамъ спряженіемъ. Сообразно съ этимъ, разсмотрѣнныя выше слова распадаются на двѣ группы: а) слова спрягаемыя (сюда относятся глаголы въ собственнимъ смыслѣ, а также несклоняемыя имена и причастія), б) слова неспрягаемыя (инфинитивы, причастія склоняемыя и дѣепричастія). Сначала остановлюсь на спряженіи, т.е. на измѣненіи словъ по категоріи лица; затѣмъ перейду къ измѣненію спрягаемыхъ словъ по другимъ глагольнымъ категоріямъ; наконецъ, займусь неспрягаемыми глагольными словами.

Спряженіе.

Въ русскомъ языкѣ различаются, какъ это было видно при обзорѣ мѣстоименій, три лица: 1-ое лицо, обозначающее лицо (или индивидуализированный предметъ), ведущее рѣчь отъ себя; Второе - обозначающее лицо (или индивидуализированный предметъ), къ которому обращена рѣчь; 3-е - обозначающее лицо или предметъ, о которомъ идетъ рѣчь. То обстоятельство, что рѣчь можетъ вестись не только однимъ лицомъ, но и нѣсколькими, при чемъ она можетъ быть обращена не только къ одному лицу, но и къ нѣсколькимъ лицамъ, является основаніемъ тому, что первое лицо опредѣляется или какъ первое лицо единственнаго числа или какъ первое лицо множественнаго числа, также опредѣляются второе лицо единственнаго числа и второе лицо множественнаго числа. Лицо говорящее, такъ же какъ лицо, къ которому обращена рѣчь, можетъ быть муж. или женск. рода; сообразно съ этимъ первое лицо можетъ быть 1-мъ

лицомъ муж. и женск. рода, второе лицо - вторымъ лицомъ муж. или сред. рода. Равнымъ образомъ предметомъ рѣчи можетъ быть не только одинъ предметъ, но и нѣсколько предметовъ: поэтому при третьемъ лицѣ единств. числа является третье лицо множ. числа. Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ принадлежать къ одному изъ трехъ родовъ: муж., женск., или среднему; сообразно съ этимъ третье лицо ед. и множ. числа можетъ быть третьимъ лицомъ ед. ч. муж. рода, третьимъ лицомъ ед. числа женск. рода, третьимъ лицомъ ед. числа сред. рода, третьимъ лицомъ множ. числа муж. рода и т.д. Теоретически возможны еще и другія опредѣленія для всѣхъ трехъ лицъ; такъ возможно опредѣленіе лица еще и двойственнымъ числомъ, а именно рѣчь можетъ вестись отъ имени двухъ лицъ, можетъ быть обращена къ двумъ лицамъ и можетъ итти о двухъ лицахъ или предметахъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ возникало бы представленіе о первомъ, второмъ и третьемъ лицѣ двойственнаго числа. Но современному русскому языку чужда категорія двойственнаго числа въ именахъ; понятно, что ея нѣтъ (она не сохранилась) и въ глаголахъ. Относительно различенія рода (муж., женск. и сред.) въ лицахъ отмѣтимъ, что категорія рода возникла собственно въ именахъ и притомъ путемъ грамматическимъ, формальнымъ (а не реальнымъ, ибо напр. къ муж. женск. роду принадлежатъ слова, которыя обозначаютъ такіе предметы, которые по реальному своему значенію не могутъ быть отнесены ни къ тому, ни къ другому роду). Вслѣдствіе этого проникновеніе родовыхъ различій въ категорію лица глаголовъ могло произойти только подъ вліяніемъ именъ; въ русскомъ языкѣ это вліяніе сказалось только на спрягаемыхъ именахъ и причастіяхъ. Какъ мы знаемъ, русскій языкъ во множ. ч. частью утратилъ совсѣмъ (въ именахъ аттрибутивныхъ), частью ут-

рачиваетъ постепенно (въ именахъ существительныхъ) различія родовыя; вслѣдствіе этого и въ спрягаемыхъ именахъ родовыя различія наблюдаются только въ единственномъ, но не во множественномъ числѣ.

Изъ сказаннаго ясно вытекаетъ необходимость разсмотрѣть отдѣльно спряженіе глагола отъ спряженія именъ и причастій.

1. Въ спряженіи (измѣненіи по категоріи лица) глаголовъ различаются шесть лицъ: три лица единственнаго числа и три лица множественнаго. Различія эти образуются особыми окончаніями. Окончаніями 1 лица ед. числа являются -у (несу, прошу гору, играју), а въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ глаголахъ -м (ѣм, дам) Окончаніемъ 2 л. ед. числа является -ш (берёш, ходиш, играјеш, ѣш, даш), а для повелительнаго наклоненія -и, которое въ неударномъ положеніи переходитъ въ -й, послѣ гласной и вообще отпадаетъ послѣ согласной (неси́, проси́, дай, устрой, вынь, брось, рѣж, ляг) сохраняясь однако послѣ группы согласныхъ: почисти, отсохни, тресни, а также въ сложныхъ съ -вы: вынеси, вырази; въ глаголѣ ѣсть окончаніемъ 2-го лица и повелительнаго наклоненія является -ш (ѣш). Окончаніемъ 3-го лица ед. числа является -т (плетёт, водит, сядет, даст, ѣст) и архаическое -тъ въ есть, Богъ вѣсть. Окончаніемъ 1 лица множ. числа служитъ -м (гребём, носим, знаjем, ѣдим, дадим, даjом, повелительное наклоненіе идём). Окончаніемъ 2-го лица мн. числа является -те (стережете, хвалите, даjоте, поспѣjете; повелительное наклоненіе идите, хвалите, дайте, выньте, лягте). Окончаніемъ 3-го лица множ. числа является -т (несут, носят, горят, строят, спят, хотят, тревожат). Способы присоединенія указанныхъ окончаній къ основамъ будутъ разсмотрѣны ниже при обзорѣ спряженія глагольныхъ основъ. Здѣсь отмѣтимъ, что указанныя

окончанія свойственны только настоящему и будущему времени, а также повелительному наклоненію.

2. Въ спряженіи именъ прилагательныхъ и причастій различаются десять лицъ, семь для единственнаго числа и три для множественнаго, при чемъ въ единственномъ числѣ три лица муж. р. три лица женск. рода и одно (третье) лицо средняго рода. Различія между этими формами образуются посредствомъ присоединенія къ прилагательнымъ и причастнымъ формамъ восьми мѣстоименныхъ формъ (я для муж. и женск., тѣ для муж. и женск., онъ, она, оно, мы, вы, они): 1-е л. муж. я весел, я был, 1-е л. ж. р. я рада, я ходила, 2-е л. муж. ты стар, ты носил, 2-е л. ж. р. ты молода, ты играла, 3-л. м. онъ прост, онъ собрал, 3-л. ж. она бѣдна, она ушла, 3-л. ср. оно хорошо, оно упало, 1-е л. мн. мы обижены, мы упали, 2-л. множ. числа вы виноваты, вы устали, 3-е л. множ. числа они счастливы, они отказали. Повторимъ сказанное выше при обзорѣ мѣстоименій: они употребляется безразлично для муж. и женск. рода; вмѣсто они извѣстно также онѣ также для муж. и женск. рода; различеніе они и онѣ какъ формы муж. и женск. рода искусственно и не оправдывается ни исторіей, ни современнымъ употребленіемъ. Понятно, что вмѣсто мѣстоименія 3-го лица: онъ, она, оно, они можетъ быть употреблено имя существительное: женщина вышла, дѣти веселы.

Разсматриваемое спряженіе распадается на два рѣзко другъ отъ друга отличныхъ отдѣла. Къ первому принадлежитъ спряженіе причастія на -лъ: я былъ, ты крала, оно прошло и т.д. Формы на -лъ въ настоящее время утратили свое первоначальное причастное значеніе прошедшаго времени и употребляются только какъ

спрягаемыя формы прошедшаго времени. Ко второму отдѣлу принадлежитъ спряженіе всѣхъ остальныхъ причастій (на-тъ, -мъ, -нъ), а также и прилагательныхъ. Формальнымъ отличіемъ спряженія второго отдѣла отъ перваго является слѣдующее: окончаніемъ множ. числа въ первомъ отдѣлѣ служитъ и: были, ходили, ѣли, несли, между тѣмъ какъ во второмъ отдѣлѣ такимъ окончаніемъ является ы: веселы,биты, любимы, брошены (-и является только въ простонар.:ради, виновати, квити). Относящіяся ко второму отдѣлу спрягаемыя слова измѣняются, въ противоположность причастіямъ на -лъ, по временамъ: простое соединеніе ихъ съ указанными выше мѣстоименіями, а также съ существительными обозначаетъ настоящее время: я молода, женщина убита, солдатъ раненъ но соединеніе ихъ съ формами прошедшаго или будущаго времени вспомогательныхъ глаголовъ (о нихъ скажемъ ниже) служатъ для выраженія этихъ двухъ временъ, напр. я былъ веселъ она была рада, мы будемъ довольны, они будутъ брошены, они бывали неисправны и т.п. Въ подобныхъ сложныхъ образованіяхъ вмѣсто формы на согласную въ муж. родѣ, на -а въ женск.,на -о въ сред. родѣ, на -ы во множ. числѣ употребляются не послѣ вспомогательнаго глагола:былъ, буду и формы на -ым въ муж. родѣ, -ой въ женск., -ым въ сред. -ыми во множ. числѣ; по происхожденію своему это формы творит. падежа: я сталъ веселымъ, она бывала веселой, небо стало пасмурнымъ, онъ сдѣлался серьезнымъ. Равнымъ образомъ при помощи вспомогательныхъ глаголовъ образуются этими спрягаемыми именами наклоненія повелительное и сослагательное: будь весела, было бы скучно.

Въ цѣломъ рядѣ глаголовъ окончаніе 3 л. ед. числа -т въ настоящемъ и будущемъ времени не вноситъ въ глагольную форму категоріи лица: эти глагольныя формы хотя и говорятъ о томъ или дру-

гомъ дѣйствіи или состояніи, но не содержатъ указанія на то, чтобы это дѣйствіе или состояніе производилось опредѣленнымъ субъектомъ. Ср. безличный глаголъ, какъ шумит, морозит, меня тошнит, чешется, думается. Аналогично съ этимъ окончаніе -о въ формѣ прошедшаго времени не вноситъ категоріи лица, напр. въ формахъ, какъ морозило, разсвѣло, чесалось, думалось. И точно также безлично употребляются именныя формы (причастія и прилагательныя) на -о: здѣсь весело, мнѣ тошно, ему больно,

Отъ этихъ безличныхъ формъ отличается употребленіе 3-го лица мн. числа глаголовъ и причастій на -л безъ опредѣленно выраженнаго субъекта; при безличныхъ глаголахъ субъектъ не только не выраженъ опредѣленно, онъ даже не подразумѣвается, между тѣмъ при формахъ 3-го лица множ. числа (на -ут, -ат и -ли) субъектъ подразумѣвается и притомъ во множ. числѣ: пишут, говорят, твердили, смѣялись (подразумѣваются люди).

Форма повелительнаго наклоненія на -и (или на согласную, за которой отпало -и), при употребленіи съ существительнымъ или мѣстоименіемъ 3-го лица или съ мѣстоим. 1 лица утрачиваетъ значеніе 2-лица и получаетъ значеніе 3-го лица или 1-го лица условнаго наклоненія: приди онъ раньше, знай я это раньше, ничего бы не было; скажи онъ это, было бы все исполнено; будь онъ посмѣлѣе, его бы не тронули; вспомни я раньше объ этомъ, все было бы хорошо; будь я тамъ, этого бы не случилось, будь мы тамъ. Также рѣже при 1-мъ и 2-мъ лицѣ множ. ч. будь мы, будь вы. Отмѣчу еще употребленіе формы повелительнаго на -и въ значеніи 3-го лица ед. числа повелительнаго наклоненія: помилуй Богъ, помоги ему Богъ, провались онъ на мѣстѣ (также и во мн. провались они всѣ), пропадай моя головушка, сохрани его Господь.

Категорія времени.

Глаголъ и прочія спрягаемыя слова посредствомъ тѣхъ или иныхъ формальныхъ средствъ образуютъ различныя времена. Дѣйствіе или состояніе предмета представляется или продолжающимся въ настоящемъ времени или относящимся къ прошедшему времени, или, наконецъ, относящимся къ будущему времени. Настоящее время глаголовъ опредѣляется тѣми личными окончаніями, которыя разсмотрѣны выше иду, хожу, просишь, видим, даёте, носят, ѣм, ѣдим. Настоящее время прочихъ спрягаемыхъ словъ опредѣляется отсутствіемъ вспомогательнаго глагола при спрягаемомъ словѣ: они веселы, онъ убит, онъ задушен, онъ тронут, она ранена, книга найдена (Настоящее время, состоящее изъ причастія совершеннаго вида, въ противоположность другимъ формамъ настоящаго времени, можно опредѣлить, какъ настоящее время совершеннаго вида). Прошедшее время глаголовъ образуютъ формы спрягаемаго причастія на -л: онъ бил, онъ убил, она пришла, она веселилась. Прошедшее время прочихъ спрягаемыхъ слов определяется наличностью при спрягаемомъ словѣ вспомогательныхъ глаголовъ въ прошедшемъ времени: она была рада, они были удивлены, они были тронуты (Прошедшее время отъ глаголовъ совершеннаго вида, а также отъ спрягаемыхъ причастій совершеннаго вида, можно опредѣлить какъ прошедшее время совершеннаго вида). Будущее время образуется отъ глагола двоякимъ способомъ: или оно по формѣ основы и по своимъ окончаніямъ тождественно съ настоящимъ временемъ (будущее совершеннаго вида), напр. съѣмъ, сыграетъ, набросить, залѣзетъ, заставимъ; или оно представляетъ соединеніе инфинитива съ вспомогательными глаголами: буду, стану (будущее несовершеннаго вида): буду играть, стану сказывать, при чемъ это образованіе воз-

можно только отъ тѣхъ глаголовъ, основа которыхъ не имѣетъ значенія совершеннаго вида (нельзя сказать буду поиграть, будетъ сказать). Будущее время прочихъ спрягаемыхъ словъ опредѣляется наличностью при спрягаемомъ словѣ вспомогательныхъ глаголовъ въ будущемъ времени: я буду полезенъ, я буду избитъ она станетъ сильной. (Соединеніе съ причастіемъ совершеннаго вида образуетъ будущее совершенное).

Настоящее время отъ глаголовъ совершеннаго вида имѣетъ не только значеніе будущаго совершеннаго, но также и настоящаго времени, при разсказѣ о часто повторяющихся событіяхъ: онъ встанетъ, одѣнется и выйдетъ въ садъ погулять, походитъ по дорожкамъ и вернется домой.

Такимъ образомъ, если примемъ во вниманіе обнаруживающіяся видовыя отношенія, видимъ, что въ нашемъ языкѣ различаются слѣдующія шесть временъ: настоящее несовершеннаго и совершеннаго вида, прошедшее несовершеннаго и совершеннаго вида, будущее несовершеннаго и совершеннаго вида.

Категорія наклоненія.

Наклоненіями называются тѣ различія въ глагольныхъ формахъ, которыми обозначается отношеніе субъекта къ дѣйствію или состоянію, выраженному глаголомъ: дѣйствіе или состояніе можетъ представляться связаннымъ съ субъектомъ непосредственно, въ этомъ случаѣ глагольная спрягаемая форма опредѣляется какъ изъявительное наклоненіе; дѣйствіе или состояніе можетъ представляться связаннымъ съ субъектомъ только при извѣстномъ условіи или опредѣляться, какъ нѣчто желаемое: сослагательное наклоненіе; наконецъ, дѣйствіе или состояніе связывается съ субъектомъ только въ актѣ воли говоряща-

го лица: повелительное наклоненіе. Выраженія для сослагательнаго и повелительнаго наклоненія, равно какъ и для другихъ наклоненій (напр. условнаго, желательнаго) могутъ быть даны разнообразными синтаксическими сочетаніями (напр. если онъ скажетъ, пошелъ бы ты, да будетъ, молчать и т.п.), но въ морфологіи мы останавливаемся только на тѣхъ различіяхъ, которыя даны въ самой грамматической формѣ. Съ этой точки зрѣнія различаемъ въ русскомъ языкѣ только три выше названныя наклоненія. Данное выше опредѣленіе наклоненія исключаетъ возможность признать инфинитивъ наклоненіемъ хотя бы неопредѣленнымъ: въ немъ не выражается отношеніе субъекта къ дѣйствію или состоянію, выраженному глаголомъ; поэтому неопредѣленную форму, представляющуюся простымъ названіемъ дѣйствія или состоянія, удобнѣе назвать иностраннымъ терминомъ "инфинитивъ".

Признакомъ изъявительнаго наклоненія является наличность въ глагольной и вообще спрягаемой формѣ возможности сочетаться съ субъектомъ въ каждомъ изъ шести лицъ и отсутствіе частицы бы за формами прошедшаго времени: я иду, ты несёш, они хотѣли, они дадутъ, они будутъ сидѣть, она молода, она была больна.

Признакомъ повелительнаго наклоненія является отсутствіе возможности сочетать глагольную форму съ 1-л. ед. числа и 3-л. ед. и множ. числа; обычно она сочетается только со 2 л. ед. и множ. числа: сядь, посиди, проси, будьте любезны, играйте, давайте; въ глаголахъ совершеннаго вида, а также опредѣленно-моторныхъ (см. ниже) форма повелительнаго наклоненія можетъ относиться и къ 1л. множ. числа, выражаясь при этомъ формой 1 л. множ. настоящаго времени, но не сочетаясь съ мѣстоименіемъ 1 л. множ. числа: идём:

бросим, несём, скажем. Форма пошол, не сочетаемая съ мѣстоименіемъ 2 л. ед. числа или принимающая за собой это мѣстоименіе только постпозитивно (пошол ты вон), служитъ также для выраженія повелительнаго наклоненія. Повелительнымъ наклоненіемъ являются и частицы на -нате. Особою разновидностью повелительнаго наклоненія является его предостерегательное значеніе. Оно образуется двоякимъ способомъ: во-первыхъ изъ соединенія, отрицанія *не* съ повелительнымъ наклоненіемъ глагола совершеннаго вида (который вообще съ отрицаніемъ не соединяется): не потеряй, не усни, не урони, не убейся, не попадись, не упади, не укради, не убей (изъ заповѣдей), не уколись, не прозѣвай; во-вторыхъ, изъ соединенія повелительнаго наклоненія смотри, прошу пожалуйста съ повелительнымъ наклоненіемъ (несовершеннаго и совершеннаго вида), сопровождаемыхъ отрицаніемъ: смотри не вырони, смотри не шали, не откажитесь, прошу васъ, смотри не вынь несчастливаго жребія, смотри не проиграй, не разсердись пожалуйста.

Сослагательное наклоненіе (согласно предыдущему), имѣющее значеніе условнаго и желательнаго наклоненія) опредѣляется наличностью частицы бы при формахъ прошедшаго времени на -лъ: я бы сѣлъ, она хотѣла бы, они бы вышли, она была бы добрѣе. Впрочемъ, какъ мы видѣли для выраженія этого наклоненія (точнѣе наклоненія условнаго) употребляется и форма 2 л. ед. повелительнаго наклоненія въ сочетаніи съ 1 л. и 3 л. единств. числа, рѣже множ. числа: приди онъ раньше, послушайся я его совѣта, догадайся я, что это такъ.

Категорія вида.

Видами называются тѣ различія въ глагольныхъ образованіяхъ, которыми обозначаются различія въ способѣ прохожденія (теченія, совершенія, выполненія) дѣйствія или состоянія, выраженнаго глагольной основой. Ученіе о значеніи видовъ принадлежитъ отдѣламъ грамма-

тики, посвященным синтаксису и семасіологіи. Но вопросы объ образованіи и формѣ видовъ разсматриваются въ морфологіи, причемъ значеніе видовъ затрагивается здѣсь по стольку, по скольку обнаруживается связь между различными значеніями и различными формами видовъ.

Въ русскомъ глаголѣ различаются слѣдующія два главные вида: видъ несовершенный (имперфективный) и видъ совершенный (перфективный). Несовершенный видъ означаетъ дѣйствіе или состояніе, длившееся въ прошедшемъ или продолжающееся (не въ своемъ результатѣ, а въ самомъ дѣйствіи или состояніи) въ настоящемъ или имѣющее длиться въ будущемъ: смотрю, я ходилъ, буду читать, поговариваютъ, ты нёсъ, онъ бѣжитъ. Совершенный видъ означаетъ или законченность длительности дѣйствія (состоянія): посмотрю, похожу, посидитъ, побѣгалъ (т.е. длительность была на лицо, но говорящій говоритъ о ней какъ о прекратившейся, законченной въ прошедшемъ или будущемъ; или онъ обозначаетъ результатъ дѣйствія (состоянія) какъ нѣчто законченное въ прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ: онъ прибѣжалъ, онъ принёсъ; онъ раненъ, онъ наказанъ, онъ уйдётъ, она крикнетъ.

Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ форма совершеннаго вида отличается отъ соотвѣтствующей формы несовершеннаго вида; въ рѣдкихъ случаяхъ формы совершеннаго и несовершеннаго вида совпадаютъ въ звуковомъ отношеніи. Во всѣхъ однако случаяхъ формы обоихъ видовъ отличаются другъ отъ друга въ грамматическомъ употребленіи, а именно: во-первыхъ, форма, имѣющая въ глаголахъ несовершеннаго вида значеніе настоящаго времени, въ глаголахъ совершеннаго вида получаетъ значеніе будущаго времени, напр. говорю, наговорю, несу, принесу, смѣюсь, засмѣюсь; доношу начальству, доношу старое платье; онъ телеграфируетъ мнѣ сегодня, она телеграфируетъ мнѣ завтра. Во-вторыхъ, въ глаголахъ несовершеннаго вида будущее время образуется

посредствомъ соединенія вспомогательныхъ глаголовъ буду, стану, съ инфинитивомъ; въ глаголахъ совершеннаго вида такое соединеніе не допускается: буду говорить, буду слушать; слѣдовательно, въ соединеніи: буду телеграфировать, глаголъ несовершеннаго вида. Въ-третьихъ, отъ глаголовъ несовершеннаго вида образуются причастія настоящаго времени: играющій; отъ глаголовъ совершен. вида не можетъ быть образовано причастіе на -щій. Въ-четвертыхъ, отъ глаголовъ совершеннаго вида не употребительно причастіе настоящаго времени страдательнаго залога, между тѣмъ его образуютъ глаголы несовершеннаго вида: любимый, уважаемый, это не произносимо, онъ всѣми видимъ; Въ-пятыхъ, повелительное наклоненіе совершеннаго вида по общему правилу не соединяется съ отрицаніемъ *не*, а если соединяется (иногда съ смотри, пожалуйста, прошу), то имѣетъ значеніе предостерегательное: не промахнись, смотри не уступи, пожалуйста не опоздай.

Перехожу къ формальнымъ отличіямъ совершеннаго вида отъ несовершеннаго. Какъ указано, въ подавляющемъ числѣ случаевъ форма совершеннаго вида глагола отличается отъ соотвѣтствующей формы несовершеннаго вида. Отличіе это выражается или I: въ обосложненіи основы несовершеннаго вида предлогомъ: браню - побраню, выбраню, или II: въ самомъ строеніи основы. Разсмотрю отдѣльно тотъ и другой способъ образованія совершеннаго вида.

I. По общему правилу глаголъ несовершеннаго вида, сочетаясь съ предлогомъ, переходитъ въ совершенный видъ; предлогъ утрачиваетъ при этомъ свое реальное значеніе и указываетъ только или наступленіе результата дѣйствія, выраженнаго глаголомъ, или его окончаніе, или полноту его проявленія или, наконецъ, прекращеніе длительности. Приведу рядъ примѣровъ съ различными предлогами -за: забарабанить,

задрожать, задремать; -воз: воспылать, вознегодовать; по: полетѣть, побѣжать, побрести, повалить, погнать; -отъ: отсидѣть, отстоять, отпѣть; -на: нападать, накурить, написать, напутать; -изъ: испачкать, испортить, истолочь, изжарить; -вы: высѣчь, выкрасить; про про-гремѣть, пробормотать, прождать, прозвучать, проѣздить; -у: украсть; -съ: сдѣлать, сыграть, снести, слетать, слукавить; -раз: разбудить, разбогатѣть, развеселить; -о, объ: остолбенѣть, осиротѣть; -по: повѣнчать, построить, покраснѣть; -за: зарѣзать, застрѣлить. Для выраженія прекращенія длительности глагола употребляется предлогъ по: поговорить, поиграть, полѣчиться, походить, почесаться, поторопиться.

II. Различіе въ основахъ, означающихъ совершенный и несовершенный видъ, образуется разными способами и восходитъ къ разнымъ эпохамъ. Необходимо имѣть въ виду слѣдующія четыре группы глаголовъ совершеннаго вида: 1)несложенныясъ предлогами основы на согласную и на -и, имѣющія при себѣ въ несовершенномъ видѣ основы на -а; 2) основы,несложенныя съ предлогами, при которыхъ исчезли соотвѣтствующія основы несовершеннаго вида; 3) несложенныя съ предлогами основы на -ну; 4) сложенныя съ предлогами основы.

1) Число основъ, несложенныхъ съ предлогами, оканчивающихся на согласную и на -и, и имѣющихъ значеніе совершеннаго вида, весьма ограниченно. Сюда относятся: дам (осн. дад-) при основѣ дава - въ несовершенномъ видѣ (но въ наст. вр. основа даjо-); паду (осн.инфинит. пад-) при основѣ пада - въ несовершенномъ видѣ (падаю), основы на и: благословляю при благословляю въ несовершенномъ видѣ; брошу при бросаю, въ несовершенномъ видѣ; кончу при кончаю, лишу при лишаю, плѣню при плѣняю, прошу при прошаю, пущу при пускаю, рожу при рождаю, рѣшу при рѣшаю, ступлю при ступаю, хвачу при хватаю, явлю при являю.

Сюда же относится куплю при покупаю въ несовершенномъ видѣ. Глаголъ хватить (ударить) не имѣетъ при себѣ несовершеннаго вида, но ясна связь его съ хватать.

2. При сяду-сѣсть, лягу-лечь, стану-стать, дѣну-дѣть не извѣстны теперь соотв. формы несовершеннаго вида (впрочемъ, извѣстенъ инфинитивъ дѣвать), но раньше при нихъ существовали образованія какъ *сѣдать (малор. сідати); *лѣгать, *ставать, *дѣваю.

3) Несложенныя съ предлогами основы на -ну принадлежатъ всѣ къ совершенному виду, за исключеніемъ тѣхъ, которыя обозначаютъ не активное дѣйствіе предмета, а пассивное его состояніе (какъ тонуть, виснуть, киснуть, пухнуть, мокнуть, сохнуть), а также еще глагола тянуть. Соотв. глаголы несовершеннаго вида производятся отъ основы на -а. Примѣры для глаголовъ совершеннаго вида на -ну: зѣвнуть, крикнуть, шагнуть, чихнуть, ахнуть, хлопнуть, топнуть, рѣзнуть, кольнуть, толкануть, кашлянуть, бацнуть, вернуть, кинуть, минуть.

4. Глаголы совершеннаго вида, сложенные съ предлогами, сохранившими реальное свое значеніе, имѣютъ при себѣ по общему правилу глаголы несовершеннаго вида, сложенные съ тѣми же предлогами, но образованные отъ другой основы. При этомъ различаются двѣ группы: А. основы несовершеннаго вида не являются основой производной отъ основы совершеннаго вида. Б. Основа несовершеннаго вида производная отъ основы совершеннаго вида.

А. Глаголы несовершеннаго вида со значеніемъ моторнымъ производятся отъ родственной основы съ неопредѣленно моторнымъ значеніемъ, когда совершенный видъ (сложенный съ предлогомъ) содержитъ основу съ соотвѣтствующимъ опредѣленно-моторнымъ значеніемъ. Такъ при отнести является относить, ср. нести-носить; такъ же: завезти-заво-

зить, донести-доносить, залетѣть-залетать, привести-приводить. Сложенный съ предлогомъ глаголъ лѣзть напр. залѣзть, вылѣзть рядомъ съ лазить: залазить, вылазить можетъ имѣть и образованіе съ производною основой: залѣзать, вылѣзать. Только съ производною основой образуетъ совершенный видъ глаголовъ тлѣть, ѣхать, бѣжать соотвѣтствующія основы несовершеннаго вида: приплыть-приплывать (не *приплавать) пріѣхать-пріѣзжать (не пріѣздить), набѣжать-набѣга́ть (не *набѣ́гать).

Б. Остальные глаголы совершеннаго вида образуютъ несовершенный видъ отъ соотвѣтствующей производной основы. При этомъ извѣстны производныя основы на -а, производныя основы на -ja, производныя основы на -ывать, -ивать. Разсмотрю отдѣльно всѣ эти производныя основы.

Производную основу на -а (послѣ гласныхъ на -ва) находимъ отъ всѣхъ глаголовъ, оканчивающихся въ инфинитивѣ на согласную и на гласную при односложности основы совершеннаго вида: прода-ть: продавать; напѣть-напѣвать, нажить-наживать, задуть-задувать, забить-забивать, покрыть-покрывать, обуть-обувать, сознать-сознавать; также отпадать, осѣдать, отсѣкать, запасать. При этомъ въ древнѣйшемъ періодѣ краткія, исконно краткія, гласныя въ корнѣ подвергались растяженію: о переходило въ а, е въ ѣ, ъ въ ы, ь въ і; въ русскомъ языкѣ въ частности въ великорусскомъ, такія а, ѣ замѣнены были съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ аналогіи черезъ а, е (напр. погребать вм. погрѣбать, налегать, помогать), но ы, и на мѣстѣ старыхъ ъ, ь сохранились: умирать (ср. основу настоящаго умьр- въ умру), простирать (наст. простьр- въ простру), натирать (наст. натьр въ натру), очитать (наст. сѫчьт въ сочту), начинать (наст. начьн- въ начну), пожирать (наст. пожьр- въ пожру), пробирать (ср. бьр въ пробьрати). - Производную основу на -а находимъ (съ такимъ же растяженіемъ исконно краткихъ гласныхъ) и при глаголахъ съ инфинитивомъ на -нуть: увя-

нуть-увядать, утонуть-утопать, заснуть-засыпать, закинуть-закидать, передвинуть-передвигать. Производную основу на -а находимъ въ рѣдкихъ случаяхъ при основѣ настоящаго времени на -je и основѣ инфинитива на -а: насыплю-насыпа́ть, обрѣжу-обрѣза́ть. -Производная основа на -а является далѣе въ соотвѣтствіи съ основой на -и въ совершенномъ видѣ въ томъ случаѣ, если въ соотвѣтствующихъ глаголахъ несложенныхъ совершеннаго и несовершеннаго вида извѣстны тѣ же обѣ основы: наступить-наступать (ср. ступить-ступать), запустить-запускать; сюда же закупить-закупать (ср. купить совершен. вида, не имѣющее, впрочемъ, при себѣ купать). Производная основа на -а является еще въ нѣскольких случаяхъ: загораться,пригорать, закипать.

Производную основу на -ja находимъ при основѣ на -и, по общему правилу однако только тогда, когда въ основѣ настоящаго времени удареніе падаетъ на это-и: обвини́ш, уснащать, отвращать, надѣлять, угощать, объявлять, отличать, упрощать, устремлять, усиплять, укрѣплять, также еще и тамъ, гдѣ удареніе въ наст. времени колеблется, но гдѣ въ инфинитивѣ оно падаетъ на -и: отуча́ть, умолять, провожать, погружать, выгружать, перемѣнять. Въ словахъ книжныхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго образованія на -ja при основѣ на -и, независимо отъ ударенія основы настоящаго и инфинитивъ, составляетъ общее правило: украшать при укра́сить, управлять, наставлять, прославлять, приставлять, проготовлять, отвѣчать, отправлять, замѣчать, отмѣчать.

Производную основу на -ыва съ удареніемъ на корнѣ находимъ въ другихъ,неотмѣченныхъ выше,глаголахъ въ положеніи послѣ твердой согласной. Такъ при основѣ инфинитива на -ну: заглядывать, притискивать (здѣсь и вмѣсто ы послѣ к), запихивать (тоже послѣ х), отстёгивать (тоже послѣ г), затрогивать, подускивать, проскальзываю, улепётывать, отпрядывать. При основѣ инфинитива на -а и -о съ ос-

новой настоящаго времени на -je: заказывать, срѣзывать, слизывать, помазывать, отклёвывать, отплёвываться, закалывать. При основѣ инфинитива на -а съ основой настоящаго времени на -aje: забрасываю, запугиваю, учитываю, отмежовываю, заламываю, улитывать, закусывать, закутывать, зарабатывать.

Производную основу на -ива съ удареніемъ на корнѣ находимъ въ положеніи послѣ мягкой согласной. При основѣ наст. времени и инфинитива на -и, когда удареніе въ инфинитивѣ или настоящ. времени (здѣсь кромѣ 1-го лица единственнаго числа) падаетъ на корень: расцвѣчивать, отпячивать, разукрашивать, подзадоривать, унавоживать, условливаться, замораживать, запрашивать, отваживаться, отплачивать, позванивать, отращивать, отсрочивать, замаливать, загораживать, отсвѣчивать, попугивать, покучивать, отвинчивать, залѣчивать, охорашивать, вынашивать, высушивать, вымѣнивать, выучивать, заколачивать, выпиливать, обнаруживать, удваивать, озадачивать, обнадёживать, удерживать, открещиваться, отшучиваться, усваивать,

При основѣ настоящаго времени на -jaje: увѣнчивать, замѣшивать, При основѣ настоящаго времени на -и и основѣ инфинитива на -ѣ (-а): высиживать, полёживать, вылёживаться, просиживать (несмотря на удареніе просидитъ), замалчивать, отстаивать).

III. Нѣкоторые сравнительно немногочисленные глаголы имѣютъ одну общую форму какъ для совершеннаго такъ и для несовершеннаго вида. Сюда относятся глаголы: женю, крещу, казню, велю, дарую, образую, организую, телеграфирую и, повидимому, обѣщаю. Глаголы организую и телеграфирую представляются новобразованіями; обѣщаю, дарую, образую, крещу несомнѣнно слова книжныя, заимствованныя изъ церковнославянскаго; значеніе слова женю даетъ основаніе предположить, что и оно такого же происхожденія; понятно, что и казню, велю можно признать церковнославянизмомъ. Слѣдовательно, совмѣщеніе

двухъ значеній видовыхъ имѣетъ мѣсто а) въ словахъ заимствованныхъ изъ церковнославянскаго, б) въ новообразованіяхъ. Оба видовыя значенія перенесены изъ самого церковнославянскаго языка; здѣсь, въ силу необходимости создавать неологизмы, а другой разъ въ силу невозможности прибѣгнуть къ новообразованіямъ, въ рядѣ случаевъ какъ увидимъ стирались первоначальныя отношенія между обоими видами. Быть можетъ, сюда же должно отнести слѣдующіе глаголы, въ настоящее время извѣстные только со значеніемъ совершеннаго вида, но еще недавно употреблявшіеся и со значеніемъ несовершеннаго вида: молвлю, роню. Отдѣльно стоятъ русскіе по формѣ глаголы воро́чу и полоню́, извѣстные только въ совершенномъ видѣ, при чемъ однако воро́чу употребляется въ видѣ несовершенномъ, напр., въ выраженіи онъ рыло вороти́тъ; эти глаголы, въ особенности полоню́ (вмѣсто воро́чу чаще возвращу, верну) представляются устарѣвшими.

Изъ предыдущаго выясняется, что бо́льшая часть глаголовъ совершеннаго вида представляетъ сложеніе глагола съ предлогомъ. Мы можемъ указать на сравнительно немного глаголовъ съ основой на согласную и на -и въ инфинитивѣ, имѣющихъ значеніе совершеннаго вида; возможно, что такое значеніе они получили позже подъ вліяніемъ того, что при нихъ были однозначащіе глаголы съ основой на -а, которымъ было присвоено значеніе соотв. несовершеннаго вида; при этомъ вѣроятно думать, что напр. явить при являть получило значеніе совершеннаго вида вслѣдствіе именно того, что рядомъ съ несовершеннымъ объявлять (съ производной основой) существовало объявить; ср. еще ступить-ступаю при наступить-наступаю; купить совершеннаго вида подъ вліяніемъ накупить-накупаю; родить-рождаю

подъ вліяніемъ зародить-зарождаю. Какъ мы только что видѣли, число глаголовъ, несложенныхъ съ предлогами, гдѣ значеніе совершеннаго вида не связывается съ только что указанными условіями, совершенно незначительно (женю, раню и т.п.). Итакъ, сложеніе съ предлогомъ по общему правилу вызываетъ замѣну совершеннаго вида глагола видомъ несовершеннымъ: видѣть-увидѣть, красть-накрасть, бросать-забросать, и т.д. Это общее положеніе нуждается однако въ болѣе подробномъ изслѣдованіи, въ виду того, что рядъ глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами, сохраняетъ свое первоначальное значеніе несовершеннаго вида. Сюда относятся слѣдующія группы глаголовъ.

Во-первыхъ, тѣ глаголы, сложенные съ предлогами, имѣющіе значеніе несовершеннаго вида, которые не имѣютъ при себѣ простыхъ безпредложныхъ глаголовъ; эти глаголы разсмотрѣны выше, при чемъ указано, что они образованы отъ производной основы при сложенныхъ съ тѣми же предлогами глаголахъ совершеннаго вида, образованныхъ отъ основы непроизводной. Такъ находимъ со значеніемъ несовершеннаго вида: замѣчать, забавлять, украшать, угощать, упрощать, заворачивать, заколачивать, разламывать при отсутствіи простыхъ безпредложныхъ *мѣчать, *ворачивать, *ламывать; ясно, что передъ нами новообразованія, явившіяся при глаголахъ совершеннаго вида: замѣтить, добавить, заколотить и т.п.

Во-вторыхъ, группа глаголовъ съ основой производной на -а, сохраняющихъ значеніе несовершеннаго вида въ сложеніи съ предлогами, несмотря на наличность при нихъ простого, безпредложнаго глагола съ тою же основой; сюда относятся: бывать: забы-

ваю, отбываю, убываю, добываю и др. (но въ соединенiи съ по совершенный видъ: побываю); давать: подаю, отдаю, продаю, раздаю (но въ соединенiи съ на совершенный видъ: надаю); кидать: покидаю (но въ соединенiи съ другими предлогами совершенный видъ: закидаю, накидаю, выкидаю), дѣвать: одѣваю, задѣваю, продѣваю (но въ соединенiи съ по: подѣваю); пускать и простонарод. пущаю: отпускаю, выпускаю, попускаю, запускаю; рождать: порождать, зарождать; рѣшать: отрѣшаю; ступать: заступать, отступаю, наступаю, приступаю, выступаю, поступаю, рыгать: изрыгаю, отрыгаю; являть: заявлять, объявлять, изъявляю. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнiю, что несовершенный видъ въ глаголахъ этой группы сохранялся подъ влiянiемъ глаголовъ первой группы; при всѣхъ этихъ глаголахъ имѣются родственныя образованiя совершеннаго вида въ сложенiяхъ съ тѣми же предлогами: забыть, подамъ, покину, одѣну, отпущу, зародитъ, отрѣшитъ, наступлю, изрыгнетъ, изъявлю, и т.д. Глаголы забывать, подавать, отрѣшать, ассоцiируясь съ забыть, подать, отрѣшить, представлялись такими же производными, какъ напр. затѣвать при затѣять, покрывать при покрыть, увядать при увянуть; вслѣдствiе этого они и получили значенiе несовершеннаго вида. Ср. съ одной стороны несовершенный видъ въ сложенiяхъ, какъ забываю, подаю, покидаю при сложныхъ забуду, подамъ, покину; а съ другой совершенный видъ въ сложенiяхъ побываю, надаю, подѣваю, накидаю въ виду отсутствiя сложныхъ *надамъ, *подѣну и другого значенiя такихъ сложныхъ, какъ побуду, накину.

Въ-третьихъ, группа глаголовъ, обозначающихъ движенiе, какъ ходить, носить, водить, возить, летать, въ сложенiи съ предлогами сохраняютъ несовершенный видъ: отношу, заношу, завожу, привожу, перелетаю (но рядомъ съ совершеннымъ видомъ сложенiя, какъ поно-

шу ребенка по комнатѣ, слетаю въ городъ, схожу за нимъ). Сохраненіе несовершеннаго вида вызвано здѣсь тѣмъ, что сложенныя совершеннаго вида какъ отнести, завести, привезти, налетѣть получили при себѣ въ качествѣ несовершеннаго вида образованія какъ относить, заводить, привозить, налетать - и это въ виду существованія при нести, везти, веди, летѣть производныхъ основъ носить, возить, водить, летать. Появленіе совершеннаго вида въ указанныхъ выше поносить, слетать, сходить, объясняется тѣмъ, что сложенныя понести, слетѣть, сойти не ассоціировались съ ними по значенію. Поэтому: заносить платье совершеннаго вида (ибо нельзя занести платье), заводить кого до усталости совершеннаго вида (ибо завести имѣетъ другое значеніе). Сравнивая удареніе глаголовъ выносить, выводить, выходить, вывозить и глаголовъ выносить, выходить, вывозить видимъ, что въ несовершенномъ видѣ оно непервоначально, ибо по общему закону оно переносится на предлогъ вы; слѣдовательно, это удареніе явилось подъ вліяніемъ производныхъ съ удареніемъ на примѣтѣ -а; отсюда видно, что не только выходить и т.д., но и доходить, заводить, привозить со значеніемъ несовершеннаго вида надо разсматривать какъ новообразованія.

Въ-четвертыхъ, рядъ глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами, сохраняющихъ несовершенный видъ, оказывается заимствованнымъ изъ церковнославянскаго языка, гдѣ, какъ указано, были нарушены первоначальныя условія различенія видовъ вслѣдствіе неологизмовъ, новыхъ искусственныхъ образованій, нарождавшихся при переводѣ на слав. языкъ греческихъ глаголовъ. Ср. съ этимъ аналогичное явленіе въ русскомъ языкѣ, гдѣ глаголъ выглядѣть, образованный по образцу нѣмецкаго языка, сохраняетъ значеніе несовершеннаго вида. Церков-

нослав. глаголы этого рода или имѣютъ при себѣ простые безпредложные, или извѣстны только въ сложеніи съ предлогами. Къ первымъ относятся, напримѣръ: предвидѣть, провидѣть, подлежать, надлежитъ, принадлежать, прилежать, содержать, отстоять, предстоять, состоять, настоять, сожалѣть, поносить, (бранить) предчувствовать, сочувствовать, наслѣдовать, преслѣдовать, разумѣть, преобразуетъ. Ко вторымъ относятся, напримѣръ: зависѣть, извинить, заимствовать, завидовать, обожать, обуревать, ожидать, опасаться, осязаетъ, поборать, угрожать, поблажать, подобать, подозрѣвать, подражать, подразумѣвать, отрицать, порицать, созерцать, увѣщевать, управлять, упражнять, изобиловать, повиноваться, привѣтствовать, приличествовать и др.

Сказанное убѣждаетъ насъ въ томъ, что первоначально всѣ сложенные съ предлогами глаголы получали значеніе совершеннаго вида. Несовершенный видъ въ такихъ глаголахъ вызывался или необходимостью имѣть новообразованіе несовершеннаго вида при соотвѣтст. глаголѣ совершеннаго вида или искусственнымъ подражаніемъ другимъ языкамъ - греческому (въ церковнослав.), -нѣмецкому (глаголъ выглядѣть въ русскомъ).

Совершенно ясно, что указанное происхожденіе совершеннаго вида - путемъ сложенія глагола съ предлогомъ - ведетъ къ слѣдующему положенію: совершенный видъ образовался несамостоятельно, а путемъ противоположенія сложеннаго съ предлогомъ глагола простому, безпредложному. Когда въ рядѣ случаевъ (какъ несу - занесу, прошу - попрошу, курю - накурю и т.п.) возникло соотношеніе несовершеннаго вида съ совершеннымъ, такое же соотношеніе переносилось и въ другія случаи. А именно, во-первыхъ, сложенные съ

предлогами глаголы совершеннаго вида стали нуждаться въ соотвѣтствующихъ содержащихъ тѣ же предлоги (съ опредѣленнымъ реальнымъ значеніемъ), глаголахъ несовершеннаго вида; для образованія ихъ, какъ мы видѣли, прибѣгли къ производнымъ основамъ (занесу - заношу, упрошу - упрашиваю, закурю - закуриваю); во-вторыхъ, видовыя отношенія переносились и въ глаголы простые, безпредложные, при чемъ, подъ вліяніемъ аналогіи сложенныхъ съ предлогами, несовершен. видъ получали изъ сходныхъ по значенію, чередующихся между собой, основъ основы на -а, а значеніе совершеннаго вида основы на согласную или на -и въ инфинитивѣ (такъ явились: явить - являю, ступить - ступаю). Отмѣчу напримѣръ, что еще недавно кончиться употреблялось въ несовершенномъ видѣ; теперь это только совершенный видъ подъ вліяніемъ глагола кончаться. Также глаголъ рѣшить употреблялся въ несовершенномъ видѣ. Въ церковнославянскомъ языкѣ и въ образовавшемся подъ его вліяніемъ книжномъ русскомъ языкѣ два видовыя значенія стали различаться и въ нѣкоторыхъ единичныхъ глагольныхъ основахъ(крещу - крещу, дарую - дарую).

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что значеніе совершеннаго и несовершеннаго вида соотносительное. Вслѣдствіе этого при данномъ глаголѣ совершеннаго вида существуетъ обыкновенно соотвѣтствующій глаголъ несовершеннаго вида; глаголъ несовершеннаго вида обыкновенно имѣетъ при себѣ соотвѣт. глаголъ совершеннаго вида. Однако изъ обоихъ этихъ положеній имѣются исключенія.

При нѣкоторыхъ глаголахъ совершеннаго вида неизвѣстны соотв. образованія совершеннаго вида. Мы видѣли такіе глаголы среди безпредложныхъ. Сюда относятся: купить (несовершенный видъ при

немъ: покупать), хватить (въ значенiи ударить), сѣсть (несовершенный видъ садиться), лечь (несовершенный видъ ложиться), стать (въ значенiи сдѣлаться, несовершенный видъ становиться), вернуть (несовершенный видъ возвращать), бацнуть, ринуться, хлынуть, грянуть; далѣе сюда же относятся теперь: полонить, воротить, молвить, ранить (см. выше). - Среди глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами, не образуютъ совершеннаго вида рядъ глаголовъ на -ся, по значенiю своему ассоцiирующiеся непосредственно съ простыми безпредложными, такъ какъ предлоги въ этихъ глаголахъ не сохранили своего реальнаго значенiя (а мы знаемъ, что новообразованiя несовершеннаго вида возникаютъ только при тѣхъ сложенныхъ съ предлогами глаголахъ, въ которыхъ предлоги сохранили свое реальное значенiе); такъ находили совершенный видъ насидѣться, насмотрѣться, наглядѣться, накричаться, наспаться, наволноваться, належаться, докричаться, расплакаться, разговориться, featuреразнѣжиться, разъѣхаться (въ значенiи раскасться), разоспаться, развеселиться; они относятся къ несовершеннымъ: сидѣть, спать, веселиться. Кромѣ того находимъ: уснуть, укусить (при снать, кусать), уронить (при ронять), положить (при класть).

Укажу теперь на такiе глаголы несовершеннаго вида, которые не образуютъ при себѣ видъ совершенный. Сюда относятся, во-первыхъ, нѣкоторые несложные глаголы, какъ удить, силиться (усилиться ?) значить, книжный глаголъ долженствовать. Во-вторыхъ, рядъ сложныхъ глаголовъ церковнославянскаго происхожденiя: обожать, полагать, обуревать, ожидать, поблажать, и т.д. (см. перечень такихъ глаголовъ выше). Въ-третьихъ, глаголъ перекоряться. Въ четвертыхъ, нѣсколько глаголовъ на -ивать, какъ заискивать, от-

свѣчивать, отцвѣчивать, ухаживать, охорашиваться. Въ-пятыхъ, глаголы, обозначающіе дѣйствіе, сопровождающее другое дѣйствіе: приплясываю, подпѣваю, припѣваючи, присвистывать. Въ-шестыхъ, глаголы, обозначающіе дѣйствіе "сообщающееся разнымъ предметамъ и простирающееся по пространству" (опредѣленіе Востокова): разговариваю, разгуливаю, распѣваю, расхаживать.

Категорія залога.

Формами залога называются тѣ различныя произведенныя отъ одного и того же глагола образованія, въ которыхъ обозначаются различнаго рода отношенія дѣйствія или состоянія, выраженнаго глаголомъ, къ его субъекту. Такимъ образомъ подъ понятіе залога подходятъ тѣ формы, которыя можетъ принять тотъ или иной глаголъ для выраженія указанныхъ отношеній. Опредѣленіе залоговъ составляетъ предметъ морфологіи по стольку, по скольку при этомъ выясняются тѣ формальныя средства, къ которымъ для указанной цѣли прибѣгаетъ языкъ.

Въ русскомъ языкѣ существуетъ два формальные способа для выраженія различій въ отношеніяхъ дѣйствія или состоянія, выраженнаго глаголомъ, къ его субъекту: 1) въ причастіяхъ искони различались причастія, произведенныя отъ глаголовъ, обозначающихъ дѣйствіе или состояніе, проистекающее отъ самого субъекта (уважающій, убѣжавшій, принесшій, зеленѣющій), и причастія, произведенныя отъ глаголовъ, обозначающихъ дѣйствіе, переходящее съ другого (психологическаго) субъекта на субъектъ предиката (уважаемый, принесенный); первыя изъ этихъ причастій принадлежатъ къ дѣйствительному залогу, а вторыя къ страдательному; благодаря употребленію спрягаемыхъ формъ причастій страдательнаго залога для выраженія формъ

времени и наклоненія частью въ соединеніи съ вспомогательнымъ глаголомъ, частью самостоятельно, въ нашемъ языкѣ могутъ быть образованы напр. отъ глаголовъ уважать, принести формы страдательнаго залога: я уважаемъ, я былъ уважаемъ, онъ принесенъ, былъ, будетъ принесенъ, будь уважаемъ, былъ бы принесенъ, быть уважаемымъ, принесеннымъ; онѣ противополагаются формамъ: я уважаю, уважалъ, принесъ, принесу, уважай и т.д., которыя такимъ образомъ относятся къ дѣйствительному залогу. 2) Къ разнымъ глаголамъ, выражающимъ какъ дѣйствія, такъ и состоянія, можетъ присоединяться въ русскомъ языкѣ частица -ся (по происхожденію и по первоначальному значенію это возвратное мѣстоименіе 3-го лица); прибавленіе этой частицы вноситъ различія въ основное значеніе глагола и большая часть этихъ различій суть различія залоговыя, ибо ими вносится измѣненіе въ значеніе той связи между предикатомъ и субъектомъ, которая дана въ основномъ глаголѣ. Въ противоположность основнымъ глаголамъ безъ -ся, относящимся къ дѣйствительному залогу, глаголы на -ся можно опредѣлить, какъ глаголы недѣйствительнаго залога; но, имѣя въ виду, что одни изъ нихъ имѣютъ значеніе страдательнаго залога, а другіе такого значенія не имѣютъ, мы эти послѣдніе обозначимъ общимъ терминомъ - глаголы средняго залога.

Итакъ различаемъ въ русскомъ языкѣ слѣдующіе залоги:

I. Дѣйствительный, обозначающій дѣйствіе или состояніе, проистекающее отъ самого субъекта, производимое или осуществляемое имъ: нести, ходить, глохнуть, богатѣть. Формально этотъ залогъ отличается отъ средняго отсутствіемъ окончанія -ся въ произведенныхъ отъ соотвѣтствующаго глагола формахъ.

II. Страдательный, обозначающій дѣйствіе, переходящее на субъ-

ектъ предиката съ другого (психологическаго) субъекта. Къ страдательному залогу принадлежатъ причастія настоящаго времени на -мъ (-мый) и прошедшаго времени на -нъ (-нный) и -тъ (-тый). Спрягаемыя формы образуются: 1) спрягаемыми формами указанныхъ причастій, при чемъ отчасти при помощи вспомогательныхъ глаголовъ могутъ быть выражены всѣ тѣ глагольныя категоріи, которыя выражаются и дѣйствительнымъ залогомъ: я любим, ты разорён, онъ будетъ убит, они были бы позваны, будь любим (повелительное наклоненіе вообще рѣдко въ подобныхъ образованіяхъ); 2) посредствомъ присоединенія частицы -ся къ формамъ глаголовъ съ переходнымъ значеніемъ; наст. время: эта пѣсня распѣвается нами, прошед. вр. книги мною не продавались и не покупались, комната отпиралась подобраннымъ ключомъ, сослагат. наклоненіе: такіе продукты вывозились бы на рынокъ, если бы... буд. вр: этотъ человѣкъ будетъ вами цѣниться, прич.: предполагающаяся нами постройка, привозившіеся окрестными торговцами товары; повелительное наклоненіе такимъ способомъ не образуется; это зависитъ отъ того, что вообще формы на -ся употребляются только въ 3-л. ед. и множ. числа; для выраженія 1 и 2 лица прибѣгаютъ къ первому способу образованія страдательнаго залога. Отъ глаголовъ совершеннаго вида можетъ быть образовано вообще только будущее время, но ни прошедшее время (нельзя сказать: эти дѣти полюбились нами, а въ выраженіи полюбились намъ, полюбились не страдательный, а средній залогъ), ни также причастіе настоящаго и прошедшаго времени: скатерть зальется чернилами (но не залилась чернилами, а только была залита чернилами и не зальющаяся или залившаяся чернилами.

III. Средній залогъ, обозначающій, что дѣйствіе или состояніе,

выраженное глаголомъ дѣйствительнаго залога, подверглись тому или иному измѣненію въ отношеніи его къ субъекту, при чемъ это измѣненіе внесено въ него частицей -ся: моется, чешется, она одѣлась, они бранятся, ссорились, онъ учится, интересуется, снѣгъ бѣлѣется, онъ плакался, стучался. На значеніяхъ вносимыхъ въ дѣйствіе или состояніе глагола, мы остановимся ниже.

Частица -ся способствовала сохраненію въ глаголахъ средняго залога нѣкоторыхъ формъ, исчезнувшихъ въ глаголахъ дѣйствительнаго залога; такъ въ глаголахъ на -ить дѣепричастіе совершеннаго вида на -я исчезаетъ, но въ глаголахъ на -иться сохраняется -ясь (простивъ его проступокъ; но простясь съ нимъ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ средній залогъ не можетъ быть образованъ одной частицей -ся, а только одновременною приставкою предлога. Сюда относятся глаголы, какъ выспаться, наговориться, расплакаться, насидѣться и т.п., обозначающій полноту дѣйствія и вызванную ею удовлетворенность субъекта.

Не всѣ глагола на -ся принадлежатъ къ глаголамъ средняго залога; при многихъ изъ нихъ нѣтъ соотвѣтствующихъ глаголовъ дѣйствительнаго залога, при чемъ, слѣдовательно, частица -ся не отдѣлима отъ этихъ глаголовъ: бояться, смѣяться, побираться, толпиться, осунуться, разстаться, разъѣсться, належаться, напиться, дозваться. Въ этихъ глаголахъ такимъ образомъ нѣтъ формы залога. Отсюда слѣдуетъ, что русскіе глаголы распадаются на два класса: 1) глаголы обозначающіе залоговыя различія, 2) глаголы, такого различія не обозначающія; въ этомъ послѣднемъ классѣ одни имѣютъ ту же форму, что дѣйствительный залогъ, но не могутъ соединяться съ частицей -ся: идти, долженствовать

телеграфировать, возненавидѣть, вознегодовать; а другіе ту же форму, что глаголы средняго залога, но не могутъ быть отдѣлены отъ частицы -ся: бояться, взгромоздиться. Эти послѣдніе глаголы можно обозначить терминомъ отложительные.

Прочія значенія глагольныхъ основъ.

Въ предыдущихъ отдѣлахъ мы имѣли дѣло съ двумя категоріями значеній глагольныхъ основъ: видовыми и залоговыми. Кромѣ этихъ значеній необходимо имѣть въ виду еще нѣкоторыя другія грамматическія значенія, частью совершенно независимыя отъ разсмотрѣнныхъ, частью однородныя съ ними. Остановлюсь на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

I. Глаголы могутъ имѣть или переходное значеніе или непереходное. Переходными глаголами называются тѣ, которые выражаютъ дѣйствіе переходящее съ субъекта дѣйствія на объектъ: онъ ѣстъ грушу, она рвала цвѣты, они принесли письма. Непереходными называются остальные глаголы. Переходные глаголы это тѣ, которые могутъ имѣть за собой прямое дополненіе въ винительномъ падежѣ. Грамматически переходные глаголы отличаются отъ непереходныхъ тѣмъ, что могутъ образовывать причастія страдательнаго залога, а соединяясь съ -ся давать формы страдательнаго залога: книга читается, читана. Глаголы переходные всѣ принадлежатъ дѣйствительному залогу; между тѣмъ непереходные могутъ быть какъ стоящими внѣ залога, такъ и дѣйствительнаго залога и средняго (ходить, торговаться); слѣдовательно, глаголы на -ся не могутъ имѣть переходнаго значенія, а только непереходное.

II. Глаголы несовершеннаго вида обозначаютъ вообще дѣйствіе или состояніе продолжающееся въ настоящемъ или продолжавшееся въ прошедшемъ. Теченіе такого дѣйствія можетъ быть различное. Оно можетъ быть непрерывнымъ, не разлагающимся на отдѣльные моменты: говорю, веселюсь, завидую, плету, тону, сижу, просматриваю, съѣдаю, и т.п.; это значеніе назовемъ длительнымъ. Теченіе дѣйствія можетъ быть непрерывнымъ, но при этомъ указывающимъ на отдѣльные неопредѣленные моменты: онъ носитъ ребенка взадъ и. впередъ, онъ ежедневно носитъ намъ булки, онъ ходитъ по комнатѣ, птица летаетъ (т.е. имѣетъ свойство летать, или летаетъ въ опредѣленномъ пространствѣ, но не въ опредѣленномъ направленіи; онъ ужъ ходитъ означаетъ, что онъ можетъ ходить и двигается въ разныхъ направленіяхъ, онъ ходитъ по комнатѣ означаетъ, что двигается по комнатѣ въ разныхъ направленіяхъ, быть можетъ временами и останавливаясь и прерывая движеніе; онъ ѣздитъ по этой дорогѣ, не теперь, не сейчасъ, а въ разное время).

Такое значеніе, свойственное глаголамъ движенія (гонять, летать, бѣгать, ползать, лазить, плавать, ѣздить, ходить, возить, косить, водить, бродить, таскать, катать), назовемъ неопредѣленно-моторнымъ. Ему противополагается такое значеніе тѣхъ же глаголовъ движенія, которыми обозначается, что оно протекаетъ въ томъ или иномъ опредѣленномъ направленіи и при томъ въ опредѣленный, данный моментъ: онъ несетъ мнѣ письмо, онъ везъ (т.е. въ то время онъ везъ всю сумму денегъ) онъ ѣхалъ (т.е. именно тогда) не одинъ (онъ ѣздилъ не одинъ, но въ этотъ разъ ѣхалъ безъ обычнаго своего проводника). Значеніе глаголовъ летѣть, плыть, ѣхать, бѣ-

жать, гнать, брести, катить, тащить, идти, вести, нести, везти назовемъ определенно-моторнымъ. Замѣтимъ, что определенные глаголы движенія соотносительны съ неопредѣленными: опредѣленность ихъ значенія зависитъ отъ наличности при нихъ глаголовъ со значеніемъ неопредѣленнымъ. Эта соотносительность особенно ярко обнаруживается изъ того, что нѣкоторые сложенные съ предлогами опредѣленные глаголы (получающіе при этомъ значеніе совершеннаго вида) образуютъ при себѣ соотвѣт. глаголы несовершеннаго вида отъ основы неопредѣленныхъ глаголовъ: довести - довозить, приходить - придти, улетѣть - улетать (но -ѣхать, образуетъ несовершенный видъ отъ производной основы - ѣзжать, бѣжать отъ производной основы бѣга́ть, ползти отъ полза́ть, лѣзть отъ лѣза́ть, -плыть отъ производной основы плывать). Это обстоятельство, какъ мы уже видѣли, было причиной того, что соединеніе неопредѣленно-моторныхъ съ предлогами не измѣняетъ ихъ несовершеннаго вида въ совершенный; основы неопредѣленно-моторныя замѣнили ожидаемыя по общему правилу основы производныя. Въ связи съ этимъ отмѣтимъ, что соединеніе ихъ съ такими предлогами, съ которыми не сочетаются опредѣленно-моторныя основы, влечетъ за собой переходъ ихъ несовершеннаго вида въ видъ совершенный; напр. предлогъ по въ соединеніи съ опредѣленно-моторными означаетъ начало дѣйствія, выраженнаго несложеннымъ глаголомъ: понести - нести; между тѣмъ тотъ же предлогъ въ соединеніи съ неопредѣленно-моторными означаетъ прекращеніе непрерывнаго дѣйствія, прекращеніе длительности глагола: поношу ребенка - ношу ребенка; вслѣдствіе этого понести и поносить не соотносительны между собой; понести совершенный видъ при нести, а поносить совершенный видъ при

носить. Равнымъ образомъ предлогъ за въ заѣздить, забѣгать, завозить, заводить, заплевать не сохранилъ того реальнаго значенія, которое имѣется напр. въ заѣхать, забѣжать, завезти завести; вслѣдствіе этого они, будучи соверш. вида, ассоціируются съ ѣздить, бѣгать, возить, водить, плавать, какъ съ глаголами несоверш. вида, между тѣмъ какъ заѣхать, забѣжать. вызываютъ при себѣ новообразованія заѣзжать, забѣгать, а завезти, завести - завозить, заводить въ значеніи несоверш. вида. Отмѣчу еще одно формальное отличіе опредѣленно-моторныхъ какъ отъ неопредѣленно-моторныхъ, такъ и вообще отъ длительныхъ: они для обозначенія 1л. мн. повел. наклоненія могутъ употребляться (такъ глаголы соверш. вида) въ формѣ 1л. мн. наст. вр., изъявит. наклоненія: несём, ѣдемъ, идёмъ. Кромѣ того 1л. ед. ч. этихъ глаголовъ можетъ получить значеніе будущаго времени: иду, ѣду, лечу, бѣгу, несу.

Глаголы, обозначающіе дѣйствіе или состояніе, повторяющееся въ настоящемъ или повторявшееся не разъ въ прошедшемъ опредѣляемъ въ ихъ значеніи какъ глаголы многократные онъ къ намъ хаживаетъ, владыка говаривалъ, что..., я его не видывалъ, ихъ здѣсь отроду не нашивали, онъ видывалъ и не такіе виды. Всѣ такіе глаголы производятся отъ производныхъ основъ на - ива, - ыва, - ва, рѣже - ja, - а, возникающихъ при основахъ длительныхъ или неопредѣленно-моторныхъ: пѣть - пѣвать, ходить - хаживать, гостить - гащивать, стоять - стаивать, платить - плачивать, кутить - кучивать, пить - пивать, ѣздить - ѣзжать, ѣсть - ѣдать. Въ виду этого ясно, что многократные вообще представляютъ несложенную съ предлогами

основу, ибо сложенныя съ предлогами основы вообще имѣютъ значеніе длительно-производное; впрочемъ отъ сложенныхъ съ предлогами глаголовъ неопредѣленно-моторныхъ можетъ быть также произведенъ соотв. многократный глаголъ: заходить - захаживать, заносить - занашивать (онъ частенько занашиваетъ къ намъ письма, въ выраженіи онъ занашиваетъ свое платье глаголъ имѣетъ значеніе длительно-производное, ибо при этомъ имѣется въ соверш. видѣ: онъ заноситъ свое платье). Вообще же многократныя основы, соединяясь съ предлогами, получаютъ значеніе длительно-комитативныхъ: пѣвать - припѣвать; длительно-дистрибутивныхъ: говаривать - разговаривать; длительно-прерывистыхъ: хаживать-похаживать, или вообще длительно-производныхъ: пѣвать - напѣвать, распѣвать; каливать-накаливать; шучивать-вышучивать. Впрочемъ здѣсь, какъ и въ случаяхъ принести-приносить, имѣемъ собственно дѣло не со сложеніемъ многокр. основъ съ предлогами, а съ совпаденіемъ новыхъ производныхъ основъ со старыми производными основами, бывшими извѣстными внѣ сложеній. Многокр. глаголы имѣютъ чрезвычайно ограниченное употребленіе; въ совр. яз. они извѣстны почти только въ прош. вр.; исключеніе составляетъ глаголъ хаживаю, захаживаю, повел. захаживайте; неопр. захаживать; не употребляются также причастія настоящаго времени и дѣепричастія.

Глаголы несовершеннаго вида, произведенные отъ соотв. глаголовъ совершеннаго вида, сложенныхъ съ предлогами, имѣютъ значеніе длительное; ассоціація ихъ съ глаголами совершеннаго вида вноситъ однако извѣстный оттѣнокъ въ ихъ значеніе (значеніе

интенсивной длительности): наливать, накашивать, направлять, закусывать. Опредѣляемъ эти глаголы какъ длительно-производные. Глаголы, означающіе дѣйствіе, сопровождающее другое дѣйствіе, сложенные съ предлогами при и подъ, но не имѣющіе при себѣ соотвѣтствующаго совершеннаго вида, опредѣляемъ какъ глаголы длительно-комитативные: приплясывать, припѣваючи, присвистываючи. Глаголы сложенные съ предлогомъ разъ и обозначающіе дѣйствіе,"сообщающееся разнымъ предметамъ и простирающееся по пространству"(Востоковъ), но не имѣющіе при себѣ собственнаго совершеннаго вида, опредѣляемъ какъ глаголы длительно-дистрибутивные: разговариваю, расхаживаю, распѣваю.

Глаголы, обозначающіе дѣйствіе или состояніе"учащаемое или перемежающееся"(Востоковъ), и сложенные съ предлогомъ по, опредѣляемъ какъ глаголы длительно-прерывистые (Фортунатовъ: прерывисто-кратные): посиживаю, они подумываютъ, онъ побаливаетъ,покашливаетъ, понашиваетъ.

Отмѣчу, что между опредѣленно-моторными и неопредѣленно-моторными существуетъ отношеніе,сходное съ тѣмъ, которое имтется между длительными и многократными. Такъ послѣ отрицанія -не опредѣленно-моторные глаголы замѣняются неопредѣленно-моторными; мы говоримъ: я не носилъ, я не ходилъ сегодня въ школу (между тѣмъ: я иду сегодня въ школу, а не хожу); равнымъ образомъ послѣ отрицанія особенно часта замѣна длительныхъ многократными: я не нашивалъ, не видывалъ, вмѣсто я никогда не носилъ, никогда не видѣлъ.

III. Глаголы совершеннаго вида представляютъ два основныхъ значенія: 1) результативное: его имѣютъ почти всѣ глаголы со-

вершеннаго вида, 2) детерминативное (терминъ Ульянова): оно принадлежитъ сложеніямъ глаголовъ длительныхъ съ предлогомъ по: посидѣть, поплачить, детерминативное значеніе ограничиваетъ или прекращаетъ длительное значеніе, данное въ простомъ глаголѣ. Въ результативныхъ глаголахъ выдѣляются слѣдующія двѣ группы: группа результативныхъ, имѣющихъ при себѣ соотвѣтствующій глаголъ въ несовершенномъ видѣ, какъ ступить - ступаю, принести - приносить, выхвалить - выхвалять; группа результативныхъ (а именно сложенныхъ съ предлогами) имѣющихъ при себѣ въ несовершенномъ видѣ другой глаголъ (несложенный съ предлогами). Этотъ видъ результативныхъ: понести - нести, закричать - кричать представляется болѣе первоначальнымъ, чѣмъ второй видъ; мы назовемъ его поэтому, вслѣдъ за Ульяновымъ и Фортунатовымъ, результативнымъ 1-го вида; результативность вносится, очевидно, предлогомъ, вошедшимъ въ сложеніе, при чемъ предлогъ не вноситъ въ глаголъ новаго реальнаго значенія, указывая только на начало, конецъ или полноту его проявленія; такъ начало указывается предлогами за, по: заговорить (т.е. начать говорить; рядомъ заговорить кого нибудь представляетъ результативность 2-го вида, ср. заговаривать), понести, закричать, забить тревогу, полетѣть; конецъ дѣйствія предлогами отъ: оттанцовать, отсидѣть, отстоять (но отстоять извѣстно и какъ результативность 2-го вида, ср. отстаивать); полноту проявленія дѣйствія вносятъ напр. предлоги на, съ, про, вы, из, раз: нападать, покормить, написать, сдѣлать, снести, съѣздить, слетать, сварить, сконфузить, прогремѣть, проѣздить (весь день), прослабить, прозвучать, высѣчь, выругать, выкупать, испачкать, испугать, испортить, исковеркать, истолочь, разбудить, разбогатѣть, разгромить, развеселить. Ре-

зультативные 2-го вида, какъ указано, отличаются отъ результативныхъ 1-го вида тѣмъ, что имѣютъ при себѣ соотв. глаголъ несовершеннаго вида, тождественный съ нимъ по значенію: ступать - ступаю, залить - заливать; предлоги въ сложенныхъ глаголахъ этого вида вносятъ въ значеніе глагола особый реальный оттѣнокъ, и потому не ассоціируясь съ простымъ, безпредложнымъ глаголомъ, образуютъ при себѣ соотв. глаголъ въ несовершенномъ видѣ: просить - выпросить - выпрашивать; лить - вылить - выливать; лить- полить цвѣты - поливать цвѣты.

Къ результативнымъ значеніямъ относится и то значеніе, которое опредѣляется, какъ однократное или моментальное: оно указываетъ на то, что результатъ совершился или совершится въ одинъ изъ моментовъ того дѣйствія, которое выражается соотвѣтствующимъ длительнымъ глаголомъ несовершеннаго вида. Сюда относятся глаголы бросить, хватить, (ср. бросать, хватать), а также большая часть глаголовъ на - нуть, напр. крикнуть, дрогнуть, ахнуть. Это все несложенные съ предлогами глаголы. Въ сложеніи съ предлогомъ они удерживаютъ свое однократное значеніе вздрогнуть, вскрикнуть.

Относительно детерминативныхъ надо замѣтить, что они образуются въ результатѣ соединенія по съ глаголами длительнаго значенія. Въ соединеніи по съ опредѣленно-моторными не получается детерминативныхъ: понести значитъ начать нести. Детерминативные въ противоположность результативнымъ не вносятъ въ повелительное наклоненіе съ отрицаніемъ предостерегательнаго значенія: смотри не донеси, смотри не повѣнчай, но нельзя сказать смотри не поиграй, не полѣчи, не помолись

IV. Различеніе реальныхъ значеній глагола, связанныхъ съ его переходностью и непереходностью, не находитъ себѣ формальнаго выраженія ни въ словообразованіи, ни въ грамматическихъ формахъ. Впрочемъ, какъ указано выше, переходные глаголы, требующіе за собой винит. падежъ объекта, не могутъ оканчиваться на -ся и въ противоположность другимъ глаголамъ образуютъ формы причастій страдательнаго залога. Замѣчу еще, что переходные глаголы не имѣются въ томъ классѣ глаголовъ, которые оканчиваются въ основѣ инфинитива на ѣ, а въ основѣ настоящаго времени на -ѣje; равнымъ образомъ нѣтъ переходныхъ глаголовъ и въ томъ классѣ глаголовъ, которые въ основѣ инфинитива оканчиваются на -ну, а прошедшее время образуютъ отъ основы на согласную, предшествующую этому -ну. Оба эти класса содержатъ глаголы, обозначающіе подвижное состояніе предмета: богатѣть, толстѣть, краснѣть, желтѣть и т.д., т.е. становиться богатымъ, толстымъ, краснымъ. Сюда же такіе глаголы, какъ дорожать, крѣпчать, мельчать, гдѣ а вмѣсто ѣ послѣ смягченной согласной. Глохнуть (глохъ), пухнуть (пухъ), гаснуть (гасъ), чахнуть (чахъ) стынуть (стылъ), Такіе глаголы мы будемъ называть глаголами подвижнаго состоянія.

V. Среднимъ залогомъ, какъ указано выше, обозначаемъ ту форму глаголовъ, которая содержитъ частицу -ся, видоизмѣнившую значеніе соотвѣтствующаго простого глагола, образованнаго безъ этой частицы; простому глаголу присваивается такимъ образомъ особое залоговое значеніе дѣйствительное. Глаголы средняго залога распадаются на нѣсколько классовъ по своему формальному значенію, при чемъ классы эти частью отражаютъ различія, замѣчаемыя въ глаголахъ дѣйствительнаго залога. Основное различіе между глаголами средняго зало-

га зависитъ отъ того, произведены ли они отъ переходныхъ или отъ непереходныхъ глаголовъ. Присоединяясь къ глаголу переходному, частица - ся видоизмѣняетъ основное свойство такого глагола, способность переносить его дѣйствіе на объектъ; но результаты такого видоизмѣненія могутъ быть весьма разнообразны; вмѣстѣ съ тѣмъ они сводятся къ тому, что переходное значеніе замѣняется непереходнымъ, или пользуясь употребительнымъ въ данномъ случаѣ терминомъ, возвратнымъ. Присоединяясь къ глаголамъ непереходнымъ частица - ся усиливаетъ значеніе этого глагола: мы опредѣлимъ его терминомъ: усилительно-опредѣлительное значеніе.

Возвратное значеніе глаголовъ средняго залога распадается на слѣдующіе оттѣнки: а/возвратно-непереходное значеніе, когда дѣйствіе субъекта только обнаруживается, но не переходитъ ни на объектъ ни на субъектъ: собака кусается (ср. собака кусаетъ прохожихъ), крапива жжется (ср. крапива жжетъ мнѣ руки), быкъ бодается, народъ строится, ты понапрасну тратишься, она цѣлый день убирается, онъ просится въ городъ, онъ бранится, онъ обѣщается придти; б/ возвратно-переходное значеніе, когда дѣйствіе субъекта переходитъ на него же, захватывая или часть его (напр. внѣшность) или его всего, выдвигая его, выставляя его опредѣленнымъ образомъ: онъ моется, я чешусь, ты купаешься, она одѣвается, завивается, румянится - онъ защищается, бросается, кидается, крадется, лошадь плетется, упирается, онъ носится съ мыслью, превозносится, онъ собирается, готовится, направляется, берется, забывается, занимается, присоединяется, твое отсутствіе кидается въ глаза. Глаголы возвратно-переходнаго значенія въ рядѣ случаевъ совпадаютъ по формѣ съ глаголами страдательнаго зало-

га: ср. онъ моется и шерсть моется, онъ готовится и урокъ готовится, я направляюсь и выстрѣлъ направляется; но въ формѣ прош. времени соверш. вида совпаденія нѣтъ; ср. возвратно-переходные: она одѣлась, вымылась, бросилась; страдат.: она была одѣта, была вымыта, была брошена; в/ возвратно-взаимное, когда дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ субъектовъ переходитъ взаимно съ одного на другой или когда дѣйствіе субъекта и объекта взаимно переносится другъ на друга: они познакомились, онъ встрѣтился съ нимъ, онъ видѣлся съ ними, они бранились, ссорились, торговались. Формально глаголы съ этимъ значеніемъ отличаются отъ глаголовъ возвратно-переходныхъ тѣмъ, что по формѣ не совпадаютъ съ страдательнымъ залогомъ на - ся; г/ возвратно-общее, когда дѣйствіе предмета видоизмѣняетъ внутреннее состояніе субъекта: радоваться, печалиться, горячиться, веселиться, влюбиться, сердиться, учиться, заботиться, бѣситься, томиться, хвалиться, обидѣться, баловаться, интересоваться, любоваться, рѣшаться, топиться. Формально и эти глаголы отличаются отъ возвратно-переходныхъ тѣмъ, что не совпадаютъ по формѣ со страд. залогомъ на - ся.

Усилительно-опредѣлительное значеніе глаголовъ средняго залога развиваетъ изъ себя слѣдующіе два оттѣнка: а/ усилительное, когда дѣйствіе субъекта совершается въ его интересахъ: плакаться хвастаться, случаться, звониться; б/ опредѣлительное, когда состояніе субъекта ограничивается однимъ опредѣленнымъ моментомъ или опредѣленными условіями: снѣгъ бѣлѣется, что-то чернѣется, вишня краснѣется на деревѣ (ср. бѣлѣетъ парусъ: продолжительное время, уже давно; вишня краснѣетъ въ значеніи становится красною); сюда же загораться загорѣться. Какъ указано выше, глаголы съ этимъ зна-

ченіемъ производятся отъ глаголовъ непереходныхъ, и въ этомъ ихъ отличіе отъ глаголовъ возвратныхъ, которые всѣ произведены отъ глаголовъ переходныхъ.

VI. Отложительными глаголами, какъ указано, называемъ всѣ тѣ глаголы на - ся, которые не имѣютъ при себѣ простыхъ глаголовъ и въ которыхъ, слѣдовательно, частица - ся не вноситъ значенія залога. По значенію своему отложительные глаголы близко совпадаютъ съ глаголами средняго залога, при чемъ и здѣсь наблюдаются тѣ самые оттѣнки, которые мы только что разсмотрѣли. Такъ отложительные мчаться, побираться, толпиться, осунуться, взгромоздиться имѣютъ значеніе, совпадающее со значеніемъ возвратно-переходнымъ; бояться, улыбаться, поститься, чваниться, каяться, надѣяться ср. со значеніемъ возвратно-общимъ; бороться, расходиться, разстаться, ср. со значеніемъ возвратно-взаимнымъ. Сходство значеній отложительныхъ глаголовъ и глаголовъ средняго залога зависѣло во многихъ случаяхъ отъ перехода глаголовъ средняго залога въ отложительные благодаря утратѣ соотвѣтствующаго глагола дѣйствительнаго залога.

Особенный классъ отложительныхъ глаголовъ составляютъ тѣ сложенные съ предлогами глаголы, которые имѣютъ при себѣ простые безпредложные глаголы не на -ся. Глаголы эти можно было бы отнести къ глаголамъ средняго залога только въ томъ случаѣ, если бы при нихъ являлись простые сложенные съ предлогами. Значеніе ихъ по сравненію съ наличными простыми глаголами усилительно-опредѣлительное, при чемъ, слѣдовательно, такое значеніе вносится, во-первыхъ, частицей -ся, во-вторыхъ, предлогомъ; такъ при пить, кричать, звать, ждать, будить и т.д. находимъ напиться, на-

кричаться, докричаться, дозваться, добудиться; при плакать, говорить, спать и др. расплакаться, разговориться, разоспаться; при ѣсть, сидѣть, лежать: насидѣться, разъѣсться, належаться. При плыть находимъ расплыться и далѣе несовершенный видъ расплываться, при бѣжать - разбѣжаться и далѣе несовершенный видъ разбѣгаться. Оставляя въ сторонѣ послѣдніе глаголы, видимъ, что въ приведенныхъ выше (какъ добудиться и т.д.) одновременно внесены двѣ категоріи: категорія вида (совершеннаго) и залога (средняго).

VII. Частица -ся, присоединяясь къ глаголамъ переходнымъ, дѣлаетъ ихъ, какъ мы видѣли, или безобъектными (непереходными), или превращаетъ въ объектъ самый субъектъ дѣйствія. Замѣчательно, что та же частица, присоединяясь къ формѣ 3 л. ед. числа, глаголовъ дѣйствительнаго залога, превращаетъ ихъ въ глаголы безсубъектные безличные. Можно при этомъ различать слѣдующіе два случая: въ одномъ изъ нихъ, частица -ся присоединяется къ глаголамъ, имѣющимъ въ дѣйствительномъ залогѣ переходное значеніе; въ этомъ случаѣ безличный глаголъ не трудно было вывести изъ страдательнаго залога, при чемъ безличною формою становится 3-л. ед. числа страдательнаго залога за опущеніемъ грамматическаго субъекта: думается, предполагается, здѣсь упоминалось; возможно однако, что безличность вызывалась просто самой частицей -ся: ѣстся сытно, торгуется хорошо, какъ здѣсь говорится, ему не терпится, ему неймется, не работается. Въ другомъ случаѣ частица -ся присоединяется къ глаголамъ, имѣющимъ въ дѣйствительномъ залогѣ непереходное значеніе; здѣсь исключена возможность какого либо другого объясненія, кромѣ того, что безсубъектность внесена частицей --ся: ему сладко спится, не сидится, икается, хочется, хорошо жи-

вется, ей не можется, ему не приходится, не пришлось, ему достанется. Замѣчательно, что исконно безсубъектные глаголы являются въ дѣйствительномъ залогѣ (морозитъ, гремитъ, меня тошнитъ); но новые безсубъектные, при которыхъ извѣстны исконно личные глаголы, образуются посредствомъ -ся. Такимъ образомъ въ языкѣ выработалась категорія личности и безличности: личный глаголъ можетъ быть превращенъ формальнымъ способомъ въ безличный. Всѣ эти безсубъектные глаголы относятся къ среднему залогу.

Неспрягаемыя глагольныя формы.

Сюда относятся: инфинитивъ, причастія и дѣепричастія.

I. Инфинитивъ по своему происхожденію представляется именною глагольною формой. Въ русскомъ языкѣ инфинитивъ замѣнилъ и достигательное наклоненіе, оканчивавшееся въ общеславянскомъ праязыкѣ на -тъ и употреблявшееся въ древнерусскомъ языкѣ. Окончаніями инфинитива являются -ти и т́; т́ замѣнило болѣе древнее -ти съ и полукраткимъ въ неударяемомъ положеніи. Вслѣдствіе этого въ современномъ языкѣ ти является только тогда, когда удареніе падаетъ на и: нести́, пасти́, трясти́, сойти́, но дать, взять, играть, ходить. Рядомъ съ окончаніемъ -ти иногда отъ тѣхъ же глаголовъ употребляется и т́: ср. отнести и отнест́, понести и понест́, впрочемъ, послѣднія формы мало употребительны въ литературномъ языкѣ. Въ вынести, вымести, выйти, вытрясти, вывести сохраняется конечное и неударяемое подъ вліяніемъ несложныхъ: нести, мести и т.п. Въ основахъ на согласную вмѣсто ти, т́ является ч́, когда основа оканчивается на задненёбную согласную: сѣчь, мочь, стричь, течь, лечь, жечь. Основа -греб - оканчивается въ инфинитивѣ на -сти: грести. Зубныя д, т переходятъ передъ ти, т́ въ с: вести, мести́, красть.-Ин-

финитивъ весьма рѣдко встрѣчается отъ глаголовъ многократныхъ; хаживать, захаживать представляются исключеніями. -Какъ указано, инфинитивъ можетъ при особенно сильномъ на немъ удареніи получать значеніе повелительнаго наклоненія, но далеко не отъ всѣхъ глаголовъ, ср. молчать, сидѣть, лежать, замолчать, перестать, встать, отвѣчать. Широкое употребленіе имѣетъ инфинитивъ въ сложной формѣ будущаго времени, при чемъ однако, какъ мы знаемъ, въ этой формѣ извѣстенъ инфинитивъ только отъ глаголовъ несовершеннаго вида: я буду лежать, говорить, разговаривать, захаживать, хаживать.

II. Причастія настоящаго времени нестрадательнаго залога принадлежатъ всѣ къ неспрягаем. глагольнымъ формамъ; но они измѣняются по родамъ, и по падежамъ (склоняются). По происхожденію своему, какъ видно изъ звуковаго состава ихъ суффикса, всѣ эти причастія не русскія, они заимствованы въ русскій языкъ изъ церковнославянскаго. Суффиксомъ является звукъ щ (-ащ- и -ущ-). Причастія употребляются только въ формахъ сложнаго, мѣстоименнаго склоненія. Глаголы средняго залога, а также отложительные глаголы образуютъ также это причастіе. Примѣры: несущій, горящій, пылающій, отказывающійся, веселящійся, ѣдущій, борющійся, носящій и т.д. Замѣчательно, что -ся никогда не замѣняется въ причастіи черезъ -с' (въ неударномъ положеніи). Не образуютъ причастія на -ущ-, -ащ - глаголы совершеннаго вида; послѣдующій явилось подъ вліяніемъ слѣдующій. Не образуютъ его также многократные глаголы, за исключеніемъ хаживающій, захаживающій. Склоненіе причастія настоящаго времени разсмотрѣно выше въ отдѣлѣ, посвященномъ сложному склоненію. - Какъ увидимъ

именныя формы причастія настоящаго времени получили значеніе дѣепричастія.

Отъ причастій на -ущ-,-ащ-церковнославянскихъ по своему происхожденію, должны быть отдѣлены прилагательныя на -уч, ач: по происхожденію своему это русскія причастныя образованія: живучій, могучій, тягучій, висячій, горячій, сидячій, лежачій, стоячій,ср. еще прилагательныя на -уч-отъ глагольныхъ основъ, которыя по правилу должны были бы образовать прилагательныя на -ач-или -аюч-вонючій, линючій, горючій, трескучій, плакучій. Такія прилагательныя извѣстны и въ краткой формѣ: горячъ, живуча.

Причастія прошедшаго времени не страдательнаго залога образуются отъ основы инфинитива; къ окончанію его на согласную присоединяется -ш-,а къ окончанію на гласную -вш-.Такъ съ одной стороны: несшій, ведшій, увезшій, несшійся, нашедшій (основу шед - неизвѣстную теперь въ инфинитивѣ ср. въ прошедшемъ времени шел, шла); съ другой стороны: бывшій, говорившееся, тонувшій, говорившій, давшій, проклявшій, рѣзавшій. Нѣкоторыя основы на зубную согласную (по правилу выпавшую передъ л въ прошедшемъ времени) образуютъ причастія прошедшаго времени не на -ш-,а на -вш-напр. сѣвшій, съѣвшій, укравшій, павшій (падшій употребляется уже какъ прилагательное), кравшій. Въ виду очевиднаго церковнославянскаго происхожденія причастій настоящаго времени на -ущ-, -ащ-можно думать, что такого же происхожденія и причастія прошедшаго времени. Это причастіе не образуется вообще отъ глаголовъ многократныхъ, за исключеніемъ хаживавшій, захаживавшій. Краткія (именныя)формы этихъ причастій употребляются,какъ уви-

димъ, въ значенiи дѣепричастiя.

Причастiя настоящаго времени страдательнаго залога образуются отъ основы настоящаго времени посредствомъ суффикса -м-: ведомый, несомый, творимый, уважаемый, направляемый, видимый. Повидимому, всѣ такiя причастiя церковнославянскаго происхожденiя; этимъ объясняется ихъ рѣдкость. Чаще всего они образуются отъ основъ на -а. Ср. рядъ прилагательныхъ на -мый, образованныхъ отъ глагольныхъ основъ, по происхожденiю своему причастiй: зависимый, непроходимый, недостижимый, неуловимый, неукротимый, (и т.п. сложныя съ -не), терпимый, любимый. Краткiя формы такихъ причастiй (а также прилагательныхъ) спрягаются, соединяясь съ личными мѣстоименiями и вспомогательными глаголами: онъ направляемъ онъ былъ видимъ всѣми и т.д. Въ соединенiи съ быть въ старомъ языкѣ употреблялась форма дательнаго падежа съ именнымъ окончанiемъ у (для выраженiя инфинитивъ страдательнаго залога) быть любиму, уважаему. Теперь такая форма окончательно вытѣснена и изъ литературнаго языка. Понятно, что причастiе на -мый (-м) образуется только отъ основъ несовершеннаго вида, такъ какъ основы совершеннаго вида утратили значенiе настоящаго времени.

Причастiя прошедшаго времени страдательнаго залога по общему правилу образуются отъ основы инфинитива; суффиксами являются -н- и -т; суффиксъ -н- присоединяется къ основѣ инфинитива при помощи соединительной гласной е, когда основа оканчивается на согласную или на i (i̯). Суффиксъ -н- употребляется для образованiя причастiй, во-первыхъ, отъ основы на согласную: погребен-, занесен-, запряжен-, остриж ен-, погребен-, прочтен-; во-вторыхъ, отъ основъ производныхъ на i (i̯): прославлен-, учен-, говорен-, удалён-; въ-треть-

ихъ, отъ основъ на -а: дан- продан- узнан- воспитан- отрѣзан- выстрадан- убран- замаран- вымазан- въ-четвертыхъ, отъ основы на ѣ, видѣн- удержан- Суффиксъ -т употребляется для образованія причастій отъ основъ на гласную -у (-ну), -о, а также односложныхъ на -и, -у, -ы, -ѣ, и еще -а (восходящее къ малому юсу): пролит- обут- прикрыт- отпѣт- одѣт- проклят- снят- взят- проколот- смолот- тронут- кинут- двинут- сунут- наконецъ отъ основы на -ер: припертый, простёртый. Повидимому, и эти причастія церковнославянскаго происхожденія (въ ихъ полной склоняемой формѣ); это видно, во-первыхъ, изъ общихъ соображеній о томъ, что русскій языкъ утратилъ склоняемыя причастія (ср. выше), во-вторыхъ, изъ того, что причастія на -н образуютъ полную форму свою по церковнослав. образцу (позднѣйшаго времени) съ удвоеніемъ -н: обрѣзанный, убранный, данный и т. д. въ-третьихъ, изъ того, что формы на -ный съ однимъ -н имѣютъ въ русскомъ языкѣ значеніе прилагательныхъ: варёный, печёный, солёный, моченый, плетёный, калёный. Такимъ образомъ, выясняется, что всѣ причастныя формы на -ный должны писаться съ двумя -н (читанныя имъ книги, подмоченная репутація), а прилагательныя на -ный съ однимъ -н (раненые, какъ прилагательное, съ однимъ -н, а раненные злодѣемъ прохожіе съ двумя). Причастія прошедшаго времени страдательнаго залога образуются преимущественно отъ основъ совершеннаго вида, но извѣстно также и отъ основъ вида несовершеннаго: битый (также въ значеніи прилагательнаго), краденный (и краденый прилагательное), читанный, невиданное зрѣлище, неслыханное злодѣяніе. Производныя основы несовершеннаго вида, являющіяся при основахъ вида совершеннаго, не могутъ образовать такого причастія: не бросанный, а

только брошенный (однако отъ совершеннаго вида: разбросанный), не*покупанный, а только купленный, не*нахоженный, а только найденный, не*отвѣчанный, а только отвѣченный и т.д. По той же причинѣ не*бранный, а взятый, не*кладенный, а только положенный. Глаголы многократные могутъ образовать это причастіе въ соединеніи съ отрицаніемъ: не слыхивано, не видывано (только въ краткой формѣ). Какъ мы знаемъ, краткія (именныя) формы причастія на -н- -т - спрягаются, соединяясь съ личными мѣстоименіями и съ вспомогательными глаголами: я одѣт, мы тронуты, они ранены, она брошена и т.д. Форма дательнаго падежа на -у отъ такой краткой формы, употреблявшаяся въ соединеніи съ инфинитивомъ быть, теперь исчезла изъ литературнаго языка, быть брошену, одѣту, помилованy - формы устарѣвшія.

Итакъ, общимъ для причастій явленіемъ въ русскомъ языкѣ былъ переходъ ихъ въ прилагательныя въ полной (сложной) формѣ; въ виду этого книжный языкъ сохранилъ съ значеніемъ причастій соотвѣтствующія церковнославянскія образованія.

III. Дѣепричастіе несовершеннаго вида по происхожденію своему представляетъ краткія формы причастія настоящаго времени, потерявшія свою связь какъ съ родомъ, такъ и съ числомъ и падежомъ; одно изъ окончаній дѣепричастія -а (послѣ j и мягкихъ согласныхъ) представляетъ старое окончаніе именит. пад. единств. числа муж. рода: идя, ходя, дѣлая; другое - учи представляетъ старое окончаніе именит. пад. множ. числа муж. рода (-учи при и вмѣсто -уче): идучи. Господствующимъ въ литературномъ языкѣ окончаніемъ является -а. Оно присоединяется къ основѣ настоящаго времени; такимъ образомъ дѣепричастіе образуется только отъ

основъ несовершеннаго вида. Впрочемъ, обычно дѣепричастіе образуется только отъ тѣхъ основъ настоящаго времени, которыя звуковой стороной своей не отличаются существенно отъ основы инфинитива: ведя, неся, плетясь, кроя, дуя, плывя, видя, нося, водя, таща, учась, играя, страдая. Но основы настоящаго времени на-je, имѣющія при себѣ основу инфинитива на -а, дѣепричастія не образуютъ; таковы глаголы пишу, рѣжу, мажу, вяжу, лижу, пашу и т.д.; равнымъ образомъ не образуютъ дѣепричастій глаголы беру, тру, мру, жну, кляну, мну, кую, плюю, такъ какъ въ инфинитивѣ являются основы, отличныя отъ основы настоящаго времени брать, тереть, мереть, жать, клясть, мять, ковать, плевать. Впрочемъ, неодносложныя основы на -уje при инфинитивѣ на -ова образуютъ дѣепричастіе: торгуя, волнуясь, горюя, милуя. Основы на заднenебную согласную не образуютъ вообще дѣепричастія; таковы напр. глаголы стригу, могу, сѣку, влеку. Глаголъ могу образуетъ причастіе несовершеннаго вида (?) могши (но могши имѣетъ значеніе прошедшаго времени). Дѣепричастія на -учи представляются съ точки зрѣнія современнаго литературнаго языка устарѣвшими; держится форма идучи, рѣже форма живучи; припѣваючи, играючи, крадучись употребляются только въ опредѣленныхъ выраженіяхъ.- Дѣепричастія несовершеннаго вида образуются только отъ основъ несовершеннаго вида. Утративъ значеніе настоящаго времени, они сохранили однако временное значеніе. Это видно изъ того, что большая часть ихъ можетъ быть замѣнена описательными выраженіями съ "въ то время какъ" съ послѣдующими формами настоящаго вр. или прош. времени. Но нѣкоторыя дѣепричастія, теряя временное значеніе, становятся простыми нарѣчіями; ср. отмѣченныя выше:

играючи (учиться), жить припѣваючи; также лёжа, сидя, стоя (но тѣ же дѣепричастія могутъ сохранять и свое вр. значеніе); судя (напр. судя по всему), не взирая, находя, полагая и т.д.

Дѣепричастіе совершеннаго вида образуется троякимъ способомъ: 1) отъ основы совершеннаго вида, оканчивающейся въ инфинитивѣ на согласную, посредствомъ окончанія -а со смягченіемъ предшествующей согласной, напр. пройдя, пронеся, прочтя, отвезя, 2) отъ основы совершеннаго вида, оканчивающейся въ инфинитивѣ на согласную, посредствомъ окончанія-в: открыв, дав, узнав, поговорив, улетѣв, поспѣв, толкнув,двинув;3) отъ основы совершеннаго вида, оканчивающейся въ инфинитивѣ на согласную посредствомъ окончанія -ши: промокши, пронесши; отъ основы на гласную посредствомъ -вши: давши, купивши. Отъ этого основного правила видимъ слѣдующія отступленія: 1) нѣкоторыя основы на согласную д (опускаемую передъ окончаніемъ прошедшаго времени л) образуютъ дѣепричастіе на-в и-вши съ опущеніемъ этой согласной: украв, упав, упавши; 2) глаголы на -иться могутъ имѣть окончаніе -ась: устремясь, простясь, перекрестясь; 3) глаголы на -уться, -оться, -аться -еться, ѣться, -иться оканчиваются обыкновенно на -увшись, -овшись, авшись, -евшись,-ѣвшись, -ившись: уткнувшись, проснувшись, отколовшись, поднявшись, запершись, видѣвшись, устремившись, простившись; 4) основы инфинитива на задненёбную не образуютъ дѣепричастія на -а, а только на -ши: высѣкши, остригши, несмогши; 5)основы на -ну, означающія подвижное состояніе, рядомъ съ окончаніемъ -нув могутъ образовать дѣепричастіе на согласную -ши: оглохнув и оглохши, поникнув и поникши, вымокнув и вымокши, высохнув и высохши;

в) глаголы съ основой на согласную передъ окончаніемъ -ся образуютъ дѣепричастіе на -ась, если дѣепричастіе простого глагола оканчивается на -а: пронесясь, пройдясь и на -шись, если простой глаголъ оканчиваетъ его на -ши: остригшись, отрекшись.

Кромѣ того замѣчу, что въ языкѣ старинномъ при -в было извѣстно вши, но въ настоящее время это окончаніе, восходящее къ формѣ им. пад. множ. числа причастія прошедшаго времени (видѣвши вм. видѣвъши), вообще вытѣсняется. Сохраненіе -вшись при -в ср. съ сохраненіемъ -ась при -ив, о чемъ выше.

Нѣкоторыя дѣепричастія совершеннаго вида въ нарѣчныхъ выраженіяхъ, гдѣ они потеряли значеніе временное, сохраняютъ старое окончаніе -а отъ основъ на -и; напр. спустя рукава, сломя голову, сложа руки, положа руку на сердце, отступя на шагъ, свѣся ноги, заломя шапку; также отъ основъ на -ну: разиня ротъ, высуня языкъ. Сюда же дѣепричастіе походя (учиться,дѣлать что нибудь походя).

Обзоръ глагольныхъ основъ.

Различныя формы одного и того же глагола могутъ быть образованы или отъ одной основы или отъ двухъ разныхъ основъ: отъ одной основы, основы настоящаго времени, образуются настоящее время или будущее совершенное (съ повелительнымъ наклоненіемъ, причастіе настоящаго времени нестрадательнаго залога, причастіе настоящаго времени страдательнаго залога и дѣепричастіе несовершеннаго вида); отъ другой основы, основы инфинитива, образуется инфинитивъ (съ прошедшимъ временемъ, причастіемъ прошедшаго времени на -вшій, причастіе страд. прошедшаго времени на -нъ, -тъ, дѣепричастіемъ на -въ, -вши). Распредѣленіе глаголовъ по основамъ представляетъ извѣстныя трудности въ виду несоотвѣтствія, замѣчаемаго въ спряже-

нiи многихъ изъ нихъ между основами настоящаго времени и инфинитива. Считаю наиболѣе удобнымъ распредѣлять въ русскомъ языкѣ глаголы по основамъ настоящаго времени, такъ какъ это время представляетъ вслѣдствiе измѣненiя по лицамъ и числамъ наибольшее количество разнообразныхъ формъ; кромѣ того практически удобно различать три главныхъ вида основы настоящаго времени, изъ которыхъ первый оканчивается на -е -о (ведёт, плачет), второй на -и (точитъ, сидитъ), третiй на согласную (дад-ут, ѣд-ят). Основа настоящаго времени на -е можетъ образовать слѣдующiя разновидности: 1) основа на е-о съ предшествующею окончанiю основы исконно твердою согласною, ставшею впослѣдствiи мягкою и частью позже отвердѣвшею, напр. веду-ведёт, плюну-плюнет, могу-может; 2) основа на е-о съ предшествующею мягкою согласною, частью позже отвердѣвшею: мелю-мелет, колю-колет, плачу-плачет, пашу-пашет; 3) основа на е-о съ предшествующимъ j(i̯): вьёт, кроетъ, плюёт, знает, сѣет, богатѣет, читает, празднует. Сообразно съ этимъ и комбинируя еще различiя въ соотвѣтствующихъ основахъ инфинитива, дѣлю наши глаголы на слѣдующiе классы и образцы.

I классъ. Основа настоящаго времени на е-о.

Разрядъ А: окончанiю основы предшествуетъ исконно твердая согласная.

1-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею окончанiю основы согласною, основа инфинитива на согласную: веду-ведёт, инфинитивъ вести (изъ *вед-ти).

2-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею окончанiю основы носовою согласною, основа инфинитива на гласную а изъ носового ѧ, восходящаго къ ен, ем:

жну-жнёш инфинитивъ жать (изъ*жен-ти).

3-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею окончанію основы согласною в, основа инфинитива на гласную ы,и: живу-живёш, инфинитивъ жить, плыву-плывеш, инфинитивъ плыть.

4-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею окончанію основы согласною н, основа инфинитива на -ну: двину,-двинеш, инфинитивъ двинуть.

5-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею окончанію основы согласною н, основа инфинитива на гласную а,ѣ: надѣну-надѣнет, инфинитивъ надѣть, стану-станет, инфинитивъ стать.

6-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею окончанію основы согласною, основа инфинитива на гласную а: беру-берёш, инфинитивъ брать, лгу-лжеш, инфинитивъ лгать.

Разрядъ В: окончанію основы предшествуетъ исконно мягкая согласная.

7-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею исконно мягкою согласною, основа инфинитива на -оро, -оло: борюсь-борешься, инфинитивъ бороться, мелю-мелешь, инфинитивъ молоть.

8-й образецъ, основа настоящаго времени съ предшествующею исконно мягкою согласною (теперь частью отвердѣвшею), основа инфинитива на -а съ предшествующею исконно твердою согласною: плачу-плачет, инфинитивъ плакать, пашу-пашеш, инфинитивъ пахать, стелю-сте-

лсш, инфинитивъ стлать, рѣжу-рѣжет, инфинитивъ рѣзать.

Разрядъ В: окончанію основы предшествуетъ i (j).

9-й образецъ, основа настоящаго времени односложна или двусложна, основа инфинитива на гласную односложна: крою-кроет, инфинитивъ крыть, мою-моеш, инфинитивъ мыть, лью-льёш, инфинитивъ лить, пою-поеш, инфинитивъ пѣть, знаю-знаеш, инфинитивъ знать.

10-й образецъ, основа настоящаго времени на -аје или -аваје, основа инфинитива на -ава: даю-даёш, инфинитивъ давать, сознаю-сознаёш, инфинитивъ сознавать.

11-й образецъ, основа настоящаго времени двусложна, основа инфинитива двусложна и оканчивается на ја: чаю-чаеш, инфинитивъ чаять, сѣю-сѣеш, инфинитив сѣять, лаю-лаеш, инфинитивъ лаять.

12-й образецъ, основа настоящаго времени на -ѣје, основа инфинитива на -ѣ: богатѣю-богатѣет, инфинитивъ богатѣть, спѣю-спѣет, инфинитивъ спѣть.

13-й образецъ, основа настоящаго времени на -аје, основа инфинитива на -а: читаю-читает, инфинитивъ читать, страшаю-страшает, инфинитивъ страшать.

14-й образецъ, основа настоящаго времени на -ује, многосложна основа инфинитива на -ова, -ева: зимую-зимует, инфинитивъ зимовать, горюю-горюет, инфинитивъ горевать.

15-й образецъ, основа настоящаго времени двусложна и оканчивается на -ује, основа инфинитива на -ова: плюю-плюёт, инфинитивъ плевать, жую-жуётъ инфин.

жевать.

II классъ. Основа настоящаго времени на -и (j).

16-й образецъ, основа инфинитива на -ѣ, а послѣ j, ж,ч, ш, щ на -а: горю-горишь, инфинитивъ горѣть; стучу-стучишь, инфинитивъ стучать; боюсь-боишься, инфинитивъ бояться.

17-й образецъ, основа инфинитива на -и: хожу-ходишь, инфинитивъ ходить.

III классъ. Основа настоящаго времени оканчивается на согласную.

18-й образецъ, основы дад, ѣд; глаголъ есмь.

IV классъ. Основы неправильныя и недостаточныя.

19-й образецъ, глаголы идти, ѣхать, обрѣтать, ревѣть, ошибить, ошибиться.

20-й образецъ, глаголы гнать, спать.

21-й образецъ, глаголы хотѣть, бѣжать, чтить.

Перехожу къ обзору спряженія глагольныхъ основъ, располагая ихъ по указаннымъ образцамъ. Въ русскомъ языкѣ различаются три спряженія, соотвѣтствующія тремъ отмѣченнымъ классамъ глаголовъ: въ первомъ спряженіи соединительными гласными между корнемъ глагола и личными окончаніями настоящаго времени, точнѣе: окончаніями основы являются е и о; е во 2 и 3 лицѣ единств. числа, 1 и 2 л. множ.числа, о въ 1 л. ед. и 3 л. множ. числа, при чемъ о передъ первоначальными окончаніями -он и -нть измѣнилось въ носовое о, откуда у. Во второмъ спряженіи соединительною гласною между корнемъ глагола и личными окончаніями настоящаго времени (точнѣе окончаніемъ основы) является и, при чемъ однако въ первомъ лицѣ ед. чис. -и передъ

первоначальнымъ окончаніемъ -он исчезло совсѣмъ, а въ 3 л. множ. числа окончаніемъ является теперь -ат изъ болѣе древняго -ѣть. Въ третьемъ спряженіи личныя окончанія представлены непосредственно къ основамъ на согласную (по скольку однако первоначальныя формы не замѣнены новообразованіями): сообразно съ этимъ распредѣляемъ наши образцы по тремъ спряженіямъ, а послѣ обзора ихъ даемъ обзоръ неправильныхъ глаголовъ.

Первое спряженіе: 3 лицо единственнаго и множественнаго числа -ет, -ут.

I. образецъ. Передъ -ет, -ут является исконно твердая согласная; основа инфинитива оканчивается на согласную. Примѣръ: несёт-несут, инфинитивъ нес-ти.

Основа настоящаго времени. Согласныя задненёбныя передъ е переходятъ въ шипящія: стережош, жжош, бережот, можем, напряжош, увлечош, течот, сѣчом, печоте, печотесь, ляжете, толчоте и т.д. Вмѣсто жжош употребительно и жгёш. Въ повелительномъ наклоненіи окончанія -и, -ите только подъ удареніемъ, а въ неударяемомъ положеніи находимъ мягкую согласную въ ед. числѣ, мягкую согласную съ послѣдующимъ те во 2 л. множ. числа: неси, пеки, сѣки, толките, жгите, но сядь, сядьте, лѣзь; отъ лягу-ляг, лягте съ твердыми г; но неударяемое и сохраняется въ вынеси, выпеки, выжги. Повелительное отъ могу не употребительно; не моги, не могите, только въ просторѣчіи. Дѣепричастіе несовершеннаго вида на -а со смягченіемъ предшествующей согласной: неся, ведя, ростя, грызя, гребя; окончаніе -учи только въ крадучись; послѣ согласныхъ задненёбныхъ окончаніе а въ дѣепричастіи неизвѣстно; неупотребительно также дѣепричастіе отъ мру, пру, тру, что зависитъ отъ особа-

го вида основы инфинитива при этихъ глаголахъ. Причастіе настоящаго времени нестрадательнаго залога на -ущій: несущій, пекущійся и т.д.

Удареніе во всѣхъ формахъ, образованныхъ отъ основы настоящаго времени, падаетъ на окончаніе основы, слѣдовательно, въ настоящее время на е (которое переходитъ при этомъ въ о) и у, въ повелительное на -и, въ дѣепричастіи на а, въ причастіи настоящаго времени на -у: несёт, несу́, неси́, неси́те, неся́, несу́щій. Только въ лѣзу, сяду и лягу удареніе сохраняется всегда на корнѣ. При краду́, кради́ и т.д. является въ дѣепричастіи съ другимъ удареніемъ: кра́дучись. Могу́, могу́щій, но мо́жеш, мо́гут и т.д. Но приставка вы- перетягиваетъ удареніе на себя: вы́несу.

Отъ основы инфинитива образованы формы инфинитива; съ окончаніемъ -ти́, напр. нести, вести, везти, грести, плести, скрести, пасти, расти (собств. рости́), брести, блюсти, трясти, пріобрѣсти, опасти, ползти (рядомъ менѣе употребительны въ сложныхъ: привесть) съ окончаніемъ -т: грызть, лѣзть, сѣсть, красть, счесть, пасть, прясть; съ окончаніемъ ч' (восходящимъ къ -кт, гт): мочь, стричь, беречь, волочь, толочь, лечь, отречься, сѣчь, запрячь произносится запреч'); основы на -ер, -ол измѣняютъ -ер, -ол въ формѣ инфинитива въ -ере, -оло: мереть, отпереть, простереть, толоч'. Основы на губную оканчиваются въ инфинитивѣ на -сти: гребу-грести (изъ гребс-ти), скребу-скрести (изъ скребс-ти); с представляется вставкой.

Далѣе отъ основы инфинитива произведены: прошедшее время на -лъ; зубные т, д выпадаютъ передъ -л: клал, вёл, упала, плели, росла; въ формѣ муж. рода -л сохраняется только послѣ гласныхъ:

прочёл, крал, набрел, вымел; послѣ согласныхъ -л отпадаетъ: жок (изъ жегл), сгрёп, грыз, сѣк, берёк, мок, умер, припер, простёр, рос (изъ ростл) и т.д. Основа толк (инфинитивъ толоч можно объяснить изъ толчи, какъ результатъ такъ называемаго второго полногласія) образуетъ въ муж. родѣ толок (а рядомъ: толкла, толкли). Отъ той же основы произведены: причастіе страдательнаго залога, прошедшаго времени на -ен, плетён, выметен, острижен, украден, натолчён, пріобрѣтён; отъ основъ на -р производится то же причастіе съ суффиксомъ -т: приперт, простёрт, натёрт. Далѣе отъ основы инфинитива произведено причастіе прошедшаго времени нестрадательнаго залога на -вшій послѣ гласныхъ и -шій послѣ согласныхъ: укравшій, сѣвшій, напавшій, стершійся, могшіе, умершіе, лёгшіе, росшіе. Затѣмъ дѣепричастіе совершеннаго вида, которое послѣ гласныхъ по общему правилу оканчивается на в (слѣдовательно, въ основахъ на выпавшіе д, т, а также въ основахъ на -ере): украв, напав, присѣв, умерев, простерев, приперев, рѣже на -вши: укравши, но правильно на -вшись: усѣвшись, оперевшись, заперевшись (рядомъ запёршись, форма болѣе простонародная); послѣ согласныхъ находимъ вообще окончаніе -ши, - шись: остригшись, обжегшись, проползши, стёрши, опершись, подпершись, помогши, отвлёкши, отрёкшись, вылѣзши, напрягши. Рѣже окончаніе -а въ дѣепричастіи совершеннаго вида; оно также производится отъ основы инфинитива: пріобрѣтя, везя, занеся, наскребя, прочтя, зачтя.

Удареніе основы инфинитива. Одни глаголы имѣютъ удареніе всегда на коренной гласной основы: сѣсть, грызть, пасть, стричь, прясть, красть, класть, тереть, простереть, сѣчь; поэтому сѣли, грызла, острижен, клала, крала, украден, пряла, пала, натёрла,

простёрла, сёкла. Другіе глаголы имѣютъ удареніе вообще всегда на окончаніяхъ: брели́, росла́, плетён, метено́, могло́, береглись, приволокли́. Въ инфинитивѣ отъ глаголовъ съ основой на задненёбную согласную является окончаніе ч́, а не чи́: влечь, волочь, толочь, течь, напрячь, запрячь, жечь, мочь, стеречь, беречь. Въ дѣепричастіе удареніе не переходитъ на окончаніе -ши: отползши, привлёкши. Глаголы нереть, мереть, точно также въ формѣ инфинитива не переносятъ удареніе на окончаніе (-т́, не-ти́); въ прошедшемъ времени и причастіи страдательныхъ глаголовъ мереть, переть удареніе переносится на окончаніе въ женскомъ родѣ: заперла́, умерла́, заперта́, приперта́; въ муж. сред. родѣ единств. числа и во мно: числѣ удареніе остается на корнѣ: мёрли, а въ сложенныхъ съ предлогами оно переносится на предлогъ: за́пер, о́тперли, за́мерли, у́мерли, за́перт, о́тперт, ро́сперт. Глаголы на -ся слѣдуютъ ударенію простыхъ: сёклись, грызся, натёрлась, осѣлась; въ прошедшемъ времени въ муж. родѣ удареніе переносится на -ся послѣ предшествующихъ л, р: завелся́, блюлся́, обрѣлся́, приплелся́, заперся́, сперся́ (но конечно: натёрся, простёрся, ибо въ этихъ глаголахъ удареніе неподвижно); ср. рядомъ: берёгся, остерёгся, запрёгся, увлёкся (рѣдко: отрекся́). Въ противоположность глаголамъ безъ -ся, глаголы на -ся переносятъ удареніе на -шись послѣ р въ случаяхъ какъ запершись, отпершись, подпершись (формы преимущественно простонародныя).

По значенію своему большая часть относящихся сюда основъ несовершеннаго вида; совершеннаго вида глаголв сяду-сѣсть, лягу-лечь, паду-пасть, а также всѣ сложенные съ предлогами: пріобрѣсть, украсть, закрызть, спасти, припереть, увлечь, натолочь. Къ опредѣленно-моторнымъ относятся: везу, несу, веду, ползу, лѣзу, бре-

ду. Большая часть этого образца переходнне; непереходнн: ползу, лѣзу, бреду, лягу, сяду, росту, могу, паду. Глаголъ пещись - пекусь изъ церковнославянскаго языка.

Не во всѣхъ глаголахъ замѣчается полное звуковое соотвѣтствіе между основами настоящаго времени и инфинитива; такъ, благодаря носовому инфиксу, при сѣсть, лечь находимъ сяду, лягу (изъ sędǫ, lęgǫ); при основѣ съ коренннмъ ь (впослѣдствіи выпавшемъ) передъ р въ настоящемъ времени, находимъ основу съ -ер въ инфинитивѣ: умру, простру, натру, запру, при умереть, простереть, натереть, запереть; относительно толку-толочь выше указана возможность объяснять толочь какъ второе полногласіе вмѣсто толчь-толчи (ср. толкла). Въ жгу- жечь видимъ въ инфинитивѣ основу жег-, а въ настоящемъ времени жьг-; но при жег- въ инфинитивѣ было извѣстно и жьг- (жгли, а въ жог изъ жегл гласная восходитъ къ ь); въ зачесть-зачту видимъ въ инфинитивѣ обычную замѣну ь через е (восходитъ къ зачьсть).

II образецъ. Передъ ет-ут являются носовыя н, м; основа инфинитива оканчивается на -а (изъ носового е).

Сюда относятся сложныя съ *иму-*ять, далѣе: жму-жать, жну-жать, мну-мять, кляну-клясть, распну-распять, начну-начать. Относительно этихъ глаголовъ замѣтимъ: въ сложныхъ съ *иму звукъ и сохраняется послѣ н съ предшествующей согласной, подниму, сниму, отниму; послѣ предлоговъ содержащихъ гласную, и переходитъ въ й, выпадая въ положеніи за предлогомъ при: найму, пойму, дойму, займу, приму; послѣ согласныхъ находимъ -му со смягченіемъ предшест. звука (изъ -ьму), возьму; послѣ предлога вы вмѣсто -му является -ну подъ вліяніемъ глаголовъ на -ну, -нуть. Въ инфинитивѣ видимъ

-нять послѣ всѣхъ вообще предлоговъ кромѣ вз.: снять, поднять, принять, донять, но взять; вмѣсто вынять-вынуть подъ вліяніемъ указанной аналогіи. Форма кляну замѣнила болѣе древнее клену (изъ клѣну), а вмѣсто инфинитива клять подъ вліяніемъ аналогіи явилось клясть.

Отъ основы настоящаго времени кромѣ формъ этого времени находимъ: повелительное наклоненіе, кляни, жни, жмите; причастіе наст. времени мнущій, жмущій, клянущій, жнущій. Дѣепричастіе: только кляня. Удареніе формъ настоящаго времени всегда на окончаніи основы.

Отъ основы инфинитива произведены формы прошед. времени: жал, клял, начал, распял, мял. Дѣепричастія совершеннаго вида: начав, зажав, смяв, заняв, прокляв, распяв; начавшись, смявшись, занявшись, прижавшись. Причастіе страдательнаго залога на -тъ: начатъ, снятъ, зажатъ, распятъ, помятъ. Удареніе основы инфинитива въ однихъ глаголахъ съ неподвижнымъ удареніемъ: нажал, пожал, смяла, замят, примята. Въ другихъ глаголахъ удареніе подвижное: въ женск. родѣ прошед. времени и причастіи страдательнаго залога оно переносится на окончаніе: начала, сняла, кляла, взята, начата, проклята (исключеніе только ра́спяла, ра́спята); въ муж. и сред. родѣ множ. числа, прошед. времени и прич. страдательнаго залога удареніе въ несложенныхъ съ предлогами и двусложныхъ формахъ на коренной гласной: кляли, сняло, взяли, а въ сложенныхъ съ предлогами на предлогахъ: про́кляли, ра́спял, по́дняли, на́чат, на́чало, на́чаты. Въ сложенныхъ съ -ся удареніе въ глаголахъ съ удареніями подвижными переносится въ муж. родъ на -ся, а въ сред. родѣ и во множ. числѣ на окончаніи: взялся́, взяло́сь, взяли́сь, начало́сь, сняли́сь, поднялся́.

Относящіеся сюда глаголы несложенные съ предлогами всѣ несовер-

шеннаго вида, а сложенные съ предлогами совершеннаго.

III образецъ. Передъ -ет-ут является согласная в; основа инфинитива оканчивается на гласную ы или и.

Сюда относятся живу, плыву, слыву.

Отъ основы настоящаго времени, кромѣ формы этого времени, повелительное наклоненіе: живи, плывите; причастіе настоящаго времени живущій, плывущій, слывущій; дѣепричастіе: живя, плывя, слывя и также еще живучи. Удареніе формъ настоящаго времени всегда на окончаніи основы, кромѣ только что указаннаго дѣепричастія.

Отъ основы инфинитива образуются: прошед. время жил,плыли,слыла; причастіе прошед. времени жившій, слывшій, дѣепричастіе совершеннаго вида: нажив, прожив, прослыв; причастіе страдат. залога зажито, прожито. Удареніе этихъ основъ подвижное: въ женск.родѣ оно падаетъ на окончаніи: жила, плыла, слыла, прожита; въ другихъ формахъ прошед. времени и прич. страдательнаго залога удареніе на корнѣ, а въ сложенныхъ съ предлогами на предлогѣ: жили,прожили, заплыли, прожито, но прослылъ. Въ глаголахъ на -ся удареніе переносится въ муж. родѣ прошед. времени на -ся: нажился, а въ прочихъ формахъ на окончаніе: нажились,сплылось.

Разсмотрѣнные глаголы несовершеннаго вида; плыть съ опредѣленно-моторнымъ значеніемъ.

IV образецъ. Передъ -ет-ут согласная -н; основа инфинитива оканчивается на -ну.

Отъ основы настоящаго времени кромѣ формъ этого времени, а также будущаго совершеннаго (тону, кину, верну, уснем) образуются формы повелительнаго наклоненія: кинь, тронь, двинь, тяни,тони, верни; -и неударяемое послѣ двухъ согласныхъ: сохни, зябни,

крикни, Прич. наст. вр.: тянущійся, сохнущіе, гнущійся. Дѣепричастіе на - а совсѣмъ неизвѣстно.

Удареніе основы настоящаго времени можетъ лежать или неподвижно, на корнѣ: кину, стукну, привыкну, на окончаніи: зѣвнётъ, ущипну, толкнёт, качнём; или подвижно, падая на окончаніяхъ у 1л. ед. и въ пов. накл., ущій въ прич., но переносясь на корень при другихъ окончаніяхъ: тону, тянущійся, тони, тоните, тяните, но тонем, тянут, взглянет. Подвижныхъ по ударенію основъ очень немного.

Отъ основы инфинитива производятся: прош. время тянул, вернул, отпрянул, тронул, отвергнул; прич. прош. вр.: тронувшій, тянувшійся, вернувшій, кинувшій; дѣеприч.: потянув, кинув, столкнув, почерпнув; дѣепр. кинувшись; прич. страд.: подтянут, перевёрнут, покинут.- Удареніе этой основы лежитъ неподвижно или на корнѣ или на - ну; только въ причастіи на - т оно переносится всегда за корень: тянул, натянут, натянута, повёрнуты. Односложные переносятъ при этомъ удареніе на предлогъ: подогнут, замкнут, взоткнут.

Особая группа глаголовъ, отличающаяся отъ прочихъ и по своему значенію, образуетъ прош. время (обязательно), а также причастіе прош. времени и дѣепр. соверш. вида (съ колебаніями) не отъ основы инфинитива на -ну, а отъ основы на согласную, предшествующую въ инфинитивѣ окончанію - нуть. Такъ въ прошедш. отъ чахну чахнуть находимъ чах; также оглох, озяб, прилип, высох, повис, прокис, протух; отъ основы на зубную: завял. Прич. прош.: оглохшій, озябшій, высохшій, прокисшій. Дѣеприч. заглохши, оглохши и оглохнув, прокиснув.

Отдѣльно стоитъ отвергнуть, которое образуетъ отверг и отвергнул, подвергшійся, подвергнувшійся. Также достигнуть при достичь, ср. достигъ, достигшій.

Глаголъ вынуть - выну, какъ мы видѣли, восходитъ къ болѣе древнимъ формамъ: вынять, выму.

Среди глаголовъ этого образца значительная часть совершеннаго вида: сюда относятся во-первыхъ, всѣ сложенные съ предлогами, во-вторыхъ, несложенные съ однократнымъ значеніемъ, какъ крикнуть, топнуть, плюнуть, капнуть, вильну́ть, ка́нуть и т. д., въ-третьихъ: верну́ть, минуть, вынуть. Несовершеннаго вида та особая группа, о которой сказано выше, имѣющая особое значеніе глаголовъ подвижнаго состоянія: глохнуть, виснуть, дрогнуть (рядомъ дрогнуть соверш. вида съ однократн. значеніемъ), мёрзнуть и т. д.; также еще глаголы: гнуть, тянуть, тонуть, дрыхнуть.

V Образецъ. Передъ ет-ут согласная н; основа инфинитива оканчивается на гласныя а, ѣ, ы.

Сюда относятся немногочисленные глаголы, какъ стану-стать, стыну-стыть, дѣну-дѣть, застряну-застрять.

Отъ основы наст. вр. съ неподвижнымъ удареніемъ на корнѣ: надѣ́ну, осты́ну, надѣнь, стань; прич. наст. стынущій.

Отъ основы инфинитива съ неподв. удареніемъ на корнѣ: одѣл, стал, остыл, застрял (мы ожидали бы застряп, стр. стряпать). Дѣеприч. устав, надѣв, застряв. Прич. прош. надѣвшій, застрявшій, остывшій.

Глаголы стать, дѣть сов. вида; стыть несовершеннаго. Сложные всѣ соверш. вида.

VI Образецъ. Передъ ет-ут являются исконно твердыя соглас-ныя; инфинитивъ содержитъ производную основу на - а.

Сюда относится рядъ корней, содержавшихъ исконно звуки ъ, ь: тку-ткать, лгу-лгать, рву-рвать, вру-врать, жду-ждать, жру-жрать. Иногда такому корню въ инфинитивѣ соотв. корень съ о, е въ на-стоящемъ: зову-звать, беру-брать, деру-драть. Единичны стону-сто-нать, ору-орать.

Передъ окончаніемъ е въ основѣ настоящаго задненёбныя пере-ходятъ въ шипящія: лжот, тчёт (но и ткёт).

Отъ основы наст.: врёт, ври, ждите. Дѣепр. зовя́. Прич. наст. дерущій, берущій, зовущій и т. д. - Въ основѣ настоящ. ударенie всегда на окончаніи. Только при стону, стони́ является сто́неш, сто́нет и даже сто́нущій.

Отъ основы инфинитива: прош. лгал, звал; прич. прош. страд. на-н: по́зван, при́врано, при́бран. Дѣепр. соверш.: созна́в, на́б-ран, призва́в, созна́в. - Въ стонать, орать удареніе неподвижно; во всѣхъ остальныхъ оно подвижно: въ простыхъ удареніе перено-сится на окончаніе ж.р. -а: звала́, звана́; въ сложныхъ съ -ся удареніе въ прош. времени переносится на окончанія: звался́, брался́, брали́сь, брало́сь; въ сложенныхъ съ предлогами глаголахъ не на -ся удареніе (кромѣ формы ж.р.) переносится на предлогъ: со́ткан, по́зван, при́званы, на́браны, о́бодран, по́жран, взо́рван, про́ждан; въ глаголахъ на -ся удареніе остается на окончаніи: на-звался́, дождался́, собрали́сь, продрало́сь; но взорва́лся, порва́л-ся, залга́лись.

Въ дѣепричастіи удареніе всегда на корнѣ.

Относящіеся сюда глаголы всѣ несоверш. вида; они соверш. ви-

да въ сложеніяхъ съ предлогами.

VII Образецъ. Передъ ет-ут исконно мягкая согласная, въ инфинитивѣ основа оканчивается на - оро, оло.

Сюда относятся: мелю-молоть, колю-колоть, порю-пороть, борюсь бороться, полю-полоть.

Отъ основы наст.: колет, порют, боремся, борись. Прич. наст. колющій, мéлющій. Дѣеприч. на - а неупотребительны; малоупотребительно: мéлючи. Въ основѣ наст. вр. удареніе подвижно, перенося́сь на окончаніе въ 1л. ед. наст. вр. и въ повел. накл.: мелю́, мели́, мели́те, но мéлет, мéлют, мéлющій.

Отъ основы инфинитива образуются: прош. коло́л, моло́л; прич. прош. боро́вшійся, коло́вшій; дѣепр. сов. наколо́в, смоло́в; прич. страд. на -тъ: смóлот, прокóлот. Удареніе основы инф. неподвижно на корнѣ, но въ прич. страд. вмѣсто оло́ находимъ óло въ смóлот, кóлот.

Относящіеся сюда глаголы всѣ несов. вида; они соверш. вида въ сложеніяхъ съ предлогами.

VIII Образецъ. Передъ ет-ут исконно мягкія согласныя; производная основа инфинитива оканчивается на -а.

Относящіеся сюда глаголы довольно многочисленны. Согласная передъ окончаніемъ представляется въ наст. врем. въ смягченномъ видѣ; вм. г, к, х, являются ж, ч, ш: плачу-плакать, пашу-пахать; вм. с, з- ш, ж: мажу-мазать, лижу-лизать, чешу-чесать; вм. т въ исконнорусскихъ словахъ -ч, а въ заимствованныхъ изъ церковнослав. щ: мечу, топчу, шепчу, скрежещу, ропщу, клевещу, трепещу; вм. д въ русскихъ словахъ -ж, въ церковносл. -жд: гложу глодать, стражду-страдать, созижду-созидать; вмѣсто ст - щ :

свищу-свистать; вм. ск-щ: ищу-искать; вм. зг-жж (пишется зж): брызжу-брызгать; вмѣсто п,б,в,м - пл, бл, вл, мл: дремлю-дремать, колеблю-колебать, сыплю-сыпать; р,л,н переходятъ въ мягкія р,л,н: глаголю-глаголать.

Вмѣсто ожидаемаго ржу-рзать находимъ ржу-ржать; аналогично вмѣсто жажду-жадать находимъ жажду-жаждать; вмѣсто слю-слать является шлю-слать. Единично стелю-стлать.

Отъ основы настоящаго: плачет, плачь, чеши, чешите;(отъ жажду, стражду, зижду повел. не употребляется); прич. наст. плачущій, пашущій, страждущій, ищущій. Дѣепричастіе на -а: плача, дремля, колебля, скрежеща, клевеща; но вообще они мало употребительны (не говорятъ: чеша, пиша, мажа, ропща, паша, рѣжа и т.п.). Вмѣсто сыплю, сыплешь весьма обычно сыплю-сыпишь.-Удареніе основы наст. можетъ быть неподвижно на корнѣ: алчу, пояшу, колеблю, глаголю; въ нѣкоторыхъ основахъ оно подвижно, переносясь на окончанія въ 1 л. ед. и въ повел. наклоненіи: клевещу, ищу, ропщу, дремлю, пишу, паши, топчите, лижите.

Отъ основы инфинитива образуются: прош. время лизал, плакал; прич. прош. плакавшіе; дѣепр. соверш. заплакав, смазав, задремав; прич. страд. на -нъ: нарѣзан, оклеветан, обглодан.-Удареніе въ однихъ основахъ лежитъ неподвижно на корнѣ: поясать, кликать, мазать, въ другихъ на -а въ окончаніи основы, при чемъ, однако, въ прич. страд. оно переносится на корень: отыскан, обглодан, оклеветан. Основы стла и сла переносятъ удареніе на предлогъ: послан, разостлан.

При поколебать прич. страд. поколеблен (указывающее на поколебить). При двигать прич. наст. страд. движемый, но ря-

домъ недвижи́мъ.

Всѣ относящіеся сюда несложенные глаголы несовершеннаго вида, а сложенные съ предлогами совершеннаго.

IX Образецъ. Передъ ет-ут является і (j), при чемъ основа наст. времени односложна или двусложна; основа инфинитива односложна и оканчивается на гласную.

Коренная гласная въ основѣ наст. времени и инфинитива одна и та же по происхожденію, но въ основѣ настоящаго многія изъ этихъ гласныхъ подъ вліяніемъ особаго своего положенія подверглись измѣненіямъ. Такъ гласная ѣ (по происхожденію дифтонгъ oi) въ основѣ пѣ-(пѣть) является въ основѣ наст. времени въ видѣ oi: пою́. Къ болѣе позднимъ измѣненіямъ относится выпаденіе гласной и въ этой основѣ: пью, шью, вью, лью, бью (но въ гнію и сохранилось въ связи съ наличностью передъ нимъ двухъ согласныхъ; въ почію́ сохраненіе обязано церковнослав. происхожденію; въ брію, откуда брею, сохраненіе обязано той же причинѣ, что въ гнію). Еще позже произошло измѣненіе ы въ основѣ настоящаго въ о: крою, мою, рою, вою, ною; аналогично измѣненіе и въ е въ брею. Безъ измѣненія сохранились гласныя а (знаю), у (дую, обую), ѣ изъ ē (грѣю, спѣю).

Основа наст. вр.: бью, бьёт, крою́, гнію́, пою́; повел.всегда на -й,- йте: пойте, грѣйте, дуйте, знай; на мѣстѣ ы, понятно, о: крой, мойте; на мѣстѣ и -е не только въ брей, брейте, но также въ лей, шей, вей, бейте и т. д.(гнію не образуетъ повелительнаго наклоненія; при почію является почій). Причаст. наст. вр. бьющій, гніющій, поющій. Дѣепричастіе только не отъ глаголовъ, выпускающихъ и въ основѣ настоящаго: поя́, роя́,

бре́я, гні́я, ду́я (но не лья, вья, бья и т.п.). -Удареніе формъ, образованныхъ отъ основы настоящаго, обычно на корнѣ; на окончаніи только въ пою́ и въ глаголахъ съ кореннымъ -и, какъ гнію́, гні́ют, вьёт (исключается глаголъ бре́ю, а также книжное почію).

Основа инфинитива образуетъ прош.вр.: бри́ла, крыла, пѣла, была́; прич. прош. вр. бывшій, почившій; дѣеприч. совершеннаго вида: накрыв, пролив, запѣв, прибив; прич. страд. отъ основы на -а оканчивается на -нъ: знан, узнан; отъ всѣхъ прочихъ на -тъ: пропѣтъ, накрыт, сбрит, про́лит. -Удареніе основы инфинитива въ однихъ глаголахъ неподвижно: бить, шить, крыть, рыть, обуть, пѣть, брить; въ другихъ оно подвижно: сюда относятся только глаголы пить, вить, лить; въ нихъ удареніе въ прошед. вр. переносится на -а въ женск. родѣ: пила́, вила́, лила́; въ сложенныхъ съ предлогами также: пролила́, свила́, запила́, при чемъ въ другихъ формахъ прош. вр. удареніе переносится на предлогъ: про́лил, за́пили, за́лили. Въ этихъ глаголахъ на -ся, сложенныхъ съ предлогомъ, удареніе вообще переносится на окончанія: развился́, впила́сь, залила́сь, полился́. Тѣ же глаголы имѣютъ такое же, какъ въ прош. вр., колебаніе въ прич. страд. прош. вр.: развита́, но развит, пролита́, про́литы, о́тпито, о́блит и т.д. Въ прич. страд. отъ знать въ сложенныхъ съ предлогами удареніе въ формахъ муж. рода и множ. числа переносится на предлогъ: у́знан, при́знаны, опо́знан.

Относящіеся сюда глаголы несоверш. вида; но въ сложеніи съ предлогами они вида совершеннаго: обую, почію, узна́ю, пропою́, зашью́.

X образецъ. Передъ -ет-ут въ настоящемъ времени является аj, въ повелительномъ наклоненіи, дѣепричастіи и причастіи наст. вр.

страд. залога сохраняется основа на -аваје; инфинитивъ представляетъ двусложную основу на -ава.

Сюда относятся: сознаю́, признаю́, узнаю́, настаю́, достаю́, даю́.

Въ настоящемъ времени: даю, даёт, настают; прич. вр. дающій, достающій, сознающій; въ повелительномъ наклоненіи: признавай, доставай, давай; дѣеприч.: признавая, доставая, давая; прич. наст. вр. страдат. залога: даваемый, сознаваемый. -Удареніе въ основѣ наст. вр. на окончаніи; въ основѣ повелит. и дѣепричастія на слогѣ -ва.

Основа инфинитива имѣетъ удареніе на слогѣ -ва и при томъ неподвижное: давал, дававшій.

Относящіеся сюда глаголы несовершеннаго вида; они представляются производными при соотвѣтствующихъ глаголахъ совершеннаго вида (сознать, достать, дать), при чемъ въ настоящемъ времени отступаютъ отъ обычнаго вида производныхъ; въ виду этого даю́, сознаю́ и т. д. можно признать позднѣйшими новообразованіями вмѣсто дава́ю, сознава́ю, достава́ю. Что до сложныхъ съ даю́, то они остаются несовершеннаго вида, ибо напримѣръ задаю́ такое же производное несовершеннаго вида при зада́ть, какъ даю́ при да́ть. Повидимому давай, давая извлечено изъ глаголовъ сложенныхъ съ предлогами.

XI образецъ. Передъ -ет-ут въ настоящемъ является i(j), при чемъ основа настоящаго двусложна; двусложна также основа инфинитива, оканчивающаяся при томъ на ја.

Сюда относятся: лаять, чаять; чуять; сѣять, вѣять, бле́ять (и бле́ять).

Основа наст. вр.: лает, чаю, чуют; повелительное наклоненіе: сѣй, вѣйте, дѣепр. сѣя -Удареніе основы обычно на корнѣ, но только при блéю извѣстно блею́.

Основа инфинитива: чуял, сѣял, посѣяв, чаявшіе. -Удареніе обыч-

но на корнѣ, только при блеять извѣстно и блеять.

Сюда же относятся многослож. основа лелѣять.

Сюда же относится вопіять; основа настоящ. вр. вопиjе: вопіютъ (глаголъ этотъ церковнославянскій и извѣстенъ только въ книжной рѣчи).

XII образецъ. Передъ -ет-ут въ настоящемъ является ѣj - при чемъ основа настоящаго времени многосложна; основа инфинитива также неодносложна.

Сюда относятся глаголы со значеніемъ подвижнаго состоянія: богатѣю, старѣюсь, краснѣю и т.п. также болѣю. Удареніе основы настоящ. времени и инфинитивъ неподвижно и обычно лежитъ на ѣ. Всѣ эти глаголы несовершеннаго вида; совершенный видъ они получаютъ только въ сложеніяхъ съ предлогами: устарѣю, состарѣюсь; забеременѣю.

При старѣюсь, состарѣюсь употребляется съ другими удареніями: старѣюсь, состарѣюсь.

XIII образецъ. Передъ -ет-ут является окончаніе производной основы аj; основа инфинитива на -а.

Сюда относятся двѣ группы глаголовъ: а)глаголы несложенные несовершеннаго вида и соотв. сложные совершеннаго вида; б)глаголы сложенные съ предлогами несовершеннаго вида. Въ первой группѣ основа можетъ имѣть удареніе на корнѣ или на примѣтѣ -а: слушаю, прыгаю, лопаюсь, думаю, кутаю, падаю, прыгаю, запрыгаю, мѣряю, отмѣряю, ворочаю, кушаю; читаю, играю, ступаю, сажаю, стараюсь, пострадаю; во второй группѣ удареніе падаетъ всегда на примѣтѣ -а: отпадаю, отмѣряю, отвлекаю, отсылаю, отставляю, покупаю, полагаю, отрѣшаюсь. Въ этой второй группѣ сравнительно небольшое число глаголовъ извѣстно съ тою же основой безъ сложенія (слѣдовательно, съ основой относящеюся къ первой группѣ), напр. объявляю-являю, отрѣшаю-рѣшаю, на-

ступа́ю-ступа́ю, отпускаю-пускаю, зарождаю-рождаю (при всѣхъ этихъ глаголахъ несложенныхъ несовершеннаго вида извѣстны глаголы на -ить совершеннаго вида: яви́ть, рѣши́ть, ступи́ть, пусти́ть, роди́ть); большая же часть такихъ глаголовъ не имѣетъ при себѣ соотвѣтствующихъ глаголовъ несложенныхъ.

Основа настоящаго: па́даю, па́дай, па́дающій, па́дая. - Удареніе неподвижное или на корнѣ или на примѣтѣ -а: па́даю, гада́ю.

Основа инфинитива: падать, па́дал, па́давшій, выпада́л, выпада́вшій, прочита́в; прич. страд. чи́тан, взволно́ван. - Удареніе неподвижное или на корнѣ или на примѣтѣ -а: па́дал, гада́л, гада́ла, погада́в. Но въ прич. прош. вр. страдат. залога удареніе переносится съ -а (-ан, -ана, -ано, -аны) на предшеств. слогъ: чи́тана, воспи́таны, зако́паны, отга́дан, освиста́н, зама́ран, повѣ́нчан, взволно́ван, отпи́хан, замо́тан, отпу́ган и т.д.

Понятно, что такое причастіе образуется только въ первой группѣ и совсѣмъ неизвѣстно отъ глаголовъ второй группы.

О видовыхъ значеніяхъ глаголовъ этого образца сказано выше.

Къ этому же образцу относятся производныя основы на -ываю, -ывать, -иваю, -ивать, которыя являются въ простыхъ глаголахъ: хаживаю, сиживаю (съ многократнымъ значеніемъ) и въ сложенныхъ: попиливаю, навёртываю, угадываю.

XIV образецъ. Передъ -ет-ут является окончаніе производной основы уј; основа инфинитива оканчивается на -ова, -ева.

Большая часть относящихся сюда глаголовъ представляетъ многосложныя основы; двусложная стала такова благодаря выпаденію ь въ глаголѣ: днюю-дневать. Обычно передъ -у въ настоящемъ, -ова въ инфинитивѣ согласная тверда, но въ нѣкоторыхъ глаголахъ видимъ мягкую согласную, причемъ -ова переходитъ въ -ева: днюю, горюю-горевать, ночую-ночевать.

Отъ основы настоящ. вр. производятся формы: зиму́ю, совѣ́туетъ, празд-

нуют; повелительное наклоненіе: горюй, совѣтуй, зимуйте; прич. наст. вр. чувствующій; дѣеприч. празднуя, зимуя. -Удареніе основы наст. вр. неподвижное на корнѣ или на примѣтѣ -у: совѣтую, праздную, избалую, зимую, образую.

Отъ основы инфинитива: прошед. вр. зимовал, горевала; прич. прош. вр. совѣтовавшій, почивавшій, дѣеприч. совершеннаго вида почувствовав, отпраздновав. -Удареніе неподвижное или на корнѣ или на слогѣ -ва: поименовал, зимовала и т.д. Но въ прич. страд. залога на -ан удареніе со слога -ва переносится на предшествующій: поименован, избалован, налинована.

По общему правилу глаголы несложенные несовершеннаго вида, а сложенные совершеннаго: зимую-зазимую. Но нѣкоторые несложенные употребляются въ значеніи несовершеннаго и совершеннаго вида; сюда относятся, во-первыхъ, русскіе глаголы: ночую, миную, зимую (?), во-вторыхъ, иностранные по происхожденію своему глаголы, какъ телеграфирую, аранжирую, ассигную, абонируюсь, арестую. Церковнославянскіе сложенные съ предлогами глаголы какъ образую употребляются и въ совершенномъ и въ несовершенномъ видѣ. Простой церковнославянскій глаголъ дарую совершеннаго вида, сложенный обнародую также совершеннаго вида; прообразую несовершеннаго вида.

XV образецъ. Передъ -ет-ут въ двусложной основѣ является у; основа инфинитива оканчивается на -ова, -ева.

Сюда относятся: кую, сую, жую, клюю, плюю. Отличіемъ отъ предыдущаго образца является двусложность основы настоящ. вр. и инфинитива, а также удареніе на окончанія основы въ настоящемъ.

Отъ основы настоящаго времени: кую, куй, кующій, жующій, плюющійся; дѣепричастіе: жуя, плюя (но куя не употребительно). Основа инфинитива: клевал, жевал, плевавшій, жованный. Удареніе въ основѣ инфинитива.

неподвижно на -ва, но въ прич. страдат. прош. оно переносится на предшествующій слогъ: кóван, заплёван, разжóвано.

Второе спряженіе 3 лица единственнаго и множественнаго числа -ит-ат.

XVI образецъ. Въ настоящемъ времени -ит-ат; въ инфинитивѣ основа оканчивается на ѣ, которое послѣ исконно мягкихъ согласныхъ (j, ж, ч, ш, щ) переходитъ въ -а.

Такимъ образомъ, благодаря звуковому измѣненію ѣ въ а въ основѣ инфинитива, глаголы этого образца распадаются на двѣ группы, глаголовъ на -ѣть и на -ать; къ первой относятся напримѣръ сидѣть, висѣть, видѣть, ко второй лежать, дрожать, держать, пищать, слышать и т.д. Обѣ группы отличаются и въ наст. вр.; въ первой передъ и, а исконно твердыя согласныя, во второй исконно мягкія, восходящія къ смягчившимся г, к, х. Кишѣть замѣнило ожидаемое кишать.

Основа наст. вр. Въ 1-мъ лицѣ ед. числа согласныя передъ i (j) основы смягчились и перешли при этомъ: п, б, м, в, ф въ пл, бл, мл(терплю, скорблю, шумлю), д, т въ ж, ч (гляжу, сижу, верчу, лечу), с въ ш (вишу). Въ нѣкоторыхъ глаголахъ такого смягченія нѣтъ: при бдѣть не является бжу. Формы настоящ. времени: вижу, видятъ, дрожу, дрожит; причастіе настоящ. времени сидящій, лежащій, кишащій, вертящійся, терпящій; дѣеприч. сижа, лёжа, боясь, стоя, терпя́, глядя; прич. наст. вр. страдательнаго залога держимый, терпимый, слышимый. Повелительное наклоненіе: сиди́, лежи́, терпи́, вели́, держи́, дрожи́те; отъ видѣть повелительное наклоненіе не употребительно; отъ слышать употребляется слышь въ выраженіи слышь ты; отъ бояться - бойся, отъ стоять-стой.

Удареніе основы настоящаго времени или неподвижно: а) на корнѣ: ви́дя, ви́димый, слы́ша , ви́дящій, б) на окончаніи: бои́тся, боя́сь, вися́, вися́т, вишу́, стучи́т, дрожи́т, вели́ш, веля́т, веля́, кипя́т, ворчи́т, киша́т,

кипящій, торчат, торчиш, торча, пищат, пища, скрипя, скрипит. Или оно подвижно, при чемъ въ однихъ глаголахъ подвижность ударенія замѣчается въ настоящемъ времени, а именно въ 1 лицѣ идареніе падаетъ на окончаніе, а въ остальныхъ лицахъ оно ложится на корнѣ: смотрю, смотриш, терплю, терпиш, держу, держит, верчу, вертит, (въ дѣеприч. смотря, терпя, держа, вертя); въ нѣкоторыхъ же глаголахъ переносъ ударенія замѣчается только въ дѣепричастіи, гдѣ оно ложится на корнѣ: сидя, лёжа, стоя, глядя, (при глядя).

Отъ основы инфинитива: видѣть, видѣл, увидѣв, смотрѣвшіе, насмотрѣвшись, стучал, стучала, державшійся; причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога, видѣнный, слышанный, держанный, разсмотрѣнный повелѣно, умолчано. Глаголъ вертѣть образуетъ верченъ, какъ бы отъ основы верти-; отъ сидѣть въ извѣстныхъ выраженіяхъ употребляется сижено, насиженное гнѣздо, отъ основы сиди. Удареніе основы инфинитива неподвижное или на корнѣ или на примѣтѣ -а, -ѣ: видѣть, слышать; держать, мчать, смотрѣть, сидѣть, сидѣл сидѣла, висѣл, висѣла. Въ прич. страдательнаго залога удареніе переносится съ -а на предшествующій слогъ: держан; отъ повелѣть въ прич. страдат. залога находимъ съ наконечнымъ удареніемъ: повелѣно, а отъ велѣть: велѣно. О причастіяхъ верчен, сижен, образованныхъ не отъ основы инфинитива, сказано выше. Отмѣтимъ удареніе зависѣть отъ висѣть.

Отъ глагола видѣть извѣстна еще форма вишь (ишь) въ выраженіяхъ вишь-ты, вишь какъ, вишь оно и т.п.; вишь восходитъ къ первоначальному вижь 2- л. повелит. накл. при существовавшемъ нѣкогда *вимь (подобно какъ при дамь существовало дажь).

Глаголъ обидѣть сложенный отъ видѣть съ предлогомъ об; прич. страдат. залога обижен ср. указанное выше верчен. При стоять явилось

стоить съ другимъ значеніемъ: возможно, что новообразованіе это исходило изъ формъ наст. вр. стою, стоиш, стоит, стоят; отсюда 1 л. ед. числа стою и затѣмъ неизбѣжное новообразованіе стоить. О глаголѣ бѣжать см. образецъ XXI. Быть можетъ, значить замѣнило значать такъ же какъ стоить замѣнило стоять.

Большая часть относящихся сюда глаголовъ въ несложенномъ видѣ представляютъ видъ несовершенный, а въ сложеніяхъ съ предлогами видъ совершенный. Однако совершенный видъ имѣетъ глаголъ велѣть, употребляющійся и въ несовершенномъ видѣ (я этого ему не велю, хозяинъ не велит; но я велю принести, велѣно не пускать. Замѣчательно, что зависѣть имѣетъ несовершенный видъ, также ненавидѣть-вѣроятно, оба глагола книжные, церковнославянскіе.

XVII образецъ. Въ наст. вр. -ит-ат; основа инфинитива оканчивается на -и.

Звукъ -и переходитъ въ j и вліяетъ такимъ образомъ на смягченіе согласной въ двухъ формахъ въ спряженіи глаголовъ на -чть: въ 1 л. ед. числа наст. вр. передъ окончаніемъ -у (изъ ǫ), и въ прич. прош. страдат. залога передъ суффиксомъ -ен; напротивъ, передъ -е во 2 л. ед. и множ. числа, 1 л. множ. числа и въ 3 л. множ. числа наст. вр. и не переходитъ въ j; ие, иǫ (откуда иę) сливаются въ и, ę (отсюда въ русскомъ языкѣ а); итакъ носи-ǫ дало ношǫ, носи-енъ - ношен, а носиеши, носиэть, носиемъ, носиете - носиши, носить, носимъ, носите; носи-ǫть дало носиęть и далѣе носѧть (по русски носать). Мнѣ неясна причина такого различія: возможно, что оно зависѣло въ нѣкоторыхъ глаголахъ отъ различія въ удареніи и отсюда переносилось въ другіе глаголы: въ учу, учёнъ удареніе падало на ǫ, е, между тѣмъ какъ въ учиш, учат оно падало (какъ и теперь) на пред-

шествующій окончанію основы слогъ. Смягчаясь передъ j изъ i, согласныя подвергались такимъ измѣненіямъ: п, б, м, в (ф) переходили въ пл, бл, мл, вл (фл), напр. куплю, влюблён, сломлен, рѣзвлюсь, славлю (потрафлю); только въ глаголахъ церковнаго происхожденія находимъ въ причастіи страдательнаго залога сохраненіе в, м передъ -ен: затменъ, благословенъ, въ позднѣйшемъ по времени появленія глагола клеймить находимъ также клеймённый и даже клеймю (?); с, з переходятъ въ ш, ж: вожу, ношу, поражу, прошу; д, т въ русскихъ глаголахъ переходятъ въ ж, ч: рожу, хожу, сужу, шучу, колочу, сколочен, огорожен; д, т въ глаголахъ и формахъ церковнославянскаго происхожденія переходятъ въ жд, щ: осуждёнъ, предупреждёнъ (но предупрежу подъ русскимъ вліяніемъ), освящу, упрощу, рождён, прекращу, запрещён, прекращён, ограждён, вознаграждён, просвѣщён и т.д.; ст переходятъ въ щ: прощён, перемѣщён, пущу, зд въ жж (пишется зж, жд: ѣзжу, заѣзженъ, пригвождён, нагромождён. Что до задненёбныхъ, то онѣ измѣняются въ соотвѣт. шипящія во всѣхъ формахъ отъ обѣихъ основъ въ положеніи именно передъ звукомъ и: лѣчу, лѣчить, тужить, порóчатъ, перечить и т.д.

Отъ основы настоящаго времени находимъ: хорóнят, молóтишь, прошý; въ повелительномъ наклоненіи - и подъ удареніемъ: хоронѝ, учѝте, носѝ, возѝте, предупреди, рѣже въ неударномъ положеніи послѣ двухъ согласныхъ: чи́сти, кóнчи (но понятно, систематически въ сложенныхъ съ вы-: вы́проси, вы́учи и даже вы́броси, вы́краси, однако вы́ставь; не имѣющее на себѣ удареніе отпадаетъ, оставляя слѣдъ на мягкости предшествующей согласной: славь, прославьте, брось, не чванься, покрась (отъ укра́сить едва ли употребляется повелительное наклоненіе), упрочь, поставь. Послѣ гласныхъ и обычно замѣняется черезъ й устрóй, успокóй, удвóй, присвóйте; но подъ удареніемъ на-

ходимъ - и: утаи, скрои, скроите (но заклей). Причастіе настояшаго времени: говорящій, носящій, ставящій и т.д. Дѣепричастіе: нося, любя, судя, цѣня, куря и т.д., носясь, переносясь. Отъ глаголовъ совершеннаго вида образуется дѣепричастіе совершеннаго вида на -ясь: перекрестясь, устремясь, простясь, плѣнясь, лишась; дѣепричастіе совершеннаго вида на -я вышли изъ употребленія, сохранивъ лишь только въ нѣкоторыхъ нарѣчныхъ выраженіяхъ (положа, потупя, сломя, спустя и т.д.).

Удареніе основы настояшаго времени можетъ быть неподвижнымъ: а) на корнѣ напр. молвлю, ставлю, прославлю, брошу, трачу, покрашу, кончу силиться, б) на окончаніяхъ: грубят, рѣзвится, чернит, веселит, сочинят, дарим, простим, морю, поразят, оградим, морят тужит, родить, лишат, хранят, рѣшат, грѣшат. Оно бываетъ и подвижнымъ, а именно падаетъ на окончанія въ первомъ лицѣ ед. числа настояшаго времени, а также въ дѣепричастіи и причастіи и еще въ повелительномъ наклоненіи, -переносится на предшествуюшій слогъ въ 2 и 3 лицѣ ед. и множ. числа, а также въ 1 л. множ. числа; итакъ: хожу, ходя, ходяшій, ходи, но ходиш, ходятъ; сюда же: ношу, учу, хороню, брожу, курю, чиню, лѣчу, служу, поручусь, тащу, ворочу, пушу, заявлю, куплю, наступлю, потружусь, положу, загорожу, прошу, кучу, хвачу, колочу, молочу, тороплю, варю, укорочу, заплачу, и т.д. Группа глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ многочисленнѣе группы глаголовъ съ неподвижнымъ удареніемъ на окончаніи и, быть можетъ, первоначальнѣе ея; въ глаголахъ платить, садить, при переносѣ на него ударенія звукъ -а замѣняется черезъ -о; заплотит, пасодим, (въ простонарод. и областномъ языкѣ это явленіе еще болѣе распространено: падорим вмѣсто литературнаго подарим, наворим вмѣсто наварим).

Отъ основы инфинитива образуются: прошед. вр.: носил, носила; причастіе прошед. вр. носившій, учившій; дѣепричастіе совершеннаго вида: поносив, подарив, научившись, окрасившись, сохранившись, накурившись, набросившись. Причастіе страдательнаго залога прош. вр.: ношенный, захвачен, заморожен, застрѣлен, прошён, учинено, скуплено, обезчещен. -Удареніе въ формахъ произведенныхъ отъ основы инфинитива (кромѣ однако причастія страдательнаго залога) неподвижное или на корнѣ или на примѣтѣ -и: славил, славила, прославив, прославившіе; учил, учила, научив; только при родил, родила, родили, родило находимъ родила (а также: родился, родились, родилось). Въ причастіи страдательнаго залога удареніе или переносится на предшествующій суффиксу -ен - слогъ: поношен, похоронен, замѣчен, научен, запущен, заявлен, куплен, загорожен, заброшен, прихвачен, поколочен, обмолочен, заварен, укорочен, задавлен, завален, заплачен (произносится заплочен), посажен (произносится посожен), поручен, сломлен, надломлен; въ женск. родѣ то же удареніе: запущена, заявлена, заброшена, заколочена, укорочена и т.д. Или же удареніе причастія падаетъ на е въ муж. родѣ, переносясь на окончанія въ женск. сред. родѣ и во множ. числѣ: влюблён, влюблены, похоронён, похоронена, прощена, научён, научена, лишон, лишено, рождён, рождены, осуждён, осуждены, освящен, освящена и т.д. Неясно, какъ, по какому основанію распредѣляются глаголы въ обѣихъ указанныхъ группахъ.

Относящіеся къ настоящему образцу глаголы по общему правилу внѣ сложенія съ предлогами имѣютъ видъ несовершенный, а въ сложеніи съ предлогами совершенный. Но при этомъ оказываются и

исключенія. Во-первыхъ, рядъ глаголовъ, несложенныхъ съ предлогами, имѣетъ видъ только совершенный, или сохраняя видъ несовершенный, могутъ имѣть значеніе и совершеннаго вида; къ глаголамъ, имѣющимъ только совершенный видъ относятся: рѣшу, лишу, ступлю, явлю, куплю, брошу, кончу, прощу, хва́титъ (напр. по́ лбу, до весны), пущу, плѣню; къ глаголамъ, употребляющимся и въ совершенномъ и въ несовершенномъ видѣ принадлежатъ: воро́титъ (онъ воро́титъ деньги, но онъ рыло воро́титъ), роди́тъ, жени́тъ, роди́тся, жени́тся, молвитъ и, кажется, крести́тъ. Во-вторыхъ, нѣкоторые глаголы, сложенные съ предлогами, сохраняютъ видъ несовершенный: сюда относятся сложенные съ предлогами глаголы моторно-неопредѣленнаго значенія, какъ относить, выносить, заводить, выводить, привозить, вывози́ть, зала́зить, вы́лазить.

Третье спряженіе. 1-е лицо ед. числа на -м.

XVIII образецъ. Основа настоящаго времени оканчивается на согласную. Сюда относятся: дам-дать (основа наст. дад-, осн. инфин. да-): дам, дашь (вмѣсто исконнаго даси изъ дад-си), даст (изъ дас-ть), дади́м, дади́те (основа дади-извлечена изъ повелит. наклоненія, которое какъ увидимъ производится теперь отъ основы да-) даду́т (вмѣсто ожидаемаго дадят, изъ дадять). - Въ повелительномъ наклоненіи: дай, дайте (ср. не дай Богъ, подай; отъ даю́ имѣемъ давай). Отъ основы инфинитива: дал, дала́, да́ло, да́ли, про́дал, прич. страдат. залога дан, дана́, дано́, даны́, ро́здано, про́дано; дѣеприч. совершеннаго вида: зада́в; прич. прошед. времени отда́вшій, да́вшій. Подвижность ударенія основы инфинитива выражается въ томъ, что въ прошед. времени и прич. страдат. залога оно переносится въ несложенныхъ на окончанія, а въ сложенныхъ переносится на предлогъ

въ муж. сред. родѣ и во множ. числѣ, оставаясь на окончанiи въ женск.родѣ;въ глаголахъ на -ся удареніе въ прошед. времени переносится на окончаніе: дался́, удался́, удало́сь, задали́сь.

ѣм-ѣсть (основа наст.врем. ѣд-,основа инфинитива ѣд-): ѣм, ѣшь (вмѣсто исконнаго ѣси изъ ѣд-си) ѣст (изъ ѣс-ть):ѣди́м,ѣди́те (основа ѣди-извлечена изъ повелительнаго наклоненія), ѣдят, Въ повелительномъ наклоненіи: ѣшь, ѣшьте (вмѣсто ѣжь, ѣжьте). Отъ основы инфинитива: прошед.вр. ѣл, ѣла, ѣло, ѣли, съѣл, поѣли, наѣлся; прич. прошед. вр. ѣвшій; дѣеприч. поѣв, заѣв;прич. страдат. залога съѣден, изъѣдена. Удареніе въ наст. вр.на окончаніяхъ; основа инфинитива имѣетъ неподвижное удареніе на корнѣ.

Есть-быть. Формы наст. вр. вышли изъ употребленія. Сохранились только формы 3-л. ед. и множ. числа въ весьма рѣдкихъ, впрочемъ, выраженіяхъ, напр.: а есть а, также въ значеніи имѣется: тамъ всё есть, у насъ есть всё, что вамъ нужно; 3-л.мн. числа суть изрѣдко употребляется и въ значеніи 3-л. ед.числа: это не суть важно. Повелит. наклоненіе образуется отъ основы буд: будь, будьте, забудь. Дѣеприч. бу́дучи. Отъ основы буд- образуется также и буду, будеш и т.д. въ значеніи будущаго времени: забуду, побуду, добуду. Прич. буд. вр. будущій.Основа инфинитива бы; отъ нея кромѣ инфинитива произведены: был,была́, бы́ло, бы́ли, забы́ли, вы́был; прич. прошед. вр. бывшій; дѣеприч. быв, забыв, забы́вшись. Удареніе основы инфинитива подвижное: въ прошед. времени оно ложится на окончаніи въ женск. родѣ:была́, сохраняясь въ другихъ формахъ на корнѣ: бы́ло, бы́ли; въ сложенныхъ съ предлогами такой же переносъ въ женск. родѣ:добыла́, прибыла́, отбыла́, пробыла́;въ прочихъ формахъ удареніе не-

реносится на предлоги: добыл, прибыли, отбыл, пробыли; но въ забыл удареніе неподвижно: забыла, забылся.

Неправильные глаголы.

Нѣкоторыя отступленія отъ обычныхъ отношеній намъ пришлось отмѣтить уже выше. Здѣсь мы разсмотримъ преимущественно тѣ глаголы, которые образуютъ основы наст. вр. и инфинитива отъ разныхъ вообще не сочетающихся основъ, а также и тѣ, которые въ предѣлахъ наст. врем. представляютъ формы, образованныя отъ разныхъ основъ.

XIX образецъ. Относимъ сюда тѣ глаголы, которые въ настоящемъ вр. измѣняются по первому спряженію.

Глаголъ иду - идёт, идут. ту же основу находимъ въ повелит. накл. иди, идите, въ прич наст. вр. идущій, въ дѣеприч. идя, идучи. Послѣ предлоговъ иду измѣняется въ йду: найду, зайду, уйду, пойду, сойду, выйду, отойду; послѣ и -й отпадаетъ: приду; въ этихъ сложеніяхъ дѣеприч. на -а: найдя, выйдя, придя, сойдясь. Основа инфинитива ити, однако, замѣнилось формой итти, этимологически восходящей къ ид-тидри чемъ, ид - изъ основы наст. времени. Ср. найти, выйти; отмѣтимъ въ сложныхъ прич. страдат. залога найден, пройдено. Отъ этой основы не могутъ быть произведены тѣ формы, которыя обычно восходятъ къ основѣ инфинитива; эти формы производятся отъ основы шьд- (шед-въ одномъ положеніи, ш-въ другомъ); ср. шол, шла, шло, шли, пошел, вышел; прич. прошед. шедшій, вышедшій, нашедшій; дѣеприч. ушедши (діалект. произношеніе: ушодши), нашедши, вышедши. Глаголъ идти имѣетъ значеніе опредѣленно-моторное.

Глаголъ ѣду, ѣдет, ѣдут; формы повелительнаго отъ этой основы не образуются (въ противоположность областному языку) и замѣняется формами поѣзжай, поѣзжайте (отъ вообще неупотребительной основы поѣзжа-); прич. наст. вр. ѣдущій; дѣеприч. ѣдя неупотребительно, выхо-

дитъ изъ употребленія также ѣдучи. -Основа инфинитива ѣха-: прошед. ѣхал, ѣхала; прич. прошед. вр. ѣхавшій; дѣеприч. совершен. вида съѣхав, съѣхавшись, въѣхав. Глаголъ ѣхать имѣетъ значеніе опредѣленно-моторное.

Глаголъ обрящу, обрящется -(обрѣсти, обрѣстись) церковно-славянскаго происхожденія, что ясно изъ звука щ въ наст. вр. Сходствуя по образованію основы наст. вр. и инфинитива съ глаголомъ VIII образца, приведенный глаголъ представляетъ въ этихъ основахъ два разныхъ вида корня (ср. сяду-сѣсть). Глаголъ этотъ совершеннаго вида.

Глаголъ реву-ревёт, ревýт; повелит. накл. ревú; прич. ревущій, дѣеприч. неупотребительно. Инфинитивъ отъ основы ревѣ-; отсюда же ревѣл, ревѣла, ревѣвшіе, заревѣв.

Глаголъ ошибу, ошибусь - ошибёт, ошибутся, повелит. ошибись. Основа инфинитива ошиби-, отъ нея образованъ инфинитивъ ошибиться, ошибить, а также дѣеприч. ошибившись; прич. прошед. ошибившіеся, отъ этой же основы прич. прошед. вр. страдат. залога: ошúблен, зашúблен. -Рядомъ основа ошиб : отъ нея произведены прошед. время ошибся, ошиб, ошиблась, ушибся.

XX образецъ. Относимъ сюда глаголы, измѣняющіеся въ наст. вр. по второму спряженію.

Глаголъ гоню́, гóниш, гóнят; повелит. накл. гонú, загонúте, прогонúте; прич. наст. вр. гонящій, гонящійся; дѣеприч. гоня́. -Основа инфинитива гна (изъ гъна-): прошед. вр. гнал, гналá, гнáло, гнáли, гнáлся, гналóсь, гнались, прич. прошед. гнáвшій, прогнáвшій, дѣеприч. прогнав, нагнав, погнавшись; прич. страдат. залога прóгнан, загнанá, зáгнаны. Эта основа съ подвижнымъ удареніемъ, какъ видно изъ приведенныхъ формъ; но въ прошед. вр. удареніе не переносится на предлогъ (прогнáл, прогналá, прогнáли, загнáли, погнал

ся; въ прич. страдат. залога удареніе въ формахъ не женск. рода на предлогѣ (отогнан, отогнаны, но отогнана). Значеніе гоню, гнать определенно-моторное.

Глаголъ сплю, спиш, спят; повелит. накл. спи, спите; прич. наст. спящій. -Основа инфинитива -спа: прошед. спал, спала, спали; прич. прошед. спавшій; дѣеприч. поспав, выспавшись; прич. страдат. заспанный. Эта основа имѣетъ подвижное удареніе: оно переносится на окончаніе женск. рода -ла, также на -лся, -лась, -лись въ прошед. врем.; на предлогъ въ другихъ формахъ проспала, проспался, проспалась, проспались; но проспал, проспали; а также въ прич. страдат. залога заспанный.

XXI образецъ. Сюда относимъ глаголы, представляющіе въ наст. вр. двѣ основы: одну, измѣняющуюся по первому, другую по второму спряженію:

Глаголъ хочу, хочеш, хочет съ основой хоче- въ ед. числѣ, хотим, хотите, хотят - отъ основы хоти- во множ. числѣ; повелит. не употребляется , замѣняясь формой захоти; старая форма хочи исчезла (второе лицо наст. вр. хош едва ли не вмѣсто хочи, хочь, проникшихъ въ наст. вр.

Прич. наст. вр. хотящій. Дѣеприч. хотя (употребляется какъ союзъ)

. Основа инфинитива хотѣ-: хотѣл, хотѣла; хотѣвшій, захотѣвъ.

Глаголъ бѣгу 3 л. множ. числа — бѣгут; остальныя формы наст. вр; отъ основы бѣжи-: бѣжиш, бѣжит, бѣжим, бѣжите; повелит. накл. отъ основы 1 л. ед. и 3 л. множ. числа: бѣги, (вмѣсто первоначальнаго бѣзи), бѣгите; прич. наст. вр. бѣгущій; едва ли употребительно дѣеприч. бѣжа.

Основа инфинитива бѣжа-: бѣжал, бѣжала; бѣжавшій; забѣжав. Зна

ченіе бѣгу, бѣжать опредѣленно-моторное.

Глаголъ чту 3 л. множ. числа чтут; остальныя формы наст. вр. отъ основы чти-: чтишь, чтит, чтим , чтите; прич. наст. вр. чтущій.-Основа инфинитива чти-: чтил, чтила, чтившій. Рядомъ основа чт-(изъ чьт): прич. страдат. залога почтён. Въ сложенномъ почтивъ въ наст. вр. почту, а во всѣхъ остальныхъ лицахъ основа почти: почтиш, почтят. (Рядомъ извѣстенъ другой глаголъ почесть: почту, почтёт, почтут; прошед. вр. почла и т.д.).

Въ заключенiи своего курса я назову нѣсколько сочиненiй, полезныхъ при изученiи грамматики современнаго литературнаго языка.

1. В.А.БОГОРОДИЦКIЙ.Общiй курсъ русской грамматики. Изд.4-ое. Казань. 1913.

2. " " " Опытъ физiологiи общерусскаго произношенiя въ связи съ экспериминтально-фонетическими данными. Казань. 1909.

3. Ол. БРОКЪ. Очеркъ физiологiи славянской рѣчи. См. Энциклопедiя славянской филологiи, выпускъ 5.2.СПБ.1910г.

4. Е.Ѳ. БУДДЕ.Очеркъ исторiи современнаго литературнаго русскаго языка (XVII - XIX вѣкъ) въ 12 выпускѣ Энциклопедiи славянской филологiи.

5. " " Опытъ грамматики языка А.С. Пушкина. Выпускъ I-й, II и III. СПБ. 1901, 1902 и 1904 гг.См. сборникъ Отд. р. яз. и слов. томъ LXXVII.

6. " " Изъ исторiи русскаго литературнаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка. См. Журналъ М.Нар.Просв. 1901 N-2.

7. " " Значенiе Гоголя въ исторiи русскаго литературнаго языка. См. Журн. М.Нар. Просв. 1902 г. N-7.

8. С.К.БУЛИЧЪ. Церковно-славянскiе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ.СПБ.1893 г.

9. А.Х. ВОСТОКОВЪ. Русская грамматика.

10. Я.К. ГРОТЪ. Филологическiя разысканiя. 4-ое изд. СПБ.1899 г.

11. A. MAZON. Morphologie des asputs du verbe russe.Paris 1908.

12. Н.П. НЕКРАСОВЪ. О значенiи формъ русскаго глагола.

13 Д.Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ. Синтаксисъ русскаго языка. Изд. 2-е СПБ. 1912 г.

14. А.А. ПОТЕБНЯ. Изъ записокъ по русской грамматики. I. Введеніе. II. Составныя части предложенія и ихъ замѣны. Харьковъ 1888 г. III. Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго. Харьковъ 1899 г.

15. А.И. СОБОЛЕВСКІЙ. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 4-ое. СПБ. 1907 г.

16. " " " Опытъ русской діалектологіи.

17. А.И. ТОМСОНЪ. Общее языковѣдѣніе. Изд. 2-е. Одесса. 1910 г.

18. В.К. УЛЬЯНОВЪ. Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. I часть. Варшава 1891 г. II часть Варшава. 1895 г.

19. Ф.Ѳ. ФОРТУНАТОВЪ. Разборъ сочиненій Г. К. Ульянова. См. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и сл. Ѳ. LXIV.

20. " " " О залогахъ русскаго глагола. См. Изв. Отдѣленія русскаго языка и словесности 1899г. книга 1-я.

21. В.И. ЧЕРНЫШЕВЪ. Законы и правила русскаго произношенія. Изд. 2-ое. СПБ.

22. " " " Русское удареніе. Пособіе къ его изученію и употребленію.

23. " " " Правильность и чистота русской рѣчи. Опытъ русской стилистической грамматики.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Опечатки и поправки.

			Напечатано	Нужно
Стр. 6	1	снизу	змиѩ и т. д.	змиѩ, игемонѫ вм. игемоноу и т. д.
7	1	"	дѣяти	даꙗти
17	6	"	плясат	плясат'
25	9	"		точнѣе ȍло
27	4	сверху	во́рог	ворог
"	11	"	ве́ред	ᵛеред
"	7	снизу	дрог-	драг-
36	13	"	извѣстно	неизвѣстно
39	1	сверху	Всковск	Псковск.
"	3	"	Словныхъ	словахъ
"	5	"	служобныя	служобнѣй
40	12	"		одёжа
45	1	снизу	въ	Въ
46	3	"	(древнер.)	(древнер. свѣсть)
49	2	"	думыѥть	оумыѥть
50	2	"	(копьіо)	(копьіô)
51	9	"		душі, еї
52	5	сверху	Дальше	Дольше
52	2	снизу	звукомъ в	звукомъ е
55	1	"	дамчайшій	далечайшій
"	2	"	§ 25	§ 215
60	3	сверху	Это	это
64	8	"	изъ	изъ κορβανας
"	11	"	скринька изъ	скринька изъ σκρίνα, σκρίνιον

Стр.	строч.		Напечатано	Нужно
64	9	сверху	греч.	греч. φανάρι.
70	15	"	ко	но
75	3	снизу	также и)	также i)
77	13	сверху	(ла) перевернут ое	латин. перевернутое
78	шестая строка сверху должна быть отнесена на стр. 79 первой строкой.			
79	13	снизу	veľíčiná	v'el'íčiná
"	"	"	dɛs'ėt'i	d'ɛs'ėt'i
83	1	"		(при r)
85	3	"		š
88	11	"	дутень	путень
"	10	"	отвѣчаетъ	отвѣчаютъ
91	8	"	voîns'tvenai̯	vaîns'tvénai̯
92	1	сверху		m'ȧta
"	10	"	závɛś	ẓáv'ɛś
"	15	"	s'êma	s'êm'α
93	11	снизу	cyfra,	cyfrα
"	"	"	žyráfa	žyráfα
"	13	"	sył	šył
94	6	сверху	yvana	yvanα
"	1	снизу	vyskαkαvat'	vyskakαvαt'
95	11-12	сверху	словѣ	словахъ
96	8	снизу	kanditɛr	kand'it'ɛr
"	9	"	pás't'êĺ	pas't'êĺ
97	8	сверху	padd'ełat'	paddéłαt'
"	10	"	četvɛr't'	čet'v'ɛr't'
"	14	"	pad'vėnečnai̯	pad'v'ėn'ečnαi̯

			Напечатано	Нужно
Стр.	строч.			
97	1	снизу	z'êrkata	z'êrkata.
"	7	"	guskon, t'ur'ma	guskom, t'ur'ma
"	9	"	svad'ba	svad'ba
97	послѣ 8-й строки		пропускъ: 25. Передъ r' начальння язычныя согласння тверды: tr'i, zr'a, zr'et, въ индивидуальномъ произношеніи онѣ мягки не въ началѣ слова: v'êt'r'ɛnai̯, abv'êt'r'it', m'êt'r'ika.	
98	13	сверху	n'êmk'i, d'êfk'i, šsêpk'i	n'amk'i, d'efk'i, šsepk'i.
"	11	"	r'üm'k'i	r'üm'k'i
"	10	снизу	s'ér'ebrènai̯	s'ér'obr'ɛnai̯
99	5	"	na'd'ei̯us' какъ nad'eüs'	nad'êiüs какъ nad'êüs
"	2	"	zavetsá, s'n'itsá	zav'ětsá, s'n'ětsá
100	12	"	они	(они
102	3	сверху		ê передъ мягкими
"	9	"	p'er'èl'otnai̯	p'ɛr'èl'otnai̯
"	11	"	kuz'nec	kuz'n'ec
104	4	снизу	zeml'u, zemskai̯	z'eml'u, z'emska:
109	4	сверху	cčisto	čisto.
"	9	"	xod'itɛ	xod'it'ɛ
"	13	"	s'ênɛ	s'ên'ɛ
110	13	сверху	мезимая	мизинац, мезимац
111	6	"	gn'ozda	gn'ozda
"	12	"	rastrastr'opan	rastr'opan
112	1	снизу	câr'kaf'	câr'kaf'
"	9	сверху	обособовившихся	обособившихся

Напэчатано				Нужно:
Стр.	Строч.			
113	9	сверху	игу	и
117	6	снизу	опредѣляющія (α) аттрибутивныя	опредѣляющія аттрибутивныя
126	10-9	"	званенатель	знаменатель
"	10	"	атель	атель
129	8	сверху	словъ на -аго	словъ на -ало
"	8	"	съ окончаніемъ	окончаніемъ
132	2	"	сто бояръ	сто бояръ-,
140	16	"	слѣдующаго словъ	слѣдующаго состава словъ
143	6	снизу	и	не
152	8	сверху	явленіей	явленій
153	9	снизу	полы	полы́
156	7	сверху	Большая	Бо́льшая
175	11	"	на	н
190	12	"	-еще	-ище
224	8	"	зазстрѣлить	застрѣлить
227	8	снизу	проготовлять	приготовлять
235	12-13	сверху	находили	находимъ

